



ООО «Наука и образование»



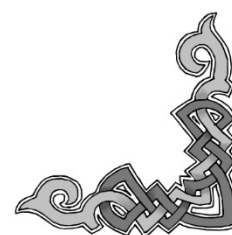
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru



**№ 3
2022**





**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**



2022, № 3

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350005, Краснодарский край, г. Краснодар, переулок Народный, д. 2/1, оф. 6

Электронный адрес: milena.555@mail.ru



РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета:

Осипов Геннадий Васильевич, академик Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Заместители председателя редакционного совета по работе со студентами, магистрантами, аспирантами:

Хунагов Рашид Думаличевич, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института комплексных проблем Адыгейского государственного университета;

Гугуева Дарья Александровна, (по работе со студентами, магистрантами, аспирантами), кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета, Республика Армения;

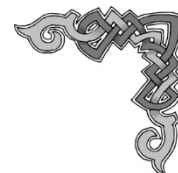
Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения учебно-образовательного центра Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Эссентукского института управления, бизнеса и права;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;



EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Gennady V. Osipov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Deputy Chairman of the Editorial Board for Work with Students, Masters, Graduate Students:

Rashid D. Hunagov, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Complex Problems of the Adygea State University;

Darya Gugueva, (for work with students, undergraduates, postgraduates), Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Branch and Applied Sociology of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State University of Economics, Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Center for the Study of Social Structure and Social Stratification of the Educational Center of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Vladimir N. Grishay, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of General Humanitarian and Natural Sciences of the Essentuki Institute of Management, Business and Law;

Alexander Viktorovich Dyatlov, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Regional Management of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;





Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный юрист Кубани, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики Кубанского государственного университета;

Кареева Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, руководитель Отдела оперативных исследований, заместитель руководителя Центра социологии и экономики знания Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

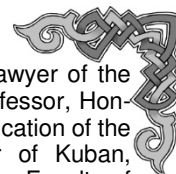
Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент) Киргизско-Российского славянского университета. г.Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимательства;

Куемжиева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;



Zelensky V. Dmitriyevich, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of Kuban, Head of Master's degree programs of the Faculty of Law of Kuban Agrarian University;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sociology, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of Journalism of Kuban State University;

Svetlana G. Karepova, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Operational Research Department, Deputy Head of the Center for Sociology and Economics of Knowledge of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Aynura A. Kocherbayeva, Doctor of Economics, Professor, Head of the PLO «Economics and Management of the National Economy» (management) Kyrgyz-Russian Slavic University. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konvalov, Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Professor of the Rostov Institute for the Protection of Entrepreneurship;

Svetlana A. Kuemzhieva, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Private Law and Business Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Svetlana A. Markova-Murasheva, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory, History of State and Law of Kuban State University;

Sergei A. Nevsky, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Scientific Work, Head of the Research Center № 1;





Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образжиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации;

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия;

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор филологических наук, профессор;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, академик РАН, профессор, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, курс-лидер по направлению уголовное право Югорского государственного университета;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и конституционного права Краснодарского университета МВД России;



Narbut N. Petrovich, Doctor of Sociology, Professor, First Deputy Dean, Head of the Department of Sociology of the Peoples' Friendship University of Russia;

Konstantin V. Obrazhiyev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Mr. Dawei, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences. People's Republic of China;

Yury E. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice;

Vitaly S. Pusko, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor;

Anna I. Romanova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Management in Urban Economy of Kazan State University of Architecture and Civil Engineering;

Irina N. Rykova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Industrial Economics of the Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Sergey I. Samygin, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Personnel Management and Sociology of Rostov State University of Economics;

Anatoly N. Silin, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the West Siberian Branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences;

Irina V. Snimshikova, Honored Scientist of Kuban, Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Financial Management of the Kuban State Technological University named after I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, Doctor of Law, Professor, Course Leader in Criminal Law at Ugra State University doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university;

Andrey R. Tuzikov, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration of Kazan National Research Technological University;

Ivan V. Uporov, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Administrative and Constitutional Law of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;



Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, руководитель Центра международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик Российской академии наук, доктор социологических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Insur Z. Farkhutdinov, Doctor of Law, Head of the Center for International Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «Eurasian Legal Journal»;

Evgeny M. Kharitonov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Director of the All-Russian Rice Research Institute.



СОДЕРЖАНИЕ:



СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Балич Н.Л. Зарубежные теории конструктивизма и их применимость к изучению религиозной идентичности	15
Ваторопин А.С., Ваторопин С.А., Тепляков И.И. Виртуальное социальное поле в условиях геополитического кризиса 2021–2022 гг.: агенты и социальные практики	19
Вислогузов П.А. Процессы реализации социального механизма мотивации и стимулирования труда военнослужащих	25
Волков Ю.Г., Кривопусков В.В., Лукичев П.Н., Люев А.Х., Мищенко Д.Н. Теоретическое пространство изучения профессиональной мобильности российской молодежи и управления ею в условиях новой информационной эпохи	28
Гарнага А.Ф., Задвернюк Л.В., Панчук Н.Н. Город как системы потоков. Линейные города	33
Го Хуэйянь Идеологическая функция графической рекламы в Китае	39
Даниелян М.Г., Метелькова Л.А. Особенности социокультурной адаптации студентов в многонациональной среде вузов России	46
Денисов А.М. Особенности реализации отдельных типов операционных моделей управления персоналом в современных организациях	49
Дорофеев Д.В. К вопросу о регулировании социальной напряженности в воинских коллективах	54
Мартыненко С.В., Каропова С.Г. Генезис девиантного поведения личности в условиях социо-культурных трансформаций	59
Тамицкая Е.Н. Историческое сознание молодежи Архангельской области (на материалах социологического исследования)	65
Тищенко А.В. Правовая культура как фактор и объект регулирования общественных отношений органами внутренних дел	69
Усова Л.В., Заболотских Т.Б. Анализ состояния здоровья населения и уровень инвалидизации в Российской Федерации	72
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Бабанина Д.В. Понятие «криминальная субкультура»	81
Васильева Я.Ю. Актуальные проблемы назначения наказания лицам, осужденным за экологические преступления	86
Вишневецкий К.В., Кашкаров А.А., Кашкаров А.А. Общественная опасность и криминализация создания, размещения, обслуживания и использования имитации информационного ресурса в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет» (Ч. 1)	90
Возняк Г.Н., Гарбовская Н.Б., Землякова Н.В. Лингвистическая экспертиза в гражданском и уголовном судопроизводстве	96

Гаевой А.И., Буланая А.В. Видеозапись как одно из наиболее эффективных технично-криминалистических средств, применяемых в следственной тактике. Современные проблемы правовой регламентации	102
Гаранина Ю.Ю. Преступление небольшой тяжести как категория общественной опасности	105
Зяблова Т.Е., Комарова Я.Б. Юридическая техника в международном праве как вид юридической техники	109
Казарин Д.М., Рябчиков В.В. Отдельные вопросы соблюдения принципа презумпции невинности в уголовном процессе	113
Князева О.В. Взаимосвязь пенитенциарной субкультуры с криминальной на современном этапе	116
Леонова Т.В. К вопросу о признании в качестве доказательств сведений, полученных в процессе международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства	119
Магомадова Э.И., Эльмурзаев С.М. Гражданско-правовая ответственность за правонарушения в сети Интернет	122
Максимова К.Л., Прибыткова А.А. Особенности расследования преступлений в период режима повышенной готовности к чрезвычайной ситуации	125
Максимова К.Л., Екушова В.А. Особенности расследования уголовных дел, связанных с экологическими бедствиями в Российской Федерации	128
Михайлов А.Е., Зыков Д.А., Стариков А.П. Отдельные аспекты обеспечения прав и свобод лиц с негативными изменениями психической деятельности при профилактике посткриминального преступного поведения: анализ законодательства стран СНГ	131
Пережогина Г.В., Шапель А.И. Некоторые вопросы уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации (ст. 207.1 и 207.2 УК РФ)	135
Присич И.В. Сравнительный анализ правового регулирования наказания в виде ограничения свободы в законодательстве России и Республики Беларусь	140
Простосердов М.А. Проблемы реализации принципа законности в санкциях норм Особенной части УК РФ	145
Рахимов А.И. Идеальные следы преступления и их классификация	150
Рябова Н.В. Тенденции снижения компьютерной преступности в Российской Федерации	153
Савин А.А., Семенов С.А. Ответственность за половые преступления в отечественном законодательстве: история и современное состояние	157
Сергеев А.Л. Доктрина кубинского социализма: этико-правовой аспект политического лидерства	160
Сосновская Л.Р. Организационно-методические основы антикоррупционного мониторинга в международной практике	164
Факов А.М. Методологические основы исследования финансирования террористической деятельности	169
Чимаров С.Ю. Вопросы истории права в концептуальных суждениях Фридриха Вильгельма Ницше	175
Чимаров С.Ю., Алексеев А.А., Душкина О.Н. Историко-правовой анализ пределов функционирования рабоче-крестьянской милиции в контексте нормативных установлений региональных (местных) органов Советской власти и отчетов губернских управлений милиции (1918–1920-е гг.)	178

Шаназарова Е.В., Савельева О.Е. Ипотечное кредитование в России: развитие и перспективы	182
Шуринов В.В. Криминологическая характеристика общественной опасности преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд	185
Шухов Ф.Г., Усикова Е.А. Правовой статус болот: пробелы в законодательстве и проблемы для экологии	190
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Барашева Е.В., Очирова П.И., Степаненко А.С. Перспективы развития цифрового рубля	197
Брызгалова И.В. Об инвестиционных процессах в мире и России в годы пандемии COVID-19	201
Джалили А.К. Механизмы финансовых технологий на мировом финансовом рынке	205
Каримов Б.Н. Перспективы российских инновационных предприятий в современных экономических условиях	209
Машин Д.В. Современная методология измерения экономического роста	214
Мерзлякова М.Е. Оценка конкурентоспособности американского бренда декоративной косметики Kylie Cosmetics на российском рынке	218
Мушников Д.Л., Перминова Т.В., Стоюнина Е.Н., Волосатова Л.Н. Современные проблемы развития внутреннего контроля налоговых обязательств в организациях	228
Мэн Сюе, Мадиярова Д. Развитие торгово-экономических отношений стран-участниц БРИКС	232
Мяо Юнтао Исследование состояния развития трансграничной электронной коммерции в Китае и России	236
Нехайчук Д.В., Климчук С.В., Боровский В.Н., Майданевич Ю.П. Использование динамических моделей управления временными лагами в системе финансовых трансформаций	238
Пастухов М.А., Кривнев А.И. Оценка экономической эффективности вторичной переработки пластика в обустройстве автомобильных дорог	242
Пермяков М.В., Котов В.В., Балеевских Ф.В. Влияние COVID-19 на экономику России	246
Суржиков М.А., Усенко А.М., Самыгин С.И. Качество человеческих ресурсов как основа конкурентоспособности организации в управлении персоналом	249
Ушаков Р.М. Организация наукоемких производств в условиях дотационного региона	253
Чжао Пэйци Телемаркетинг в современном Китае	257



CONTENTS:



SOCIOLOGICAL SCIENCES

Natallia L. Balich

Foreign theories of constructivism and their applicability
to the study of religious identity 15

Alexander S. Vatoropin, Sergey A. Vatoropin, Igor I. Teplyakov

Virtual social field in the context of geopolitical crisis
2021–2022: agents and social practices 19

Peter A. Visloguzov

The processes of implementation of the social mechanism of motivation
and stimulation of the work of military personnel 25

**Yury G. Volkov, Victor V. Krivopuskov, Pavel N. Lukichev,
Azamat Kh. Lyuev, Dmitry N. Mishchenko**

Theoretical space for the study of professional mobility of russian youth
and its management in the conditions of the new information age 28

Anastasia F. Garnaga, Lyudmila V. Zadvernyuk, Natalia N. Panchuk

The city as a system of flows. Linear cities 33

Guo Huiyan

The Ideological Function of Graphic Advertising in China 39

Mary G. Danielyan, Liliia A. Melelkova

Peculiarities of students' socio-cultural adaptation
in the multinational environment of Russian universities 46

Alexander M. Denisov

Features of the implementation of certain types of operational models
of personnel management in modern organizations 49

Dmitry V. Dorofeev

On the regulation of social tension of military environment 54

Sergey V. Martynenko, Svetlana G. Karepova

Genesis of deviant personality behavior in the context
of socio-cultural transformations 59

Ekaterina N. Tamitskaya

Historical Consciousness of the Youth of the Arkhangelsk Region
(on materials of sociological research) 65

Alexander V. Tishchenko

Legal culture as a factor and object of regulation of public relations
of the ministry of internal affairs 69

Lyubov V. Usova, Tatyana B. Zabolotskikh

Public health analysis and disablement level in the Russian Federation 72

JURISPRUDENCE

Daria V. Babanina

The concept of «criminal subculture» 81

Yana Yu. Vasilieva

Actual problems of sentencing persons convicted of environmental crimes 86

Kirill V. Vishnevetskiy, Alexey A. Kashkarov, Alexander A. Kashkarov

Public danger and criminalization of the creation, placement, maintenance
and use of an imitation of an information resource in information
and telecommunication networks, including the Internet (Part 1) 90

Galina N. Wozniak, Nadezhda B. Garbovskaya, Ninel V. Zemlyakova

Linguistic expertise in civil and criminal proceedings 96

Alexander I. Gaevoy, Alina V. Bulanaya Video recording as one of the most effective technical and forensic tools used in investigative tactics. Modern problems of legal regulation	102
Yulia Yu. Garanina A minor crime as a category of public danger	105
Tatiana E. Zyablova, Yana B. Komarova Legal technique in international law as a type of legal technique	109
Daniil M. Kazarin, Vadim A. Ryabchikov Individual issues of compliance with the principle of presumption of innocence in criminal proceedings	113
Olga V. Knyazeva The relationship of the penitentiary subculture with the criminal at the present stage	116
Tatyana V. Leonova On the issue of Recognition as Evidence of Information Obtained in the Process of International Cooperation in the Sphere of Criminal Proceedings	119
Elsa I. Magomadova, Saidamin M. Elmurzaev Civil liability for offenses on the Internet	122
Kristina L. Maksimova, Alexandra A. Pribytkova Features of the investigation of crimes during the emergency preparedness regime	125
Kristina L. Maksimova, Veronika A. Ekushova Features of the investigation of criminal cases related to environmental disasters in the Russian Federation	128
Alexey E. Mikhailov, Daniil A. Zykov, Alexander P. Starikov Certain aspects of ensuring the rights and freedoms of persons with negative changes in mental activity in the prevention of post-criminal criminal behavior: analysis of the legislation of the CIS countries	131
Galina V. Perezhogina, Anastasiya I. Shapel Some questions of criminal liability for the public dissemination of deliberately false information (Articles 207.1 and 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation)	135
Irina V. Prisich Comparative analysis of the legal regulation of punishment in the form of restriction of freedom in the legislation of Russia and the Republic of Belarus	140
Mikhail A. Prostoserdov Problems of the implementation of the principle of legality in the sanctions of the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation	145
Artem I. Rakhimov Ideal traces of crime and their classification	150
Natalia V. Ryabova The tendencies of eliminating of computer crime in Russian Federation	153
Andrey A. Savin, Sergei A. Semenov Responsibility for sexual crimes in domestic legislation: history and current state	157
Alexander L. Sergeev The Doctrine of Cuban Socialism: the ethical and legal aspect of political leadership	160
Leysan R. Sosnovskaya Organizational and methodological foundations of anti-corruption monitoring in international practice	164
Azamat M. Fakov Methodological Basis for the Study of Terrorist Financing	169
Sergey Yu. Chimarov Questions of the history of law in the conceptual judgments of Friedrich Wilhelm Nietzsche	175
Sergey Yu. Chimarov, Alexey A. Alekseyev, Olga N. Dushkina Historical and legal analysis of the limits of the functioning of the working peasant militia in the context of regulatory establishments regional (local) bodies of Soviet power and reports provincial police departments (1918–1920s)	178

Elena V. Shanazarova, Olga E. Savelyeva Mortgage lending in Russia: development and prospects	182
Vladislav V. Shurinov Criminological characteristics of the public danger of crimes in the field of procurement of goods, works, services to meet state or municipal needs	185
Fedor G. Shukhov, Eva A. Usikova The legal status of swamps: gaps in legislation and problems for the environment	190
ECONOMIC SCIENCES	
Elena V. Barasheva, Polina I. Ochirova, Alexey S. Stepanenko Prospects for the development of the digital ruble	197
Irina V. Bryzgalova On investment processes in the world and Russia during the years of the COVID-19 pandemic	201
Abdul Q. Jalili Mechanisms of financial technologies in the global financial market	205
Bulat N. Karimov Prospects of russian innovative enterprises in modern economic conditions	209
Dmitrii V. Mashin Modern methodology for measuring economic growth	214
Mariia Y. Merzliakova Assessment of the competitiveness of the American brand of decorative cosmetics Kylie Cosmetics on the Russian market	218
Dmitry L. Mushnikov, Tatyana V. Perminova, Elena N. Stoyunina, Lyubov N. Volosatova Modern problems of development of internal control of tax liabilities in organizations	228
Meng Xue, D. Madiyarova Development of BRICS economic and trade relations	232
Miao Yongtao Research on the state of development of cross-border e-commerce in China and Russia	236
Dmitry V. Nekhaychuk, Svetlana V. Klimchuk, Vladimir N. Borovsky, Yulia P. Maydanevich Use of dynamic models of time logs management in the system of financial transformations	238
Maksim A. Pastukhov, Anton I. Krivnev Assessment of the economic efficiency of plastic recycling in the construction of highways	242
Maxim V. Permyakov, Vasily V. Kotov, Fedor V. Baleevskikh The impact of COVID-19 on the Russian economy	246
Mikhail A. Surzhikov, Anastasia M. Usenko, Sergei I. Samygin Quality of human resources as the basis of competitiveness of the organization in hr management	249
Ruslan M. Ushakov Organization of scientific industries in the conditions of a subsidiated region	253
Zhao Peiqi Telemarketing in modern China	257

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Балич Наталья Леонидовна
кандидат социологических наук,
доцент,
отдел региональной социологии,
Институт социологии
Национальной академии наук Беларуси
n.balich@mail.ru

ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕОРИИ КОНСТРУКТИВИЗМА И ИХ ПРИМЕНИМОСТЬ К ИЗУЧЕНИЮ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье представлен обзор зарубежных концепций конструктивизма, обоснована их применимость к исследованиям религиозной идентичности. В системно-статистической теории конструктивизма (Б. Андерсон, П. Брасс, Д. Эллер, Р. Кохлан, Ф. Барт [и др.]) отрицается влияние естественных законов на процесс формирования идентичности, учитываются исторические, культурные, социальные, политические факторы. Религиозные, национальные, этнические общности рассматриваются как социальные конструкты, возникающие и функционирующие, благодаря целенаправленным усилиям со стороны людей. В завершении публикации автором сделан вывод об определяющей роли активного построения образов, представлений, значимых событий через индивидуальное познание индивидом социальной реальности, принимая во внимание когерентность культурных систем во взаимосвязи национального, этнического, религиозного факторов.

Ключевые слова: религиозная идентичность, этническая идентичность, национальная идентичность, конструктивизм.

Среди различных теорий религиозной идентичности в современном социо-гуманитарном знании социологии ближе те, которые учитывают влияние социальной среды на формирование взглядов, предпочтений, убеждений, образа жизни индивида. Религиозная идентичность формируется и закрепляется в результате успешной идентификации, когда индивид соотносит и отождествляет себя с той религиозной группой или общностью, которую он воспринимает и оценивает в качестве своей.

Обращение к конструктивистскому подходу связано с его возможностями исследовать религиозную идентичность в качестве социального конструкта. «Конструктивизм» (от англ. *Constructive* – созидательный, творческий, строительный, конструктивный) развивался в различных направлениях социогуманитарных наук в 1960–70-х гг. Идейные основы конструктивизма представлены

Natallia L. Balich
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor
Department of Regional Sociology,
Institute of Sociology of the National
Academy of Sciences of Belarus
n.balich@mail.ru

FOREIGN THEORIES OF CONSTRUCTIVISM AND THEIR APPLICABILITY TO THE STUDY OF RELIGIOUS IDENTITY

Annotation. The article presents an overview of foreign concepts of constructivism, substantiates their applicability in the study of religious identity. In the system-statistical theory of constructivism (B. Anderson, P. Brass, D. Eller, R. Cohan, F. Barth, [et al.]), the influence of natural laws on the process of identity formation is denied, historical, cultural, social, political factors are taken into account. Religious, national, ethnic communities are considered as social constructs that arise and function due to purposeful efforts on the part of people. The conclusion is made about the decisive role of the active construction of images, ideas, significant events through the individual's knowledge of social reality, taking into account the coherence of cultural systems in the relationship of national, ethnic, religious factors.

Keywords: religious identity, ethnic identity, national identity, constructivism.

в теории П. Бергера и Н. Лукмана, обосновывающих идентичность как результат искусственного формирования, сконструированного в процессе целенаправленной деятельности индивидов, их социального взаимодействия, социальной активности и самопознания на протяжении всей жизни. Внимание авторов сфокусировано прежде всего на повседневной реальности и ее осмыслении индивидами, вступающими в социальное взаимодействие. Идентичность является социальным продуктом, возникающим из диалектической взаимосвязи индивида и общества [1].

Сторонниками конструктивизма (в отличие от примордиализма) отрицается влияние естественных законов на процесс построения идентичности, но в некоторой степени учитываются исторические, культурные, социальные, политические факторы. Главная роль в формировании религиозной идентичности принадлежит активному

построению образов, представлений, значимых событий через индивидуальное познание индивидуальной социальной реальности.

Таким образом, идентичность – не данность, присущая изначально, а результат созидания. Конструктивизм основывается на выделении признаков (маркеров) общности, позволяющих отличить представителей одной религии или этноса от другого. В частности, этническими маркерами являются: внешний (физический) облик, название этноса, религия, язык общения и т.д. При этом этнические маркеры имеют общесоциальный, а не этнический характер, и их формирование зависит от социально-политической, экономической, культурной ситуации, в которой оказывается индивид.

Множество теорий конструктивизма условно делятся на три основные ветви:

- конструктивизм в узком смысле: язык, культура и способы категоризации мира;
- радикальный конструктивизм: коммуникация, самоорганизация, построение моделей мира;
- социальный конструктивизм: сообщество, дискурс и формирование идентичности [2].

Дифференциация конструктивизма на умеренный и радикальный не является общепризнанным подходом, но позволяет более четко обозначить внутреннюю разнородность интерпретаций, представленных в данном теоретическом лагере [3, с. 146].

В системно-статистической теории конструктивизма часто противопоставляется примордиализму. В основе религиозной идентичности – когерентность культурных систем во взаимосвязи национального, этнического, религиозного факторов (Б. Андерсон, П. Брасс, Д. Эллер, Р. Кохлан, Ф. Барт, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум [и др.]). Религиозность, этничность рассматриваются в качестве социальных конструктов и навязанной социальности, формируемых и закрепляемых под влиянием языка, реформаций, обращения к синкретизму, деятельности государства.

Б. Андерсон в книге «Воображаемые сообщества» связывал нации и национализм с трансформациями в универсальных культурных системах, к которым относил религию, язык, империю. Национальные и религиозные сообщества он описывал как воображаемые, культурные артефакты. Собираемый образ национального сообщества является воображенным, поскольку представители даже самой малочисленной нации «никогда не будут знать большинства своих собратьев по нации, встречаться с ними или даже слышать о них» [4, с. 47].

Великие сакральные культуры – исламская Умма (от Марокко до архипелага Сулу), христианский мир (от Парагвая до Японии), буддистский мир (от Шри-Ланки до Корейского полуострова), а также конфуцианство олицетворяют собой представления о глобальных сообществах прошлого, которые являются основой религиозной идентичности

и могли быть сформированы благодаря священному языку и скрижалям, реальность их зависела от идеи не случайности знака. В скрижалях запечатлена ценная информация о представлениях, событиях (датах) или явлениях, значимых для представителей определенной религии и культуры.

Идея Андерсона подтверждается историческими фактами запечатления священных текстов на скрижалях в христианстве и иудаизме (Скрижали Завета, согласно библейскому сказанию, представляли 10 заповедей-предписаний и были высечены на двух каменных скрижалях Богом и переданы Моисею); в исламе Хранимая скрижаль олицетворяет Божественное знание и предопределение для всего сущего, сотворенного Аллахом; в буддизме Нефритовые скрижали (Юйлибаочао) – памятники литературы, популярные «добрые книги» отражают китайские народные представления о загробном мире, являются наглядным поучением за нарушение норм буддийской морали (в настоящее время синтез буддийских, даосских и местных верований).

Привилегированной системой репрезентации религиозных идей и убеждений в рамках одной религиозной системы (христианство, ислам, буддизм) являются церковные языки – латинский, коранический арабский, экзаменационный китайский, через которые, согласно Б. Андерсону, постижима онтологическая реальность, поскольку эти языки, в отличие от национализма, пропитаны импульсом к обращению, природа человеческого бытия поддается сакральной обработке: «варвар становится подданным «среднего государства», рифф – мусульманином, а илонго – христианином» [4, с. 59].

Однако со времен позднего Средневековья спонтанная когерентность религиозно воображаемых сообществ постепенно угасала. *Первой причиной* данного явления Андерсон считал освоение неевропейского мира, которое в европейских и других странах привело к резкому расширению культурного и географического горизонта, а, соответственно, и представлений о существующих укладах человеческой жизни (что отражено в европейских книгах о путешествиях). В частности, венецианский христианин Марко Поло описал Кублайхана, который, вступив в Кабалу и прожив там долгое время, публично целовал священные книги (баронам и князьям, бывшим там, приказывал делать то же) в главные праздники христиан – на Пасху и Рождество, а также, в главные праздники сарацин, иудеев и идолопоклонников, выражая почтение четырем пророкам, которым молятся и которых почитают в мире. Смысл таких действий Кублай-хан видел в следующем: «Христиане говорят, что Бог их Иисус Христос, сарацины – Мухаммед, иудеи – Моисей, идолопоклонники – Согомом-баркан (Шакьямуни-бархан), первый бог идолов. Я молюсь и почитаю всех четырех, дабы тот из них, кто на небе старший воистину, помогал мне» [4, с. 62].

Второй причиной угасания спонтанной когерентности религиозно воображаемых сообществ

Андерсон видел постепенное падение статуса самого священного языка (например, в средневековой Западной Европе латинский был единственным языком, которому обучали в то время) [4, с. 61–64].

Профессор политологии и международных исследований Вашингтонского университета в Сизтле, специалист в области сравнительной и южноазиатской политики, этнической политики и коллективной насильственной примордиальной привязанности некоторых индивидов вследствие знания и общения на двух языках, смены языка общения без осознания какой-либо утраты, а также, утраты эмоционального чувства привязанности к месту рождения и родства вследствие массовой миграции. Религии, по мнению ученого, «не менее подвержены изменениям... под влиянием реформаторов, а также при массовых обращениях к синкретизму» [5, с. 37]. П. Брасс не отрицал возможности примирения теорий примордиализма и конструктивизма в том случае, если в основе различий между религиозными и этническими группами признать богатство культурных традиций, традиционных институтов и социальных структур [5].

В книге «Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison» П. Брасс на разнообразных многонациональных примерах с акцентом на Южную Азию, Восточную Европу и Советский Союз предлагает свою концепцию формирования этнической идентичности и современного национализма, в основе которой заложено суждение о том, что этничность и национализм являются социальными и политическими конструкциями, неразрывно связанными с деятельностью современного централизованного государства. Принадлежность к этносу, а также, такие явления, как национализм, межэтнические конфликты и сепаратистские движения, согласно теории Брасса, были основными силами, формирующими современный мир, а также структуру и стабильность современных государств [6].

Американские антропологи, социологи и конструктивисты Джек Эллер и Рид Кохлан подвергли критике идеи примордиализма, считали, что они не имеют отношения к социологическим исследованиям и не поддаются анализу, поскольку в данной теории примордиальные привязанности и чувства к общности предшествуют разным формам социального взаимодействия. Они являются невыразимыми, имеют эмоциональную, аффективную, биологическую природу, а значит, выносятся за рамки социально сконструированной общности на основе эмоций и уз. Среди различных эмпирических исследований они приводят множество примеров, доказывающих формирование «новых примордиалий», которые были социально сконструированы и подвержены обновлениям в соответствии с меняющимися условиями. Социобиологические объяснения примордиализма, по мнению Эллера и Кохлана, «становятся последним оплотом всякой попытки исследования, как и ее тупиком» [7, с. 192]. Поскольку термин «примордиализм» несоциологичен, неаналитичен и бессмыслен, Эллер и Кохлан в своих трудах выступили за исключение его из социологического лексикона.

Концепция этнических границ и причин их устойчивости норвежского социального антрополога Ф. Барта демонстрирует генеративный подход к изучению процессов, способствующих появлению этнических, религиозных групп и групп, поддерживающих их сохранность. Этничность, по Барту, – это форма социальной организации, которая проявляется в результате социальных и культурных процессов.

Выделив классические для социальной антропологии признаки этнической группы (этническая группа – замкнутое сообщество, в основе формирования идентичности – относительная изоляция, непринятие другого, разделение общества на «своих» и «чужих» и др.), Барт выдвигает ряд аргументов относительно неверности такого понимания. Он вводит понятие «границы этнических групп» и предлагает сфокусировать исследовательское внимание на взаимодействии и взаимообмене между этническими группами в ситуации культурного диалога, а не противопоставления, отчуждения и изоляции. Важность такого видения Барт подкрепляет суждением, что устойчивость границ сегодня не является проблемой, а изолированность, определяемая расовыми, культурными различиями и языковыми барьерами, лишь условна. Современный мир сложно представить из отдельных народов, организованных в такие сообщества, «которые в целях описания могут быть оторваны от целого и представлены как отдельные острова» [8, с. 12].

Среди российских исследователей и теоретиков конструктивизма следует выделить В.А. Тишкова. Работая над Концепцией национальной политики Российской Федерации, разработчики, включая Тишкова, приняли решение вместо термина «нация» использовать понятия «народы», «национальности», «этнокультурные», или, «национальные общности» как синонимы, а не как жесткую иерархию. В Концепции с позиции конструктивизма формулируется понятие народа, общности людей, «члены которой разделяют общее название и элементы культуры, прежде всего, язык, имеют общее происхождение и историческую память, обладают чувством солидарности» [9, с. 17].

Обзор зарубежных концепций конструктивизма показал, что, несмотря на преимущественное внимание исследователей к вопросам формирования этнической и национальной идентичности, конструктивистский подход применим в изучении религиозной идентичности. Он дает возможность исследовать религиозную идентичность в качестве социального конструкта, а индивида – как часть данной конструкции с учетом когерентности культурных систем во взаимосвязи национального, этнического, религиозного факторов.

Формирование религиозной идентичности происходит через активное построение образов, представлений, маркеров, значимых событий, а также через индивидуальное познание индивидом

социальной реальности. Религиозные маркеры имеют общесоциальный характер, и их формирование зависит от социально-политической, экономической, культурной ситуации, в которой оказывается индивид.

В заключение можно сделать вывод о том, что методологический конструкт множественной иден-

Литература:

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии сознания / П. Бергер; Пер. Е.Д. Руткевич. М. : Медиум, 1995. 323 с.
2. Улановский А.М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация / А.М. Улановский // Вопросы психологии, 2009. № 2. С. 35–45.
3. Низамова Л.Р. Сложносоставная концепция современной этничности: пределы и возможности теоретического синтеза / Л.Р. Низамова // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. XII. № 1. С. 141–159.
4. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С.П. Баньковской. М. : Кучковополе, 2016. 416 с.
5. Brass P. Elite groups, symbol manipulation and ethnic identity among the Muslims of South Asia / P. Brass, D. Taylor, M. Yapp // Political Identity in South Asia. Dublin : Curzon Press, 1979. P. 35–77.
6. Brass P. Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison. SAGE Publ. Pvt. Ltd; 1st edition, 1991. 360 p.
7. Eller J. The poverty of primordialism: the demystification of ethnic attachments / J. Eller, R. Coughlan // Ethnic and Racial Studies, 1993. № 16(2). P. 183–202. URL : file:///C:/Users/User_914/AppData/Local/Temp/EllerandCoughlan--PovertyofPrimordialismdemystificationofethnicattachments.pdf (дата обращения 10.02.2022).
8. Барт Ф. Введение / Ф. Барт; Под ред. Ф. Барта; Пер.с англ. И. Пильщикова // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сб. статей. М. : Новое издательство, 2006. С. 9–48.
9. Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России. Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» Ин-та этнологии и антропологии РАН. Док. № 100 / В.А. Тишков; Отв. ред. [и др.]. М. : УОП Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1996. 38 с.

тичности может быть использован в изучении религиозной идентичности в контексте конструирования социальной реальности, однако, следует уделить внимание обоснованию значимости религиозной среди множества других идентичностей, конструируемых в процессе социального взаимодействия.

Literature:

1. Berger P. Social construction of reality: a treatise on the sociology of consciousness / P. Berger, N. Lukman Transl. E.D. Rutkevich. M. : Medium, 1995. 323 p.
2. Ulanovsky A.M. Constructivism, radical constructivism, social constructivism: the world as interpretation / A.M. Ulanovsky // Psychology issues. 2009. № 2. P. 35–45.
3. Nizamova L.R. Complex concept of modern ethnicity: limits and possibilities of theoretical synthesis / L.R. Nizamova // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2009. Vol XII. № 1. P. 141–159.
4. Anderson B. Imaginary communities. Raz-thinking on the origins and spread of nationalism / B. Anderson; Transl. from English by V. Nikolaev; Introductory article by S.P. Bankovskaya. M. : Kuchkovopol, 2016. 416 p.
5. Brass P. Elite groups, symbol manipulation and ethnic identity among the Muslims of South Asia / P. Brass, D. Taylor, M. Yapp // Political Identity in South Asia. Dublin : Curzon Press, 1979. P. 35–77.
6. Brass P. Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison. SAGE Publ. Pvt. Ltd; 1st edition, 1991. 360 p.
7. Eller J. The poverty of primordialism: the demystification of ethnic attachments / J. Eller, R. Coughlan // Ethnic and Racial Studies, 1993. № 16(2). P. 183–202. URL : file:///C:/Users/User_914/AppData/Local/Temp/EllerandCoughlan--PovertyofPrimordialismdemystificationofethnicattachments.pdf (дата обращения 10.02.2022).
8. Barth F. Introduction / F. Barth; Ed. F. Barth; trans. from English I. Pilshchikova // Ethnic groups and social boundaries. Social organization of cultural differences. Collection of articles. M. : New publishing house, 2006. P. 9–48.
9. Tishkov V.A. Conceptual evolution of national policy in Russia. Series «Research on Applied and Emergency Ethnology» of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Doc. № 100 / V.A. Tishkov; Responsible Editor [et al.]. M., EEP of the Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, 1996. 38 p.

Ваторопин Александр Сергеевич

доктор социологических наук,
доцент,
профессор кафедры
теории и социологии управления,
Уральский институт управления – филиал
Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
vatoropin-as@ranepa.ru

Ваторопин Сергей Александрович

кандидат социологических наук,
доцент кафедры управления персоналом,
Уральский институт управления – филиал
Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
vatoropin-sa@ranepa.ru

Тепляков Игорь Игоревич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного права,
Уральский институт управления – филиал
Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
teplyakov-ii@ranepa.ru

**ВИРТУАЛЬНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛЕ
В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО
КРИЗИСА 2021–2022 ГГ.:
АГЕНТЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ**



Аннотация. В статье рассматривается развитие и трансформация виртуального социального поля в контексте геополитического кризиса 2021–2022 гг. («виртуальное геополитическое поле»). Методологической основой исследования служит теория социального поля П. Бурдьё. На основе анализа социальных практик ключевых агентов – государств и их высокопоставленных представителей, крупных корпораций, СМИ и т.д., формулируются тенденции и перспективы дезинтеграции относительно автономного и целостного виртуального социального поля вследствие утраты ключевыми агентами значительного объема символического капитала.

Ключевые слова: виртуальное социальное поле, геополитический кризис, агенты, социальные практики, символический капитал, информационная война, радикализация, дезинтеграция.



Alexander S. Vatoropin

Doctor of Social Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department of Theory
and Sociology of Management,
Ural Institute of Management – branch
of the Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration
vatoropin-as@ranepa.ru

Sergey A. Vatoropin

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Human Resources Management,
Ural Institute of Management – branch
of the Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration
vatoropin-sa@ranepa.ru

Igor I. Teplyakov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Constitutional Law,
Ural Institute of Management – branch
of the Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration
teplyakov-ii@ranepa.ru

**VIRTUAL SOCIAL FIELD
IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICAL
CRISIS 2021–2022:
AGENTS AND SOCIAL PRACTICES**



Annotation. The article discusses the development and transformation of the virtual social field in the context of the geopolitical crisis of 2021–2022. («virtual geopolitical field»). The methodological basis of the study is P. Bourdieu's social field theory. An analysis of the social practices of key agents – states and their high-ranking representatives, large corporations, the media, etc. was carried out. The tendencies and prospects of disintegration of a relatively autonomous and integral virtual social field due to the loss of a significant amount of symbolic capital by key agents are formulated.

Keywords: virtual social field, geopolitical crisis, agents, social practices, symbolic capital, information war, radicalization, disintegration.



Геополитический кризис 2021–2022 гг. на сегодняшний день находится в активной стадии развития, но уже сейчас можно констатировать, что он будет иметь глобальные геополитические и социально-экономические последствия. В качестве его формального начала можно было бы обозначить декабрь 2021 г., когда Россия выдвинула жесткие требования к США и другим членам НАТО о гарантиях безопасности (включая отказ от дальнейшего расширения НАТО на восток и отвод американских вооруженных сил с территории стран Восточной Европы), однако, вполне очевидно, что данные действия вытекали из логики предшествовавших событий 2021 г. (новое обострение ситуации на Донбассе, наращивание военных сил на российско-украинской границе на фоне дипломатических скандалов, введения дополнительных антироссийских санкций, взаимных обвинений в эскалации напряженности и т.д.), а первопричины кроются в углубляющихся противоречиях сложившегося после 1991 г. миропорядка. Ответом на российские требования о гарантиях безопасности со стороны НАТО стало лишь дальнейшее наращивание военных сил в Восточной Европе и поставка дополнительных вооружений на Украину, что, в конечном счете, привело к эскалации ситуации, признанию Россией независимости Донецкой и Луганской Народных Республик и началу специальной военной операции на Украине 24 февраля 2024 г.

Развивающийся геополитический кризис уже сказался практически на всех сферах – от социально-экономической (введение беспрецедентного пакета санкций в отношении России со стороны США, ЕС и других стран) до культурно-спортивной (лишение деятелей культуры и спортивных команд России права участвовать в международных мероприятиях). Помимо военно-политической и экономической конфронтации, в виртуально-цифровом пространстве развернулась масштабная информационная война, целью которой является полная дискредитация оппонентов в массовом сознании. Учитывая основополагающую роль, которую информационно-коммуникационные технологии играют в современном обществе, нам представляется актуальным проанализировать деятельность активных агентов виртуального социального поля в условиях развивающегося геополитического кризиса.

Целью данной статьи является исследование виртуальных социальных практик агентов в условиях геополитического кризиса 2021–2022 гг. (в рамках «виртуального геополитического поля»), выявление ключевых тенденций функционирования и трансформации виртуального социального поля.

Обратимся к теоретико-методологической основе нашего исследования. Виртуальность, в широком смысле, не ограничивающаяся средой современных информационно-коммуникационных технологий и включающая идеологии, религии, утопии и т.д., трактуется рядом авторов как потенциально всеобъемлющее социальное пространство. Как отмечают Е.В. Ключина, А.Х. Хазиев, Н.О. Хазиева: «Человек может замкнуться в собственном виртуальном мире, погрузиться в него полностью,

и тогда виртуальный мир для него станет реальным и единственно значимым, а действительный, реальный – побочным и второстепенным» [1, с. 235]. В этом смысле, виртуальность представляет интегральный продукт духовной сферы, а виртуальное социальное пространство, соответственно, предстает как лишенное явных, фиксируемых, измеримых закономерностей развития и находится, скорее, в поле философского анализа.

С точки зрения современных социологических подходов, основанных на анализе влияния новых технологий на общество, виртуальное пространство представляется как конечная стадия развития социального пространства – «от публичного пространства через синтетическое (т.е., такое, которое теряет свой общественно-политический характер в пользу развлечений и игр) до виртуального пространства» [2, с. 39]. Действительно, развитие глобальной интернет-сети в перспективе может обусловить такой уровень вовлеченности пользователей, что виртуальные социальные практики, в абсолютном большинстве, вытеснят реальные (непосредственные). Так, амбициозный проект «Метавселенная», получивший широкий общественный резонанс, благодаря заявлениям М. Цукерберга в 2021 г., предполагает создание универсального цифрового мира, на котором будут замкнуты не только средства для коммуникации в новом 3D-формате с использованием цифровых двойников (аватаров), но и возможности работать, проводить досуг, обучаться, путешествовать и даже жить в собственном цифровом доме [3]. Если рассматривать данные перспективы сквозь призму интегративных социологических парадигм («Практика – это все то, что социальный агент делает сам и с чем он встречается в социальном мире» [4, с. 551]), отождествление виртуального и социального пространства в будущем может стать вполне вероятным.

Однако на сегодняшний день, ускоряющееся развитие цифровых технологий еще не привело к тотальному вытеснению реальных (непосредственных) социальных практик виртуальными, а виртуальная реальность, все больше, проникая в самые разнообразные сферы общественной жизни, еще не стала единственной искомой реальностью человеческого существования. Поэтому в социологическом измерении *наличное* виртуальное представляется как часть всеобъемлющего социального пространства, или социальное поле (в терминах П. Бурдьё).

Анализ теории П. Бурдьё позволяет выявить характерные свойства социального поля, которое:

- 1) представляет собой структурированное пространство позиций агентов (индивидов) и неравномерного распределения капиталов (ресурсов), обуславливающих отношения между агентами и их социальные практики;
- 2) является пространством борьбы (игры) за монополию на владение капиталом и его распределение;
- 3) обладает относительной автономностью, способностью к функционированию и развитию на основе внутренней логики и «правил игры»

благодаря значительному объему капиталов действующих агентов, преломлению и трансформации гетерономных (внешних) воздействий [5, с. 29–30].

В соответствии с приведенной методологической основой, виртуальное социальное поле в условиях геополитического кризиса 2021–2022 гг.:

1) представляет собой цифровое пространство виртуальных практик органов государственной власти и их отдельных представителей, корпораций, создающих и регулирующих коммуникационные онлайн-ресурсы (в первую очередь, социальные сети), средств массовой информации, блогеров и т.д., обладающих разнообразными (неравными) ресурсами для достижения собственных целей;

2) является пространством борьбы за монополию над специфическим символическим капиталом (как отмечает П. Бурдьё, «символический капитал – это кредит, но только в самом широком значении слова, то есть своего рода аванс, задаток, ссуда, которые одна лишь вера всей группы может предоставить давшему ей материально-символические гарантии» [6, с. 102]);

3) обладает автономностью благодаря значительному объему символического и других капиталов у ключевых агентов (государств и их лидеров, крупнейших корпораций – владельцев интернет-ресурсов), а также, собственными «правилами игры», основанными на принципах свободы слова, информации, коммуникации и требованиях к распространяемому цифровому контенту.

Рассматривая социальные практики агентов виртуального поля в условиях развивающегося геополитического кризиса, в первую очередь, стоит отметить возрастающую активность государств и их высокопоставленных представителей. Необходимость консолидации общественного мнения в контексте обостряющихся социально-экономических проблем и военно-политической напряженности обусловило как констатацию усиливающейся информационной войны со стороны лидеров ключевых государств – участников конфликта, так и ужесточение риторики по отношению к оппонентам. Если ранее радикальные высказывания со стороны крупных политических деятелей носили, по большей части, разовый характер, вызвали широкий общественный резонанс и преимущественно негативную реакцию (например, утвердительный ответ Дж. Байдена на вопрос «Считает ли он Путина убийцей?» в марте 2021 г. подвергся значительной критике даже в США [7]), то с декабря 2021 г. по февраль 2022 г. подобные высказывания значительно участились, а с началом специальной военной операции на Украине стали практически повседневной практикой.

«Украинский суперкейс», по сути, обнаружил скрытые форс-идеи агентов противоборства в виртуальном социальном поле. Если традиционно представители государства выражали данные идеи через средства массовой информации, блогеров и т.д., сохраняя, в основном, собственную дипломатическую, достаточно умеренную

риторику, то в текущей ситуации они явились непосредственными трансляторами радикальных позиций. Так, не только глава МИД Украины Д. Кулеба, но и сенатор США Л. Грэм высказывались за «физическое устранение» Президента РФ В.В. Путина, а широкое распространение получили призывы американских и британских политиков «уничтожить Россию», в первую очередь, экономически [8; 9].

Не меньшая радикализация наблюдается и среди уже традиционных активных агентов виртуального социального поля – СМИ и интернет-блогеров. Уделяя лишь незначительную часть внимания собственно освещению *реальных* событий, формированию в обществе целостного, объективного представления о происходящем, многие из них сконцентрировались на информационной войне и дискредитации друг друга. В качестве одного из исключений можно отметить информационные интернет-каналы Ю. Подольки, собирающего и анализирующего официальные данные и сведения, поступающие от непосредственных участников событий, и формирующего относительно целостную картину хода специальной военной операции на Украине. Вместе с тем, даже упомянутый блогер периодически публикует материалы, посвященные именно информационной войне и его борьбе с популярными зарубежными блогерами в виртуальном пространстве [10].

Отметим, что деятельность авторов множественных интернет-каналов не ограничивается трансляцией собственной позиции и дискредитацией оппонентов. Накопление символического капитала осуществляется как за счет привлечения новых лояльных агентов, так и активизации их виртуальных практик. Однако, если изначально, расширение аудитории интернет-каналов и их активная поддержка обуславливались, в первую очередь, качеством публикуемого контента, то в текущей ситуации блогеры нередко начинают прибегать «к рекрутингу подписчиков на информационную войну», а множественные оценки публикуемых материалов и комментарии к ним, как предполагается, должны стать инструментом не столько продвижения собственного качественного контента, сколько виртуальной победы над блогерами-оппонентами [11].

В целом, рассмотренные социальные практики агентов укладываются в общую логику виртуального социального поля, не подрывая сложившихся ключевых «правил игры»: борьба за обладание символическим капиталом изначально предполагает столкновение различных точек зрения, вовлечение новых сторонников, способствующих приращению капитала, а критика личности оппонента вместо содержания, публикуемого им контента и даже призывы к насилию, разумеется, выходящие за рамки этических принципов коммуникации и норм права, являются вполне распространенными виртуальными практиками. Вместе с тем, целый ряд сигналов свидетельствует о трансформации социального поля. Если с 1990-х гг. его расширение и развитие было обусловлено распространением глобальной сети и цифровых технологий, реализацией принципов свободы слова, информации и коммуникации, а право на

доступ в интернет фактически обозначалось в качестве неотъемлемого права человека, то в настоящий момент обнаруживается и обратная тенденция. Обладающее относительной целостностью и автономностью от гетерономного воздействия виртуальное социальное поле стало объектом деструктивного влияния со стороны собственных агентов.

Во-первых, если до начала специальной военной операции на Украине активность органов государственной власти и их представителей выражалась, в основном, в ужесточении риторики по отношению к оппонентам и констатации усиливающейся информационной войны, то после – в «физическом» исключении оппонентов из пространства распределения собственного символического капитала, разрыве взаимодействий внутри социального поля. Так, в 2022 г. одной из санкционных мер в отношении России со стороны Европейского союза стала блокировка на своей территории работы СМИ «Sputnik» и «Russia Today». Россия, в свою очередь, заблокировала «BBC», «Радио Свобода», «Голос Америки» и ряд других [12].

Во-вторых, владельцы крупнейших интернет-ресурсов (Facebook и Instagram), обладающие наиболее широкими возможностями по регулированию публикуемого контента, не только заблокировали аккаунты ряда российских СМИ (телеканала «Звезда», агентства «РИА Новости», упомянутых ранее «Sputnik» и «Russia Today» и т.д.), обвиненных в распространении дезинформации, но и фактически в одностороннем порядке попытались скорректировать фундаментальные «правила игры» в виртуальном социальном поле. Так, пресс-секретарь корпорации Meta (владелец социальных сетей Facebook и Instagram) Э. Стоун в марте 2022 г. заявил о временном снятии запрета на призывы к насилию в отношении российских военнослужащих, что нашло негативный отклик не только со стороны России, но и официальных представителей ООН, а нарушение «правил игры» привело к исключению Facebook и Instagram из российского интернет-пространства [13].

В-третьих, с начала военной спецоперации на Украине российские интернет-ресурсы подверглись масштабным кибератакам. Например, в конце февраля 2022 г. группа хакеров «Anonymous» объявила России кибервойну, обозначив в качестве основного объекта для «вторжения» сайты органов государственной власти и крупных компаний. Помимо прочего, атакам подверглись и традиционные агенты виртуального социального поля – СМИ. Так, 28 февраля на страницах «Коммерсанта», «Известий», ТАСС и т.д. вместо собственного контента изданий появились призывы к остановке спецоперации на Украине. По мнению экспертов, в дальнейшем можно ожидать лишь усиления DDoS-атак на интернет-ресурсы по всему миру [14].

Попытки изменить общепринятые «правила игры», «физически» устранить конкурирующих агентов посредством блокировки или кибератаки, разумеется, негативным образом сказываются на

устойчивости и целостности виртуального социального поля. Однако наиболее осязаемый удар по нему наносит массовое распространение заведомо ложной информации или т.н. фейки. Резонансными фейками о спецоперации на Украине, по данным СМИ, являлись сведения о потерях российских вооруженных сил, уничтожении крупнейшего в мире самолета «Мрия», ракетные атаки на жилые дома в Киеве и других городах, множественные постановочные видео о пострадавших в результате невынужденных ракетно-бомбовых ударов и т.д. Общественная палата РФ заявила о выявлении на 01 марта 2022 г. более 1,4 миллиона подобных материалов, опубликованных в виртуальном пространстве [15].

На первый взгляд, представляя собой лишь одно из средств иллюстрации и аргументации своей позиции и дискредитации позиции оппонента, фейки не только обуславливают перераспределение символического капитала, но и непосредственно разрушают его основу – веру социума как адресата информации в материально-символические гарантии, предоставляемые адресантом (в трактовке П. Бурдьё). Разоблачение чрезвычайно большого количества материалов, содержащих заведомо ложную информацию, разумеется, необходимо с точки зрения восстановления справедливости, однако, способно еще в большей степени поставить под сомнение доверие к публикуемой в виртуальном пространстве информации как таковой. Отсутствие эффективного способа быстрого различения фейка и подлинного материала (существующие способы – проверка автора, источника информации, изображений и т.д. – не всегда дают точный результат и требуют приложения дополнительных усилий) в условиях глобального распространения дезинформации в общем информационном потоке может повлечь за собой постепенную утрату символического капитала всеми активными агентами виртуального социального поля. В свою очередь, снижение объема совокупного капитала агентов – предпосылка для утраты автономности поля и его дезинтеграции.

На сегодняшний день тенденции к разобщению целостного виртуального социального поля способны временно обеспечить консенсус агентов относительно принципов и «правил игры» на его противоположных полюсах «Россия – Запад». Тем не менее, это не устранил ключевую проблему отсутствия эффективных механизмов верификации информации со стороны ее потребителей, что может послужить причиной дальнейшей дезинтеграции. На наш взгляд, стремление к сохранению и приумножению собственного символического капитала всеми стейкхолдерами общественных отношений должно обусловить разработку новых «правил игры» в виртуальном социальном поле, основанных на общечеловеческих ценностях и принципах морали, достоверности и, как следствие, свободы информации.

Таким образом, виртуальное социальное поле в контексте развивающегося геополитического кризиса характеризуется возрастающей активностью ключевых агентов (в первую очередь, государств и крупных корпораций), вовлечением новых

агентов, радикализацией традиционных (заявления, дискуссии, отстаивание собственных позиций и т.д.) и реализацией дезинтегрирующих (устранение оппонентов, попытки изменить общепринятые «правила игры» в одностороннем

Литература:

1. *Клюшина Е.В.* Виртуальное как социальное пространство: метафизические основания феномена / Е.В. Клюшина, Н.О. Хазиева, А.Х. Хазиев // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 4. С. 233–235.

2. *Касьянов В.В.* Виртуальное пространство как новый – «старый» социокультурный феномен / В.В. Касьянов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. № 2. С. 38–42.

3. *Андонов А.А.* Метавселенная Цукерберга / А.А. Андонов // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 44. С. 81–85.

4. *Шматко Н.А.* На пути к практической теории практики / Н.А. Шматко; П. Бурдьё // Практический смысл. Послесловие. СПб. : Алетейя, 2001. 562 с.

5. *Ваторопин С.А.* Влияние левых идей на социальные практики современного российского студенчества: социологический анализ : дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Ваторопин Сергей Александрович; Место защиты: Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ. Екатеринбург, 2014. 185 с.

6. *Бурдьё П.* Практический смысл. СПб. : Алетейя, 2001. 562 с.

7. «Весь мир смеется над нами». Американцев разозлили слова Байдена о Путине / РИА Новости. URL : <https://ria.ru/20210319/bayden-1601995371.html?in=t> (дата обращения 14.03.2022).

8. МИД Британии пообещал добиться разрушения экономики России // РБК. URL : <https://www.rbc.ru/politics/25/02/2022/6217ff149a79475d865bfd23> (дата обращения 14.03.2022).

9. Сенатор ищет «Брута», чтобы убрать Владимира Путина. Теперь его ненавидят в США за длинный язык // Телеканал 360. URL : <https://360tv.ru/news/tekst/senator-ischet-bruta/> (дата обращения 14.03.2022).

10. *Юрий Подоляка.* Яндекс Дзен. URL : <https://zen.yandex.ru/id/621766d2c1dd544c6114a34f> (дата обращения 14.03.2022).

11. Nexta Live. Youtube.com. URL : <https://www.youtube.com/c/NEXTALive/videos> (дата обращения 14.03.2022).

12. ЕС запретил транслировать и распространять контент Sputnik и RT // РИА Новости. URL : <https://ria.ru/20220302/sputnik-1776054330.html> (дата обращения 14.03.2022).

порядке и т.д.) социальных практик, вероятностным снижением объема символического капитала агентов в условиях утраты доверия к ним со стороны широких социальных слоев.

Literature:

1. *Klyushina E.V.* Virtual as a social space: metaphysical foundations of the phenomenon / E.V. Klyushina, N.O. Khazieva, A.Kh. Khaziev // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2014. № 4. P. 233–235.

2. *Kasyanov V.V.* Virtual space as a new – «old» socio-cultural phenomenon / V.V. Kasyanov // Uchenye zapiski V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology. 2018. № 2. P. 38–42.

3. *Andonov A.A.* Zuckerberg's Metaverse / A.A. Andonov // Innovations. The science. Education. 2021. № 44. P. 81–85.

4. *Shmatko N.A.* On the way to the practical theory of practice / N.A. Shmatko; P. Bourdieu // Practical meaning. Afterword. SPb. : Aleteyya, 2001. 562 p.

5. *Vatoropin S.A.* The influence of leftist ideas on the social practices of modern Russian students: a sociological analysis : dis. ... cand. of social. sciences: 22.00.04 / Vatoropin Sergey Aleksandrovich; Place of protection: Ros. acad. nar. households and state. service under the President of the Russian Federation. Yekaterinburg, 2014. 185 p.

6. *Bourdieu P.* Practical meaning. SPb. : Aletheya, 2001. 562 p.

7. «The whole world is laughing at us». Americans angered by Biden's words about Putin / RIA Novosti. URL : <https://ria.ru/20210319/bayden-1601995371.html?in=t> (date of application 14.03.2022).

8. The British Foreign Office promised to achieve the destruction of the Russian economy // RBC URL : <https://www.rbc.ru/politics/25/02/2022/6217ff149a79475d865bfd23> (date of application 14.03.2022).

9. The senator is looking for «Brutus» to remove Vladimir Putin. Now he is hated in the USA for his long tongue // TV channel 360. URL : <https://360tv.ru/news/tekst/senator-ischet-bruta/> (date of application 14.03.2022).

10. *Yuri Podolyaka.* Yandex Zen. URL : <https://zen.yandex.ru/id/621766d2c1dd544c6114a34f> (date of application 14.03.2022).

11. Nexta Live. Youtube.com. URL : <https://www.youtube.com/c/NEXTALive/videos> (date of application 14.03.2022).

12. The EU banned the broadcast and distribution of Sputnik and RT // RIA Novosti content. URL : <https://ria.ru/20220302/sputnik-1776054330.html> (date of application 14.03.2022).

13. Роскомнадзор заблокировал Instagram из-за призывов к насилию в адрес россиян // Российская газета. URL : <https://rg.ru/2022/03/14/roskomnadzor-zablokiroval-instagram-iz-za-prizyvov-k-nasiliiu-v-adres-rossiiian.html> (дата обращения 14.03.2022).

14. Интернету предрекли мощнейшие DDoS-атаки. Все из-за нового метода // Газета.ru. URL : <https://www.gazeta.ru/tech/2022/03/09/14612029.shtml?updated> (дата обращения 14.03.2022).

15. В ОП РФ сообщили о выявлении 1,4 млн фейков о спецоперации России на Украине // Газета.ru. URL : <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/03/01/17362513.shtml> (дата обращения 14.03.2022).

13. Roskomnadzor blocked Instagram due to calls for violence against Russians // Rossiyskaya Gazeta. URL : <https://rg.ru/2022/03/14/roskomnadzor-zablokiroval-instagram-iz-za-prizyvov-k-nasiliiu-v-adres-rossiiian.html> (date of application 14.03.2022).

14. The Internet was predicted the most powerful DDoS attacks. All because of the new method // Gazeta.ru. URL : <https://www.gazeta.ru/tech/2022/03/09/14612029.shtml?updated> (date of application 14.03.2022).

15. The RF OP reported the discovery of 1.4 million fakes about Russia's special operation in Ukraine // Gazeta.ru. URL : <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/03/01/17362513.shtml> (date of application 14.03.2022).

Вислогузов Петр Алексеевич
старший преподаватель
кафедры тактики служебно-боевого
применения подразделений,
Саратовский военный
ордена Жукова Краснознаменный
институт войск национальной гвардии
Российской Федерации
olimpwwp80@yandex.ru

Peter A. Visloguzov
Senior Lecturer
of the Department of Tactics
of Service and Combat Use of Units,
Saratov Military Order
of Zhukov Red Banner Institute
of the National
Guard of the Russian Federation
olimpwwp80@yandex.ru

ПРОЦЕССЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА МОТИВАЦИИ И СТИМУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

THE PROCESSES OF IMPLEMENTATION OF THE SOCIAL MECHANISM OF MOTIVATION AND STIMULATION OF THE WORK OF MILITARY PERSONNEL

Аннотация. Стимулирование труда военнослужащих – одна из составляющих управления личным составом, так как включает в себя такие многоплановые процессы, как привлечение на службу, подготовку и переподготовку кадров, повышение их квалификации. В статье рассматриваются возможные варианты реализации социального механизма стимулирования труда, влияющих на мотивацию военнослужащих в трудовой (профессиональной) деятельности, как в социальном процессе.

Ключевые слова: мотивация, поощрение, стимул, денежное довольствие, льготы, военная служба.

Annotation. Stimulating the work of military personnel is one of the components of personnel management, as it includes such multifaceted processes as recruitment, training and retraining of personnel, and improving their qualifications. The article discusses possible options for the implementation of a social mechanism for stimulating labor that affect the motivation of military personnel in labor (professional) activities, as in a social process.

Keywords: motivation, encouragement, incentive, monetary allowance, benefits, military service.

В послевоенные годы советского периода истории СССР внедрению моральных стимулов к труду придавалось огромное значение. При этом, это касалось не только силовых структур, почти каждое значительное предприятие имело, а у многих осталось до сих пор «Музей трудовой славы», в котором наглядно была воспроизведена вся его славная история, где экспонировались наиболее значительные достижения. По заказам предприятий журналистами писались книги об их истории, практически во всех подразделениях вывешивались стенды, демонстрирующие историю и основные достижения этих подразделений. Особо активно такие действия проводились в связи с юбилейными датами в жизни страны или предприятий. Огромную роль в, так называемом, моральном стимулировании играло социалистическое соревнование. Подведение его итогов сопровождалось соответствующим оформлением «Доски почета», вручением знаков победителей соц.соревнования, переходящих знамен и вымпелов.

В системе силовых структур и ведомств, являющихся неотъемлемой частью общества, также преобладало моральное стимулирование. И надо подчеркнуть, что вся совокупность этих мероприятий была довольно эффективна. Она формировала чувство общности, гордость за

принадлежность к тому или иному коллективу, подразделению, части, соединению, стимулировала реализацию сил и способностей людей.

Традиционная система стимулирования труда предусматривает, что вознаграждение, получаемое работником за свой труд, складывается из неизменного оклада и льгот, таких как медицинское страхование, страхование жизни, пенсионные планы, льготное питание, оплата проезда, материальная помощь, отдых в санаториях и другие дополнительные блага, повышающие жизненный уровень.

Льготы, преимущества и компенсации, по своей природе, существовали всегда, в любом обществе, принимая в различные периоды времени разные формы. Их основное предназначение – отражение особенностей и характера трудового процесса той или иной категории работников в силу объективных различий между профессиями.

Государство, наделяя военнослужащих определенными льготами и преимуществами в соответствии с его социальным статусом, должно, тем самым, создавать им такие жизненные условия, при которых бы они целиком отдавали свое служебное время своей непосредственной работе, не думая о бытовых сложностях.

Объем и содержание льгот зависят от служебно-должностной категории, к которой относится военнослужащий, его воинского звания, срока пребывания на военной службе и иных особенностей ее прохождения. Льготы обусловлены объективными трудностями, с которыми неизбежно сопряжена военная служба. К их числу относятся:

- необходимость постоянно поддерживать высокую боевую готовность, строго соблюдать воинскую дисциплину, эксплуатировать сложную боевую технику;
- отрыв от семей, места постоянной работы; относительная частая, связанная с перемещениями по службе смена мест жительства, климатических районов и т.д.

Особенность военной службы состоит и в том, что военнослужащие, в ряде случаев, ограничиваются в гражданских, личных, политических и социально-экономических правах. Учитывая особый характер исполнения обязанностей военной службы, международные пакты о правах человека предусматривают такую возможность ограничения некоторых прав в отношении военнослужащих. Именно в силу этих причин, государство устанавливает для военнослужащих наряду с различными моральными стимулами целый комплекс льгот и компенсаций.

В условиях экономического кризиса в мире, в целом, вызванного как новой коронавирусной инфекцией, так и постоянными экономическими санкциями и, в связи с этим, крайне нестабильного положения в стране, льготы несут и еще одну важнейшую функцию – защиты военнослужащих и членов их семей от влияния инфляции, т.е., часть услуг, преимуществ, предоставляемых в соответствии с законодательством, практически не зависит от роста цен.

К сожалению, в настоящее время государство пошло по пути сокращения льгот. Мы все прекрасно помним, когда была отменена компенсация по налогу на доходы физических лиц. При этом совершенно не учитывалась специфика военной службы: военнослужащие, не имеющие права по закону на дополнительный заработок, по сути, были уравнены с другими категориями налогоплательщиков. По нашему мнению, это не допустимо. Если законодатели и правительство считают, что налогоплательщиками должны быть все граждане, то необходимо изменить механизм налогообложения военнослужащих. По мнению автора, необлагаемый минимум для военнослужащих должен быть установлен в размере минимального прожиточного минимума на самого военнослужащего и каждого члена семьи, включая жену, если она не имеет возможности трудоустроиться. В 1980-е годы прошлого столетия например, необлагаемый минимум у военнослужащих был в три раза выше, чем у гражданского населения.

Кроме того, рядом Федеральных законов было отменено право военнослужащих и членов их семей на проезд на безвозмездной основе

железнодорожным, воздушным, водным и автомобильным (за исключением такси) транспортом один раз в год по территории Российской Федерации к месту использования основного отпуска и обратно (что в свою очередь привело к резкому росту дорожно-транспортных происшествий на личном автомобильном транспорте с участием военнослужащих и сотрудников силовых ведомств), данная льгота сохранилась лишь только на отдельную категорию военнослужащих.

Не учитывается и передовой опыт ведущих западных государств в области оплаты за жилье. Международной организацией труда разработана единая методика определения затрат на рабочую силу. Согласно данной методике, эти издержки включают пять групп элементов, одной из составляющих пятой группы является жилищная помощь (частичная оплата жилья, субвенции на покрытие части стоимости строительства жилья и т.п.).

Проводимые многочисленные данные социологических опросов военнослужащих говорят о том, что жилье в условиях рынка, а тем более в условиях нестабильной экономики, становится особым стимулом служебной и профессиональной деятельности.

Исходя из предыдущих исследований, в этой области, считаем, что необходимо предусмотреть в системе стимулирования воинского труда несколько подсистем для стимулирования различных категорий профессиональных военнослужащих. Исследователь Б. Максимов в своей работе отметил, что «время от времени каждый из нас выбирает подарок кому-то из своих друзей или близких. Мы не покупаем первую попавшуюся вещь и уж тем более не дарим бумажку в 5 или 10 руб., обвязав ее красивой тесемкой. Мы стараемся выбрать такой подарок, чтобы подходил имениннику, отвечал его вкусам, был нужным и полезным, чтобы доставил удовольствие человеку. Можно сказать, что мы подходим здесь не только дифференцированно, но и с учетом потребностей человека... не так ли должны выбираться и стимулы?» – заключает автор [3, с. 112].

Фактическая структура стимулов мало зависит от возраста и пола. Менее желательная, с точки зрения работников, структура стимулов, во многом определяется именно этим фактором. Так, за премии наиболее часто высказываются люди старше 50 лет (42 %), за ценные подарки - в возрасте 41–50 лет (28 %). Молодежь выдвигает на первый план поощрение в виде предоставления жилья, гибкого режима работы, а также льготных путевок для туризма и отдыха.

Мужчины и женщины, например, по-разному реагируют на выговор: если мужчины относятся к нему сравнительно спокойно, иногда даже брагуя, то женщины воспринимают болезненно, более эмоционально, порой рассматривая его как дело, касающееся их личности [1, с. 59–64].

Вот, например, в эпоху заката социалистического строя (годы товарного дефицита) командование воинских частей применяло специфические, не

предусмотренные никакими руководящими документами, меры поощрения военнослужащих, победителей соцсоревнования. Офицеры, добившиеся значительных успехов по службе, поощрялись талонами на приобретение товаров повышенного спроса (подписка на книги, наборы пластинок и кассет с записями популярных ансамблей, видео магнитофоны, бытовая техника и т.п.). Таким же образом стимулировалась служба в Советской армии на строительстве БАМа (за определенное количество прослуженных лет военнослужащий получал сертификат на внеочередное право покупки автомобиля).

Таким образом, мнения, как социологов, так и специалистов в области стимулирования труда,

Литература:

1. *Бляхман А.Р.* Материальные стимулы – их сущность. Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1990. 154 с.
2. *Вислогузов П.А.* Принципы создания социального механизма стимулирования труда военнослужащих / П.А. Вислогузов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Всероссийский научный журнал. Социологические науки. 2022. Вып. № 2. 192 с.
3. *Максимов Б.А.* Совершенствование системы стимулирования труда различных категорий работников : дис. ... канд. экон. наук. Омск, 1999. 172 с.

сходятся в том, что перечень стимулов должен быть более разнообразным и учитывать специфику социальных потребностей данной группы работников, прежде всего их возраст, квалификацию, образование [2, с. 23–25].

Невозможно правильное стимулирование работников без учета их социального и должностного статуса, трудовых мотиваций. Именно на этом принципе и должна строиться система стимулирования, которая должна быть гибкой, легко изменяющейся по отношению к разным категориям персонала, а не косной, не позволяющей правильно оплатить труд в соответствии с его эффективностью и качеством и учесть все нематериальные стимулы к труду.

Literature:

1. *Blyakhman A.R.* Material incentives - their essence. Izhevsk : Publishing House of Udm. un-ta, 1990. 154 p.
2. *Visloguzov P.A.* Principles of creating a social mechanism for stimulating the work of military personnel / P.A. Visloguzov // Humanities, socio-economic and social sciences. All-Russian Scientific Journal. Sociological sciences. 2022. Iss. № 2. 192 p.
3. *Maksimov B.A.* Improvement of the labor incentive system for various categories of workers : dis. ... cand. of econ. Sciences. Omsk, 1999. 172 p.

Волков Юрий Григорьевич

Заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук,
профессор,
заведующий кафедрой
теоретической социологии и методологии
региональных исследований,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета
ugvolkov@sfnu.ru

Кривоусков Виктор Владимирович

доктор социологических наук,
профессор,
Государственный университет управления
rosarmdrug@mail.ru

Лукичев Павел Николаевич

доктор социологических наук,
профессор,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета
lukichev@inbox.ru

Люев Азамат Хасейнович

кандидат социологических наук,
доцент кафедры
социальных технологий,
проректор по молодежной политике,
Северо-Кавказский
федеральный университет
aliuev@ncfu.ru

Мищенко Дмитрий Николаевич

соискатель,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета
svet_crimea@list.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ИЗУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ И УПРАВЛЕНИЯ ЕЮ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ

■ ■ ■

Аннотация. Профессиональная мобильность молодежи в современном мире, по праву называемом мобильным, испытывает мощное влияние глобального фактора информатизации. Само понятие «профессиональная мобильность» значительно трансформировалось, что нашло выражение в появлении новых теоретических концепций, подходов, дефиниций в исследовательском пространстве. Палитра проблем, анализируемых в социологическом

Yury G. Volkov

Honored Scientist of the Russian Federation,
Doctor of Philosophical Sciences,
Professor,
Head of the Department
of Theoretical Sociology
and Methodology of Regional Studies,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
ugvolkov@sfnu.ru

Victor V. Krivopuskov

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
State University of Management
rosarmdrug@mail.ru

Pavel N. Lukichev

Doctor of Sociology,
Professor,
Institute of Sociology and Regional Studies
Southern Federal University
lukichev@inbox.ru

Azamat Kh. Lyuev

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Social Technology,
Vice-Rector for Youth Policy,
North Caucasus Federal University
aliuev@ncfu.ru

Dmitry N. Mishchenko

Applicant,
Institute of Sociology and Regional Studies
Southern Federal University
svet_crimea@list.ru

THEORETICAL SPACE FOR THE STUDY OF PROFESSIONAL MOBILITY OF RUSSIAN YOUTH AND ITS MANAGEMENT IN THE CONDITIONS OF THE NEW INFORMATION AGE

■ ■ ■

Annotation. Professional mobility of young people in the modern world, which is rightfully called mobile, is strongly influenced by the global factor of informatization. The very concept of professional mobility has been significantly transformed, that has found expression in the emergence of new theoretical concepts, approaches, definitions in the research space. The scope of problems analyzed in the sociological discourse of youth professional mobility testifies to the crisis nature

дискурсе профессиональной мобильности молодежи, свидетельствует о кризисном характере процесса профессионализации российской молодежи на всех его этапах, начиная от профессионального выбора и заканчивая профессиональной адаптацией на рынке труда. Это обстоятельство определяет необходимость эффективного управления профессиональной мобильностью молодежи, но именно в данном направлении фиксируется дефицит глубоких теоретических разработок.

Ключевые слова: мобильность, профессиональная мобильность, молодежь, управление профессиональной мобильностью, информатизация.

Обращение к профессиональной мобильности молодежи в фокусе социологии управления предполагает предварительный анализ научно-исследовательского дискурса, сложившегося по отношению к самой проблеме профессиональной мобильности молодежи. Следует заметить, что данная проблема в пространстве научно-исследовательского дискурса занимает достаточно значимое место, как в российской науке [1; 2; 3], так и в зарубежной [4; 5; 6], поскольку ученые осознали глубокую трансформацию профессиональных траекторий в современную эпоху информационных технологий и динамику изменений, особенно в молодежной среде: «освоение новых квалификаций обычно происходит в начале трудовой карьеры; более опытные, взрослые сотрудники редко участвуют в переобучении» [7, с. 102].

Анализ имеющихся работ позволяет не только выделить ключевые проблемы в области профессиональной траектории российской молодежи, остро поставив вопрос о рисках депрофессионализации, но и выявить связь изменений в профессиональной траектории с социально-экономическими, социокультурными и политическими переменами в обществе. В целом, ученые констатируют, что масштабы профессиональной мобильности молодежи в России неадекватны изменениям в ее профессиональной траектории, что зачастую связано с уходом из профессии, ее сменой. И эти проблемы заслуживают гораздо большего внимания как на теоретическом, так и практическом уровне. Основной клубок проблем в области профессионального развития молодежи и ее мобильности в профессиональной сфере связан с характером взаимодействия системы образования и рынка труда. Массовое распространение работы не по специальности и вынужденной смены профессии в молодежной среде – явный признак кризисного характера этого взаимодействия.

Интересна точка зрения ученых, обосновывающих следующую идею: смена профессии может сыграть как положительную, так и отрицательную роль в жизни работника – многое зависит от того, чем продиктовано решение о смене профессии, так как при добровольно принятом решении об этом индивид ориентирован на максимальную самореализацию в новом профессиональном поле,

of the process of professionalization of Russian youth at all its stages, starting from professional choice and ending with professional adaptation in the labor market. This circumstance determines the need for effective management of professional mobility of young people, but it is in this direction that there is a shortage of deep theoretical developments.

Keywords: mobility, professional mobility, youth, professional mobility management, informatization.

на достижение более высокого социального статуса, нежели в ситуации вынужденного ухода из профессии [8]. По понятным причинам, вынужденная смена профессии имеет негативный оттенок последствий данного действия, поскольку работнику приходится вынужденно (в силу жизненных, личных, обстоятельств или ситуации на производстве (сокращение персонала, низкая оплата труда и т.д.) осваивать новое профессиональное поле, когда он, возможно, никогда бы не попал в более благополучной ситуации [9, с. 107]. Здесь уместно привести позицию Л.А. Семенович о выборе профессии: с ее точки зрения, этот выбор следует интерпретировать, как разрешение противоречия, которое возникает между субъективными предпочтениями индивида и внешней социальной ситуацией, детерминирующей возможности реализации сформированных у индивида профессиональных предпочтений [10].

Социальная ситуация оказывает значимое влияние на весь процесс профессиональной мобильности молодежи, и социологи здесь оперируют, как правило, термином «факторы», масштаб и специфика которых в современной российской действительности породили множество проблем как в профессиональном становлении и развитии молодежи, так и в исследовательских перспективах их изучения. Среди наиболее влиятельных социологи выделяют такие факторы, как:

- нестабильная занятость;
- изменение форм труда, его характера; у
- величение прекариата;
- увеличивающийся разрыв между профессиональным образованием и требованиями рынка труда, а также ряд других [11, с. 40].

В свою очередь, А.И. Ковалева, акцентируя внимание на индивидуализированном характере профессиональной мобильности, выделяет в качестве важных факторов личностные особенности человека, его способности, социальные качества, оказывающие влияние на профессиональную деятельность, а также, уровень профессиональной подготовки, квалификации, способность реализовать личностный и профессиональный потенциал, а также освоить новые профессиональные умения и компетенции [12].

Иными словами, в современных условиях профессиональная мобильность молодежи определяется не только и не столько институциональными факторами, сколько «внутренним диалогом или разговором» («inner conversation» – термин М. Арчер) [13], который отражает восприятие социальной ситуации индивидом, в каждом отдельном случае, имеющее свои особенности в зависимости от индивидуальных приоритетов, интересов, ценностей, целей и желаний, критериев самооценки социального успеха. Принятое во время внутреннего разговора решение предвещает результат совершаемого индивидом социального действия.

Безусловно, этот внутренний диалог формируется в условиях определенной институциональной среды, но динамика институциональных изменений сказывается на самой социальной ситуации, которая и порождает внутренний диалог, закладывающий траекторию мобильности личности. Социологическая теория, разработанная М. Арчер, во многом вобрала в себя психологические теоретические сюжеты исылки, что не противоречит общей тенденции смещения методологического фокуса в сторону междисциплинарности как расширяющей границы научного познания.

Именно поэтому ученые говорят об изменении повестки дня в свете новых подходов к изучению мобильности [14, с. 21], в том числе, и профессиональной, в отношении которой отмечается разнообразие проблематики при отсутствии сформированного общего подхода к исследованию [11, с. 40]. Но, если проблема профессиональной мобильности российской молодежи, раскрывающаяся через особенности ее адаптации на рынке труда и преодоление многочисленных рисков, сопровождающих данный процесс, получила достаточно широкое освещение в научно-исследовательских практиках, то управленческий аспект данной проблематики еще не стал предметом глубокого и масштабного внимания со стороны ученых. Лишь немногие из них вплотную подошли к изучению данной проблемы [15; 16].

Часть работ опосредованно раскрывает управленческие аспекты профессионализации молодежи через изучение профессионализма, российских профессионалов и их поведенческих стратегий [17; 18]. Чаще, ученые через анализ проблем, связанных с положением и адаптацией российской молодежи на рынке труда, ее трудовым поведением, трудовыми ценностями, мотивацией к труду, ставят вопрос об эффективности

Литература:

1. *Бекоева М.И.* Развитие профессиональной мобильности студентов как условие их адаптации к изменяющимся условиям рынка труда / М.И. Бекоева // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1(22). С. 189–192.

2. *Пасовец Ю.М.* Профессиональная мобильность и факторы влияния на нее в

молодежной политики государства как регулирующей процесс профессионально-трудоустройства молодежи [19; 20].

О необходимости разработки социальных технологий управления данным процессом пишет М.Г. Цыпкина, предлагая с позиций деятельностного подхода, рассматривать их как «систему последовательных, формализованных процедур и операций, применяемых субъектами управления данного типа под влиянием рынка труда с целью рационального распределения трудовых ресурсов по профессиям, специальностям в ходе решения социальных проблем занятости молодых» [21]. При этом ею выделяются три основные группы подобных технологий: информационно-консультационные, образовательные и адаптационные.

Ученые актуализируют проблему профессионального развития и роста с позиций управленческого воздействия, выделяя четыре ключевых компонента в системе управления профессиональной мобильностью молодежи: систему образования, систему отбора кадров, социальную адаптацию к профессии и мотивацию карьерного роста [16]. Однако при этом, отталкиваясь от суждений Е.С. Поповой [22], следует учитывать тип профессиональной мобильности (горизонтальный, вертикальный), а также, ее характер – вынужденный или добровольный, поскольку в каждом отдельном случае формируется различная система мотиваторов, профессиональных установок и индивидуальных возможностей профессионального развития, в комплексе предопределяющих эффективность профессиональной мобильности молодежи и процесс управления ею.

Анализируя сложившееся научно-исследовательское пространство в области изучения управления профессиональной мобильностью молодежи, стоит согласиться с общей негативной оценкой положения российской молодежи на рынке труда, характера ее профессиональной адаптации, независимо от уровня образования, поскольку даже наличие высшего образования не защищает от рисков, сопровождающих профессионально-трудоустройство молодых специалистов в современных рыночных условиях.

Теоретическое пространство изучения профессиональной мобильности российской молодежи и управления ею характеризуется отсутствием целостной концептуальной платформы, а также – методологической стратегии, адекватной новой информационной эпохе и российским реалиям.

Literature:

1. *Bekoeva M.I.* Development of professional mobility of students as a condition for their adaptation to changing conditions of the labor market / M.I. Bekoeva // Baltic Humanitarian Journal. 2018. Vol. 7. № 1(22). P. 189–192.

2. *Pasovets Yu.M.* Professional mobility and factors of influence on it in the views of regional youth /

представлениях региональной молодежи / Ю.М. Пасовец // Информационно-аналитический бюллетень. ИНАБ. 2019. № 4. Социальная адаптация молодежи на рынке труда. С. 83–99.

3. *Фортова Л.К.* Профессиональная мобильность молодежи на современном этапе развития российского общества / Л.К. Фортова, А.Ю. Кужиков // Молодой ученый. 2015. № 13. С. 715–716.

4. *Bison I.* Education, social origins and career (im)mobility in contemporary Italy: A holistic and categorical approach / I. Bison // European Societies. 2011. Vol. 13. № 3. P. 481–503.

5. *Davern M.* The Role of Information and Influence in Social Networks: Examining the Association between Social Network Structure and Job Mobility / M. Davern, D.S. Hachen // The American Journal of Economics and Sociology. 2006. № 65(2). P. 269–294.

6. *Mayer K.* Subjective Perceptions of Employment Mobility: A Comparison of East and West Germany / K. Mayer, N. Nitsche // Comparative Sociology. 2013. Vol. 12. P. 184–210.

7. *Попова Е.С.* Горизонтальная профессиональная мобильность в современных социологических исследованиях / Е.С. Попова // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 3. С. 102.

8. *Горбунова Г.А.* Анализ причин смены профессионального профиля взрослыми людьми / Г.А. Горбунова // Сибирский педагогический журнал. 2009. № 13. С. 46–50.

9. *Попова Е.С.* Горизонтальная профессиональная мобильность в современных социологических исследованиях / Е.С. Попова // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 3. С. 107.

10. *Семенова Л.А.* Вхождение в профессию и некоторые социально-профессиональные ориентации молодежи / Л.А. Семенова // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. Серия: Политология и социология (Вып. 1). Издательство ВАГС. 2009. № 1. С. 41–49.

11. Многомерная социальная мобильность в современной России : монография / Ю.Б. Епихина [и др.]; Отв. ред. М.Ф. Черныш, Ю.Б. Епихина. Электрон. текст. дан. (объем: 1,15 Мб) М. : Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2018. 112 с. 1 электрон. опт. диск 12 см. (CD-ROM).

12. *Ковалева А.И.* Профессиональная мобильность / А.И. Ковалева // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1. С. 298–299.

13. *Archer M.* Making our Way through the World: Human Reflexivity and Social Mobility. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 143–158.

14. *Черныш М.Ф.* Концепт социальной мобильности в меняющихся обществах / М.Ф. Черныш // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 21.

15. *Цыпкина М.Г.* Управление профессиональной мобильностью молодежи на рынке труда:

Yu.M. Pasovets // Information-analytical bulletin. INAB. 2019. № 4. Social adaptation of youth in the labor market. P. 83–99.

3. *Fortova L.K.* Professional mobility of youth at the present stage of development of Russian society / L.K. Fortova, A.Yu. Kuzhekov // Young scientist. 2015. № 13. P. 715–716.

4. *Bison I.* Education, social origins and career (im)mobility in contemporary Italy: A holistic and categorical approach / I. Bison // European Societies. 2011. Vol. 13. № 3. P. 481–503.

5. *Davern M.* The Role of Information and Influence in Social Networks: Examining the Association between Social Network Structure and Job Mobility / M. Davern, D.S. Hachen // The American Journal of Economics and Sociology. 2006. № 65(2). P. 269–294.

6. *Mayer K.* Subjective Perceptions of Employment Mobility: A Comparison of East and West Germany / K. Mayer, N. Nitsche // Comparative Sociology. 2013. Vol. 12. P. 184–210.

7. *Popova E.S.* Horizontal professional mobility in modern sociological research / E.S. Popova // Sociological journal. 2018. Vol. 24. № 3. P. 102.

8. *Gorbunova G.A.* Analysis of the reasons for the change of professional profile by adults / G.A. Gorbunova // Siberian Pedagogical Journal. 2009. № 13. P. 46–50.

9. *Popova E.S.* Horizontal professional mobility in modern sociological research / E.S. Popova // Sociological journal. 2018. Vol. 24. № 3. P. 107.

10. *Semenova L.A.* Entry into the profession and some social and professional orientations of youth / L.A. Semenova // Scientific Bulletin of the Volgograd Academy of Public Administration. Series: Political Science and Sociology (Iss. 1). Publishing house VAGS. 2009. № 1. P. 41–49.

11. Multidimensional social mobility in modern Russia : monograph / Yu.B. Epikhina [et al.]; Resp. ed. M.F. Chernysh, Yu.B. Epikhina. Electron. text is given. (volume: 1.15 Mb). M. : Institute of Sociology of the FNISts RAS, 2018. 112 p. 1 electron. opt. disc 12 cm. (CD-ROM).

12. *Kovaleva A.I.* Professional mobility / A.I. Kovaleva // Knowledge. Understanding. Skill. 2012. № 1. P. 298–299.

13. *Archer M.* Making our Way through the World: Human Reflexivity and Social Mobility. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 143–158.

14. *Chernysh M.F.* The concept of social mobility in changing societies / M.F. Chernysh // Sociological research. 2018. № 7. P. 21.

15. *Tsyapkina M.G.* Managing professional mobility of youth in the labor market: a systematic approach /

системный подход / М.Г. Цыпкина // Социология и право. 2018. № 4. С. 90–97.

16. *Цыпкина М.Г.* Особенности управления профессиональной мобильностью молодежи в информационном обществе. URL : elibrary_35341175_97835366

17. *Аксенова О.В.* Особенности активизма российских профессионалов: социальные практики / О.В. Аксенова // Вестник Института социологии. 2012. № 5. С. 121–144.

18. *Мартыанова Н.А.* Управляемость профессии как социального института: от депрофессионализации к реконструкции профессий / Н.А. Мартыанова, М.В. Рубцова // *Studia Humanitatis*. 2015. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlyaemost-professii-kak-sotsialnogo-instituta-ot-deprofessionalizatsii-k-rekonstruktsii-professiy>.

19. Трудовое поведение молодежи: социологическая диагностика в контексте повышения эффективности региональной молодежной политики (на примере Ростовской области) / Ф.А. Барков [и др.] // Вестник РАН. 2013. Т. 13. № 3. С. 106–112.

20. *Живой А.С.* Трудовая этика российской молодежи: особенности формирования в условиях кризиса труда и трудовых ценностей / А.С. Живой // Гуманитарий Юга России. 2016. № 3. С. 199–208.

21. *Цыпкина М.Г.* Использование социальных технологий в управлении профессиональной мобильностью молодежи на рынке труда / М.Г. Цыпкина // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-sotsialnyh-tehnologiy-v-upravlenii-professionalnoy-mobilnostyu-molodezhi-na-rynke-truda>

22. *Попова Е.С.* Горизонтальная профессиональная мобильность в современных социологических исследованиях / Е.С. Попова // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 3. С. 98–116.

M.G. Tsyapkina // *Sociology and Law*. 2018. № 4. P. 90–97.

16. *Tsyapkina M.G.* Features of management of professional mobility of youth in the information society. URL : elibrary_35341175_97835366

17. *Aksenova O.V.* Features of the activism of Russian professionals: social practices / O.V. Aksenova // *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2012. № 5. P. 121–144.

18. *Martyanova N.A.* Manageability of the profession as a social institution: from deprofessionalization to the reconstruction of professions / N.A. Martyanova, M.V. Rubtsova // *Studia Humanitatis*. 2015. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlyaemost-professii-kak-sotsialnogo-instituta-ot-deprofessionalizatsii-k-rekonstruktsii-professiy>.

19. Labor behavior of youth: sociological diagnostics in the context of improving the effectiveness of regional youth policy (on the example of the Rostov region) / F.A. Barkov [et al.] // *Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences*. 2013. Vol. 13. № 3. P. 106–112.

20. *Zhivoi A.S.* Work ethics of Russian youth: features of formation in the conditions of the crisis of labor and labor values / A.S. Zhivoi // *Humanitarian of the South of Russia*. 2016. № 3. P. 199–208.

21. *Tsyapkina M.G.* The use of social technologies in managing the professional mobility of youth in the labor market / M.G. Tsyapkina // *Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2019. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-sotsialnyh-tehnologiy-v-upravlenii-professionalnoy-mobilnostyu-molodezhi-na-rynke-truda>

22. *Popova E.S.* Horizontal professional mobility in modern sociological research / E.S. Popova // *Sociological journal*. 2018. Vol. 24. № 3. P. 98–116.

Гарнага Анастасия Филипповна

кандидат социологических наук,
старший преподаватель
кафедры архитектуры и урбанистики,
Тихоокеанский
государственный университет
007711@pnu.edu.ru

Задвернюк Людмила Валерьевна

кандидат архитектуры,
доцент кафедры
архитектуры и урбанистики,
Тихоокеанский
государственный университет
007711@pnu.edu.ru

Панчук Наталья Николаевна

старший преподаватель
кафедры архитектуры и урбанистики,
Тихоокеанский
государственный университет
007711@pnu.edu.ru

**ГОРОД КАК СИСТЕМЫ ПОТОКОВ.
ЛИНЕЙНЫЕ ГОРОДА**

Аннотация. Статья посвящена идеям и проектам линейных городов и систем расселения. На сегодняшний день в сфере градостроительства это один из самых актуальных вопросов. На основе изучения научных теоретических источников приводится определение понятия линейного города, рассматриваются факторы возникновения, особенности развития поселений особой градостроительно-планировочной организации – «линейных» или «ленточных» городов. Проведен анализ вариантов формирования различных типов русел расселения «линейного» города. Представлены различные подходы для измерения длины города. Приведены исторические примеры.

Ключевые слова: город, линейные города, системы потоков, транспортный коридор, линейная система расселения.

Введение. Проблема расселения, как и освоение государством своих территорий – вопрос всегда актуальный. И фокусными точками подобных проблем во все времена были и остаются малоразвитые регионы с их значительными пространственными ресурсами, не имеющие ни развитой транспортной сети, ни бесперебойно работающей инженерной инфраструктуры. Но, с формированием транспортных коридоров, являющихся связующими звеньями в этой цепочке не до конца освоенных или малоосвоенных районов, в абсолютном приоритете случаев функцио-

Anastasia F. Garnaga

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Department of Architecture and Urbanistics,
Pacific National University
007711@pnu.edu.ru, address

Lyudmila V. Zadvernyuk

Candidate Architecture,
Associate Professor,
Department of Architecture and Urbanistics,
Pacific National University
007711@pnu.edu.ru, address

Natalia N. Panchuk

Associate Professor,
Department of Architecture and Urbanistics,
Pacific National University
007711@pnu.edu.ru, address

**THE CITY AS A SYSTEM OF FLOWS.
LINEAR CITIES**

Annotation. The article is devoted to the ideas and projects of linear cities and settlement systems. Today, this is one of the most pressing issues in the field of urban planning. Based on the study of scientific theoretical sources, the definition of the concept of a linear city is given, the factors of occurrence, features of the development of settlements of a special urban planning organization – «linear» or «ribbon» cities are considered. The analysis of options for the formation of various types of settlement channels of a «linear» city is carried out. Various approaches for measuring the length of a city are presented. Historical examples are given.

Keywords: city, linear cities, flow systems, transport corridor, linear settlement system.

нирующая там очаговая система расселения, тоже начинает перестраиваться, и в новых условиях происходит формирование принципиально иной градостроительной конструкции – линейной системы расселения. Данный трансформационный процесс может быть как очень стремительным, подобным происходившему во всем мире в начале XX века в районах с интенсивной индустриализацией, так и протекать в очень замедленном темпе, растягивающим всю процедуру на не одно столетие.

1. Понятие линейного города, предпосылки формирования

В определении «линейных» городов общим для них всех является то, что это города с большой протяженностью, где длина города во много раз превосходит его ширину. Также исключительно все концепции линейных городов имеют два основных элемента: русло расселения и город. Руслом расселения считается транспортный коридор, в котором происходит непрерывное поточное движение ресурсов и людей. Если отсутствует прочное, востребованное русло расселения, то и формирование линейного города невозможно, без него город формируется в круговом концентрированном пространстве, где расстояние между отдельными точками и районами городского поселения наименьшие, а коммуникативные, транспортные, экономические связи осуществляются в кратчайшие сроки [2]. С уменьшением востребованности «русла», потерей им своих связующих функций в процессе исторического развития линейный тип города постепенно трансформируется, происходит «расползание» населенного пункта по территории.

Таким образом, любое линейное поселение развивается вокруг транспортного русла (артерии), коим может являться автомобильная дорога, железнодорожная магистраль, судоходная река, или же совокупный транспортный коридор, объединяющий несколько таких объектов. Являясь градоформирующим объектом, в то же время транспортный коридор не является объектом градообразующим, эта прерогатива в линейной системе расселения достается разноотраслевым предприятиям, в том числе и объектам транспортной инфраструктуры.

Примером первой в истории трансконтинентальной магистрали, сухопутной на большей части своей протяженности, считается Великий Шелковый путь. Именно вдоль него произошло формирование первой линейной агломерационной системы расселения. Таким образом, Великий Шелковый путь стал причиной возникновения и развития многих городов и даже цивилизаций, буквально соединив на своем протяжении два мира – Восток и Запад [3].

В течение последних десятилетий происходит активное дискутирование о плюсах и минусах развития так называемых линейных городов. Имеется большое многообразие и определений, и понятий «линейного» города, и зачастую термины эти означают отнюдь не одно и то же.

Одними исследователями отстаивается точка зрения, что данный тип городского устройства весьма неконструктивен, другая группа усматривает за ним будущее.

Значительное преимущество «линейного» города состоит в близости всех его поселенцев к природным объектам, сельскохозяйственным угодьям, поскольку малая ширина города дает возможность доступно посещать эти территории, не используя авто- и железнодорожный транспорт, что несет в себе важную экологическую

составляющую проживания в городе такого типа. К основным недостаткам линейности поселения следует отнести большую длину продольных коммуникаций, и, соответственно, существенные по значению расходы на формирование транспортной сети, инженерно-технического обслуживания; эти же факторы способствуют и растягиванию всей системы общественного, медицинского и культурно-бытового обслуживания населения.

В настоящее время в России имеется достаточное количество городов со большой их протяженностью, исторически сформировавшихся вдоль транспортных и торговых, водных или сухопутных артерий. Подходов и методик для измерения длины города существует немало, однако самым понятным и простым способом измерения протяженности города является выбор двух его крайних точек (расположенных на севере и юге, либо на востоке и западе) и условно через них провести прямую. При такого рода измерении пальму первенства делят между собой Волгоград и Сочи. Сочи официально признан самым длинным городом России и вторым по протяженности городом мира (его длина – 145–148 км). Но Сочи скорее относится к чередованию небольших приморских курортов и именно большие территориальные разрывы обеспечивают Сочи столь значительную протяженность.

Специалистами компании «2 ГИС» составлен рейтинг самых длинных городов-миллионеров страны. Основным критерием для проведения данного анализа был выбран кратчайший маршрут по улицам, ведущий через весь город. В ТОП-10 самых протяженных городов нашей страны (в скобках указана длина маршрута в км) по версии «2 ГИС» вошли: Москва (112,0), Санкт-Петербург (102,1), Самара (69,3), Волгоград (64,5), Уфа (54,3), Пермь (48,8), Омск (48,2), Новосибирск (46,2), Екатеринбург (45,6), Казань (44,5) [4].

2. Системы потоков города, планировочные решения

В течение многих тысяч лет стараниями человека сооружения, им создаваемые, снабжались не только защитой от вражеских нападений и климатических капризов, но и теплом, светом, энергией, водой, а также эффективной системой отведения отходов, в чем особенно заметного прогресса люди достигли на протяжении последнего века. Но результат такой деятельности оказался весьма специфичным. Сотни удобных сервисных механизмов стали потреблять огромное количество энергетических ресурсов. Производство энергии и городские выбросы оказывают негативное воздействие на окружающую среду и теперь задача состоит в том, что назрела потребность не только в помощи людям, но и в спасении самой природы, из которой они черпают блага. А это меняет саму концепцию строительной деятельности. И возможный выход из этой ситуации указывает нам создание линейных системы расселения.

Решение о планах городов принимается под влиянием следующих факторов: место города в системе расселения; природно-климатическая

характеристика выбранной территории; профиль и величина градообразующей группы предприятий; условия функционального зонирования городской территории; организация транспортных связей между жилыми районами и местами приложения труда; учёт перспективного развития города; требования охраны окружающей среды; условия инженерного оборудования территории; требования экономики строительства; архитектурно-художественные требования. Эти факторы находят отражение в планировочной структуре города, т.е. в сочетании жилой застройки с

местами массового посещения, связанных сетью магистральных улиц и площадей [4].

В 1941 году группа английских архитекторов МАРС предложила такой вариант преобразования Лондона по типу линейной структуры, в которой жилые пояса расположены перпендикулярно к растянутому центру, а промышленность находится на концах магистралей. Эта схема считается наиболее перспективной планировочной структурой.

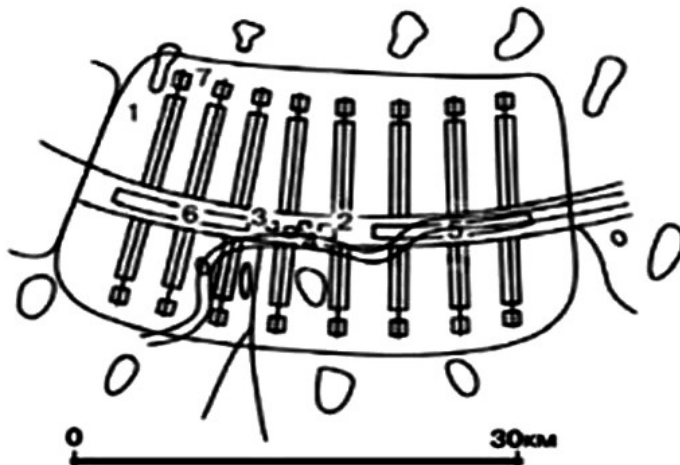


Рисунок 1 – Схема линейных городов, предложенная архитектурной группой МАРС [4]

Современный город является сложным организмом, в котором тесно переплетаются социальные, архитектурно-планировочные, инженерные и экономические начала. Для удобной и рациональной организации жизни этого сложного организма в основу планировочного решения города закладывается зонирование его территории исходя из функциональных признаков и видов городского строительства.

В соответствии со СНиП 2-60-75* по своему функциональному назначению территория города делится на следующие зоны:

а) селитебную зону, где размещаются жилые микрорайоны и кварталы; участки административно-общественных учреждений и учреждений культурно-бытового обслуживания населения; спортивные сооружения общего пользования и внеквартальные зеленые насаждения; улицы и площади; отдельные промышленные предприятия невредного производственного профиля, склады, внешний транспорт; не использованные участки и неудобные для застройки.

б) промышленные зоны, где происходит размещение промышленных предприятий с обслуживающими культурно-бытовыми учреждениями, улицами, площадями и дорогами, зелеными насаждениями.

в) транспортные зоны, занимаемые устройствами внешнего транспорта;

г) зоны коммунально-складского назначения;

д) санитарно-защитные зоны, отделяющие промышленные предприятия и транспортные устройства от жилья.

Селитебная зона располагается с наветренной стороны для ветров преобладающего направления, а также выше по течению рек по отношению к промышленным предприятиям, которые являются источниками загрязнения окружающей среды.

Расположение производственной зоны должно происходить так, чтобы можно было организовать удобные транспортные и пешеходные связи с местами проживания трудящихся, т.е. с селитебной зоной. Выбор территорий для производственных зон должен учитывать беспрепятственное их присоединение к линиям внешнего транспорта. Но при этом пересечение производственных зон транзитными железнодорожными путями и автомобильными дорогами является нежелательным.

Промышленная зона размещается на разном расстоянии от селитебной в зависимости от интенсивности выделения производственными предприятиями вредных веществ. Санитарные нормы проектирования подразделяют промышленные производства на пять классов, каждому из которых соответствует своя санитарно-защитная зона (м): I класс-1000; II-500; III-300; IV-100; V-50.

Определяя взаимное расположение промышленных и селитебных территорий необходимо учитывать и уровень шума, исходящий от отдельных видов предприятий.

Коммунально-складская зона города располагается в удобной связи с внешними транспортными сетями. В ней выделяются районы для коммунальных и складских предприятий. В крупнейших, крупных и больших городах такие районы должны быть размещены рассредоточено. Общетоварные склады и плодовоовощные базы обеспечивают хорошей транспортной связью с жилыми районами и размещают обособленно от промышленных районов города.

В зону внешнего транспорта входят территории железнодорожного, автомобильного, водного и воздушного транспорта. Внешние транспортные линии проектируют в органичной связи с улично-дорожной сетью города и его видами транспорта. Такой комплексный подход обеспечивает высокий уровень комфорта перевозки пассажиров, рациональность местных и транзитных грузовых перевозок, а также способствует экономичности строительства транспортных объектов и их эксплуатации. Комплекс транспортных устройств и сооружений внешнего и городского значения, выполняющих операции по дальним, местным и городским перевозкам пассажиров и грузов, образуют транспортный узел.

Селитебная, промышленная, транспортная, складская зоны вместе с сопутствующими им санитарно-защитными зонами составляют городскую территорию застройки. Вне застроенной территории, но в пределах городской черты размещаются городские лесопарки, городские коммунальные предприятия и устройства (питомники, водозаборные сооружения и очистные сооружения городского водопровода, очистные сооружения городской канализации, утилизационные заводы, резервные территории, используемые иногда с сельскохозяйственными целями, кладбища и крематории и т.п.), которые по эксплуатационным и санитарно-гигиеническим условиям не могут быть размещены в застроенной части города.

Не все городские элементы равнозначны по тяготению к ним населения. Некоторые из них являются местами массового пользования: общегородской, а в больших городах и районные центры, крупные промышленные предприятия, важнейшие административно-общественные учреждения, высшие учебные заведения, железнодорожные и водяные вокзалы, стадионы, парки. Размещение этих объектов, создающих большие транспортные потоки, определяет общую конфигурацию сети магистральных улиц и площадей города.

Большую роль в формировании планировочной структуры города играют массивы зеленых насаждений и водные пространства. При расположении города на обоих берегах река часто приобретает значение одной из основных композиционных осей плана города. При большой ширине реки город располагается обычно на высоком ее берегу. Чем шире река и чем меньше город, тем целесообразнее развивать его на одном берегу реки во избежание сооружения дорогостоящих городских мостов и усложнения инженерного оборудования города. Планировка городов,

расположенных на берегу моря или озера, также отражает тяготение города к воде. Почти во всех городах, расположенных на берегах водоемов, общегородской центр смещается от геометрического центра городской территории в сторону водоема, а иногда размещается непосредственно на его берегу.

Сочетание жилых районов, пунктов массового посещения населением и сети магистральных улиц и площадей города создает общую планировочную структуру города.

Важнейшим моментом при формировании планировочной структуры города является учет его перспективного развития, связанного прежде всего с расширением основных функциональных зон – производственной и селитебной. учет перспективного развития города начинается на стадии районной планировки, когда данный город рассматривается как составная часть групповой системы населенных мест. Развитие основных зон города предусматривают в таком направлении, которое не препятствовало бы развитию соседних городов и не допускало бы территориального срастания с ними.

Для расширения города резервируются специальные территории. Их размеры и местоположение в общей планировочной структуре города определяют, исходя из прогнозов расширения градообразующей базы, роста нормы жилой площади на человека, учета природно-климатических факторов, экономико-географического положения города, его административно-культурного и научного знания. Существуют ориентировочные нормативы определения перспективной потребности для основных зон города. Они определяются в расчете на 1 тыс. жителей. Территория для всех видов строительства в пределах основного массива городской застройки предусматривается исходя из 15...20 га/тыс. чел., для селитебных зон – 10...12 га/тыс. чел.

Город является самым заметным и известным проявлением разделения на бедные-богатые районы. Быстрорастущая квартирная и арендная плата – всего лишь следствие резкого сужения «среднего класса» и более ярко выраженного, по сравнению с другими городами, деления на богатых/бедных жителей. Тенденция, которую никто не может при капитализме отменить – богатых становится всё меньше, бедных – всё больше. Как правило, районы с близким расположением промышленных производств, густонаселенные, с недостаточным количеством зеленых зон и неблагоприятными факторами воздействия – это так называемые «бедные» районы. Богатыми же считаются районы с элитной качественной застройкой, вблизи рекреационных зон, как правило, на городских окраинах, но при этом имеющие всю необходимую инфраструктуру.

Интересна концепция проекта «Сибстрим», представленная на конкурс «Город 2100» под руководством И.Г. Лежавы. Это концепция линейного расселения, авторы в ней сделали акцент на два основных элемента – город и русло, содержащее в основе своей транспортный коридор. В течении

долгого времени, исследуя проблематику территориального планирования, они сделали заключение, что «звездчатые» концентрированные города и агломерации теряют свою значимость. Это большей частью не касается столичного региона, но абсолютно применимо для остальной территории и имеет на это множество причин, таких как широтная протяженность страны, уменьшение численности населения, экономические кризисы и многие другие. И именно линейная система расселения, описанная в проекте «Сибстрим», даст возможность сделать жизнь в малых и средних городах, расположенных между городами большими и крупными, более привлекательной, что будет также способствовать общему процессу развития сельского хозяйства, местной промышленности и сохранению самобытного историко-культурного наследия. Проект «Сибстрим» совершенно четко показывает, что именно для нашей страны линейная форма расселения наиболее является естественной, вытянутая вдоль транспортных коридоров, будь то железные дороги, автомагистрали или судоходные реки [3].

Заключение

В процессе строительства новых городов необходимо создать систему, централизованно управляющую всеми процессами, в них происходящими. Новые города должны иметь возможность не только в централизованном порядке приобретать блага, но и иметь возможность контролировать весь цикл своего потребления, включая характер отходов, выходящих в атмосферу или почву. Не

Литература:

1. Будущее начинается сегодня SKYWAY. URL : <http://skyway.webprodelki.ru> (дата обращения 16.03.2022).
2. *Деточенко Л.В.* Линейный город: Историко-географические особенности территориальной организации, хозяйственной и транспортной составляющих (на примере Волгограда) / Л.В. Деточенко // Вестник Удмуртского университета. 2018. Т. 28. Вып. 2.
3. От идей Сория-и-Мата до «Сибстрима» и «Стратегии-2030»: обзор отечественных и зарубежных проектов линейных городов и систем расселения / И.М. Долинская [и др.]. // *Universum: технические науки* : электрон. научн. журн. 2021. № 5 (86). URL : <https://7universum.com/ru/tech/archive/item/11706> (дата обращения 16.03.2022).
4. *Завалишин И.С.* Планировочная структура крупного города на основе транспортной схемы метрополитена (линейный город) / И.С. Завалишин, Н.И. Завьялова // Академический вестник УРАЛНИИПРОЕКТ РААСН. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/planirovocchnaya-struktura-krupnogo-goroda-na-osnove-transportnoy-shemy-metropolitena-lineynyy-gorod> (дата обращения 15.03.2022).
5. Самый длинный город в России. ТОП-10 самых протяженных городов страны. URL : <http://fb.ru/article/284942/samyiy-dlinnyiy-gorod-v-rossii-top--samyih-protiyajennyih-gorodov-stranyi> (дата обращения 15.03.2022).

только производство и энергетика, но вся деятельность человека, и градостроительство здесь не исключение, должна стремиться к безотходному производству. Находясь в постоянном процессе роста города не могут служить для нас образцом. Многофункциональные инженерные системы, обслуживающие новые города, смогут держать под контролем только плотную, законченную структуру.

Путей решения как транспортных, так и остальных градостроительных проблем, по существу, только два – новое строительство на новых территориях в соответствии с современными требованиями устройства городов. Однако это не всегда представляется возможным из-за объективных причин и в целом не приведет к решению всех проблем «старого» города. А также путем совершенствования уже имеющейся городской структуры, то есть, на «местном» уровне. Именно этот способ является наиболее распространенным в городах современной России.

В «линейном» городе особенный акцент необходимо сделать на создании отвечающей современным реалиям развития транспортной инфраструктуры, как важнейшей составляющей комфортной, благожелательной для людей среды обитания. Без быстрого маневренного транспорта, без рациональной географии транспортных путей «жизнь» города линейной планировки не представляется возможной.

Literature:

1. The future begins today SKYWAY. URL : <http://skyway.webprodelki.ru> (date of application 16.03.2022).
2. *Detochenko L.V.* Linear city: Historical and geographical features of territorial organization, economic and transport components (on the example of Volgograd) / L.V. Detochenko // *Bulletin of Udmurt University*. 2018. Vol. 28. Iss. 2.
3. From the ideas of Soria-i-Mat to «Sibstream» and «Strategy-2030»: a review of domestic and foreign projects of linear cities and settlement systems / I.M. Dolinskaya [et al.] // *Universum: technical sciences* : electron. scientific. Magazine. 2021. № 5 (86). URL : <https://7universum.com/ru/tech/archive/item/11706> (date of application 03/16/2022).
4. *Zavalishin I.S.* The planning structure of a large city based on the metro transport scheme (linear city) / I.S. Zavalishin, N.I. Zavyalova // *Academic Bulletin of URALNIIPROEKT RAASN*. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/planirovocchnaya-struktura-krupnogo-goroda-na-osnove-transportnoy-shemy-metropolitena-lineynyy-gorod> (date of application 15.03.2022).
5. The longest city in Russia. TOP 10 longest cities in the country. URL : <http://fb.ru/article/284942/samyiy-dlinnyiy-gorod-v-rossii-top--samyih-protiyajennyih-gorodov-stranyi> (date of application 15.03.2022).

6. *Шевчук Д.В.* Региональная экономика и пространственное развитие : в 2 т. Т. 1. Региональная экономика. Теория, модели и методы : учебник для бакалавриата и магистратуры / Дмитрий Витальевич Шевчук. М. : Юрайт, 2015. 306 с.

6. *Shevchuk D.V.* Regional economy and spatial development : in 2 vol. Vol. 1. Regional economy. Theory, models and methods : textbook for undergraduate and graduate studies / Dmitry Vitalievich Shevchuk. M. : Yurayt, 2015. 306 p.

Го Хуэйянь

аспирант,
Санкт-Петербургский
государственный университет,
Высшая школа журналистики
и массовых коммуникации
ghuiyan@mail.ru

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ГРАФИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ В КИТАЕ

Аннотация. Развитие индустрии графической рекламы в Китае можно разделить на четыре стадии: начальное строительство страны; период «культурной революции» в Китае; проведение Политики реформ и открытости и появления рыночной экономики; глобализация и эпоха потребления. На каждой стадии анализируются визуальные элементы и тексты в типичных графических объявлениях, включая коммерческую, политическую и социальную рекламу, рассматриваются ценности, передаваемые через средства графической рекламы, выясняются ее динамические идеологические функции в течение более чем 50 лет. Утверждается, что графическая реклама является важным культурным инструментом в общественном развитии, играет важную роль в формировании в обществе новых поведенческих установок, создании позитивного отношения к государственным структурам и т.д. В практическом применении исследование помогает графической рекламе следовать тенденциям развития общества и эффективнее выполнять идеологическую функцию, становясь инструментом для будущих социальных и культурных исследований.

Ключевые слова: графическая реклама, визуальная коммуникация, идеологическая функция, Китай.

После основания Китайской Народной Республики с социальным и экономическим развитием представление и поведение народа также постоянно изменяются. Кроме факторов политики, экономики в эволюции идеологии нельзя игнорировать роль графической рекламы, которая является особой формой культуры. Графическая реклама, как один из носителей идеологии, способствует укреплению позиций нового режима, формированию положительного имиджа правительства и предприятий, изменению у людей социального поведения, ценностной ориентации, потребительской концепции и т.д.

В настоящий момент реклама является важным СМИ во всех сферах общества. Ее функции стали предметом многочисленных научных исследований в политической, культурной, экономической областях. Например, Е. В. Мартынов фокусирует внимание на идеологических функциях социальной рекламы, доказывает её тесную связь между

Guo Huiyan

Postgraduate Student,
St. Petersburg State University,
Graduate School of Journalism
and Mass Communication
ghuiyan@mail.ru

THE IDEOLOGICAL FUNCTION OF GRAPHIC ADVERTISING IN CHINA

Annotation. The development of China's graphic advertising industry can be divided into four stages: the initial construction of the country; the period of China's «Cultural Revolution»; the implementation of the Reform and Opening-up Policy and the emergence of market economy; globalization and the consumer era. Each stage analyses the visual elements and texts in typical graphic advertisements, including commercial, political and social advertising, examines the values conveyed through the means of graphic advertising, and elucidates its dynamic ideological functions over more than 50 years. It is argued that graphic advertising is an important cultural tool in societal development, playing an important role in shaping new behavioural attitudes in society, creating positive attitudes towards state structures, etc. In practical application, the study helps graphic advertising to follow societal development trends and more effectively perform its ideological function, becoming a tool for future social and cultural studies.

Keywords: graphic advertising, visual communication, ideological function, China.

нею и идеологическим позиционированием государств [10, с. 97–110].

Э.Э. Бочкарева в своей работе изучает специфику функциональной направленности рекламной деятельности в сфере культуры и искусства, рассматривает социальную, воспитательную, идеологическую роль как ключевые функции [4, с. 222–225].

Ю.В. Андреева уделяет идеологической функции рекламы в сфере экономики, рассуждая о миссии современной российской рекламы с точки зрения воздействия на личность и на массовое сознание с целью управления психическим состоянием, сознанием и поведением [2, с. 75–78].

Однако, с точки зрения графической рекламной деятельности анализа её идеологической функции очень ограничены, только в работе Э.М. Глинтерника рассматривается развитие

рекламной дизайн-графики в России на раннем этапе развития и её функцию в формировании нового пласта визуальной культуры в обществе [7, с. 89–111].

Надо отметить, что аналогичного исследования о Китае в России пока нет. В этом заключается актуальность темы, раскрываемой в работе.

Идеология и реклама имеют очень тесную взаимосвязь: обе они оказывают влияние на мысли и чувства людей. Согласно «Капиталу» Маркса, идеология является основным содержанием надстройки, фокусирующей на мышлении людей, политике, праве и других областях, чтобы сформировать концептуальную систему всего общества.

Будучи важным традиционным медиа, графическая реклама выполняет функцию коммерческого маркетинга, общественного благосостояния и политической пропаганды, все это играет роль в формировании идеологии. Принимая во внимание основные исторические события, развитие рекламной индустрии в Китае можно разделить на четыре этапа, в каждом из которых графическая реклама реализует разные идеологические функции.

После основания КНР в 1949 году следующее десятилетие (1950-е годы) ввиду смены общественно-политического строя (доминирующей идеологией стал социализм) стало периодом активного преобразования Китая: все аспекты жизни столкнулись с новыми проблемами и целями развития.

На этой стадии социальное строительство в Китае находилось под влиянием марксизма. В основном, идеология того времени представляла собой критику капитализма. Также, на этом этапе стандартизованный рынок торговли еще не сформировался [11]. В этом контексте, рекламная индустрия играла комбинированную роль политической пропаганды и коммерческого маркетинга, поэтому графическая реклама того времени в

основном выполняла следующие идеологические функции:

во-первых, прививать обществу политические ценности и влиять на поведение населения, тем самым способствуя формированию социальной и политической культуры, укрепляющей режим [5]. Например, на плакатах в Китае 1950-ых годов часто наблюдается контраст между высокой фигурой крестьянина и низкой фигурой землевладельца, чтобы подчеркнуть статус пролетариата (рис. 1);

во-вторых, плакатная реклама выполняет воспитательную функцию, позволяя гражданам соблюдать общественный порядок [1, р. 254]. На рисунке 2 в качестве примера показаны два пионера и написано: улучшим экологическую санитарии и поддержим чистоту и порядок в городе;

во-третьих, реклама того времени имеет критическую функцию, как написано в статье: «определённая идеология может противостоять гетерогенным идеологиям и отвергать их [6, с. 14–16]». Например, на плакате сильный рабочий хочет раздавить представителей американского империализма сталью и зерном (рис. 3).

Тем не менее, стоит упомянуть роль коммерческой рекламы в идеологии в этот период. Количество коммерческих рекламных объявлений в 1950-х годах невелико и одноразово, в них просто помещали основную информацию, такую как фото, название товара и возможно контакт компании. Большинство из них являлись внешнеэкономической рекламой, способствующей развитию международной торговли. Например, на рисунке 4 показана реклама пижам с простыми визуальными элементами и текстом на английском и китайском языках.

Таким образом, в этот период дополнительные идеологические функции графической рекламы – управление потреблением и содействие экономическому развитию.



Рисунок 1 – Плакат в 1950 г. «Крестьянин говорил помещику: кто кого содержит?»



Рисунок 2 – Социальная реклама 1950-ых годов



Рисунок 3 – Плакат 1950-ых годов



Рисунок 4 – Реклама пижам на английском и китайском языках в журнале 1950-ых годов

Затем, в начале 1960-х годов, в связи с Культурной революцией, развитие рекламной индустрии находилось в состоянии застоя. В этот период коммерческая реклама считалась продуктом капиталистической системы, и была полностью запрещена. Реклама же приобрела чисто

политический окрас, проявляясь в виде агитационных плакатов и постеров [13, р. 96–100]. Почти во всех пропагандистских изображениях этого периода доминирует образ Мао Цзэдуна, а также элементы коммунизма, такие как флаг партии и звёзды (рис. 5).



Рисунок 5 – Плакат 1960-ых годов

Окончание культурной революции в конце 1970-х годов привело к огромным изменениям в экономике, культуре, образовании и образе жизни Китая. В культурном отношении, после Политики реформ и открытости, под влиянием западного современного искусства в 1985 году в художественных кругах возникло движение «Новая волна» (движение китайского современного искусства, его цель – использование опыта западноевропейского искусства и развитие своего), которое привнесло в Китай стили искусства реализма, романтизма и импрессионизма [9]. Инновации в технике и концепции рисования в значительной степени изменили понимание людьми визуальной коммуникации.

Стоит отметить, что после Политики реформ и открытости активно развивалась социальная реклама, которая считается регулятором духовно-нравственного состояния общества. Также, коммерческая функция в рекламной деятельности постепенно заняла доминирующее положение, превзойдя политическую [12]. В этот период графическая реклама имеет следующие идеологические функции.

В-первых, изменять потребительскую концепцию, соответствующую социалистической рыночной экономике. Хотя коммерческая реклама снова появилась в поле зрения людей благодаря Политике реформ и открытости, мнение людей к этой рекламе ещё не полностью изменилось. Многие люди по-прежнему выступают против коммерческой рекламной деятельности, особенно в отношении рекламы иностранных товаров. Графическая реклама этого периода использовала простые изображения для описания товаров, способствуя идеологическому восприятию потребителя разнообразия продуктов, и, помогая наладить позитивную коммуникацию между потребителем и бизнесом.

Во-вторых, содействовать реализации новой политики и социальной структуры на идеологическом уровне. Реклама может позволить людям быстро адаптироваться к социальным изменениям. Например, в социальной графической рекламе в конце 1980-х годов, продвигающая Политику планирования семьи, написано: соблюдение Политики планирования семьи – обязанность каждой семьи (рис. 6).

Таким образом, в конце 1980-х годов появилось большое количество коммерческой печатной рекламы, но непривлекательный дизайн был очевидным недостатком, что указывало на четкое направление для дальнейшего развития графической рекламы.

Вступив в XXI век, культура китайского общества испытала сильное влияние развитых западных стран в процессе глобализации. Рыночная экономика в значительной степени способствовала потреблению, которое стало движущей силой социального развития. В этом контексте, целью потребления является не только удовлетворение материальных потребностей людей, но и передача значения культуры, так что продукты постепенно начинают нести в себе культурные символы [3, р. 116]. Важную роль в этом процессе играет именно реклама, в которой содержащаяся информация проникает в глубину сознания аудитории. Следовательно, современная графическая реклама, как проявление общества потребления, несет в себе уникальную идеологию общества потребления и выполняет следующие функции: обновление концепций потребления, формирование и развитие ценностной ориентации.

Во-первых, потребительская концепция, которая передается в графической рекламе, способствует не только увеличению продаж товаров, но и социальному развитию и прогрессу. Идея опережающего потребления проявлялась в графической

рекламе [8, р. 12–13]. Как показано на рисунке 7, рекламный текст на упаковке рекламы китайской водки «Цзянсяобай»: завтра будут завтрашние проблемы, пусть сегодня будет хороший день.

Это не только соответствует атрибутам самого продукта, а также подразумевает, что людям надо ловить миг удовольствия без учета будущего.



Рис. 6 – Социальная реклама 1980-ых годов



Рисунок 7 – Наружная реклама китайской водки «Цзянсяобай»

Во-вторых, графическую рекламу можно использовать для создания эмоционального резонанса с аудиторией, тем самым вовлекая ее и влияя на ее ценности. По мнению Адорно и Хоркхаймера, массовое производство культурных форм предполагает унификацию индивидуальных особенностей. Другим важным обстоятельством, на которое обращают внимание авторы, является акцент на формирование у аудитории качеств пассивности и конформизма [14, с. 312]. В нынешнем постиндустриальном обществе, то есть, в информационном обществе, руководство становится авторитетом с целью создания чувства принадлежности и наведения людей на поиски своего сообщества. Например, графическая реклама водки «Цзянсяобай», где написано «Цвета существуют не для того, чтобы различать людей, а для того, чтобы сделать мир более красочным», выражает поддержку группе ЛГБТ и обращена ко многим молодым людям (рис. 8).

Графическая реклама всегда отражает социальное мировоззрение в определенный период и основные характеристики того времени. Эволюция визуальной коммуникации рекламы по содержанию и форме также использована для того, чтобы увидеть прогресс и изменения в обществе. В итоге можно прийти к такому выводу: кроме как носитель маркетинга:

Во-первых, графическая реклама – это регистратор общества, фиксирующий и отражающий ведущие ценности общества, пропагандируемые тенденции потребления, а также жизненное убеждение и социальный статус людей.

Во-вторых, графическая реклама играет идеологическую роль в бизнесе, обществе и политике, направляя и контролируя ценностную ориентацию и стиль поведения аудитории.



Рисунок 8 – Наружная реклама китайской водки «Цзянсяобай»

Литература:

1. *Альтюссер Л.* Идеология и идеологический государственный аппарат / Л. Альтюссер; Пер. с кит. Мэн Дэнхуэй. Нанкин : Издательство Нанкинского университета, 2002. 254 с.
2. *Андреева Ю.В.* Миссия и идеологические функции рекламы в современном мире / Ю.В. Андреева // *Инновации*. 2006. № 3(90). С. 75–78.
3. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления / Ж. Бодрийяр; Пер. с кит. Лю Чэнфу. Нанкин : Издательство Нанкинского университета, 2001. 116 с.
4. *Бочкарева Э.Э.* Функции рекламы в сфере культуры и искусства / Э.Э. Бочкарева // *Вестник МГУКИ*. 2013. № 4(54). С. 222–225.
5. *Ван Инсинь.* Исследование идеологической функции популярной культуры : дис. ... канд. филос. наук. Нанькайский университет, Тяньцзинь, 2013. 196 с.
6. *Вэй Цюньлю.* Исследование меняющихся функций марксистского государства / Цюньлю Вэй // *Социальные науки*. 2015. № 10. С. 14–16.
7. *Глинтерник Э.М.* Рекламная дизайн-графика как социокультурный феномен в России 1880–1910-х годов / Э.М. Глинтерник // *Международный журнал исследований культуры*. 2016. № 4 (25). С. 89–111.
8. *Сяобо Е.* Визуальная культура и общество потребления / Е. Сяобо // *Шанхайский бизнес*. 2021. № 9. С. 12–13.

Literature:

1. *Althusser L.* Ideology and the ideological state apparatus / Althusser Louis; translated by Yinghui Meng. Nanjing : Nanjing daxue chubanshe, 2002. 254 p.
2. *Andreeva Ju. V.* Mission and ideological functions of advertising in the modern world / Ju.V. Andreeva // *Innovation*. 2006. № 3(90). P. 75–78.
3. *Baudrillard J.* The consumer society / Jean Baudrillard; Transl. by Chengfu Liu. Nanjing : Nanjing daxue chuabnshe, 2001. 116 p.
4. *Bochkareva Je.Je.* Functions of advertising in the sphere of culture and art / Je.Je. Bochkareva // *Vestnik MGUKI // Bulletin of the Moscow State Institute of Culture*. 2013. № 4(54). P. 222–225.
5. *Wang Yingxin.* Research on the ideological function of popular culture : dis. ... of PhD in Philosophy: defense of the thesis 30.05.13: approved 02.14 / Wang Yingxin. Tianjin, 2014. 196 p.
6. *Wei Qionglue.* Research on the changing functions of the Marxist state / Qionglue Wei // *Social Science II Series*. 2015. № 10. P. 14–16.
7. *Glinternik Je.M.* Advertising design graphics as a socio-cultural phenomenon in Russia 1880–1910-ies / Je.M. Glinternik // *International Journal of Cultural Research*. 2016. №4(25). P. 89–111.
8. *Ye Xiaobo.* Visual culture and consumer society / Xiaobo Ye // *Shanghai Business*. 2021. № 9. P. 12–13.

9. *Лу Хун*. Тридцать лет китайского современного искусства: 1978–2008. Чанша : Хунаньское художественное издательство, 2013. 535 с.

10. *Мартынов Е.В.* Социальная реклама в решении задач патриотического воспитания и пропаганды: сравнительно политологический анализ / Е.В. Мартынов // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 4. С. 97–110.

11. Сун Хуэйчан. Исследования в области идеологии. Пекин : Партийная школа Центрального комитета Коммунистической партии Китая, 1993. 145 с.

12. *Сюй Цзюньцзи*. История китайской рекламы. Пекин : Издательство Китайского университета коммуникаций, 2006. 315 с.

13. *Сяо Цзе*. Обзор исследований в области рекламы во время Культурной революции / Цзе Сяо // Реклама. 2016. № 10. С. 96–100.

14. *Хоркхаймер М.* Диалектика просвещения. Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. М.; СПб. : Медиум, Ювента, 1997. 312 с.

9. *Lu Hong*. Zhonguo dangdai yishu 30 nian: 1978–2008. Changsha : Hunan meishu chuabanshe, 2013. 535 p.

10. *Martynov E.V.* Social advertising in solving the problems of patriotic education and propaganda: a comparative political analysis / E.V. Martynov // Bulletin of the Moscow State Regional University. 2018. № 4. P. 97–110.

11. *Song Huichang*. Ideology Studies / Huichang Song. Beijing : Zhonggong Zhongyang dangxiao chubanshe, 1993. 145 p.

12. *Xu Junji*. The history of Chinese advertising. Beijing: Zhongguo chuanmei daxue chubanshe, 2006. 315 p.

13. *Xiao Jie*. A review of advertising research during the Cultural Revolution / Jie Xiao // Advertising. 2016. № 10. P. 96–100.

14. *Horkhajmer M.* Dialectics of Enlightenment. Philosophical fragments / M. Horkhajmer, T. Adorno. M.; SPb. : Medium, Juventa, 1997. 312 p.

Даниелян Мери Георгиевна

кандидат философских наук,
кафедра русского языка как иностранного,
Национальный исследовательский
Московский государственный
строительный университет
daniel_mg@list.ru

Метелькова Лилия Александровна

кандидат педагогических наук,
доцент,
кафедра иностранных языков
и профессиональной коммуникации,
Национальный исследовательский
Московский государственный
строительный университет
lilia.metelkova@gmail.com

**ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ
В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ
ВУЗОВ РОССИИ**



Аннотация. Современная система образования Российской Федерации базируется на принципах межкультурного диалога, то есть на формировании и развитии личности, находящейся в поликультурном окружении. В учебных заведениях Российской Федерации обучаются студенты разных национальностей, приезжающих из дальнего и ближнего зарубежья. Одной из важных задач системы высшего образования в РФ является формирование толерантности, коммуникабельности, социализации молодых людей. В процессе обучения иностранному языку учащихся знакомят с национально-культурными традициями, нормами поведения в обществе, речевым этикетом, с системой ценностей.

Ключевые слова: социокультурная адаптация, языковая политика, национальная культура, интеграции, обучение русскому языку как иностранному.



Вследствие мировой глобализации возникает ряд существенных проблем, одной из которых является проблема коммуникаций. Межличностное общение людей разной национальности происходит на том языке, какой выбирается для коммуникации, и этот выбор отражается на национальных языках.

Своеобразие и различия национальных менталитетов приводят к дисгармонии современное общество. Восприятие одних и тех же явлений людьми разных этнических групп порождают непонимание и разобщение, что и приводит к тому, что у местного (коренного) населения формируются стереотипы, чаще негативные, к

Mary G. Danielyan

Candidate of Philosophical Sciences,
Department of Russian Language
as Foreign,
National Research Moscow State
University of Construction
daniel_mg@list.ru

Lilia A. Melelkova

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Department of Foreign Languages
and Professional Communication,
National Research Moscow State
University of Construction
lilia.metelkova@gmail.com

**PECULIARITIES OF STUDENTS'
SOCIO-CULTURAL ADAPTATION
IN THE MULTINATIONAL ENVIRONMENT
OF RUSSIAN UNIVERSITIES**



Annotation. The modern education system of the Russian Federation is based on the principles of intercultural dialogue, on the formation and development of a personality in a multicultural environment. There are students of different nationalities who come from near and far abroad to study in the educational institutions of the Russian Federation. One of the most important tasks of the higher education system in the Russian Federation is to promote tolerance, communication skills and the socialisation of young people. In the process of teaching the foreign language the students get acquainted with national and cultural traditions, norms of behavior in the society, speech etiquette, with the system of values.

Keywords: socio-cultural adaptation, language policy, national culture, integration, teaching Russian as a foreign language.



представителям инокультуры. По определению Роберта Филлипсона «язык – это не только отражение действительности, но концептуальный «фильтр» нации, так называемая когнитивная картина мира. Язык – это отражение восприятия реальности не только индивидуума, но и целой нации, народа» [4].

Языковая политика, проводимая в России, направлена на поддержание языкового разнообразия, обеспечивающее межкультурный диалог и социальное единство [2], так как полиязычность является основополагающим фактором развития государства, которое воспринимается людьми разных национальностей своим «общим домом».

Современная система образования Российской Федерации базируется на принципах межкультурного диалога, то есть на формировании и развитии личности, находящейся в поликультурном окружении. Для решения этих задач адаптации и интеграции в университетах часто организуются культурно-просветительские мероприятия для студентов, которые способствуют развитию и укреплению межэтнической толерантности.

В настоящее время в России остро стоит проблема языковой адаптации и интеграции трудовых мигрантов. С каждым годом их поток увеличивается, и это нередко порождает в обществе негативные процессы: ксенофобию, расизм, сепаратизм, языковую сегрегацию и анклавизацию. Одним из важных направлений миграционной политики России является языковая и социальная адаптация мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья. Процесс адаптации подразумевает вхождение человека с инокультурой в общество, в котором приняты другие культурно-социальные нормы. Адаптация и социализация мигрантов – многоступенчатый процесс, включающий в себя языковое, социальное и психологическое преобразование приезжающего. Для эффективной адаптации и интеграции мигрантов в современное многонациональное российское общество может служить обучение русскому языку, который в сложившейся ситуации служит тем механизмом, с помощью которого и происходит адаптация мигрантов. Города, принимающие большие потоки мигрантов, столкнулись с тем, что на их территории начал создаваться изоляционный тип их проживания, когда мигранты дистанцируются от местного населения. Причиной этого явления можно считать не только низкий уровень знания русского языка мигрантов, что приводит к трудностям в коммуникации, но и нежелание адаптироваться к местным условиям.

В 2015 году в Российской Федерации ввели обязательное тестирование для мигрантов; во многих городах РФ организованы образовательные центры, в которых проводится обучение русскому языку, знакомят мигрантов с историей России, проводят тестирование иностранных граждан [3].

После распада СССР русский язык утратил свою значимость в «союзных» республиках, а в некоторых и вовсе был провозглашен иностранным. В течение нескольких лет правительство приобретенных «независимых» государств сумело вытеснить из всех сфер жизни русский язык, приравняв его к языку «колонизаторов». Так, отказавшись от русского языка, новые независимые республики перечеркнули все то, что десятилетиями было создано СССР, ускорили процесс межнационального разобщения, забыв при этом, что русский язык на протяжении семидесяти лет служил языком межнационального общения. По прошествии десяти лет, «союзные республики» признали, что отказ от русского языка отрицательно повлиял не только на экономические отношения между странами, но и снизил конкурентоспособность своих граждан на рынке услуг в процессе миграции.

В эпоху Советского Союза в национальных республиках русский язык имел статус языка

межнационального общения, а для 160 национальностей русский язык являлся языком общения. После распада СССР русский язык был вытеснен и из национальных систем образования [1], а приоритетным языком стал английский. Языковая политика новых независимых государств минимизировала количество общеобразовательных русских школ, а в национальных школах сократили часы русского языка. Понижение статуса русского языка на законодательном уровне, сведение к минимуму количество школ с преподаванием на русском языке, сокращение часов русского языка и литературы в национальных школах негативно отразилось на всех категориях граждан бывших советских республик. Плоды такой «независимой» политики ощущают, в первую очередь, прибывающие в Россию мигранты, которые, имея низкую языковую компетенцию, испытывают трудности понимания на всех уровнях общения. Языковой конфликт «ожидает» мигрантов на всех уровнях общения: в общении с местным населением, с органами власти. Национально-русское двуязычие позволяло развивать мышление, делало его более гибким, способствовало сближению разных культур.

Существует мнение, что языковая подготовка мигрантов должна проходить в их родной стране, чтобы приезжающие в Россию мигранты были подготовлены к жизни в инокультурном обществе. Большинство мигрантов не принимают и не понимают местные традиции, из-за незнания языка живут анклавно, это и приводит к сегрегации и увеличивает дезадаптацию. Приезжающим в Российскую Федерацию необходимо не только знать язык титульной нации, но и соблюдать нормы поведения, принятых в стране, а без этих знаний невозможна адекватная коммуникация между приезжающими и коренными жителями. Избежать коммуникативные препятствия можно только при достижении межкультурного диалога, который сблизит представителей разных культур.

Как же ввести мигрантов в межкультурное коммуникативное пространство?

Как мы полагаем, необходимо объяснить, что местный менталитет включает в себя некие правила, которыми руководствуются и придерживаются в обществе, что только при их соблюдении можно рассчитывать на результативность отношений коммуникантов. Мигрантов необходимо познакомить с культурой повседневной коммуникации: использование форм речевого этикета, выражения благодарности, извинения, обращения. В настоящее время наблюдается положительная динамика в процессе адаптации, где ведущую роль стала играть школа. Дети мигрантов, посещающие общеобразовательные школы, стали связующим звеном между местным населением и родителями-мигрантами.

Интеграционные и адаптационные мероприятия важны как для принимающего общества, так и для мигрантов. Для успешного проведения интеграционной политики требуются образовательные центры, в которых мигранты смогут учить русский язык, знакомиться с культурными традициями, познакомятся с русским этикетом.

Интеграционная политика содержит в себе терпимость и принятие чужой культуры. Мультикультурная модель признает несхожесть культур,

Литература:

1. *Арутюнова М.А.* Языковая политика и статус русского языка в СССР и государствах постсоветского пространства / М.А. Арутюнова // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 155–178. URL : <https://rucont.ru/efd/485552> (дата обращения 15.03.2022).
2. *Жерновая О.Р.* Языковая политика в диалоге культур / О.Р. Жерновая // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 5(1). С. 333–336.
3. Комплексный экзамен для мигрантов. URL : <https://edunews.ru/otchetnye/vidy/ ehkzamen-dlya-migrantov.html>
4. *Phillipson R.* The sociolinguistics of globalization by Jan Blommaert. Critical Discourse Studies. 2012. № 9(4). P. 407–414.

разность религий, а это позволит мигрантам интегрироваться и адаптироваться в новое общество.

Literature:

1. *Arutyunova M.A.* Language policy and the status of the Russian language in the USSR and post-Soviet states / M.A. Arutyunova // Bulletin of Moscow University. Series 25. international relations and world politics. 2012. № 1. P. 155–178. URL : <https://rucont.ru/efd/485552> (date of application 15.03.2022)/
2. *Zhernovaya O.R.* Language Policy in Dialogue of Cultures / O.R. Zhernovaya // Vestnik of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2010. № 5(1). P. 333–336.
3. Comprehensive exam for migrants. URL : <https://edunews.ru/otchetnye/vidy/ ehkzamen-dlya-migrantov.html>
4. *Phillipson R.* The sociolinguistics of globalisation by Jan Blommaert. Critical Discourse Studies. 2012. № 9(4). P. 407–414.

Денисов Александр Михайлович
старший преподаватель кафедры
организационно-кадровой работы
в органах государственной власти,
Институт технологий управления,
МИРЭА – Российский
технологический университет
Denisovdo2014@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ТИПОВ ОПЕРАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Аннотация. В данной статье рассматривается сущность операционных моделей управления персоналом, их значимость для системы управления персоналом и для организации, в целом, типы операционных моделей, различные способы организации функции управления персоналом в организации на основе используемой операционной модели. Также, автором рассматриваются условия, при которых возможна успешная и эффективная реализация той или иной модели операционного управления персоналом в современной организации.

Ключевые слова: операционная модель управления персоналом, управление персоналом, персонал, менеджер по управлению персоналом, HR-функция, HR TOM, Agile, бизнес-стратегия.

Операционные модели управления персоналом – это тема, которая в настоящий момент является очень важной для многих руководителей. Многие организации постоянно ищут способы улучшить свою работу и повысить качество сотрудничества как со своим собственным персоналом, так и с клиентами.

Операционная модель управления персоналом – это способ организации HR-команды для представления, одновременно, ценностного предложения своим сотрудникам и внешним заинтересованным сторонам [1, с. 14]. Эффективные операционные модели управления персоналом помогают HR-менеджеру эффективно осуществлять свою деятельность.

Операционная модель помогает ответить на такие вопросы, как:

- Стратегия управления персоналом устанавливается централизованно головным офисом компании или местными командами в филиалах?
- Местный специалист по обучению хочет внедрить новую систему управления обучением.

Alexander M. Denisov
Senior Lecturer of the Department
of Organizational and Personnel Work
in Government Bodies of the Institute
of Management Technologies,
MIREA – Russian Technological University
Denisovdo2014@yandex.ru

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF CERTAIN TYPES OF OPERATIONAL MODELS OF PERSONNEL MANAGEMENT IN MODERN ORGANIZATIONS

Annotation. In this article discusses the essence of personnel management operating models, their significance for the personnel management system and for the organization as a whole, types of operating models, various ways of organizing the personnel management function in an organization based on the operating model used, and also considers the conditions under which it is possible successful and effective implementation of a particular model of operational personnel management in a modern organization.

Keywords: HR operating model, HR management, personnel, HR manager, HR function, HR TOM, Agile, business strategy.

Какова процедура получения разрешения на это от головного офиса?

- Директор по продажам угрожает уйти, если ему не повысят зарплату. Тем не менее, он уже находится на вершине возможной в организации для него заработной платы. Кто может повлиять на этот вопрос и принять правильное решение? [1, с. 18].

То, как принимаются эти решения, во многом связано с тем, какая операционная модель управления персоналом используется в организации.

Существует несколько типов операционных моделей управления персоналом, в том числе, модель делового партнерства, функциональная модель, централизованная модель или федеративная модель [2, с.31]. Какая модель лучше всего подходит организации, зависит от организационного контекста и бизнес-стратегии, а также доступного бюджета.

Высоко централизованная организация выигрывает от централизованной операционной модели, и наоборот. Небольшие организации преуспе-

вают, благодаря более функциональной модели, в которой один специалист по управлению персоналом выполняет разные роли, что приводит к быстрому и экономичному предоставлению кадровых услуг.

Различают пять различных типов операционных моделей управления персоналом [3, с. 44], из которых управления персоналом модель делового партнерства является наиболее распространенной. Централизованная операционная модель управления персоналом — самая популярная и известная модель, создана Дэйвом Ульрихом в конце 1990-х [4, с. 56].

Наиболее распространенная модель, работающая с точки зрения централизованных общих услуг и решений (называемых центрами передового опыта) с консультационными функциями или функциями делового партнерства в рамках направлений бизнеса. Линии отчетности обычно двойственны по своей природе: менеджер по управлению персоналом отчитывается как перед бизнесом, так и перед централизованным корпоративным функционером HR.

Стратегия управления персоналом разрабатывается для всех направлений бизнеса, а технологии управления — централизованно, чтобы обеспечить согласованность, масштабируемость и избежать дублирования.

Менеджер по управлению персоналом при такой модели работает по четырем направлениям [5, с.111]:

- Общие функции HR;
- Центры передового опыта / Centers of excellence (CoE). Это специалисты, которые занимаются более сложными ситуациями. Они предлагают руководству услуги по реализации программ и политики в таких областях, как компенсации, льготы, обучение, консультирование по вопросам эффективности и кадровое обеспечение;
- HR бизнес-партнеры. Это стратегические HR-специалисты, которые консультируются с линейными менеджерами и дают им стратегические советы по кадровым вопросам;
- Лидерская команда HR. Это команда стратегического руководства, которая разрабатывает организацию процесса управления персоналом и гарантирует, что менеджер сможет реализовать свои приоритеты в отношении персонала.

Преимущества такой модели:

- HR-менеджер позиционируется как стратегический партнер бизнеса и работает в рамках бизнес-структуры;
- Обеспечивает тесную связь с бизнесом, в то же время, предоставляя возможность повысить экономическую эффективность за счет использования общих технологий;

- Модель повышает эффективность и качество предоставления HR-услуг и направлена на обеспечение согласованности и стандартизации.

Недостатки такой модели:

- Может привести к повышению количества времени выполнения, если согласование между тремя сторонами не обеспечивается должным образом.
- Может управлять несколькими направлениями бизнеса одновременно в зависимости от величины бизнес-требований.
- Деловые партнеры HR часто становятся «своими» и не видят себя частью HR. Это может привести к проблемам в организационной культуре.

Функциональная модель. Эта модель наиболее распространена в небольших организациях и похожа на модель делового партнерства, однако аналогичные функции сосредоточены внутри организационной структуры в отделе по управлению персоналом, все сотрудники которого подчиняются руководителю отдела. Технология и стратегия управляются централизованно, а принятие решений, в основном, осуществляется сверху.

В функциональной операционной модели управление персоналом организовано по разным направлениям, включая подбор персонала, адаптацию, компенсацию и обучение. Эта модель наиболее распространена в небольших организациях, которые часто являются централизованными и обладают линейно-функциональной структурой.

В приведенном примере организационной структуры руководитель отдела по управлению персоналом может являться одновременно начальником менеджера по подбору персонала, который отвечает за привлечение талантов, и менеджера по управлению, который берет на себя многие другие обязанности, связанные, например, с системой мотивации. По мере роста организации отдел по управлению персоналом может расти и в него могут добавляться дополнительные функциональные группы специалистов, обеспечивающие такие HR-функции как управление талантами, обучение и развитие, HR-ИТ и так далее.

Преимущества такой модели:

- Оргструктура создает четкую направленность и линии ответственности в каждой функции и между отделами;
- Модель позволяет быстро накапливать специализированные знания, так как специалисты группируются вместе;
- Модель эффективна и достаточно экономична.

Недостатки такой модели:

- Модель может создавать разрозненность в структуре персонала;

- Оргструктура может испытывать трудности со связью между функциональными отделами и может стать слишком замкнутой;
- HR-функция отделена от бизнеса;
- Модель менее адаптивна к потребностям бизнеса и с трудом справляется с растущими внешними воздействиями.

Front-Back модель. Модель работает из общей функции бэк-офиса, которую фронт-офис может использовать при необходимости и в соответствии с конкретными бизнес-требованиями. Стратегия основана на общих принципах, однако в рамках каждого направления бизнеса будет разрабатываться отдельная стратегия, более локализованная для этой конкретной области [6, с. 74].

Модель аналогична модели делового партнерства, поскольку она также имеет деловых партнеров, общие службы и центры экспертизы. Тем не менее, она допускает большую локализацию за счет использования разных стратегий в каждом направлении бизнеса. Технология является общей и централизованной, но в зависимости от местных потребностей в каждом из направлений бизнеса могут существовать и другие технологии.

Преимущества такой модели:

- HR рассматривается как часть бизнеса и тесно связана с ним;
- Больше гибкости с точки зрения решений и предоставления услуг, что позволяет HR-менеджеру легче адаптироваться к требованиям различных отделов;
- Модель позволяет быстрее принимать решения, а больше ответственности выдвигается на передний того направления, которое сейчас важнее бизнесу;
- Модель может удовлетворить разнообразные потребности в более широкой организации.

Недостатки такой модели:

- Модель склонна к дублированию услуг и технологий и требует постоянного согласования;
- Управление моделью может занять много времени и требует большого объема управления и руководства для обеспечения согласованности между фронт- и бэк-офисом;
- Модель может создать конфликт между фронт- и бэк-офисом, что приведет к неэффективности и борьбе за сферы влияния.

Операционная модель «Снизу вверх» аналогична модели Front-Back. Разница заключается в том, что в модели Front-Back руководство определяет стратегию, но допускает локализацию принятия решений и функциональное исполнение на местном уровне. В представленной модели низшие уровни управления напрямую влияют на ядро организации [6, с. 81].

Различные подразделения на нижних уровнях управления отвечают за локализацию решений на основе заданных критериев, таких как география, бизнес-подразделение или маркетинг. Руководство или ядро, тем временем, предоставляет общие ресурсы и помогает оптимизировать процесс за счет согласованности, стратегии и общих технологий и услуг.

Преимущества такой модели:

- Надзор за нижними уровнями управления и избежание возможного дублирования, а также оптимальное использование ресурсов и знаний;
- Обеспечивает масштабируемость при изменении бизнеса и необходимости адаптации;
- Экономически эффективная модель при правильной оргструктуре;
- Обеспечивает выполнение сложной и разнообразной работы;
- Обеспечивает более быстрый цикл обучения и возможность повторного использования решений, предоставление продуктов и услуг.

Недостатки такой модели:

- Нижние уровни могут считать, что они не получают необходимого внимания от руководства организации, или, наоборот, руководство организации может считать, что оно распределяет слишком много ресурсов и внимания нижним уровням, что приводит к излишнему контролю и перегрузке;
- Принятие решений может стать трудным, особенно когда речь идет об определении прав собственности между руководством и исполнителями;
- Модель требует постоянного согласования с ясностью принятия решений и подотчетности [6, с. 98].

Федеративная модель – это полностью децентрализованная операционная модель управления персоналом. Она работает как независимое HR-направление бизнеса в бизнес-подразделении. Может существовать общая стратегия, HR-технологии и услуги. В этой модели корпоративный функционер HR преимущественно играет координирующую роль, а большая часть предоставления услуг децентрализована.

Основными преимуществами этой модели являются повышенная подотчетность и ответственность, поскольку HR-менеджер принадлежит одновременно разным бизнес-подразделениям, а также гибкость, которую она обеспечивает при масштабировании за счет технологий и стандартизации.

Преимущества такой модели:

- Модель поощряет подотчетность и ответственность, а управление персоналом рассматривается как бизнес-функция в каждом подразделении;

- Модель гибкая и адаптируется к региональным требованиям;
- Модель по-прежнему использует масштабирование за счет общих технологий и распределяет определенные расходы для экономии средств.

Недостатки такой модели:

- Модель может привести к дублированию ресурсов, а инициативы, которые необходимо реализовать, могут занимать значительное время;
- Без жесткого регулирования модель приведет к конфликтам, дублированию и со временем может стать дорогостоящей;
- Модель требует сильного контроля со стороны руководства для обеспечения расстановки приоритетов.

Целевая операционная модель (HR Target operating model (HR TOM)). Целевая операционная модель – это операционная модель управления персоналом, над которой работает отдел кадров [2, с. 105].

Примером может служить растущая организация, стремящаяся перейти от функциональной модели к модели делового партнерства. В этой новой модели деловые партнеры играют важную стратегическую роль. Чтобы перейти на эту целевую операционную модель, организации, возможно, придется нанять одного или двух старших деловых партнеров, переопределить рабочие роли для менеджеров и обучить всех специалистов по персоналу работе в целевой операционной модели.

Внешний или имеющийся внутренний консультант часто помогает разработать такую операционную модель. Переход на новую операционную модель может занять от шести месяцев до шести лет в зависимости от размера, сложности и ресурсной готовности организации. Вот почему в скором времени так часто можно будет услышать именно о целевой операционной модели, а не о текущей операционной модели, так как процесс реформирования многих организаций был ранее уже запущен.

Гибкая операционная модель управления или модель Agile HR. Самая известная и распространяемая на данный момент времени бизнес-модель управления персоналом не лишена критики. Специалисты часто работают изолированно, деловые партнеры не всегда до конца понимают реалии бизнеса, а с ростом автоматизации роль общих сервисов также может кардинально измениться.

Мы ожидаем, что в будущем появится другая, более гибкая операционная модель управления персоналом. HR будет двигаться к модели, которая меньше зависит от функциональных навыков, а вместо этого фокусируется на междисциплинарных компетенциях. Традиционные HR-навыки будут дополнены непосредственным участием

бизнеса, навыками автоматизации процессов и опытом работы с большими данными.

Это значительно уменьшит текущее, функциональное мышление в HR-сфере. Менеджер по управлению персоналом все больше и чаще будет работать, в большей степени, на проектной основе. Это также будет иметь последствия для руководства. Обычная операционная модель управления персоналом будет менее централизованной и жестко контролируемой. Вместо этого она будет двигаться к более гибкой модели кадрового агентства, в которой более децентрализованные проектные группы менеджеров внедряют решения и технологии с поддержкой со стороны конечного потребителя – руководства организации.

При внедрении любой операционной модели управления персоналом следует придерживаться ряда рекомендаций, которые повысят шансы на успех [1, с. 198].

- Бизнес-стратегия является основой для использования той или иной операционной модели управления персоналом. Операционная модель никогда не должна разрабатываться изолированно от стратегии организации. Наиболее эффективная операционная модель – это модель, которая соответствует бизнес-реальности, а также стратегии в отношении персонала (которая вытекает из бизнес-стратегии). Сильно децентрализованная группа с несколькими независимыми предприятиями, каждое из которых создает свою собственную кадровую стратегию, выиграет от федеративной модели, в то время как более централизованная функциональная модель будет гораздо менее эффективной.

- Не реализуйте модель в одиночку. Выбор и внедрение новой целевой операционной модели – это многолетнее мероприятие, требующее сопоставления ролей и навыков, а также обширных коммуникаций, управления изменениями и обучения. Наиболее эффективные организации работают вместе с внешними или внутренними консультантами, имеющими опыт разработки и внедрения таких моделей.

- Сопоставьте ожидания и возможности вашего персонала. Чтобы заставить операционную модель работать, руководству необходимо понимать наличие необходимых у персонала организации компетенций. Если вы хотите иметь стратегического делового партнера в рамках своей модели, вам необходимо убедиться, что у вас есть профессионалы с высоким уровнем деловой хватки, которые могут взаимодействовать с бизнесом по стратегическим вопросам. Одна из распространенных причин, почему так много операционных моделей неэффективны, заключается в том, что организации забывают сопоставить возможности своего персонала, необходимые для выполнения, с тем, как они намерены работать с этим персоналом.

- Обязательно используйте организацию труда при внедрении или изменении операционной модели управления персоналом. Распространенная

ошибка, которую совершают руководители компании, заключается в том, что они забывают о важности организации труда при планировании изменения или внедрения операционной модели управления персоналом. Новая операционная модель часто включает в себя изменения в названиях должностей, обязанностях и должностных инструкциях. Они должны быть сообщены и поняты всему персоналу, прежде чем они станут эффективными.

- Не путайте структуру отчетности о выполнении поставленной задачи с операционной моделью. Структуры отчетности часто меняются в организациях по мере создания новых ролей или изменения состава персонала. Изменение порядка подчинения и изменение операционной модели – это не одно и то же: операционная модель представляет собой глубоко укоренившееся изменение того, как модель управления персоналом предоставляет услуги, и ее не следует использовать без должного учета усилий, необходимых для реализации этого изменения.

Литература:

1. *Померанцева Е.П.* Модели управления персоналом. Исследование, разработка, внедрение. М. : Вершина, 2016. 256 с.
2. *Тим О'Рейли.* Гид по бизнес-моделям будущего. М. : Бомбора, 2019. 512 с.
3. *Дэвид Коттон.* Ключевые модели саморазвития и управления персоналом. М. : Лаборатория знаний, 2018. 320 с.
4. *Дейв Ульрих.* Новая модель организации. М. : Бомбора, 2022. 304 с.
5. *Тим Кларк.* Бизнес-модели для команд / Тим Кларк, Брюс Хейзен. М. : Манн, Иванов, Фарбер, 2021. 272 с.
6. *Арсеньев Ю.Н.* Управление персоналом. Модели управления / Ю.Н. Арсеньев, С.И. Шелобаев, Т.Ю. Давыдова. М. : Юнити-Дана, 2016, 288 с.

С учетом этих советов, внедрение новой операционной модели управления персоналом в организации по-прежнему будет сложной задачей, но вы сможете настроить свой персонал на успех, если будете помнить о них.

Решая, какая операционная модель лучше всего подходит организации, убедитесь, что она соответствует традициям, возможностям и имеющимся ресурсам. Высокоцентрализованная организация выигрывает от высокоцентрализованной операционной модели управления персоналом, и наоборот.

Операционные модели управления персоналом – все еще очень сложная тема для руководителей организации и менеджеров по управлению персоналом. Эффективная модель позволяет последнему реализовать кадровую стратегию и реализовать максимальную ценность для бизнеса. Однако все равно следует помнить, что модель, которая работает лучше всего, будет зависеть от организационной стратегии и работающего персонала.

Literature:

1. *Pomerantseva E.P.* Models of personnel management. Research, development, implementation. M. : Vershina, 2016. 256 p.
2. *Tim O'Reilly.* Guide to business models of the future. M. : Bombora, 2019. 512 p.
3. *David Cotton.* Key models of self-development and personnel management. M. : Laboratory of Knowledge, 2018. 320 p.
4. *Dave Ulrich.* A new model of the organization. M. : Bombora, 2022. 304 p.
5. *Tim Clark.* Business models for teams / Tim Clark, Bruce Hazen. M. : Mann, Ivanov, Farber, 2021. 272 p.
6. *Arsenyev Yu.N.* Personnel management. Management models / Yu.N. Arsenyev, S.I. Shelobaev, T.Y. Davydova. M. : Unity-Dana, 2016. 288 p.

Дорофеев Дмитрий Владимирович
адъюнкт кафедры социологии,
Военный университет Министерства
обороны Российской Федерации
dorofeevdv@inbox.ru

К ВОПРОСУ О РЕГУЛИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В ВОИНСКИХ КОЛЛЕКТИВАХ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты регулирования социальной напряженности в воинских коллективах. Социальная напряженность рассматривается как социальный феномен, оказывающий неоднозначное влияние на функционирование воинского коллектива. Проанализированы отдельные наиболее важные направления регулирования социальной напряженности в воинских коллективах на разных уровнях военно-социального управления. В завершении публикации делается вывод о том, что реализация рассмотренных направлений в практике военно-социального управления позволит снизить негативный эффект от социальной напряженности и актуализировать ее положительное влияние на воинский коллектив.

Ключевые слова: социальная напряженность; воинский коллектив; военная организация; социальное управление, регулирование социальной напряженности, служебное поведение, стиль управления.

Армия как социальный институт имеет особенности, которые обусловлены спецификой решаемых задач по защите государства и общества. Военнослужащие, как члены данного социального института, наделены особым социальным статусом, за которым, с одной стороны, нормативно закреплены права и социальные гарантии, с другой, на них возлагаются специфические обязанности и ограничения [1; 2], т. е., военнослужащие и воинские коллективы достаточно жестко включены в организационные структуры Вооруженных Сил и находятся в напряжении под воздействием со стороны системы военно-социального управления. Социальное содержание напряженности в воинских коллективах представляется как накопление противоречий между элементами организационной системы Вооруженных Сил и военнослужащими, реализующими личные цели и потребности в процессе воинской деятельности [11, 12]. Регулирование социальной напряженности в воинских коллективах предполагает:

— во-первых, реализацию комплекса мероприятий совершенствования организационных

Dmitry V. Dorofeev
Postgraduate Student
at the Department of Sociology,
Military University of the Ministry
of Defense of the Russian Federation
dorofeevdv@inbox.ru

ON THE REGULATION OF SOCIAL TENSION OF MILITARY ENVIRONMENT

Annotation. The article deals with the theoretical and practical aspects of regulating social tension in military teams. Social tension is considered as a social phenomenon that has an ambiguous influence on the functioning of the military environment. Some most important directions of regulation of social tension in military bands at different levels of military and social management are analyzed. The implementation of the considered directions in the practice of military-social management will allow reducing a negative effect of social tension and actualizing its positive influence on the military environment.

Keywords: social tension; military environment; military organization; social management; regulation of social tension; service behavior; management style.

условий функционирования воинского коллектива;

— во-вторых, целенаправленное воздействие на военнослужащих, обеспечивающее развитие военно-профессиональных и нравственных качеств личности.

Приоритетной задачей регулирования социальной напряженности в воинских коллективах является обеспечение эффективного функционирования Вооруженных Сил за счет создания условий для продуктивного воинского труда и нормальной жизнедеятельности военнослужащих как основных субъектов воинской деятельности.

Успешность регулирования социальной напряженности во многом зависит от обеспечения органов военного управления своевременной и достоверной информации о проблемных зонах, точках напряжения и недовольства, противоречиях, возникающих в военно-социальной среде. В этой связи, развитие системы обеспечения органов военного управления социологическими данными

о состоянии социального самочувствия военнослужащих и характере военно-социальных отношений в воинских коллективах является важнейшим самостоятельным направлением.

По мнению В.И. Веремчука и А.С. Скока, социологическое обеспечение деятельности органов военного управления следует рассматривать как систему, состоящую из двух подсистем: организационной и информационно-технологической.

Организационная подсистема включает себя комплекс научно-методических и организационных мероприятий проведения конкретных военно-социологических исследований и выработки практических рекомендаций для органов военного-социального управления.

Информационно-технологическая подсистема предполагает реализацию мероприятий по обеспечению органов военного-социального управления аналитической и прогнозной информацией и сопровождение реализации выработанных рекомендаций [9, с. 170–171].

Поэтому социологическое обеспечение регулирования социальной напряженности в воинских коллективах как отдельное направление информационно-аналитического обеспечения деятельности войск должно проводиться в несколько этапов:

- а) разработку эффективной методики, позволяющей диагностировать социальную напряженность в воинских коллективах;
- б) проведение диагностики состояния социальной напряженности в воинских коллективах на регулярной основе;
- в) разработку методических рекомендаций органам военного управления; г) оказание помощи в реализации выработанных рекомендаций.

Социальная напряженность в воинской среде развивается под воздействием внешних и внутренних условий прохождения военной службы. Внешними, по отношению к воинскому коллективу, условиями являются социально-экономическое и социально-правовое положение военнослужащих в обществе, внутренними факторами выступают сложившаяся система военно-социальных отношений в воинском коллективе, социально-бытовые условия в конкретном месте прохождения воинской службы и др. [11].

Исследователи И.Н. Дементьева, Д.А. Котов и др. отмечают опасность социальной напряженности состоит в том, что, достигая критических значений, она перерастает в слабо контролируемые динамические формы и становится катализатором «социального взрыва» [10, 13]. В этой связи, важное значение приобретает определение критических показателей социально-экономического и социально-правового положения военнослужащих, при которых социальная напряженность может перейти в динамические формы, проявляющиеся на поведенческом уровне [7].

В практике информационно-аналитического обеспечения деятельности органов государственного и военного управления накоплен большой опыт масштабной оценки социально-экономического и правового положения военнослужащих в рамках реализации постановления Правительства Российской Федерации от 27 февраля 1999 г. № 232. Накопленный опыт проведения масштабного мониторинга в Вооруженных Силах необходимо использовать в качестве методической основы выработки механизма оценить уровня социально-экономической и правовой напряженности при проведении конкретных военно-социологических исследований, направленных на оценку состояния социальной напряженности.

Анализ результатов социально-экономического развития Вооруженных Сил РФ в 2019–2021 годах показывает, что уровень социальной и правовой защищенности военнослужащих планомерно повышается. За указанный период достигнуты значительные результаты в сфере социального развития Вооруженных Сил [3]. Однако результатами исследования, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения в конце 2020 г., показывают, что по-прежнему актуален вопрос повышения денежного довольствия военнослужащих, данная проблема заняла первое место, ее значимость отметили 23 % опрошенных респондентов [4].

Надо отметить, что государство планомерно решает вопрос повышения денежного довольствия военнослужащих. Так, в 2020 и 2021 годах было осуществлено плановое повышение денежного довольствия военнослужащим на 3 % и 4 %, соответственно. Однако в условиях экономического давления, оказываемого на Россию, темпы роста инфляции могут превысить указанные значения, поэтому в качестве меры социальной защиты военнослужащих необходимо привязать размер индексации денежного довольствия военнослужащих к уровню фактической инфляции. Такая мера позволит гарантировать стабильное социально-экономическое положение военнослужащих и членов их семей, обеспечить им уверенность в завтрашнем дне.

Проведенные в Вооруженных Силах исследования показывают, что социальная напряженность в воинских коллективах обусловлена сформированными мировоззренческими позициями и социальными установками военнослужащих, которые позволяют им без внутреннего напряжения воспроизводить необходимые в условиях военной службы модели служебного поведения [12; 15]. Поэтому важным направлением регулирования социальной напряженности в воинских коллективах является формирование у военнослужащих военно-патриотического сознания и объективного представления о воинской деятельности. Ключевую роль в этом играет сложившийся в обществе образ защитника Отечества и Российской армии, которые тесно переплетаются с престижем военной службы и доверием к армии. Согласно результатам социологических исследований, престиж военной службы и доверие к армии неуклонно растет. Так, М.В. Барановский отмечает устойчивую тенденцию роста доверия к

армии в период с 2012 (39 %) по 2018 год (66 %) [8, с. 140]. Не сегодняшний день уровень доверия к армии оценивается в 76 % [5]. Prestиж военной службы также имеет тенденцию к росту, по данным Фонда общественного мнения 53 % опрошенных россиян уверены в том, что престиж военной службы растёт [6].

Важнейшим фактором повышения престижа военной службы и доверия к армии является открытая и объективная информационная политика государства по освещению деятельности Вооружённых Сил. Проведение открытой информационной и разъяснительной работы позволяет формировать у граждан, особенно призывного возраста, достоверного представления о воинской службе и военно-патриотического сознания, что обеспечит воспроизведение необходимого качественного состояния социального напряжения в воинских коллективах.

Отечественные ученые достаточно давно обращают внимание на стремление западных стран подорвать идеологическую платформу российского общества. Ю.Б. Шипицин и А.Ю. Шипицина отмечают, что в отношении России фактически развязана «гибридная война», целью которой является постоянное нагнетание социального напряжения, дестабилизация социально-экономической и политической обстановки, развитие дисфункций систем государственного и военного управления, дискредитация армии в глазах собственного народа [16, с. 24–36].

Примером негативного влияния недостоверной информации на образ армии и престиж военной службы являются данные социологического исследования, которые фиксируют разногласия в оценках действующих военнослужащих и граждан призывного возраста ситуации с так называемой «дедовщиной». Так, респонденты среди проблем армии отметили наличие «дедовщины». Однако на наличии этой проблемы в первую очередь обратили внимание люди, не служившие в армии, поставив ее на первое место (19 %) в общем рейтинге проблем в Вооружённых Силах, среди опрошенных военнослужащих эта проблема занимает десятое место, набрав лишь 5 % [4]. Данный пример наглядно показывает, что в результате искажения реальной информации о воинской деятельности у молодых людей призывного возраста сформированы негативные напряжённые социальные ожидания в отношении воинской службы, несоответствующие действительности. Особую актуальность проблема защиты общества от лживой информации о деятельности российских Вооружённых Сил приобрела в условиях проведения Россией специальной военной операции по защите народа Донбасса, когда западные СМИ, используя все имеющиеся ресурсы, с особым цинизмом пытаются очернить российских солдат и офицеров, подорвать идеологическую платформу воинского служения, создать напряжённые отношения армии и гражданских институтов общества. В этой связи, защита армии и общества от информационной агрессии является важнейшими направлением снижения

социальной напряжённости. Воинские коллективы глубоко интегрированы в социальную структуру военной организации общества, поэтому протекающие в них социальные процессы во многом зависят от объективных процессов, происходящих в армии и социуме в целом. Однако, несмотря на это, воинский коллектив представляет собой достаточно самостоятельную социальную систему, реализующую собственные специфические функции и имеющую свою собственную организационную структуру. В этой связи, эффективность регулирования социальной напряжённости в воинском коллективе во многом зависит от того как выстроено социальное взаимодействие по линии командир – подчиненный. Специфика организационной структуры Вооружённых Сил позволяет рассматривать офицера – командира в качестве основного субъекта управления в воинских коллективах. В процессе управленческой деятельности офицер, в зависимости от ситуации, реализует на практике формальную (командно-административную или неформальную (лично-регулирующую) стратегию управленческого воздействия. Выбранная им управленческая стратегия детерминирует развитие социальной напряжённости в коллективе, соответствие принятых решений текущей обстановки позволит сконцентрировать коллективное напряжение для решения поставленной задачи, ошибочный выбор управленческого воздействия может спровоцировать эскалацию деструктивных форм напряжённости. Специфика управленческих отношений в воинских коллективах предъявляет повышенные требования к профессиональным и личностным качествам офицеров и сформированности у них компетенций формального и неформального управления. Сочетание в управленческой деятельности перечисленных качеств, позволяет командиру добиться в коллективе заслуженного авторитета и доверия, что значительно повышает эффективность регулирования социальной напряжённости. Выбранный стиль руководства командира и реализуемая им формальная (командно-административная) или неформальная (лично-регулирующая) стратегия управления формируют в коллективе отношения доверия, которые детерминируют положительный или отрицательный вектор социальной напряжённости. Важно отметить, что если управление воинским коллективом рассматривается как субъект-объектный процесс, то доверие в нем является субъект-субъектными отношениями, т.е. одинаковую ценность представляет, как доверие подчиненных командиру, так и доверие командира вверенному ему коллективу [14, с. 79].

Регулирование социальной напряжённости в воинском коллективе представляет собой процесс управленческого воздействия на воинский коллектив, позволяющий снизить негативный эффект от социальной напряжённости и актуализировать ее положительное влияние на функционирование воинского коллектива. Регулирование социальной напряжённости осуществляется на всех уровнях военно-социального управления, приоритетными направлениями являются:

а) обеспечение органов военного управления необходимыми информационно-аналитическими данными о состоянии и динамике социальной напряженности в воинских коллективах;

б) обеспечение высокого стабильного социально-экономического и социально-правового статуса военнослужащих в обществе;

в) формирование нравственного облика и военно-патриотического сознания у военнослужащих и в обществе;

Литература:

1. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих».

2. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

3. Итоги социального развития ВС РФ в 2019–2021 гг. // Официальный сайт Министерства обороны России. URL : <https://sc.mil.ru/social/itogi.htm> (дата обращения 10.03.2022).

4. Аналитический обзор. Готовность к службе в армии и неуставные отношения // Официальный сайт ВЦИОМ. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gotovnost-k-sluzhbe-v-armii-i-neustavnnye-otnosheniya> (дата обращения 02.03.2022).

5. Деятельность общественных институтов // Официальный сайт ВЦИОМ. URL : <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-obshchestvennykh-institutov> (дата обращения 07.03.2022).

6. Служба в армии и престиж профессии военного // Официальный сайт ФОМ. URL : <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14199> (дата обращения 17.02.2022).

7. Баранова Г.В. Методология и методика измерения социальной напряженности / Г.В. Баранова, В.А. Фролов // Социологические исследования. 2012. № 3. С. 50–65.

8. Барановский М.В. Доверие в военной организации (опыт социологического исследования) / М.В. Барановский // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 137–145.

9. Веремчук В.И. Социологическое сопровождение военно-социального управления в Вооруженных Силах РФ как социальная технология / В.И. Веремчук, А.С. Скок // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. № 1(778). С. 166–174.

10. Дементьева И.Н. Протестный потенциал в регионе в контексте проблемы национальной безопасности / И.Н. Дементьева // Проблемы развития территории. 2015. № 3(77). С. 115–126.

11. Дорофеев Д.В. Социальная напряженность в воинской среде (опыт социологического исследования) / Д.В. Дорофеев // Вестник Московского

г) защита от информационной агрессии против российской армии и социума;

д) подготовка офицерских кадров с высокими уровнем сформированности управленческих компетенций, позволяющих им реализовывать формальную (командно-административная) или неформальную (лично-регулирующая) стратегию управления воинским коллективом в зависимости от характера решаемой задачи и условий обстановки.

Literature:

1. Federal Law of May 27, 1998 № 76-FZ «On the Status of Military Personnel».

2. Federal Law of March 28, 1998 № 53-FZ «On military duty and military service».

3. Results of the social development of the RF Armed Forces in 2019–2021 // Official website of the Ministry of Defense of Russia. URL : <https://sc.mil.ru/social/itogi.htm> (date of application 10.03.2022).

4. Analytical review. Readiness for military service and hazing // Official website of VTsIOM. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gotovnost-k-sluzhbe-v-armii-i-neustavnnye-otnosheniya> (date of application 02.03.2022).

5. Activities of public institutions // Official website of VTsIOM. URL : <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-obshchestvennykh-institutov> (date of application 07.03.2022).

6. Service in the army and the prestige of the military profession // Official website of the FOM. URL : <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14199> (date of application 17.02.2022).

7. Baranova G.V. Methodology and methodology for measuring social tension / G.V. Baranova, V.A. Frolov // Sociological Studies. 2012. № 3. P. 50–65.

8. Baranovsky M.V. Trust in military organisation (experience of sociological research) / M.V. Baranovsky // Sociological Studies. 2019. № 11. P. 137–145.

9. Veremchuk V.I. Sociological support of military-social management in the Armed Forces of the Russian Federation as a social technology / V.I. Veremchuk, A.S. Skok // Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2017. № 1(778). P. 166–174.

10. Dementieva I.N. Protest potential in the region in the context of the national security problem / I.N. Dementieva // Problems of Territory Development. 2015. № 3(77). P. 115–126.

11. Dorofeev D.V. Social tension in military environment (experience of sociological research) / D.V. Dorofeev // Bulletin of Moscow State Linguistic

государственного лингвистического университета. *Общественные науки*. 2021. № 2(843). С. 257–268.

12. *Евенко С.Л.* Детерминанты социальной напряженности в воинских коллективах / С.Л. Евенко, Д.В. Дорофеев // *Социально-гуманитарные знания*. 2020. № 2. С. 257–264.

13. *Котов Д.А.* Социальная напряженность «благополучного класса» / Д.А. Котов // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2013. № 1(21). С. 211–225.

14. *Осипенко Э.Б.* Авторитет и доверие в структуре военного управления и военной мысли / Э.Б. Осипенко, А.В. Сальников, М.В. Барановский // *Социология*. 2020. № 6. С. 76–83.

15. *Погребной Д.Н.* Социальная активность военнослужащих как компонент служебного поведения / Д.Н. Погребной // *Социология*. 2020. № 6. С. 112–116.

16. *Шипицин Ю.Б.* «Гибридная» война: моделирование информационных полей / Ю.Б. Шипицин, А.Ю. Шипицина. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2018. 134 с.

University. Social Sciences. 2021. № 2(843). P. 257–268.

12. *Evenko S.L.* Determinants of social tension in military collectives / S.L. Evenko, D.V. Dorofeev // *Socio-humanitarian knowledge*. 2020. № 2. P. 257–264.

13. *Kotov D.A.* Social Tension of the «Well-to-do Class» / D.A. Kotov // *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*. 2013. № 1(21) P. 211–225.

14. *Osipenko E.B.* Authority and Trust in the Structure of Military Management and Military Thought / E.B. Osipenko, A.V. Salnikov, M.V. Baranovsky // *Sociology*. 2020. № 6. P. 76–83.

15. *Pogrebnoy D.N.* Social Activity of Servicemen as a Component of Service Behaviour / D.N. Pogrebnoy // *Sociology*. 2020. № 6. P. 112–116.

16. *Shipitsin Y.B.* «Hybrid» war: modelling information fields / Y.B. Shipitsin, A.Yu. Shipitsina. Yekaterinburg : Urals University Press, 2018. 134 p.

Мартыненко Сергей Владимирович

доктор политических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт социологии Федерального
научно-исследовательского
социологического центра РАН
rptb@mail.ru

Кареева Светлана Геннадиевна

ведущий научный сотрудник,
Институт социологии Федерального
научно-исследовательского
социологического центра РАН
svetlran@mail.ru

**ГЕНЕЗИС ДЕВИАНТНОГО
ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ
В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ**

Аннотация. Девиантные отклонения в поведении индивида являются неотъемлемой составляющей процесса его социализации и не представляют для социума серьезной опасности до тех пор, пока он не переступает черту законопослушного поведения в направлении нарушения правовых норм. Для того, чтобы индивид в своей повседневной деятельности не нарушал правовые нормы, необходим постоянный социальный контроль. В данной публикации авторами проводится анализ процесса генезиса девиантного поведения личности в условиях социокультурной трансформации современной России.

Ключевые слова: девиантное поведение, генезис девиантного поведения, социокультурные трансформации, правовые нормы, отклоняющееся поведение, девианты.

Введение. Новая социальная реальность России – сложный и противоречивый феномен, сложившийся на основе глубинных социальных изменений, происходящих в современном социуме. На протяжении длительного периода новейшей истории страны, наполненной трансформационными процессами, россияне всегда являлись их активными участниками и главными акторами. В том, что эти процессы сложны, противоречивы и имеют определяющее, подчас, негативное влияние на социум, можно убедиться на примерах массовой криминализации населения, деформации системы ценностно-нравственного восприятия действительности, системного духовного кризиса, в котором оказалось российское общество в ходе перестройки, на постсоветском этапе развития России, а многовекторные процессы происходящего в настоящее время геополитического и военного передела

Sergey V. Martynenko

Doctor of Political Sciences,
Leading Researcher,
Institute of Sociology
of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences
rptb@mail.ru

Svetlana G. Karepova

Leading Research Fellow,
Institute of Sociology of the Federal
Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences
svetlran@mail.ru

**GENESIS OF DEVIANT
PERSONALITY BEHAVIOR
IN THE CONTEXT OF SOCIO-CULTURAL
TRANSFORMATIONS**

Annotation. Deviant deviations in the behavior of an individual are an integral component of the socialization process and do not pose a serious danger to society as long as they do not cross the line of unlawful behavior. In order for the individual not to violate legal norms in his daily activities, constant social control is necessary. This publication analyzes the process of genesis of deviant behavior of the individual at different stages of its socialization in the context of the socio-cultural transformation of modern Russia.

Keywords: deviant behavior, genesis of deviant behavior, socio-cultural transformations, legal norms, deviant behavior, deviants.

границ «русского» и «западного» мира уже положили начало новой «точке сборки» современного социума. Негативные процессы явились причиной динамичного распространения целого комплекса девиаций в обществе.

Новая социальная реальность формируется на основе уже сложившейся реальности, а также, на базе укоренившихся в социуме и культивируемых на уровне сознания людей ценностей, мотиваций, диспозиций, то есть, через объективизацию их субъективной деятельности. Как было отмечено выше, ключевым актором социальной реальности со всеми ее негативными девиантными проявлениями является сам человек, создающий ее. Хаотические процессы создаваемой и неуправляемой им реальности становятся ее закономерностями, порождая разноплановые девиации. Речь также идет и о важнейшем значении

социокультурных трансформаций в социуме, отвечающих за конструирование его будущего. Негативные социокультурные трансформации опасны нивелированием сложившихся в обществе культурных скреп и ведут к потере возможности эффективного регулирования жизнедеятельности людей. Данные трансформации влекут за собой и социокультурные деструкции, выражающиеся в невозможности управлять сознанием и поведением социума с помощью институтов нравственности, культуры и т.д. Происходит «обесценивание» устоявшихся каналов социализации в обществе за счет отторжения устойчивых систем воспитания, образования, ценностных ориентаций, морали, нравственности и т.п. Отторгаются также легитимные формы социальных лифтов и статусов в обществе. Становятся нормой незаконные, криминальные форматы социального поведения и др. Многие элементы социальной системы выходят из-под контроля социума, переходят в бифуркационные, саморегулирующиеся процессы.

Тектонические изменения социальной реальности и дисфункция ряда ключевых регулирующих ее институтов повлекли за собой значительную потерю социального контроля над социумом, что стало основой для роста девиаций в расширенном масштабе. В связи с вышеизложенным, *высокую актуальность приобретает исследование генезиса девиантного поведения индивида в условиях социокультурных трансформаций.*

Девиантное поведение: специфика феномена. Обозначенный феномен достаточно подробно рассмотрен на междисциплинарном научном уровне с учетом теоретических разработок в социологии, социальной психологии, философии, а также, в системе смежного научного знания в криминологии, деликтологии и др. Каждая система научного знания рассматривает девиации под определенным «углом зрения», с учетом профильного контекста и инструментария. С нашей точки зрения, наиболее содержательно полно и объёмно феномен негативных девиаций отражен в социально-научном контексте, понимаемый как определенные формы поведения субъекта или субъектов/групп, отклоняющиеся от устоявшихся и принятых в обществе норм, ценностей, ориентаций и наносящий вред личности, группе, обществу в целом.

В рамках социологической парадигмы, в понимании генезиса девиантного поведения, основополагающим становится не сам по себе уровень удовлетворения материальных и духовных потребностей, а степень различий, «разрыв в возможностях» их удовлетворения для разных социальных групп. Данный тезис также подтверждается многочисленными эмпирическими исследованиями на разных научных уровнях [11; 12].

Индивидуальный уровень поведения отмечен своего рода «социальной неустроенностью» как результатом несоответствия его объективных характеристик, включая задатки, способности, а также – свойства, приобретенные человеком в процессе социализации, требованиям позиции, занимаемой им в системе общественных

отношений. Обозначенный диссонанс и служит общей причиной устойчивого генезиса воспроизводимой девиантности. Данная позиция может быть «ниже» (поэт-вахтер, философ-истопник) или «выше» (посредственность в директорском кресле) своих объективных возможностей. Индивид может оказаться вне официальной структуры общества (бродяга, тунеядец, бомж). В частности, этой категории девиантов Я.И. Гелинский придал статус «исключенных», включив в нее группы людей, выведенных из социальной реальности из-за их неспособности в нее «встроиться», отсутствия или недостаточной социальной мобильности, недостатков в ранней и последующей социализации, и др. [8]. Вероятно также и то, что индивид может занимать позицию в соответствии с личностными свойствами, но она оказывается ниже достигнутого обществом уровня развития.

Коллективный (групповой) уровень поведения индивидов характеризуется социальной неустойчивостью, которая может не осознаваться людьми, потому что, будучи осознанной, она проявляется психологически в виде неудовлетворенности. Очевидно, этим объясняется повышенная девиантность маргинальных, а также – социальных групп, наиболее отчужденных от творческих видов труда, управления, духовных ценностей, а уровень самоубийств среди рабочих оказывается в 1,4 раза выше, чем среди служащих. Высока криминальная, алкогольная активность неработающих и неучащихся (аутсайдеры), а также уровень преступности и наркотизма у молодежи и несовершеннолетних (маргиналы по определению) [2, с. 76–78].

Имея общий генезис, различные формы девиантного поведения определенным образом взаимосвязаны.

Во-первых, следует отметить относительно устойчивый характер этих взаимосвязей. Так, издавна в различных государствах проявлялась устойчивая, нередко, обратная зависимость, существовавшая между насильственной и корыстной преступностью, алкоголизацией и наркотизацией населения, убийствами и самоубийствами, женской преступностью и проституцией и т.п.

Во-вторых, взаимосвязи различных форм отклоняющегося поведения сложны и противоречивы. Нередко наблюдается индукция форм социальной патологии, когда одно негативное явление усиливает другое (алкоголизация – хулиганство и некоторые насильственные преступления; наркотизм – корыстные преступления; бюрократизм – должностные и хозяйственные преступления). Однако эмпирически установлены и обратные связи, когда, например, рост алкоголизации сопровождается снижением уровня преступности, в обратной корреляционной зависимости находятся убийства и самоубийства. Соотносясь не как причина и следствие, а как общественные явления с едиными социальными причинами, различные формы социальной патологии могут либо совпадать, усиливая друг друга, либо «разводиться» в обратной зависимости, подавляя одно другой «интерференцией» различных форм девиантного поведения.

В-третьих, очевидна зависимость различных форм девиантного поведения от среды: от экономических, социальных, демографических, культурологических и иных факторов. При этом различные социальные девиации по-разному реагируют на средовые воздействия. Известно, например, что во время войны снижается уровень самоубийств, в периоды экономических кризисов растет корыстная преступность и сокращается (абсолютно или относительно) насильственная, а экономический бум сопровождается взрывом насильственной преступности.

В-четвертых, актуализируется следующая особенность сегодняшнего времени, которая заключается в возрастании числа лиц, вынужденных рисковать, ибо усложнение современной социальной реальности увеличивает и количество неизвестных ситуаций, негласно провоцирующих людей. Современные исследования, проведенные в области социальной психологии, свидетельствуют о том, что девиантное поведение все больше в своей основе становится рациональным.

Основное отличие девиантов, сознательно идущих на риск, от авантюристов – опора на профессионализм, вера не в судьбу и случай, а в знания и осознанный выбор – творческую интуицию. Именно целерациональные действия индивидов определяют социальное развитие. Можно предположить, что в условиях стабильного общества для субъекта действия ценностью является преднамеренный риск как процесс (психологическая сторона действия). В условиях разбалансированного общества – преднамеренный риск как цель (энергетическая и социальная сторона действия) [5, с. 106–108].

На этапе рождения инновации большое значение имеет профессионализм и знания девианта, его способность к концентрации психической энергии на этапе ее реализации – его биологический потенциал (информационно-энергетический код, темперамент) и характер. Девиантное поведение, сопровождающееся риском, способствует самоактуализации, самореализации и самоутверждению личности, являясь важнейшей психологической причиной, объясняющей желание людей ответить на вызов быстро меняющейся социальной реальности [5, с. 106–108].

Теории девиантного поведения: социокультурный аспект. Появлением целостных теорий, объясняющих девиантное поведение как своеобразный тип человеческого поведения, с точки зрения социокультурных детерминант, отмечен конец XIX–XX веков, а интерес к данной исследовательской проблематике сохранился и в XXI веке как на локальном российском, так и на международном научном уровнях.

Особое место в изучении генезиса девиантного поведения личности имеет *культурологический подход*. Для него характерно рассмотрение социальных явлений, в том числе, и специфически молодежных под углом зрения феноменологической социологии. Разделяющие идеи ее западных основоположников А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана,

исследователи стремятся осмыслить мир молодежи в его сугубо человеческом бытии, в соотношении с конкретными представлениями, целями и поведенческими мотивами реально действующих индивидов [12]. Перечисленные выше субъективные проявления фиксируются и концептуализируются как последствия объективных социальных процессов, отражающихся в определенных типах культуры, понимаемой и как степень усвоения общественных норм, и как сумма духовных богатств, накопленных человечеством, и как способ человеческой деятельности.

Согласно культурологическим объяснениям, девиация возникает в результате конфликтов между нормами культуры. В обществе существуют отдельные группы, нормы которых отличаются от норм остального общества. Член такой группы усваивает ее нормы и таким образом становится неконформистом с точки зрения широких слоев общества.

Данные научные выводы нашли свое продолжение в трудах современных российских социологов. Обращаясь к отечественному опыту изучения социальных девиаций, целесообразно выделить следующие причины, вызывающие отклоняющееся от социальных норм поведение, предложенные А.В. Маркиным и Д.С. Райдугиным:

- разрыв между ценностями культуры и существующей в обществе социальной структурой;
- углубляющееся противоречие между доминирующей в обществе культурой и разнообразными делинквентными субкультурами;
- отчуждение личности от ценностно-нормативной системы регуляции, существующей в обществе, когда официально признаваемые цели и ценности становятся недоступными тем людям, которые хотели бы достичь их законными, во всяком случае, одобряемыми обществом путями и средствами;
- утрата личностью морально-ценностных ориентиров, когда исчезает деление на моральное и аморальное, социально одобряемое и социально недопустимое, добро и зло, дозволенное и недозволенное. В таком случае наступает нравственный кризис, и личность становится жертвой вседозволенности;
- состояние аномии, представляющее собой нарушение моральных предписаний, правовых норм, законов и т.п., превращающееся в кризисных условиях развития общества из индивидуальных в массовые формы поведения [4, с. 20–21].

Среди зарубежных исследователей также целесообразно выделить авторский взгляд Я. Миллера, утверждавшего, что существует ярко выраженная субкультура низшего слоя общества, одним из проявлений которой является групповая преступность. Но одни люди усваивают ценности «девиантной» субкультуры, в то время как другие отвергают ее; если большинство друзей и родственников того или иного человека занимается

преступной деятельностью, существует вероятность, что он тоже станет преступником. Криминальная девиация, по его мнению, является результатом преимущественного общения с носителями преступных норм [7]. Кроме того, социологом и его последователями были описаны факторы, сочетание которых способствуют криминальному поведению. Они подчеркивают, что важную роль в этом играют не контакты с безличными организациями или институтами, а повседневное общение. В определенной степени, это является присущим и для такого явления, как наркотизм, т.к. он имеет черты субкультуры. Исследователями было введено понятие «наркогенная субкультура», но миллеровская теория не может полностью ответить потребностям сегодняшнего дня уже хотя бы потому, что наркоманией поражены все социальные слои нашего общества [1].

Г. Беккер в своей книге «Аутсайдеры» (1963 г.) отверг многие психологические и социологические объяснения девиации и ее генезиса, потому что они основаны на «медицинской модели», согласно которой человек, проявляющий девиантное поведение, считается, в некотором смысле, «больным» [13]. Такие подходы не учитывают политического аспекта генезиса девиации. Г. Беккер считал, что девиация на деле обусловлена способностью влиятельных групп общества (имеются в виду законодатели, судьи, врачи и др.) навязывать другим определенные стандарты поведения. «Социальные группы создают девиацию, – писал он, – поскольку они следуют правилам, нарушение которых считается девиацией; кроме того, они навязывают эти правила определенным людям, которым «наклеиваются ярлыки» аутсайдеров. С этой точки зрения, девиация не качество поступка, который совершает человек, а скорее – следствие применения другими людьми правил и санкций против «нарушителя» [13]. Данная концепция Г. Беккера получила название теории стигматизации (наклеивания ярлыков), т.к. она объясняет девиантное поведение способностью влиятельных групп ставить клеймо «девиантов» членам менее влиятельных групп [1, с. 352–353]. С социокультурной точки зрения, речь идет о сложившихся устойчивых представлениях в сознании социума. Эти представления могут касаться определенного человека, группы, явления в установленном ракурсе, чаще негативного плана. Наложившая извне стигма, или сдерживание/скреп, провоцирует сам объект, по отношению которому применяются данные представления, на их объективизацию. Например, человек, заключенный в определенные представления о себе, становится носителем накладываемых на него извне представлений, качеств, характеристик.

Немало последователей имеет и *психоаналитическая теория* в исследовании генезиса девиаций. В ее основе лежит выводимая из психоанализа концепция жизненного пути личности. Она базируется на идеях доколоссальных доктрин З. Фрейда [6], развитых его учениками и последователями – неофрейдизма. В частности, их усилиями получила дальнейшую разработку теория

«эдипова комплекса», в соответствии с которой объясняется природа межпоколенческих конфликтов и агрессивности выступлений молодежи против существующего порядка и прочие формы сублимации свойственной ей энергии.

Продолжая исследования в контексте научных взглядов З. Фрейда, австрийский ученый К. Лоренц отмечает, что человек, от рождения владея страстью к насилию, вынужден тратить этот энергетический потенциал, создавая социальные, экономические и политические условия в обществе. Примером может служить борьба между политическими лидерами и партиями. По мнению ученого, девиации и есть поведенческая активность субъекта, которая становится следствием энергетического всплеска и основой для дальнейшего появления социальной иерархии в обществе.

Экзистенциально-гуманистическое направление изучения генезиса девиантного поведения представлено исследованиями В. Франкла, в которых ключевую роль играют сущностные и социокультурные характеристики человека. В исследовании «Человек в поисках смысла» ученый рассматривает причины самоубийств среди американского студенчества. При общем высоком материальном уровне жизни причиной такой девиации, по его мнению, является потеря жизненных смыслов и как следствие отсутствие интереса к жизни и стремление ее сохранить. Суициды, по мнению Франкла, также могут быть связаны и с низким материальным доходом. Выходом из данной ситуации может быть внедрение в социальную практику методов логотерапии, заключающейся в стремлении найти и реализовать существующий во внешнем мире смысл человеческой жизни через свободу воли, волю к смыслу и смысл в жизни.

Психоаналитическое направление научных исследований, посвященное природе агрессии как основы девиантного поведения, также продолжил Э. Фромм. В работе «Анатомия человеческой деструктивности» ученый рассматривает один из способов самоопределения личности – деструктивность, которая может проявляться в форме садизма и мазохизма, возникающих на фоне общих экономических и социокультурных тенденций современного общества потребления. Вещизм, поглотивший людей, ввергает их в состояние «одушевленной вещи», которую сопровождают в ежедневной жизни скука, неврозы, сексуальные аномалии и девиантные проявления поведения. Особую роль в данных процессах, с точки зрения Э. Фромма, начинает играть социокультурный фактор и работа СМИ. Речь идет о своеобразных информационных стимулах (новости о войне, насилии, преступлениях и др.), транслирующихся через средства массовой информации. Эти стимулы, будучи агрессивными информационными раздражителями, становятся стартовым толчком к негативному действию, росту девиаций в обществе для людей с низким духовным уровнем. Также, особую роль в своем исследовании ученый отводит состоянию скуки, так как в способах убежать от которой общество встает на путь насилия, деструктивности, широкого спектра девиаций.

В рамках сугубо социологических концепций исследования девиаций с социокультурной точки зрения следует обратить внимание на работы Э. Дюркгейма, который первый ввел в научный оборот термины «девиация» и «девиантность». Одним из ключевых объектов его научного интереса как проявление девиантного поведения стало самоубийство и суицидальное поведение в целом, причины, следствия, сопутствующие факторы. Несмотря на то, что Э. Дюркгейм много внимания уделяет сугубо социальным, психофизиологическим факторам, оказывающим большое влияние на рост девиантного поведения в социуме, среди подталкивающих факторов он отмечает особые религиозные догмы в культуре таких вероисповеданий, как протестантизм и католицизм. В частности, процент самоубийств оказывается выше, с точки зрения автора, среди протестантов. Но религия, как он полагает, может носить и функцию своеобразного «страхующего клапана» в предупреждении самоубийств, как и крепкая семья, оседлый и сложившийся быт в рамках «ячейки» общества. Также, девиантное поведение и склонность к самоубийству в большей степени распространена в просвещенной среде, среде высшего общества с гибкой моралью и неустойчивыми нравственными установками. Основопологающим фактором, оказывающим решающее влияние на рост девиаций и самоубийств в обществе, по мнению Э. Дюркгейма, становится психологическая потеря духовной привязанности к чему-либо, а постоянная погоня за удовольствиями и сиюминутными наслаждениями, как правило, заканчивается процессами аномии общества. Аномия позволяет говорить о решающем значении социокультурного фактора, поскольку отражается в морально-нравственной дезорганизации общества и потере им объединяющих ориентиров и истонченных ценностей. Предотвратить такое развитие событий можно только с помощью системы воспитания и образования, дающей правильные и устойчивые ориентиры в будущем.

Последователем идей Э. Дюркгейма стал Р. Мертон. Ученый также утверждает, что девиантное поведение, по сути, является результатом рассогласования между культурными установками и способом их реализации. Ученый описывает этот процесс на примере развития американского общества середины XX века, по правилам которого достигнуть богатства обязан каждый, но достичь его достаточно трудно или практически невозможно - вот откуда возник сложный дуализм знаменитой «американской мечты». Исследователь также сформулировал несколько основных способов приспособления к культурным нормам: речь шла о конформности, инновациях, ритуализме, бегстве и мятеже. Инновация включает в себя нормативно запретные способы достижения успеха. По факту складывается такая ситуация, когда социум включает людей через средства массовой информации в выстроенную им систему культурных ценностей успеха, но ограничивает социальные каналы для достижения навязанных целей. В таком обществе всегда будет процветать институт коррупции, преступных деяний и девиаций.

Особую роль в развитии девиантного поведения в обществе имеет общее состояние сознания социума, одним из свойств которого становится его экстремальность – общая совокупность спонтанных проявлений и крайних поведенческих форм. Экстремальность, спровоцированная извне различными источниками, включая СМИ и др., порождает девиантное поведение.

Энергетический принцип Э. Эриксона позволил представить развитие индивида как последовательное прохождение им ряда этапов, каждый из которых означает успешное преодоление предыдущего [1].

Р. Бенедикт показала, что на любом этапе социализации индивид испытывает целенаправленное общественное воздействие, формирующее у него определенный тип социально-психологической зрелости, т.е. «социальный характер», соответствующий конкретному обществу [1].

Проведенный анализ ключевых представлений о генезисе девиантного поведения индивида в социокультурных рамках дает возможность провести его структуризацию. Предлагаемая структура не носит исчерпывающий характер, но содержит локальный социокультурный пласт и в качестве основного критерия предполагает выяснение отношения в обществе к преступному поведению. В ней показана степень опасности девиации для общества, с точки зрения устоявшихся в нем социокультурных норм.

К первой группе следует отнести девиантность, не представляющую для общества большую социальную опасность и не подверженную порицанию. К ней можно отнести, в частности, конструктивную девиантность и т.д.

Вторая группа включает делинквентное поведение, осуждаемое обществом и представляющее для него опасность, порицаемое, но не являющееся наказуемым в социуме. Речь идет о наркомании, токсикомании, пьянстве, бродяжничестве, детской беспризорности, самоубийстве, широком спектре протестного поведения и т.д.

В третью группу включено собственно преступное поведение, нацеленное на шатание устоев общества, разрушение его нормативно-правовых основ, подвергаемое осуждению и имеющее максимально выраженные разрушительные характеристики. К ней относятся: коррупция, взяточничество, организованная преступность, бандитизм, политический, религиозный, националистический, расовый экстремизм, правонарушения и преступления.

Следует отметить, что подобная структуризация сходна с той, которая предложена В.И. Добренковым и А.И. Кравченко, включивших в первую группу поведенческие отклонения, не влекущие за собой уголовные наказания, а во вторую – противоправные поступки, не являющиеся, в собственном смысле, преступлениями, и криминальное поведение [3, с. 448–449]. С учетом предмета исследования, такая структуризация позволяет объективно проанализировать факторы, нарушающие динамику процесса социализации

индивида, определить политико-правовые, социально-экономические и субъективно-личностные источники социальных деформаций в условиях социокультурной трансформации.

Заключение. Для объективного научного анализа генезиса девиантности личности следует исходить из понимания того, что каждая из форм девиаций достаточно «подвижна», имеет свои социальные основы и включенная в социокультурные детерминационные рамки может трансформироваться в любую из вышеназванных трех форм девиаций.

Данный феномен нуждается в дальнейшем комплексном изучении на предмет источников,

Литература:

1. Социология / Ю.Г. Волков [и др.]. М., 2003. 512 с.
2. *Гилинский Я.И.* Социология девиантного поведения как специальная социологическая дисциплина / Я.И. Гилинский // Социс. 1991. № 4.
3. *Добренков В.И.* Социология : в 3 т. Т. 3: Социальные институты и процессы / В.И. Добренков, А.И. Кравченко. М., 2000.
4. *Маркин А.В.* Социология отклоняющегося поведения / А.В. Маркин, Д.С. Райдугин. Краснодар, КрУ МВД России, 2012. 121 с.
5. *Осипова О.С.* Девиантное поведение: благо или зло? / О.С. Осипова // Социс. 1998. № 11.
6. *Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции. М., 1989.
7. *Miller Y.* Lower Class Culture as a Generation Milieu of Gang Delinquency / Y. Miller // Social Service Journal. 1958. №14(3). P. 5–20.
8. *Гилинский Я.И.* «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций / Я.И. Гилинский // Труды Санкт-Петербургского юридического института генеральной прокуратуры РФ. 2006. № 6.
9. *Попов М.Ю.* Контрагенты социализации и их влияние на социальные процессы / М.Ю. Попов // Историческая и социально-образовательная мысль, 2016. Т. 8. № 3/2.
10. Социальное неравенство и публичная политика / Под ред. В.А. Медведева, М.К. Горшкова, Ю.А. Красина. М., 2007. 336 с.
11. Социальное расслоение и социальная мобильность / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М., 1999. 191 с.
12. *Горшков М.К.* Молодежь России: социологический портрет / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. М., 2010. 592 с.
13. *Беккер Г.* Современная социологическая теория / Г. Беккер, А. Босков. М., 1961. 896 с.

вызывающих девиации, а также провоцирующих их трансляцию в направлении асоциальности и криминальности. В перспективе речь может идти о контрагентах правовой социализации, являющихся носителями преступной идеологии, морали, поведения, явно или латентно деформирующих сознание индивида, установки на его поведение [9].

Понимание закономерностей развития и специфики данного феномена позволит укрепить социальный контроль и ввести существенную превентивную компоненту в систему безопасного развития общества, что может стать основой конструирования желательной социальной реальности в будущем.

Literature:

1. *Sotsiologiya / Yu.G. Volkov [et al.].* М., 2000. 512 p.
2. *Gilinsky Ya.I.* Sociology of deviant behavior as a special sociological discipline / Ya.I. Gilinsky // Socis. 1991. № 4.
3. *Dobrenkov V.I.* Sociology : in 3 vol. Vol. 3: Social institutions and processes / V.I. Dobrenkov, A.I. Kravchenko. М., 2000.
4. *Markin A.V.* Sociology of deviant behavior / A.V. Markin, D.S. Raidugin. Krasnodar, KrU of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012.
5. *Osipova O.S.* Deviant behavior: good or evil? / O.S. Osipova // Socis. 1998. № 11.
6. *Fred Z.* Introduction to psychoanalysis: Lectures. М., 1989.
7. *Miller Y.* Lower Class Culture as a Generation Milieu of Gang Delinquency / Y. Miller // Social Service Journal. 1958. № 14(3). P. 5–20.
8. *Gilinsky Ya.I.* «Exclusion» as a global problem and the social base of crime, drug addiction, terrorism and other deviations / Ya.I. Gilinsky // Proceedings of the St. Petersburg Law Institute of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2006. № 6.
9. *Popov M.Yu.* Contractors of socialization and their impact on social processes / M.Yu. Popov // «Historical and socio-educational thought». 2016. Vol. 8. № 3/2.
10. Social inequality and public policy / Ed. by V.A. Medvedev, M.K. Gorshkov, Yu.A. Krasin. М., 2007. 336 p.
11. Social stratification and social mobility / editor-in-chief Z.T. Golenkov. М., 1999. 191 p.
12. *Gorshkov M.K.* Youth of Russia: sociological portrait / M.K. Gorshkov, F.E. Sheregi. М., 2010. 592 p.
13. *Becker G.* Modern sociology / G. Becker, A. Boskov. М., 1961. 896 p.

Тамицкая Екатерина Николаевна
аспирантка кафедры
философии и социологии,
Северный (Арктический) федеральный
университет имени М.В. Ломоносова
e.tamickaya@narfu.ru

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ МОЛОДЕЖИ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Аннотация. Историческое сознание молодежи является фактором социальной консолидации, индикатором национальной и гражданской идентичности. Историческое сознание состоит из познания, знаний, чувств и поведения, формируемое под влиянием социального опыта, идеологии, научных знаний и коллективной памяти. Оно характеризуется особенностями проявления в различных социально-демографических группах и у отдельных индивидов. По результатам анкетного опроса в ноябре 2021 года – январе 2022 года молодежи в возрасте 21–39 лет, проживающей в Архангельской области, дается характеристика исторического сознания молодого поколения. Определено, что значимым социальным институтом формирования исторического сознания молодежи является образование. Главными его конкурентами становятся медиа, активно продуцирующие исторический нарратив. Интерес молодежи к историческому знанию обусловлен его восприятием в качестве культурного и образовательного капитала. Героическое прошлое и достижения страны в разные эпохи могут рассматриваться фактором позитивной солидаризации молодого поколения. Однако результатом соперничества различных версий исторического прошлого и трансформации концептуальных основ политики памяти в постсоветской России становится различный характер оценки исторических личностей и эпох, также видения перспектив государственного развития.

Ключевые слова: общественное сознание, историческое сознание, познание, молодежь, политика памяти.

Историческое сознание молодежи все активнее вписывается в предметную область научных изысканий исследователей социально-гуманитарного профиля и рамку общественных дискуссий. Данное обстоятельство движимо актуализацией проблематики поиска предпосылок для преодоления раскола российского общества, снижения его конфликтного потенциала и

Ekaterina N. Tamitskaya
Graduate Student of the Department
Philosophy and Sociology,
Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov
e.tamickaya@narfu.ru

HISTORICAL CONSCIOUSNESS OF THE YOUTH OF THE ARKHANGELSK REGION (ON MATERIALS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)

Annotation. The historical consciousness of youth is a factor in overcoming the centrifugal tendencies of social consolidation and an indicator of national and civil identity. Historical consciousness consists of cognition, knowledge, feelings and behavior, formed under the influence of social experience, ideology, scientific knowledge and collective memory. It is characterized by peculiarities of manifestation in different socio-demographic groups and individuals. The results of the questionnaire survey in November 2021 – January 2022 of young people aged 21–39 years living in the Arkhangelsk region are characterized by the historical consciousness. It is determined that education is a significant social institution for the formation of historical consciousness of youth. Its main competitors are the media, which actively produce a historical narrative. The interest to historical knowledge is caused by its perception by youth as cultural and educational capital. The heroic past and achievements of the country in different periods can be considered a factor of positive solidarization of the younger generation. However, the result of the rivalry of different versions of the historical past and the transformation of the conceptual foundations of memory policy in post-Soviet Russia is a different nature of assessment of historical personalities and periods, as well as the vision of the prospects of state development.

Keywords: public consciousness, historical consciousness, cognition, youth, politics of memory.

интеграции в единое пространство экономического, политического, социально-культурного развития страны. В данном ключе историческое сознание выступает в качестве инструмента для адаптации личности к происходящим социальным изменениям, индикатором национальной и гражданской идентичности. Отечественная традиция изучения исторического сознания

возникает в социально-философском дискурсе 60–70 гг. XX в. в условиях интеллектуальных суждений структуры общественного сознания, позднее получает дополнительный импульс для развития в перестроечный период развития страны [2; 3]. Профессор Ж.Т. Тощенко под историческим сознанием определил «совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, присущим и характерным как для общества в целом, так и для различных социально-демографических, социально-профессиональных и этносоциальных групп, а также отдельных людей» [5, с. 3]. По справедливому замечанию И. Шубрта, историческое сознание формируется под влиянием исторического опыта, личного или переданного через межличностные контакты, идеологии, научных исторических знаний и «коллективной памяти» [7, р. 73]. В дополнение к этому мы добавим, что историческое сознание подвержено влиянию социальных явлений и процессов, содержит три составляющие времени (прошлое, настоящее и будущее) в их взаимосвязи и взаимозависимости, и включает познание, знания, чувства и поведение, направленное на преобразование действительности. Таким образом, поколенческие вариации исторического сознания обладают своими специфическими особенностями. Наше внимание будет сосредоточено на молодежи как социально-демографической группе, выступающей экономически и общественно значимой частью любого социума, обеспечивающей преемственность культурного и исторического наследия страны, оказывающей влияние на характер общественного развития и политическую стабильность. Методологической рамкой в определении поколенческой группы молодежи стал социологический подход профессора В.В. Радаева. В своей оригинальной работе автор не без основания утверждает о целесообразности выделения поколений по периодам в связи со вступлением во взрослую жизнь [4, с. 37] и «применительно к историческим условиям конкретной страны» [4, с. 39]. Одним из таких им выделено поколение миллениалов, которое родилось в период реформ (1982–2000 гг.), а взросление происходило в 2000–2016 гг. С целью исследования исторического сознания молодежи в ноябре 2021 года – январе 2022 года под руководством автора данной статьи проведен анкетный опрос жителей Архангельской области в возрасте 21–39 лет на тему: «Историческое сознание жителей Архангельской области». Выборочная совокупность котирировалась по полу и возрасту по всем городским округам и муниципальным районам региона. Общий объем выборки составил 400 чел., статистическая погрешность составила не более 5 %. Анкетный лист включал несколько блоков вопросов, направленных на определение интереса к историческому прошлому и его мотивы у респондентов, источников информации об истории и степень доверия к ним, уровня самооценки исторических знаний, характера восприятия исторических личностей и эпох, предпринимаемых действий по сохранению исторической памяти, также оценки перспективных путей развития страны. Помимо вопросов по тематике исследования анкета содержала паспортнику,

отражающую социально-демографическую характеристику респондентов. Значительная часть опрошенной молодежи (94,5 %) считает, что очень важно изучение человеком истории своей страны. В меньшей степени демонстрируется важность обращения к истории родного края, малой родины (86 %) и семьи (87,5 %). Данное обстоятельство связано с непосредственным обращением к историческому прошлому в рамках образовательного дискурса и элементов массовой культуры, их преимущественной нацеленностью на общенациональный нарратив. Об этом свидетельствует, в частности, указание в качестве основного источника информации занятия по истории в учебных заведениях (79,5 %) и связанные с ними учебники по истории (66 %), а также исторические фильмы, передачи по телевидению (69,3 %).

В меньшей степени сохраняют силу воздействия на историческое сознание молодежи традиционные источники информации – документы, архивные материалы, мемуары (для 17,8 % опрошенных), исторические публикации в газетах, журналах (22,5 %) и экскурсии в музеях (44,8 %).

Однако период взросления изучаемой молодежи приходится на активное проникновение информационно-коммуникационных технологий практически во все сферы общественной жизни. В этой связи исторические публикации в сети Интернет, социальных сетях стали источником информации для 55,8 % опрошенных, несколько опередив традиционных агентов вторичной социализации в лице родственников, ветеранов, знакомых (49,8 % респондентов выбрали данный вариант ответа). При этом все активнее заявляют о себе в качестве транслятора исторического нарратива для молодежи – компьютерные игры, на которые указали 12,8 % опрошенных. Наблюдается достаточно низкий уровень доверия к современным источникам информации по сравнению с их консервативными аналогами. К примеру, документам, архивным материалам, мемуарам доверяют 84,6 % опрошенных, рассказам родственников, ветеранов, знакомых – 63,7 %, музейным экспозициям – 46,9 %. Однако занятиям по истории в учебных заведениях, учебникам по истории доверяют меньше трети респондентов (29,2 %), историческим публикациям в газетах, журналах – 18,6 %, публикациям в сети Интернет, социальных сетях – 17,2 %, историческим фильмам, передачам по телевидению – 15,4 %. Уровень доверия к компьютерным играм вообще стремится к нулю (меньше 1 %). Таким образом, современная молодежь в большей степени доверяет первоисточникам исторической информации и свидетельствам очевидцев не смотря на то, что медиа все больше оказывает влияние на сознание и поведение индивидов. Побудительными мотивами обращения к истории для большинства опрошенных выступили желание расширить собственный кругозор (74,2 %), потребность узнать корни своей семьи/народа/региона/страны (65 %) или изучить историю для объяснения событий современности (52,7 %). Знание истории для 43,2 % опрошенных является ключом в поисках ответов на интересующие вопросы либо рассматриваются в качестве объекта увлечения самой историей (32,8 %). Менее всего представлена потребность в знаниях,

необходимых для практической деятельности (9,8 %) и выполнения учебной программы (10,1 %). В ходе исследования определено, что для исторического сознания молодежи характерно чувство гордости в отношении серии социальных фактов: победа в Великой Отечественной войне (72 %), великие российские поэты, писатели и композиторы (64,4 %), полет в космос Ю. Гагарина в 1961 г. (51,8 %), великие победы, военные достижения (20,4 %).

Прошедшая перипетии концептуального оформления политика памяти в постсоветской России подошла в период взросления изучаемой группы молодежи к идее великодержавности на всю «тысячелетнюю историю» России [1]. В итоге героическое военное прошлое страны, достижения в экономике, науке, культуре и спорте имеют вполне реальные шансы стать основаниями для позитивной солидаризации молодых граждан. Подтверждением высказанного тезиса является фиксация среди наиболее важных для респондентов праздников (открытый вопрос), имеющих важное значение для памяти истории России, 9 мая – Дня Победы (80,5 % респондентов указали данный праздник), 4 ноября – Дня народного единства (14,7 %), 12 июня – Дня России (11 %), 12 апреля – Дня космонавтики (7,7 %), 01 мая – Праздника Весны и Труда и 23 февраля – Дня защитника Отечества, которые разделили 5 место (по 6,5 %).

Для определения пантеона значимых исторических фигур респондентам предложено было назвать 5 выдающихся людей всех времен и народов, также отдельно выделить исторических

личностей, оказавших влияние на развитие Архангельской области (открытые вопросы). В первую группу лидеров вошли Петр I (43,2 %), И.В. Сталин (41,2 %), Ломоносов М.В. (25,5 %), В.И. Ленин (20,7 %). Поэт А.С. Пушкин и физик-теоретик А. Эйнштейн поделили между собой 5 место (14,7%). Для второй группы лидеров регионального значения каждый второй респондент назвал М.В. Ломоносова, 47,2 % отметили Петра I, от 16 до 16,7 % ответивших указали в порядке убывания писателей Ф. Абрамова и С. Писахова, и царя Ивана IV. Таким образом, фигуры русского царя и первого Императора Всероссийского Петра I и первого русского академика М.В. Ломоносова для молодежи одновременно стали воплощением выдающихся исторических личностей и значимых для развития региона людей. Указанные выше данные свидетельствуют о характере региональной политики памяти в постсоветский период, воспроизводящей федеральную повестку на негативизацию и прославление отдельных страниц истории. Для оценки роли конкретных исторических деятелей в усилении российского государства респондентам был предложен их охарактеризовать в виде оценки: «положительная», «незначительная», «отрицательная». На рисунке 1 представлен индекс персон по их вкладу в усиление страны на основе разницы между положительной и отрицательной оценкой исторических личностей в общественном мнении молодежи. Заметим, что отрицательные значения индекса связаны с периодами «перестройки» и становления новой российской государственности после распада СССР в условиях кризисных явлений в экономической, социальной и культурной сферах.

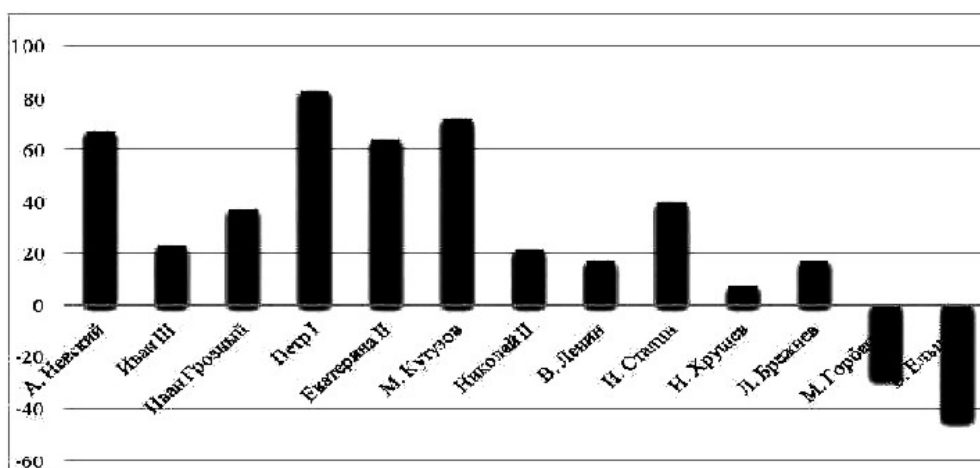


Рисунок 1 – Индекс роли исторических деятелей в усилении российского государства, N = 400

По вопросу перспектив развития страны молодежь в целом воспроизводит дискурс, заложенный в основах государственной культурной политики в России [6]. В общественном мнении доминирует установка на собственный путь развития, т.к. западный опыт не совсем подходит для России (41,8 %). Для каждого третьего респондента (31,3 %) важным является сохранение культурно-исторических традиций страны. В меньшинстве (18,8 %) оказались сторонники европейского вектора развития государства.

Значительная часть молодежи ориентирована на сохранение status quo в нынешних границах самостоятельного государства (54,5 %). В противовес им для трети опрошенных характерна ориентация на исторический ревизионизм в части перепредопределения государственных границ. Первая половина из них склонна к восстановлению страны в границах СССР (15,8 % от всех опрошенных), вторая половина (14,2 %) – на соединение в славянское государство «Россия – Беларусь». Эмоциональный компонент исторического

сознания молодежи характеризуется в большинстве своем чувством гордости за великие свершения народа (54,3 %). К ним примыкают респонденты, испытывающие чувство удовлетворения за приобщенность к истории человечества (12 %). В то же время чувство горечи, стыда за бедствия народа характерно для 18,8 % опрошенных, а никаких особых чувств не имеется у 15 % респондентов. Таким образом, прошлое может являться для большинства молодежи основанием для обеспечения национального единства. Таким образом, в ходе исследования установлено, что образование является наиболее значимым социальным институтом формирования исторического сознания молодежи. При этом его главными конкурентами являются медиа, продуцирующие

Литература:

1. *Ефременко Д.В.* Политика памяти и историческая наука / Д.В. Ефременко, А.И. Миллер, О.Ю. Малинова // *Российская история*. 2018. № 5. С. 128–140.
2. *Кон И.С.* Проблемы истории в истории философии / И.С. Кон // *Методологические и историографические вопросы исторической науки*. Томск, 1986. Вып. 4. С. 14–55.
3. *Левада Ю.А.* Историческое сознание и научный метод. Памяти Юрия Александровича Левады / Ю.А. Левада; Сост. Т.В. Левада. М. : Издатель Карпов Е.В., 2011. С. 353–366.
4. *Радаев В.В.* Миллениалы: Как меняется российское общество. 2 изд. М., 2020. 224 с.
5. *Тошченко Ж.Т.* Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния / Ж.Т. Тошченко // *Новая и новейшая история*. 2000. № 4. С. 3–15. С. 3.
6. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной культурной политики» № 808 от 24.12.2014 // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2014. № 52. Ст. 7753
7. *Šubr J.* Explaining Social Processes: Perspectives from Current Social Theory and Historical Sociology / J. Šubr, A. Kumsa, M. Ruzzeddu. Cham : Springer, 2020. 189 p.

исторический нарратив в мультимедийном состоянии. Интерес к историческому знанию для опрошенной молодежи в большей степени объясняется его восприятием в качестве культурного и образовательного капитала. Героическое прошлое и достижения страны в разные эпохи могут рассматриваться фактором позитивной солидаризации молодого поколения. Однако характер оценки исторических личностей, видения перспектив государственного развития свидетельствует о поляризации мнений молодежи как результат соперничества различных версий исторического прошлого и трансформации концептуальных основ политики памяти в постсоветской России.

Literature:

1. *Efremenko D.V.* Politics of Memory and Historical Science / D.V. Efremenko, A.I. Miller, O.Yu. Malinova // *Russian History*. 2018. № 5. С. 128–140.
2. *Kon I.S.* Problems of History in the History of Philosophy / I.S. Kon // *Methodological and Historiographic Issues of Historical Science*. Tomsk, 1986. Release 4. P. 14–55.
3. *Levada Y.A.* Historical consciousness and scientific method. In memory of Yuri Aleksandrovich Levada / Y.A. Levada; co. T.V. Levada. M. : Publisher Karpov E.V., 2011. С. 353–366.
4. *Radaev V.V.* Millennials: How the Russian society is changing. 2 ed. M., 2020. 224 с.
5. *Toshchenko J.T.* Historical consciousness and historical memory: analysis of the current state / J.T. Toshchenko // *New and Contemporary History*. 2000. № 4. P. 3–15. P. 3.
6. Decree of the President of the Russian Federation «On Approval of the Fundamentals of State Cultural Policy» № 808 of 24.12.2014 // *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2014. № 52. Art. 7753
7. *Šubr J.* Explaining Social Processes: Perspectives from Current Social Theory and Historical Sociology / J. Šubr, A. Kumsa, M. Ruzzeddu. Cham : Springer, 2020. 189 p.

Тищенко Александр Викторович
соискатель,
Ессентукский институт
управления, бизнеса и права
vladimirgrishai1969@gmail.com

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР И ОБЪЕКТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. Статья посвящена исследованию зависимости между способом восприятия права в гражданской среде и практикой социального регулирования органами внутренних дел, направленных на повышение уровня правопорядка в обществе. Анализируются различия между формами правосознания, основанными на естественно-правовой и позитивно-правовой установках. Рассматривается специфика менталитета россиян как фактор формирования правосознания в гражданской среде российского общества. Оценивается значение формы социальной идентификации и самоидентификации, характерной для членов общества, как фактора формирования отношения к праву.

Ключевые слова: право, полиция, правосознание, общество, отношение граждан к праву.

Перед органами внутренних дел стоит задача не только состоящая в активном предотвращении и раскрытии преступлений, но и в долгосрочном противодействии преступности. В этой связи, перед ведомством открывается направление деятельности, обусловленное спецификой современного общества. На настоящий момент имеет место беспрецедентная динамика социальных изменений. Еще Э. Дюркгейм обратил внимание на то, что по мере развития общества происходит усложнение его структуры и усиление различий между отдельными социальными группами, что порождает предпосылки для роста конфликтности в обществе. В этих условиях французский социолог сосредоточил свои усилия на факторах консолидации общества, что получило выражение в сформированной им теории солидарности [1]. И, несмотря на то, что данная теория была подвергнута существенной критике, сама по себе, постановка вопроса о поиске консолидирующих и социально-сберегающих факторов в условиях интенсификации деструктивных сил и процессов не утрачивает своей актуальности. Одним из важных направлений исследования в данном случае является область социально-правовых отношений.

Согласно современным исследованиям, во всем мире наблюдается общая тенденция роста

Alexander V. Tishchenko
Applicant,
Essentuki Institute
Management, Business and Law
vladimirgrishai1969@gmail.com

LEGAL CULTURE AS A FACTOR AND OBJECT OF REGULATION OF PUBLIC RELATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

Annotation. The article is devoted to the study of the relationship between the way of perceiving law in the civil environment and the practice of social regulation by internal affairs bodies aimed at increasing the level of law and order in society. Differences between the forms of legal consciousness based on natural-legal and positive-legal attitudes are analyzed. The specificity of the mentality of Russians is considered as a factor in the formation of legal consciousness in the civil environment of Russian society. The significance of the form of social identification and self-identification, characteristic of members of society, as a factor in the formation of attitudes towards law is assessed.

Keywords: law, police, legal consciousness, society, citizens' attitude to law.

уровня преступности [2], что свидетельствует о неспособности действующей власти, опираясь на используемые ранее методы, противостоять данной угрозе. Во многом это связано с тем, что сами условия осуществления преступной деятельности в значительной степени меняются в ходе происходящих общественных трансформаций, что затрагивает как формы преступной деятельности, так и факторы, определяющие вовлечение членов общества в нее.

На протяжении длительного времени одним из преобладающих направлений борьбы с преступностью являлась деятельность правоохранительной, судебной и пенитенциарной систем. В данном случае, реализовывался следующий цикл: поимка преступников и определение меры их ответственности, назначение санкций, отбывание преступниками наказания в исправительных учреждениях.

Данная система ориентирована на достижение нескольких значимых результатов, способствующих ограничению развития преступности:

- изоляция преступников от общества, способствующая ограничению их способности к совершению преступлений на длительный период;
- создание в общественном сознании представлений о неотвратимости наказания, как фактора

отказа от преступной модели социальной активности [3];

– перевоспитание носителей преступной активности с целью формирования в их среде предрасположенности к реализации конформного поведения.

Прежде всего, стоит дать развернутый ответ на вопрос о том, почему правосознание рассматривается в качестве одного из факторов преодоления преступности? В данном случае, важно понимать саму механику принятия решения о преступном действии или, напротив, о конформном поведении. Общественные отношения выстроены на системе условностей, которые, будучи общепринятыми, выступают в роли внешнего фактора деятельности социального субъекта. Знание этих условностей является ключевым фактором возможности следования им. Иными словами, для того, чтобы следовать закону, необходимо, для начала, знать о его существовании и понимать налагаемые им ограничения, а также требования, которые возлагаются на члена общества. Вместе с тем, следует понимать, что знание законов является лишь базовым аспектом правосознания, поскольку у действующего субъекта должно иметь место не только знание о наличии определенной нормы, но и понимание того, что эту норму необходимо выполнять. Приведем пример: представители криминальной среды нередко значительно лучше разбираются в Уголовном Кодексе, чем среднестатистический обыватель, однако именно они существенно чаще нарушают закон. В данном случае важно понимать, что помимо знания законов необходимо также адекватное отношение к ним – как по отдельности, так и в рамках общего отношения к системе права. И именно этот момент отношения к праву может в значительной степени варьироваться в зависимости от ряда факторов, к числу которых относятся:

- доминирующий в обществе способ представлений о праве;
- менталитет членов общества;
- соотношение моральных установок, ценностей и норм поведения, принятых в обществе, и действующих законов;
- характер социальной идентификации и самоидентификации членов общества.

Рассмотрим по порядку каждый из перечисленных аспектов. Прежде всего, следует обратиться к вопросу о том, как именно понимают и представляют себе правовую сферу члены общества? В рамках социальной практики существуют две ключевые модели восприятия права: наличие определенной формы отношения к правовой сфере, в целом, которое проецируется на каждый отдельно взятый закон, либо формирование отношения к каждому закону по отдельности, исходя из того, насколько он отвечает интересам субъекта, насколько он справедлив и т.д.

Данные парадигмы восприятия в содержательном плане соотносятся с естественно-правовой и позитивно-правовой традициями рассмотрения

права, реализуя основные их установки и теоретические акценты. Рассмотрим подробнее данный момент.

Позитивно-правовое рассмотрение права полагает последнее в качестве внешнего обстоятельства, обусловленного властными решениями представителей государства. При этом существующие нормы имеют обязательный к исполнению характер в силу своей принадлежности к правовой сфере. Если рассматривать систему представлений о праве, основанную на позитивно-правовой установке, очевидно наличие предпосылок следования всем без исключения нормам права на уровне мировоззрения действующего субъекта (либо, напротив, полный и осознанный отказ от следования закону при условии, если социальным субъектом выбрана преступная модель активности).

Для естественно-правовой позиции характерно представление о необходимости, обусловленной правом деятельности, с той особенностью, что естественно-правовой подход далеко не всякий действующий закон причисляет к подлинному праву, рассматривая последнее скорее в качестве некоего правового идеала. Естественно-правовой подход допускает момент оценки законов и, в том числе, их неприятия при условии, если социальный субъект считает закон некорректным, несправедливым и т.д. [4].

Резюмируя проведенный анализ, следует отметить, что осуществление деятельности по развитию правосознания в гражданской среде членов российского общества сотрудниками органов внутренних дел должно учитывать исходные моменты предрасположенности россиян к принятию тех или иных мировоззренческих установок. В данном случае, существенно более эффективным является путь по поддержке формы правосознания, основанной на естественно-правовой установке и коллективных ценностях, нежели попытка насаждения позитивно-правового подхода в условиях, когда менталитет россиян определяет их склонность отвергать данную парадигму рассмотрения права.

Вместе с тем, следует отметить, что понимание типа правосознания, присутствующего в обществе, позволяет более глубоко осмыслить такой вопрос, как перспективные направления его формирования и, в частности – причины, по которым в текущей ситуации наблюдаются сбои в регуляции социального поведения. В качестве примера можно привести криминальную субкультуру, выступающую в качестве одной из мощных угроз социальной стабильности на современном этапе. Показательным в данном случае является то, что пресловутые «понятия» как альтернативный кодекс поведения среди носителей криминальной активности основываются на самостоятельной оценке и понимании той или иной ситуации, т.е., речь идет о реализации классического естественно-правового подхода, в основе которого лежат альтернативные общепринятым ценностные установки (сила, власть и т.д.).

Итак, в условиях роста преступности в мире, в целом, и в российском обществе, в частности,

маловероятна выработка некоей единой, универсальной стратегии борьбы с преступностью органами внутренних дел, основанной на развитии правосознания в силу того, что для различных обществ характерны различные специфические условия формирования правосознания в гражданской среде. Вместе с тем, следует отметить, что в современных условиях обнаруживает

Литература:

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм; Пер. с фр. А.Б. Гофман, В.В. Сапов. М. : Наука, 1991. 572 с.
2. Упоров И.В. Рост преступности и пределы государственного вторжения в права и свободы граждан / И.В. Упоров // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 2–3. С. 115–118.
3. Цуриков В.И. Оптимален ли принцип неотвратимости наказания за преступление? (экономический подход к преступлениям и наказаниям) / В.И. Цуриков // ЭНСР. 2007. № 2. С. 73–81.
4. Шафиров В.М. Естественно-позитивное право: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2005.

высокую перспективность теоретическая разработка вопроса об основных аспектах нарушения правосознания в среде членов российского общества с учетом достигнутого понимания специфики менталитета россиян, преобладающих в их среде форм представлений о праве и моделей социальной *идентификации и самоидентификации*.

Literature:

1. Durkheim E. On the division of social labor; The method of sociology / E. Durkheim; Trans. with fr. A.B. Hoffman, V.V. Sapov. M. : Nauka, 1991. 572 p.
2. Uporov I.V. The growth of crime and the limits of state intrusion into the rights and freedoms of citizens / I.V. Uporov // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. № 2–3. P. 115–118.
3. Tsurikov V.I. Is the principle of inevitability of punishment for a crime optimal? (economic approach to crimes and punishments) / V.I. Tsurikov // ENSR. 2007. № 2. P. 73–81.
4. Shafirov V.M. Natural-positive law: problems of theory and practice : dis. ... doctor of legal sciences. Krasnoyarsk, 2005.

Усова Любовь Викторовна

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры социологии,
Кубанский государственный университет
lyubov_soc@mail.ru

Lyubov V. Usova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Sociology,
Kuban State University
lyubov_soc@mail.ru

Заболотских Татьяна Борисовна

кандидат медицинских наук,
доцент кафедры госпитальной терапии,
Кубанский государственный
медицинский университет
zabtb70@mail.ru

Tatyana B. Zabolotskikh

Candidate of Medical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Hospital Therapy,
Kuban State University
zabtb70@mail.ru

**Анализ состояния здоровья
населения и уровень
инвалидизации
в Российской Федерации**

**PUBLIC HEALTH ANALYSIS
AND DISABLEMENT LEVEL
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. В статье авторы анализируют статистические данные состояния здоровья населения, а уровень инвалидности свидетельствует об ухудшении показателей. Исследование построено на анализе официальных данных органов статистики о заболеваемости и инвалидности в Российской Федерации за период 2010–2020 годы. В процессе исследования были проанализированы возрастные и половые особенности состояния здоровья, структура и динамика изменений, кроме того была установлена связь между заболеваемостью и инвалидизацией населения.

Annotation. The authors provide insight into public health data and disablement level in Russia with declining of main indicators. This study is based on official statistical data of morbidity and disability in the Russian Federation in 2010–2020 period. In the research process structure and dynamics of changes, age and gender related characteristics of public health were analyzed. Besides, there was established specific connection between morbidity and disability of the population.

Ключевые слова: здоровье населения, заболеваемость, инвалид, инвалидизация, статистические данные.

Keywords: public health, morbidity, disabled person, statistical data.

Состояние здоровья населения представляет серьезную проблему и входит в Стратегию национальной безопасности РФ. «Сбережение народа» является одним из девяти стратегических национальных приоритетов, куда входит: укрепление здоровья, увеличение продолжительности жизни, снижение смертности и пр. [1]. Модернизация российской системы здравоохранения оказывает влияние на основные показатели состояния здоровья общества [2; 3].

Коллектив исследователей Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН акцентируют внимание на низком уровне культуры здоровья в нашей стране [5]. Исследование Л.В. Усовой, Т.Б. Заболотских подтверждает факт увеличения хронических заболеваний, вызванных низким уровнем профилактической медицины [6].

Президент РФ В.В. Путин неоднократно обращался к проблеме здоровья. Так, например, в 2021 году Президент в Послании к Федеральному Собранию обращается к теме здоровья граждан, сохранении и укреплении его, необходимости роста численности населения и средней продолжительности жизни [4]. Для сохранения и укрепления здоровья граждан в РФ с 2006 года реализовался национальный проект «Здоровье».

Ухудшение здоровья населения связано с качеством питания, увеличением стрессовых нагрузок, распространением курения и употреблением алкоголя, увеличением детской заболеваемости психопатологиями и пр. [7; 8]. Как следствие высокого уровня заболеваемости возникает проблема инвалидности, которая обширно обсуждается в современном мире, заостряя внимание на слабой защищенности этой группы в сфере образования, здравоохранения, на рынке труда и других сферах. Пагубное влияние на здоровье детей оказывает экологическая ситуация [9].

Для анализа заболеваемости населения в Российской Федерации значительное внимание необходимо уделить таким основным демографическим показателям как возраст населения, количества рожденных детей, показатели смертности.

В таблице 1 представлены основные показатели рождаемости, смертности и естественного прироста в РФ за 2010–2020 гг.

Таблица 1

Динамика изменений показателей рождаемости, смертности и естественного прироста в РФ 2010–2020, на 1000 человек населения [10]

Показатель	Годы										
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
родившихся	12,5	12,6	13,3	13,2	13,3	13,3	12,9	11,5	10,9	10,1	9,8
умерших	14,2	13,5	13,3	13	13,1	13	12,9	12,4	12,5	12,3	14,6
естественный прирост	-1,7	-0,9	0	0,2	0,2	0,3	-0,01	-0,9	-1,6	-2,2	-4,8

Оценивая демографическую ситуацию по официальным данным органов статистики, можем отметить, что страна находится в так называемой «точке невозврата» и находится в состоянии естественной убыли. За период 2010–2020 гг. естественная убыль увеличилась примерно в три раза. Если в ближайшее время не предпринять мер по подъему рожденных детей, снижению заболеваемости и смертности, то может произойти демографическая катастрофа, приводящая к старению населения.

Остановившись на цифрах рождаемости, необходимо акцентировать внимание на следующем. Показатели рождаемости являются главными элементами естественного движения населения, что обеспечивает воспроизводство населения страны. На протяжении десятилетия идет неуклонное снижение данного показателя. Несмотря на реализацию национального проекта «Здоровье», ставшего значительным этапом в развитии российского здравоохранения, дополнительная государственная поддержка как «материнский капитал», реализация государственной политики в национальных проектах «Демография», «Здравоохранение» не имели решающего влияния на изменение уровня рождаемости. На сегодняшний день одним из главных препятствий для роста рождаемости является регрессивная возрастная структура населения [11, с. 149–160]. Вместе с тем дополнительно на снижение показателей рождаемости оказывает социально-экономические условия.

Динамика цифр в показателях смертности населения неуклонно увеличивается. При этом по данным Министерства здравоохранения РФ, ожидаемая продолжительность жизни должна была достигнуть 73 лет и достигнуть 80 лет и выше [3], но данные сборника «Здравоохранение в России. 2021» публикуется информация об ожидаемой продолжительности жизни в РФ, которая снизилась, и в 2020 году она составила 71,5 года. Достижение целевого показателя как «продолжительность жизни» снизился из-за ухудшения эпидемиологической ситуации в РФ в связи с пандемией COVID-19.

По данным Федеральной службы государственной статистики, уровень смертности в 2020 году стал самым высоким за последние десять лет

(рис. 1). В 2020 году пандемия COVID-19 нанесла серьезный удар по здоровью людей, повлиявший непосредственно на общий уровень смертности в нашей стране. Особо необходимо подчеркнуть, что первый год пандемии COVID-19 в стране наблюдалась избыточная смертность населения в России [12]. Число потерь от коронавирусной инфекции среди городского населения составило 119679 человек (7,6 %), сельского населения – 25012 человек (4,4 %).

На протяжении всего последнего десятилетия наблюдалось снижение количества умерших в стране. В 2010 году умерло 2028,5 тыс. человек. В структуре смертности первая пятерка причин представлена следующим образом: первое место занимают болезни системы кровообращения (56,7 %), второе место цереброваскулярные болезни (18,3 %), третье – новообразования (14,3 %), четвертое – от внешних причин смерти (10,6 %), пятое – от болезней органов пищеварения (4,5 %).

Всплеск смертности наблюдается в 2020 году. При изучении структуры причин смертностей наблюдаем изменения. Так, лидером остаются болезни системы кровообращения, при этом этот показатель демонстрирует снижение (43,8 %). Второе место занимают новообразования (13,8 %). Первые два индикатора показывают снижение цифр, что свидетельствует об успешной реализации национального проекта «Здравоохранение», где указывается снижение смертности от болезней системы кровообращения до 450 случаев на 100 тыс. населения и смертности от новообразований до 185 случаев на 100 тыс. населения к 2024 году. Третье место занимают цереброваскулярные болезни (13 %). На четвертом месте появился новый показатель в системе здравоохранения – смертность от коронавирусной инфекции, вызванной COVID-19 (6,7 %). Причины смерти, не связанные с заболеваемостью (6,5 %), так называемые внешние причины, занимают пятое место.

Состояние здоровья населения – индикатор достигнутого уровня социально-экономического развития страны. Для более явного понимания всей важности проблемы ухудшающегося здоровья, проанализируем несколько основных тенденций заболеваемости населения по основным классам, группам и отдельным болезням населения РФ за период 2010–2020 гг. (рис. 2).

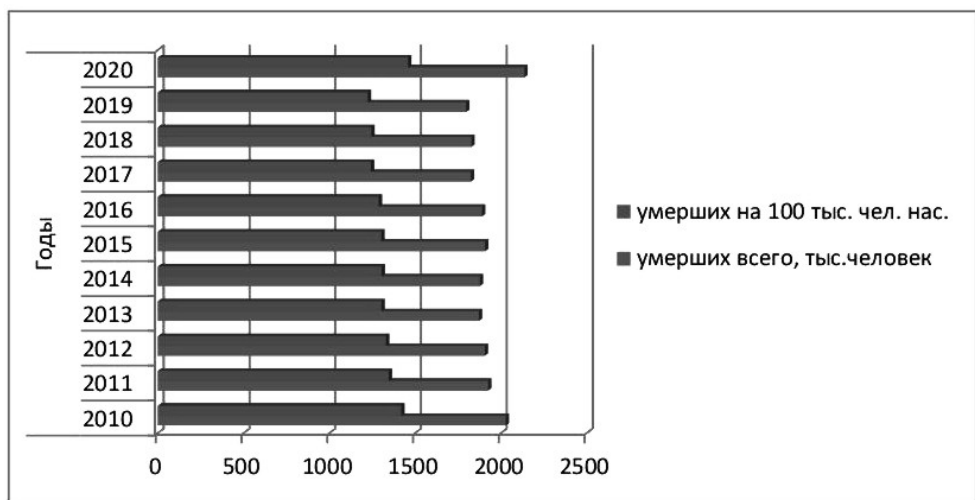


Рисунок 1 – Динамика показателей умерших в Российской Федерации [10]

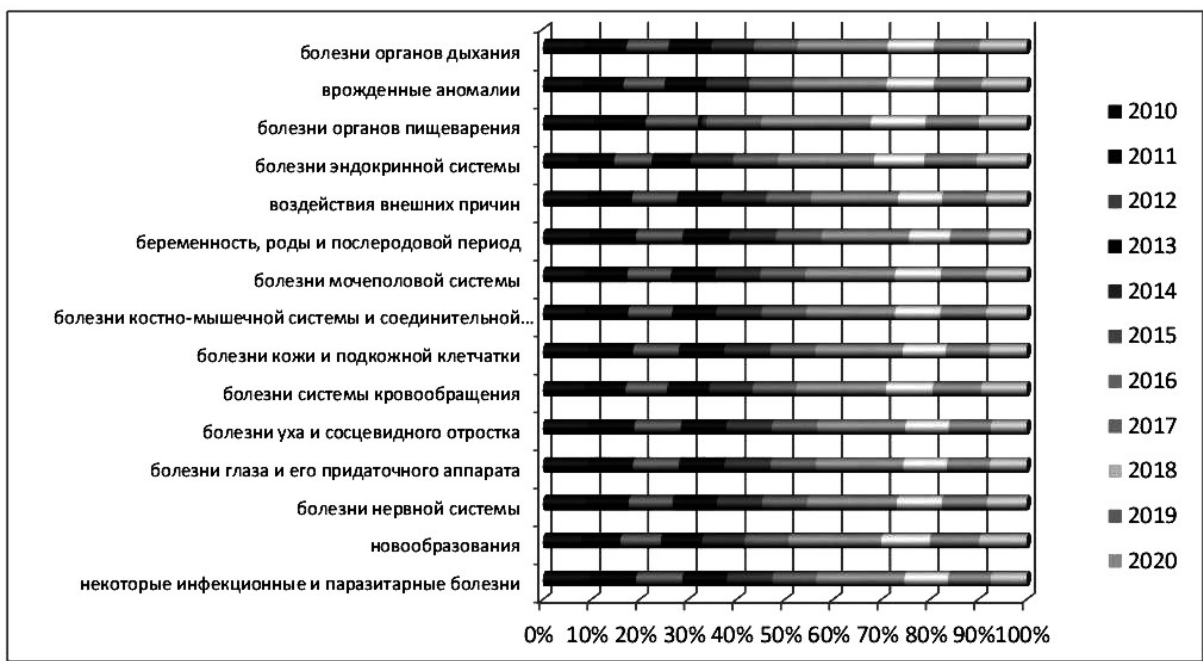


Рисунок 2 – Заболеваемость населения по основным классам, группам и отдельным болезням тыс. чел. всего [10]

На протяжении всего рассматриваемого периода времени наблюдается тенденция к росту заболеваемости. Если в 2010 году заболеваемость населения на 100 тыс. человек составляла 158320,2, то в 2020 году – 156419,2 эпизодов. Пик регистрации заболеваемости населения приходится на 2018 г. и 2019 г. и достиг 163485,2 и 164899,4 на 100 тыс. человек соответственно, в том числе при фиксации установления диагноза впервые.

Самый высокий показатель в заболеваемости в 2010 году болезни органов дыхания (57220 тыс. чел.), болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани (18004,4 тыс. чел.), болезни органов пищеварения (16056,1 тыс. чел.), болезни глаза и его придаточного аппарата (15680,9 тыс. чел.) и болезни мочеполовой системы (15597,9 тыс. чел.).

В 2020 году наблюдается изменение в структуре основных заболеваний населения. Впервые при анализе заболеваемости населения в сборнике здравоохранение в России (2021) находим данные о количестве заболевших граждан новой коронавирусной инфекцией COVID-19. По итогам 2020 года подтвержденный диагноз был у 4966,6 тыс. человек.

В 2020 году прослеживается тенденция к снижению заболеваемости населения по основным классам, группам и отдельным болезням в целом по стране по сравнению с 2019 годом. Это связано с осложнением эпидемиологической ситуации стране. Несмотря на то, что пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 в 2020 году только набирала обороты, но условия, в которых находилась система здравоохранения, напрямую повлияла на цифры, а именно, прием и

обследования были отсрочены до стабилизации ситуации, в приоритете стало лечение пациентов с COVID-19. Изменены принципы оказания амбулаторной помощи и оказания экстренной хирургической помощи.

В структуре заболеваемости на сегодняшний день лидирующее место занимают болезни органов дыхания – 27 % (61312,4 тыс. чел.), второе место занимают болезни системы кровообращения – 16 % (35420,8 тыс. чел.), болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани занимают третье место – 8 % (17 360,5 тыс. чел.), болезни мочеполовой системы заняли четвертое место 7 % (15088 тыс. чел.), пятое – болезни органов пищеварения 6,4 % (14810 тыс. чел.).

Проанализировав показатели заболеваемости населения Российской Федерации за последнее десятилетие, можем проследить следующие тенденции: общая заболеваемость населения снижается как в целом, так и по отдельным классам болезней. Лидером в причине заболеваемости – болезни органов дыхания.

Заболеваемость и инвалидность находятся между собой в причинно-следственных связях и имеет прямое влияние. Это касается индикаторов первичной инвалидности.

За последнее десятилетие уровень первичной инвалидности взрослых в нашей стране

снижается. Если в 2010 г. он составлял 76,6 на 10 тыс. населения старше 18 лет, то к 2015 г. данный показатель снизился до 59,0, в 2014 г. – до 48,2. Существенно изменилась и структура инвалидности по группам: в 2010 г. первое место по количеству признанных инвалидов были инвалиды II группы (43,9%), второе – III группы (40,8 %), третье – I группа (15,3 %). В 2020 г. среди впервые признанных инвалидами незначительно выросла численность инвалидов III группы (42,8 %), значительно сократилась численность инвалидов II группы (35,4 %), произошли существенные колебания доли инвалидов I группы (21,8%) в сторону увеличения.

В 2020 г. мужская (53,4 %) первичная инвалидность значительно выше женская (46,6 %).

Возрастная структура контингента лиц, впервые признанных инвалидами из числа взрослого населения Российской Федерации, представлена сегодня так: трудоспособный возраст – 43,2 %, пенсионный возраст – 56,8 %. Установление инвалидности в пенсионном возрасте в дальнейшем будет только прогрессировать виду увеличения пенсионного возраста и, следовательно, увеличение данной категории людей.

Чтобы иметь полную картину, рассмотрим в таблице 2 показатели инвалидности в Российской Федерации (2010–2020 гг.).

Таблица 2

Количество инвалидов в Российской Федерации (2010–2020 гг.) [10]

Показатель	Годы										
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
всего инвалидов, тыс. человек	13134	13209	13189	13082	12946	12924	12751	12261	12111	11947	11875
I группа	1920	1540	1515	1496	1451	1355	1283	1309	1466	1433	1422
II группа	7086	7306	7076	6833	6595	6472	6250	5921	5552	5356	5209
III группа	3609	3822	4038	4185	4320	4492	4601	4395	4442	4488	4556
дети-инвалиды	519	541	560	568	580	605	617	636	651	670	688

По состоянию на 2020 год, уровень инвалидности в Российской Федерации составляет 11,6 млн чел., а в 2010 году – 13,1 млн чел. При анализе количества инвалидов за рассматриваемый период наблюдается сокращение. При этом с 2010 года по 2012 год показатель инвалидности растет, а с 2013 года численность снижается, несмотря на то, что в 2014 году к России присоединилась Республика Крым и с 2015 года стали учитываться статистические данные дополнительно двух субъектов федерации.

Тенденция к снижению общего количества признанных инвалидов (как взрослых, так и детей) происходит с 2015 г. в связи с изменениями критериев назначения инвалидности в РФ. Дополнительно можно отметить, что произошла «переброска» инвалидов из Минздрава в Минтруд. Что это означает? Медико-социальная экспертиза (МСЭ) – главное учреждение по освидетельствованию граждан с целью установления инвалидности, находящееся в ведении Министерства труда и социальной защиты РФ. Складывается впечатление о выздоровлении значительного числа

больных людей. Но цифры говорят сами за себя. Снижение количества инвалидов на 1,5 млн чел. за десять лет сократить выплаты Пенсионного фонда РФ получателям ежемесячной денежной выплаты (ЕДВ) – это инвалиды, уменьшится, т.е. происходит экономия бюджетных средств за счет снижения числа инвалидов.

Инвалидность зависит от возраста. Чем старше человек, тем выше вероятность «дожить» до инвалидности. Дожить до инвалидности в большей степени присуще для женщин в таких регионах как Тамбовская и Тульская области, Республике Мордовия, Пензенская и Рязанская области с высокой численностью людей старшего возраста (примерно в 2 раза) будет и более высокий показатель инвалидности.

При уменьшении общего показателя инвалидности цифры детской инвалидности неукоснительно растут. В период с 2010 г. по 2020 г. цифры изменились с 519 тыс. чел. до 704 тыс. Цифры колоссальные! Что же происходит с детской популяцией? Почему такой высокий показатель?

Рассматривая статистику детской инвалидности, цифр неутешительные. Данные изменились следующим образом: если в 2010 году детей-инвалидов насчитывалось 519 тыс. чел., то в 2020 году – 688 тыс. чел. За данный период не намечались тенденции к снижению, что говорит об увеличении общего уровня заболеваемости детей, что приводит к последующей их инвалидизации.

Основными причинами инвалидности среди детского населения в 2020 году являлись психические расстройства, болезни нервной системы, врожденные аномалии, сахарный диабет, болезни уха и зрения, новообразования.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL : <https://crystalbook.ru/wp-content/uploads/2021/07/Указ-Президента-РФ-от-02.07.2021-N-400.pdf>
2. Назарова В.В. Оценка эффективности системы здравоохранения в России / В.В. Назарова, К.А. Борисенкова // Народонаселение. 2017. Т. 20. № 4. С. 119–134.
3. Усова Л.В. Здравоохранение в доктрине национальной безопасности страны / Л.В. Усова, Т.Б. Заболотских, О.В. Скрипченко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12. С. 148–151.
4. Послание Президента Федеральному Собранию. 21 апреля 2021 года // Официальный сайт Президента России. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/65418>
5. Здоровье подростков и окружающая среда: изменения за 20 лет : монография / И.В. Журавлева, Л.Ю. Иванова, Г.А. Ивахненко [и др.]; Отв. ред. И.В. Журавлева; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦРАН, 2021. 309 с. URL : <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9847>
6. Усова Л.В. Оценка здоровья населения Краснодарского края / Л.В. Усова, Т.Б. Заболотских // Национальное здоровье. 2020. № 2. С. 39–46.
7. Шматова Ю.Е. Позитивные и негативные тенденции в сфере общественного психического здоровья населения России в 2005–2018 годах / Ю.Е. Шматова // Society and Security Insights. 2020. Т. 3. № 4. С. 202–214.
8. Вяльшина А.А. Распространение курения и употребления алкоголя среди сельского населения России / А.А. Вяльшина // Социальные аспекты здоровья населения. 2021. № 67(5):8. URL : <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1304/30/lang,ru>
9. Разварина И.Н. Влияние экологии городов на здоровье детей дошкольного возраста (по результатам мониторингового исследования) / И.Н. Разварина // Социальные аспекты здоровья населения. 2021. № 67(6):10. URL : <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1324/30/lang,ru>

Таким образом, подтверждено наличие проблемы здоровья и инвалидности в Российской Федерации, несмотря на то, что прослеживается устойчивое снижение общих показателей инвалидности при увеличении значений детской инвалидности. Доказательством ухудшения общего здоровья граждан является публикация официальных данных органов статистики. При этом, оценивая результаты анализа, авторы пришли к выводу о влиянии институциональных изменений в стране, включая нормативно-правовое обеспечение в сфере здоровья и вопросах инвалидности.

Literature:

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 02.07.2021 № 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // ConsultantPlus. URL : <https://crystalbook.ru/wp-content/uploads/2021/07/Ukaz-Prezidenta-RF-ot-02.07.2021-N-400.pdf>
2. Nazarova V.V. Assessment of the effectiveness of the health care system in Russia / V.V. Nazarova, K.A. Borisenkova // Population. 2017. Vol. 20. № 4. P. 119–134.
3. Usova L.V. Health care in the doctrine of national security of the country / L.V. Usova, T.B. Zabolotskikh, O.V. Skripchenko // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019. № 12. P. 148–151.
4. President's Message to the Federal Assembly. April 21, 2021 // Official Website of the President of Russia. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/65418>
5. Adolescent health and the environment: changes over 20 years : monograph / I.V. Zhuravleva, L.Yu. Ivanova, G.A. Ivakhnenko [et al.]; Executive Editor I.V. Zhuravleva; FNISTS OF RAS. M. : FNISSRAN, 2021. 309 p. URL : <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9847>
6. Usova L.V. Assessment of the population health of the Krasnodar Territory / L.V. Usova, T.B. Zabolotskikh // Nacional'noe zdorov'e. 2020. № 2. P. 39–46.
7. Shmatova Yu.E. Positive and negative trends in the field of public mental health of the population of Russia in 2005–2018 / Yu.E. Shmatova // Society and Security Insights. 2020. Vol. 3. № 4. P. 202–214.
8. Vyalschina A.A. The spread of smoking and alcohol consumption among the rural population of Russia / A.A. Vyalschina // Social aspects of population health. 2021. № 67(5):8. URL : <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1304/30/lang,ru>
9. Razvarina I.N. Impact of urban ecology on the health of preschool children (based on the results of a monitoring study) / I.N. Razvarina // Social aspects of population health. 2021; 67(6):10. URL : <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1324/30/lang,ru>

10. Составлено авторами на основе статистических сборников: Здравоохранение в России. 2021, 2019, 2017, 2015. Рождаемость, смертность и естественный прирост населения (обновленные данные – 09.07.2021). В 2014 году не учитывались сведения по Республике Крым и г. Севастополь.

11. Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году : монография / В.К. Левашов [и др.]; Отв. ред. В.К. Левашов, Г.В. Осипов, С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. 558 с.

12. *Горошко Н.В.* Основные причины избыточной смертности населения в России в условиях пандемии COVID-19 / Н.В. Горошко, С.В. Пацала // Социальные аспекты здоровья населения. 2021. № 67(6):1. URL : <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1315/30/lang,ru>

10. Compiled by the authors on the basis of statistical collections: Healthcare in Russia. 2021, 2019, 2017, 2015. Fertility, mortality and natural population growth (updated data – 09.07.2021). In 2014, information on the Republic of Crimea and the city of Sevastopol was not taken into account.

11. Pandemic challenges and strategic agenda for society and the state: socio-political situation and demographic situation in 2021 : monograph / V.K. Levashov [et al.]; Executive Editor V.K. Levashov, G.V. Osipov, S.V. Ryazantsev, T.K. Rostov; FNIISTS OF RAS. M. : FEDERAL RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, 2021. 558 p.

12. *Goroshko N.V.* The main causes of excess mortality in Russia in the context of the COVID-19 pandemic / N.V. Goroshko, S.V. Patsala // Social aspects of population health. 2021. № 67(6):1. URL : <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1315/30/lang,ru>

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бабанина Дарья Васильевна
адъюнкт кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
darbabanina@yandex.ru

Daria V. Babanina
Adjunct of the Department
of Criminal Law and Criminology
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
darbabanina@yandex.ru

ПОНЯТИЕ «КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА»

THE CONCEPT OF «CRIMINAL SUBCULTURE»

Аннотация. На основании изучения содержания понятия культура и субкультура и их соотношения, а также анализа различных подходов к содержанию и формулировке понятия криминальной субкультуры предложено его авторское определение.

Annotation. The concept of criminal subculture Annotation. Based on the study of the content of the concepts of culture and subculture and their relationship, as well as the analysis of various approaches to the content and formulation of the concept of criminal subculture, its author's definition is proposed.

Ключевые слова: культура, субкультура, криминальная субкультура, определение.

Keywords: culture, subculture, criminal subculture, definition.

Диалектический принцип восхождения от абстрактного к конкретному определяет логику познания и отражения сущности исследуемого объекта посредством категориально-понятийного аппарата. Выводимые из философских категорий понятия отражают наиболее характерные признаки, закономерные и сущностные стороны изучаемого объекта.

образом, культуры есть некое сочетание исторически преемственных (принимаемых от прошлых поколений и передаваемых будущим) человеческих знаний, ценностей, убеждений, норм поведения и программ жизнедеятельности, соответствующих эволюционному развитию той или иной социальной общности.

Понятие «криминальная субкультура» сегодня является широко распространенным не только в юридической науке, но в гуманитарном знании в целом. При этом среди ученых существует множество различных точек зрения относительно его содержания и дефиниции. Указанное обусловлено как сложностью данного явления, так и тем, что оно является предметом изучения различных наук.

В антропологии, культурологии, философии и социологии широко распространение получило понятие субкультура (лат. «*sub*» – под и «*cultura*» – культура; подкультура), обозначающее часть культуры общества, ту ее сферу, которая существует внутри господствующей культуры (т.е. культуры большинства), а также ее носителей. Именно приставка «суб» на типологическом уровне определяет сущность явления, обозначаемого термином субкультура, содержание данного понятия и его место в системе культурологического знания.

Логико-гносеологическая процедура установления категориально-понятийного аппарата определяет необходимость установления типологической принадлежности изучаемого объекта к тому или иному классу социальных явлений и видовое различие с ними, что позволяет определить место соответствующего понятия в системе знаний. Криминальная субкультура относится по своему сущностному содержанию к типу явлений культуры. Культура является основной характеристикой человеческого общества, отражающей уровень и характер его развития.

Структуру культуры образуют смыслозадающие сакральные идеалы («твердое ядро» культуры) и социально-институционализованные светские идеи (образующие ее «защитный пояс»). Конкретно-опредмеченные светские идеи материализуются в различной социальной практике, обобщаются и институируются, выступая таким образом формообразующим каркасом социокультурной действительности и определяют смысл и особенности идеалоориентированной повседневной деятельности носителей данной культуры [2; с. 5–18].

В широком смысле понятие культуры характеризует исторически определенный уровень материального и духовного уровня развития определенных социальных формаций (общественно-экономических, конкретных обществ, народностей и наций) либо отдельных сфер жизнедеятельности. В узком смысле культура является частью духовной сферы жизни людей [1, с. 122]. Таким

Господствующая или доминирующая культура определяется как совокупность социокультурных установок (языка, ценностей, религиозных воззрений, традиций, обычаев, норм поведения и пр.), признаваемых и соблюдаемых большинством членов общества. В своей основе, ядре,

доминирующая культура зависит от качественно-количественных характеристик населения и уровня развития и сложности организации конкретного общества.

При этом в соответствии с законами межкультурного взаимодействия, в обществе могут появляться и вступать во взаимодействие с господствующей культурой различные культурные комплексы (самостоятельные культурные сферы) отдельных социальных групп (консолидированных по различным признакам: этническому, национальному, географическому, демографическому, профессиональному и пр.), т.е. субкультуры, отличающиеся от доминирующей культуры собственной системой ценностей и установок, атрибутивными признаками и пр.

Межкультурное взаимодействие обусловлено сложностью социальной организации общества и взаимодействием (по принципу сотрудничества, корреляции, конкуренции, оппозиции и пр.) внутри него различных социальных групп и сообществ, что, с одной стороны обусловлено культурным разнообразием, а, с другой стороны, обуславливает данное разнообразие [3].

Под субкультурой понимается присущая относительно небольшой, в той или иной степени пространственно и социально обособленной общности (группе) людей, система ценностей, установок, жизненных стилей и способов поведения [4, с. 3–4]. По мнению А.И. Тетериной, «в широком смысле под субкультурой понимается частичная культурная подсистема «официальной» культуры, определяющая стиль жизни, ценностную иерархию и менталитет её носителей. В более узком смысле субкультура – система ценностей, установок, способов поведения и жизненных стилей определенной социальной группы, отличающаяся от господствующей в обществе культуры, хотя и связанная с ней» [5].

В ряде случаев субкультуру определяют с точки зрения противопоставления доминирующей культуре, конфликтности по отношению к ней. Так, по мнению Ю.Я. Ершовой, субкультуру можно определить, как «систему адаптированных идей, норм, ценностей, идеалов доминирующей культуры для конкретной социальной группы, выражающую социальный протест на явление социальной дифференциации» [6, с. 44]. Данный подход отражает изначальное определение данного термина. В иных случаях, напротив, акцентируется внимание на непротиворечивости субкультуры господствующей культуре, дополняемости господствующей культуры идеалами включенных в нее субкультур [7]. На наш взгляд, правильным является понимание субкультуры как целостного образования, концентрирующего специфические формы мироотношения определенной части этнокультурной общности, являющегося компонентом целостной системы культуры, т.е. обладающим большим или меньшим индивидуальным своеобразием частным случаем ее саморепрезентации. Всякая развитая культура являет собой сложный спектр субкультур [2, с. 5–18].

Таким образом, ключевыми при определении субкультуры являются такие признаки, как включенность (существование внутри) в господствующую (доминирующую) культуру, а также презентация мироотношения определенной части членов общества.

Взаимодействие субкультуры и господствующей культуры определяется тем, что их культурное «ядро» совпадает если не полностью, то в большей мере, а по своему характеру может выражаться в форме корреляции, сотрудничества, конкуренции, оппозиции и пр.

С учетом изложенного, субкультуру можно определить, как системное образование, являющееся элементом (частью) системы культуры, отражающее мироотношение (язык, знания, верования, ценности, убеждения, нравы, обычаи, традиции, обряды, ритуалы, церемонии, символы, нормы и правила поведения и пр.) определенной части членов общества.

Индивидуальное своеобразие субкультур может определяться различными критериями, например, демографической, пространственно-территориальной, профессиональной, идеологической или иной обособленностью социальной общности, мироотношение которой субкультура отражает.

Многообразие субкультур отражает множество используемых для их видового определения терминов: молодежная субкультура, музыкальная субкультура, спортивная субкультура, субкультура фанатов, арт-субкультура, интернет-субкультура и пр. Широко вошедшим в быт и сферу гуманитарного знания является также понятие «криминальная субкультура».

Сложности определения таких базовых понятий, как культура и субкультура, обуславливают сложность определения и такого частного по отношению к ним понятия, как криминальная субкультура, что выражается, в частности, в разнообразии формулируемых учеными определений.

Так, Ю.К. Александров существенно ограничивает круг носителей криминальной субкультуры, определяя ее как образ жизнедеятельности лиц, объединившихся в криминальные группы и придерживающихся определенных законов и традиций [8, с. 8]. Более широкое по кругу носителей, но, все же ограниченное им уровнем преступных сообществ, определение криминальной субкультуры дает С.Г. Родин, указывая: «криминальная субкультура – это часть общей культуры общества, представляющая собой систему духовных и материальных ценностей, традиций и обычаев, присущих социальным группам (сообществам), имеющим криминальную направленность» [9, с. 290–291].

По мнению С.В. Шпак, криминальная субкультура представляет собой «комплекс социокультурных ценностей преступного мира, который объединяет ценностно-мировоззренческие установки, нормы и правила поведения профессиональных преступников и лиц, стремящихся следовать их примеру, а также определенные внешние

атрибуты, связываемые с криминальным образом жизни» [10, с. 9–10]. Верным, на наш взгляд, в данном определении является указание на ценности преступного мира. Однако в тоже время рассматриваемый признак по субъектному составу носителей данной субкультуры ограничивается указанием на профессиональных преступников и лиц, стремящихся следовать их примеру.

Криминальная субкультура может быть определена, по мнению Р.А. Юрьева, как «система неформальных норм и ценностей, регулирующих поведение осужденных в исправительных учреждениях, а также отличающих особую группу людей, регулярно и профессионально занимающихся криминальной деятельностью» [11]. Как можем видеть из приведенного определения, криминальная субкультура отождествляется с пенитенциарной, так называемой тюремной, субкультурой. При этом, по мнению указанного автора, ее регулятивная функция направлена на пенитенциарную среду, а идентификационная функция направлена на профессиональных преступников.

С точки зрения В.В. Тулегенова, под криминальной субкультурой следует понимать «совокупность ценностей, обычаев, традиций, норм и правил поведения, направленных на организацию жизнедеятельности, целью которой является совершение преступлений, их сокрытие и уклонение от ответственности», при этом, по мнению данного автора, криминальную субкультуру образуют три вида субкультур: профессиональных преступников, представителей организованной преступности, наркоманов [12, с. 6]. На наш взгляд, указание на данную цель жизнедеятельности существенно ограничивает понятие криминальной субкультуры. Кроме того, установлению его содержания препятствует отсутствие указания на субъектный состав носителей данной субкультуры, т.е. презентуемую ею социальную группу.

На то, что понятие криминальная субкультура является более широким, отмечает и Н.А. Яковлев, указывая при этом, что оно включает в себя пенитенциарную (тюремную) субкультуру, субкультуру организованной преступности, субкультуру наркоманов [13, с. 7]. В данном случае, выделение в качестве подструктур криминальной субкультуры отдельных видов субкультур в целом вызывает непонимание, тем более однородность «тюремной субкультуры» и, например, «субкультуры организованной преступности».

По мнению В.А. Анфиногенова криминальную субкультуру можно определить как «систему групповых ценностей, интересов, обычаев, традиций, норм и правил поведения, обуславливающих регулирование неформальных отношений в среде преступников, включая и среду осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы» [14, с. 12]. Таким образом, указанный автор акцентирует внимание на нетождественности понятий «криминальная субкультура» и «пенитенциарная субкультура», поскольку понятие криминальная субкультура является более широким. В то же время В.А. Анфиногенов указывает, что криминальная субкультура наряду с

пенитенциарной субкультурой включает в себя субкультуру отдельных видов преступности (организованной, насильственной и др.), а также субкультуру сутенеров, субкультуру наркоманов и другие субкультуры [14, с. 12].

По утверждению Ю.Н. Гречишкина, «Преступная субкультура несовершеннолетних состоит из разных компонентов, своеобразных подсубкультур, в числе которых можно выделить субкультуру наркоманов, проституток, воров, «блатных», сексуальных насильников, тюремную и т.д.» [15, с. 19].

Резюмируя анализ приведенного многообразия подходов к определению понятия криминальной субкультуры, следует отметить ряд принципиальных, на наш взгляд, моментов.

Независимо от того, что криминальная субкультура несет в себе деструктивный потенциал, прежде всего для социализации личности [16; 17], она выполняет широкий спектр функций [18] и является частью общей культуры.

Понятие криминальной субкультуры является более широким понятием по отношению к пенитенциарной (тюремной) субкультуре. Относительно последнего также следует указать на неоднозначность его содержания. С одной стороны, понятие «тюремная субкультура», отражает миропонимание лиц, находящихся в принудительной изоляции от общества, но не охватывает в своем дословном толковании всей сферы исполнения уголовных наказаний, связанных с лишением свободы. С другой стороны, понятие «пенитенциарная субкультура» относится к функционированию пенитенциарной в целом, т.е. охватывает как отбывание, так и исполнение наказания.

Также необходимо учитывать, что преступность является свойством общества, которое определяется криминальным типом поведения человека, детерминируемым его биосоциальной природой [19, с. 63–73]. В свою очередь, как абсолютно объективно констатирует В.Ф. Пирожков, «преступности без криминальной субкультуры не бывает, так же как данная субкультура не может существовать без преступности» [20, с. 36–37]. Соответственно, криминальную субкультуру, как отмечает Д.Г. Донских, следует рассматривать «не как свойство профессиональной и организованной преступности, а как более общее качество, в известной степени, присущее российскому обществу» [21, с. 5]. Криминальная субкультура является неотъемлемым элементом системы преступности (в частности обеспечивает реализацию функций воспроизводства и самовоспроизводства преступности, поскольку является средством и социальным каналом передачи социально-значимой для криминалитета информации, в том числе установок, ценностей и традиций преступного мира), т.е. выступает явлением, относящимся к преступности в целом, а не к отдельным ее видам.

Разнообразие мотивационных и иных критериев выделения различных типов преступников [22; 23; 24] обуславливает, по нашему мнению,

нецелесообразность выделения различных подвидов криминальной субкультуры на основании «образа жизнедеятельности» отдельных типов преступников, характера совершаемых ими преступлений и т.п., а тем более необоснованность указания на конкретные их виды в качестве структурных элементов (подсистем) криминальной субкультуры. Не говоря уже о выделении в рамках криминальной субкультуры субкультур сексуальных насильников или проституток и т.п., что по своей сути противоречит пониманию криминальной субкультуры как таковой.

Таким образом, с учетом изложенного можем определить криминальную субкультуру как системное социокультурное образование, отражающее мироотношение (язык, знания, верования,

ценности, убеждения, нравы, обычаи, традиции, обряды, ритуалы, церемонии, символы, нормы и правила поведения и пр.) криминального мира.

Носителями данной субкультуры являются, как непосредственно представители криминального мира (криминалитете), так и иные члены общества, разделяющие соответствующее мироотношение. Ядро (смыслозадающие сакральные идеалы и мировоззренческие ценности), криминальной субкультуры образует, так называемый, «воровской закон». Социально-институционализованные идеи и ценности криминальной субкультуры материализуются в форме жаргона, обычаев, традиций, ритуалов, символики и прочих повседневных культурных криминальных практик.

Литература:

1. Чупров В.И. Социология молодежи : учеб. пособие для вузов / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок. Изд : «Норма», 2011. 411 с.

2. Беляев И.А. Культура, субкультура, контркультура / И.А. Беляев, Н.А. Беляева // Духовность и государственность. Сборник научных статей. Филиал УрАГС в г. Оренбурге. Оренбург, 2002. С. 5–18.

3. Ильин А.Н. Массовая культура и субкультуры современного общества: специфика соотношения / А.Н. Ильин // Обществ. науки и современность. 2011. № 4. С. 167–176.

4. Гогужева М.М. Психологическая профилактика негативного влияния субкультуры на личность подростка : автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. Саратов, 2011. 24 с.

5. Тетерина А.И. Влияние функций молодежной субкультуры на культуру общества / А.И. Тетерина; Отв. ред. Е.Л. Сорокина // Наука и социум. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием.. 2017. С. 138–141.

6. Ершова Ю.Я. Культура, субкультура, контркультура: дефиниция и демаркация понятий / Ю.Я. Ершова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 4(29). С. 42–45.

7. Аминова В.А. К вопросу о термине «субкультура» / В.А. Аминова // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 113–118.

8. Александров Ю.К. Очерки криминальной субкультуры. М. : Права человека, 2001. С. 8.

9. Родин С.Г. Понятие и сущность криминальной субкультуры / С.Г. Родин // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 2. С. 287–291.

10. Шпак С.В. Криминальная субкультура молодежи в современном российском обществе: тенденции формирования и распространения : автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Краснодар, 2012. 31 с.

Literature:

1. Chuprov V.I. Sociology of youth : textbook for universities / V.I. Chuprov, Yu.A. Zubok. Publishing house: «Norma», 2011. 411 p.

2. Belyaev I.A. Culture, subculture, counterculture / I.A. Belyaev, N.A. Belyaeva // Spirituality and statehood. Collection of scientific articles. Branch of URAGS in Orenburg. Orenburg, 2002. P. 5–18.

3. Ilyin A.N. Mass culture and subcultures of modern society: the specifics of the relationship / A.N. Ilyin // Societies. science and modernity. 2011. № 4. P. 167–176.

4. Gogueva M.M. Psychological prevention of the negative impact of subculture on the personality of a teenager : abstract of dis. ... cand. of psychological sciences: 19.00.07. Saratov, 2011. 24 p.

5. Teterina A.I. The influence of the functions of youth subculture on the culture of society / A.I. Teterina; Managing editor E.L. Sorokin // Science and society. Materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation. 2017. P. 138–141.

6. Yershova Yu.Ya. Culture, subculture, counterculture: definition and demarcation of concepts / Yu.Ya. Yershova // Bulletin of the St. Petersburg State University of Culture and Arts. 2016. № 4(29). P. 42–45.

7. Aminova V.A. On the issue of the term «subculture» / V.A. Aminova // Bulletin of Moscow University. Ser. 19. Linguistics and intercultural communication. 2013. № 2. P. 113–118.

8. Aleksandrov Yu.K. Essays on criminal subculture. M.: Human rights, 2001.

9. Rodin S.G. The concept and essence of the criminal subculture / S.G. Rodin // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2. P. 287–291.

10. Shpak S.V. Criminal subculture of youth in modern Russian society: tendencies of formation and distribution : abstract of dis. ... cand. of philosophical sciences: 09.00.11. Krasnodar, 2012. 31 p.

11. Юрьев Р.А. Функции и особенности криминальной субкультуры / Р.А. Юрьев // Вестник Кузбасского института. 2011. № 4(7). С. 56–74.
12. Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ростов-н/Д., 2003. 30 с.
13. Яковлев Н.А. Тюремная (пенитенциарная) субкультура как криминогенный фактор и перспективы нейтрализации ее негативного влияния : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Рязань, 2006. 23 с.
14. Анфиногенов В.А. Субкультура осужденных и её влияние на их поведение в условиях изоляции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Саратов, 2016. 30 с.
15. Гречишкин Ю.Н. Девиантность как предпосылка преступного поведения несовершеннолетних и ее предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Красноярск, 2004. 25 с.
16. Попов М.Ю. Правовая социализация личности как ресурс социального порядка в российском обществе. М., 2006. 307 с.
17. Попов М.Ю. Молодежные девиации в условиях социальной транзитуции: криминологический и теоретико-правовой анализ / М.Ю. Попов, Ю.Ю. Бугаенко. М., 2019. 466 с.
18. Бабанина Д.В. Эндо-функции криминальной субкультуры в среде несовершеннолетних / Д.В. Бабанина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 12-2. С. 30–35.
19. Игнатов А.Н. О биосоциальной природе преступности / А.Н. Игнатов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2016. № 1. С. 63–73.
20. Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). Тверь : ИПП «Приз», 1994. С. 36–37.
21. Донских Д.Г. Противодействие криминальной субкультуре в обществе: криминологические проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2010. 27 с.
22. Игнатов А.Н. Страсть как фундаментальная составляющая мотива преступного поведения / А.Н. Игнатов // Общество и право. 2015. № 1 (51). С. 63–68.
23. Проблемы общественно опасных деяний медицинских работников в сфере биомедицинских технологий / Р.У. Хабриев [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2018. Т. 26. № 1. С. 4–9.
24. Игнатов А.Н. Типология работников правоохранительных органов, совершающих насильственные преступления / А.Н. Игнатов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 1(20). С. 92–97.
11. Yuriev R.A. Functions and features of the criminal subculture / R.A. Yuriev // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2011. № 4(7). P. 56–74.
12. Tulegenov V.V. Criminal subculture and its criminological significance : abstract of dis. ... cand. of legal sciences: 12.00.08. Rostov-on/D., 2003. 30 p.
13. Yakovlev N.A. Prison (penitentiary) subculture as a criminogenic factor and prospects for neutralizing its negative impact : Abstract of dis. ... cand. of legal sciences: 12.00.08. Ryazan, 2006. 23 p.
14. Anfinogenov V.A. Subculture of convicts and its influence on their behavior in isolation : abstract of dis. ... cand. of legal sciences: 12.00.08. Saratov, 2016. 30 p.
15. Grechishkin Yu.N. Deviance as a prerequisite for the criminal behavior of minors and its prevention: Abstract of dis. ... cand. of legal sciences: 12.00.08. Krasnoyarsk, 2004. 25 p.
16. Popov M. Yu. Legal socialization of personality as a resource of social order in Russian society. M., 2006. 307 p.
17. Popov M. Yu. Youth deviations in the conditions of social transition: criminological and theoretical – legal analysis / M.Yu. Popov, Yu.Yu. Bugaenko. M., 2019. 466 p.
18. Babanina D.V. Endo-functions of criminal subculture among minors / D.V. Babanina // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2021. № 12-2. P. 30–35.
19. Ignatov A.N. On the biosocial nature of crime / A.N. Ignatov // Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2016. № 1. P. 63–73.
20. Pirozhkov V.F. Laws of the criminal world of youth (criminal subculture). Tver : IPP «Priz», 1994. P. 36–37.
21. Donskikh D.G. Opposition to criminal subculture in society: criminological problems : abstract of dis. ... cand. of legal sciences: 12.00.08. M., 2010. 27 p.
22. Ignatov A.N. Passion as a fundamental component of the motive of criminal behavior / A.N. Ignatov // Society and Law. 2015. № 1(51). P. 63–68.
23. Problems of socially dangerous acts of medical workers in the field of biomedical technologies / R.U. Khabriev // Problems of social hygiene, health care and the history of medicine. 2018. Vol. 26. № 1. P. 4–9.
24. Ignatov A.N. Typology of law enforcement officers who commit violent crimes / A.N. Ignatov // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2011. № 1 (20). P. 92–97.

Васильева Яна Юрьевна
кандидат юридических наук,
доцент,
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации
consul50@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЛИЦАМ, ОСУЖДЁННЫМ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. Автором рассматриваются некоторые проблемы назначения уголовных наказаний лицам, осуждённым экологические преступления. Методологической основой исследования послужил диалектико-материалистический метод, предполагающий изучение явлений в их совокупности с учётом взаимных связей и зависимостей. В статье были использованы общенаучные, специально-юридические, сравнительно-правовые и системные методы исследования. Автором проанализирован вопрос об эффективности наказания в виде штрафа, обязательных работ и лишения свободы за совершение рассматриваемых преступлений в современный период.

Ключевые слова: экологические преступления, причинённый вред, браконьерство, ущерб, наказание, соразмерность, справедливость, лесной фонд, водные биологические ресурсы, природопользование, прокурорский надзор.

В последнее время в России уделяется пристальное внимание охране природных ресурсов и их рациональному использованию, в связи с чем, вопросы гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности имеют решающее значение в борьбе с экологическими правонарушителями.

Генеральной прокуратурой Российской Федерации среди обозначенных задач по укреплению законности и правопорядка в 2021 году поставлена задача: «С учётом экологической обстановки необходимо наладить действенный прокурорский надзор за исполнением законов об охране окружающей среды и о природопользовании, под особым контролем держать вопросы рационального использования природных ресурсов, а также, мерами прокурорского реагирования обеспечить охрану водных биологических ресурсов, сохранения лесного фонда и уникальных экосистем, восстановление экологического баланса на Байкале» [1].

Yana Yu. Vasilieva
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Irkutsk Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation
consul50@mail.ru

ACTUAL PROBLEMS OF SENTENCING PERSONS CONVICTED OF ENVIRONMENTAL CRIMES

Annotation. The author considers some problems of assigning criminal penalties to persons convicted of environmental crimes. The methodological basis of the research was the dialectical-materialistic method, which involves the study of phenomena in their totality, taking into account mutual connections and dependencies. General scientific, special legal, comparative legal and systemic research methods were used. The article analyzes the question of the effectiveness of punishment in the form of a fine, compulsory labor and imprisonment for committing the crimes in question in the modern period.

Keywords: environmental crimes, harm caused, poaching, damage, punishment, proportionality, justice, forest fund, aquatic biological resources, nature management, prosecutor's supervision.

Одной из неотложных проблем обеспечения уголовной ответственности за экологические преступления является назначение мер наказания, позволяющих решить задачи экологической и природной уголовно-правовой охраны с учетом социальной опасности данного вида преступления, обеспечить восстановление социальной справедливости и реализовать превенцию. Анализ правовой практики назначения уголовного наказания за совершение экологических преступлений свидетельствует о наличии проблем, связанных с решением этих задач.

Прежде чем приступить к анализу вопросов проблемы назначения наказания по делам исследуемой области, обратимся к закону и определим виды уголовных наказаний, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ) за совершение экологических преступлений (ст. 246–262 УК РФ – Гл. 26 УК РФ)? Внимательно изучив санкции указанных уголовно-правовых норм, констатируем, что всего

семь видов наказаний суды Российской Федерации могут применять в отношении лиц, осуждённых за совершение ими экологических преступлений. Вот эти виды уголовных наказаний:

- 1) штраф;
- 2) лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью;
- 3) обязательные работы;
- 4) исправительные работы;
- 5) ограничение свободы;
- 6) принудительные работы;
- 7) лишение свободы на определённый срок.

Согласно статистике судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, самым распространённым видом наказания лиц, осуждённых за экологические преступления, являются обязательные работы. Однако в большинстве санкций экологических преступлений

обязательные работы не имеют нижнего размера границы наказания, а верхний предел установлен в 480 часов (максимально возможный в соответствии со ст. 49 УК РФ срок).

Стоит отметить, что одним из показателей эффективности того или иного вида наказания является его распространённость или цикличность применения.

Из приведённой ниже таблицы видно, что на втором месте по распространённости (а значит, и по эффективности) стоит штраф, на третьем месте – исправительные работы, далее – лишение свободы на определённый срок, за ним следует ограничение свободы, и на последнем месте – принудительные работы. Последнее объясняется тем, что данный вид наказания редко применяется судами в настоящее время, поскольку не во всех регионах России имеются исправительные центры, в которых отбываются принудительные работы. А такой вид уголовного наказания как лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью судами за указанный период не применялся.

Виды назначенных наказаний	2021 (1 полугодие)	2020
Штраф	292	735
Лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью	0	0
Обязательные работы	497	1238
Исправительные работы	121	327
Ограничение свободы	2	8
Принудительные работы	4	4
Лишение свободы на определённый срок	179	271
Условное осуждение к лишению свободы	1413	2417
Всего осуждённых лиц	2617	5299

В то же время, исходя из предоставленных данных, нельзя увидеть, что суды часто применяют условные наказания в виде лишения свободы к лицам, осуждённым за экологические преступления. Только за первое полугодие 2021 года уже в отношении 1413 осуждённых назначено лишение свободы условно с испытательным сроком. Это свидетельствует, прежде всего, о гуманизме в отношении виновных в совершении рассматриваемых преступлений, однако, к сожалению, в таком случае не в полной мере учитывается экологический вред, причинённый природно-ресурсному потенциалу окружающей среды, к примеру, браконьерами при использовании ими способов добычи водных биологических ресурсов, влекущих массовую гибель последних.

Так, например, по приговору Комсомольского районного суда г. Тольятти Самарской области от 21.08.2020 К. был осуждён по ч. 3 ст. 256 УК РФ к 2 годам лишения свободы, на основании ч. 1 ст. 73 УК РФ условно с испытательным сроком 1 год с возложением обязанности. Судом первой инстанции верно установлено, что применённый осуждёнными способ добычи с использованием мотопомпы позволяет механизированным способом извлекать из водной среды все живые организмы, попадающие в зону действия всасывающего устройства. Кроме этого, применённые орудие и способ

добычи повлекли массовую гибель водных биоресурсов, а именно, более 5000 моллюсков. Таким образом, использование осуждёнными для добычи моллюсков мотопомпы повлекло массовое истребление водных биологических ресурсов, то есть являлось применением запрещенного орудия и способа добычи биоресурсов. Вопреки доводам жалобы, осуждённые осуществляли добычу биоресурсов в охраняемой зоне гидротехнических сооружений, то есть в запрещенном для этого месте, в нарушение п. 15.2 Правил рыболовства для Волжско-Каспийского рыбохозяйственного бассейна. Добыча биоресурсов в запрещенном для этого месте является незаконной и влечет уголовную ответственность по ст. 256 УК РФ, Действиям осуждённого судом дана правильная юридическая оценка. При определении вида и меры наказания К. судом учитывались требования ст. 6, 43, 60 УК РФ, характер и степень общественной опасности совершенного преступления, данные о личности виновного, обстоятельства, смягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осуждённого. В числе смягчающих наказание обстоятельств судом учтено на основании п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ – наличие двух малолетних детей; на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ – наличие заболевания; участие осуждённого в боевых действиях.

При характеристике личности К. правильно учтено и то, что он совершил преступление средней тяжести, проживает с матерью и дочерью, по месту жительства характеризуется удовлетворительно, является ветераном боевых действий, не судим. Отягчающих наказание обстоятельств по делу не установлено. С учётом смягчающих обстоятельств, личности осуждённого, конкретных обстоятельств дела, ролью виновного, его поведением во время и после совершения преступления, суд обоснованно назначил К. наказание в виде условного лишения свободы без дополнительного наказания. Суд первой инстанции обоснованно назначил наказание за совершенное преступление без применения ч. 6 ст. 15, ст. 64 УК РФ, подробно мотивировав свои выводы. Основания для смягчения назначенного наказания К. отсутствуют, поскольку все заслуживающие внимания обстоятельства, известные суду на момент постановления приговора, были надлежащим образом учтены при решении вопроса о виде и размере наказания, которое является справедливым, соразмерным содеянному, соответствующим личности осуждённого, и чрезмерно суровым, не является [2].

Нередки случаи применения таких видов уголовных наказаний, как штрафы. Отметим, что штрафы в уголовной системе по УК РФ стоят на первом месте и являются наиболее мягкими видами наказания.

Я., гражданин РФ, военнообязанный, со средним образованием, в зарегистрированном браке не состоящий, не судимый, был осуждён за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 256 УК РФ, к штрафу в размере 550000 рублей. Удовлетворен частично гражданский иск прокурора, с Я. в счёт возмещения ущерба, причинённого преступлением, взыскано в доход Анадырского муниципального района Чукотского автономного округа 315751 рубль 40 копеек. В доход федерального бюджета с Я. взысканы процессуальные издержки в размере 204190 рублей.

Прокурором в суд апелляционной инстанции представлен расчёт ущерба водным биологическим ресурсам, выполненный заместителем руководителя Северо-Восточного Управления, отдела государственного контроля, надзора, охраны водных биологических ресурсов и регулирования рыболовства по Чукотскому автономному округу – начальником отдела Управления (далее по тексту Управление Росрыболовства) Д., с учётом позиции государственного обвинителя в суде первой инстанции. Допрошенный в заседании суда апелляционной инстанции в качестве специалиста Д. подтвердил проведённый им расчёт, разъяснил его методику, указав, что в соответствии с п. 4 примечаний к постановлению Правительства от 26 сентября 2000 года № 724 за каждый килограмм икры взыскивается 200 процентов за экземпляр самки лососевых рыб, из которых была добыта эта икра. Однако таких данных ему не представлено, в связи с чем, п. 4 примечаний не применён в расчёте. Указал, что кета и лосось относятся к

анадромным видам рыб, поэтому в период нерестового хода, если речь идет о летнем периоде, самки должны быть с икрой. Проверив расчёты причинённого Я. ущерба водным биологическим ресурсам, выполненные Управлением Росрыболовства и судебно-ихтиологическим экспертом, суд апелляционной инстанции пришёл к следующим выводам.

Не подвергая сомнениям заключения судебных ихтиологических экспертиз в части определения родовой принадлежности представленных на экспертизу рыб, суд апелляционной инстанции, с учётом рамок предъявленного обвинения о незаконном вылове осуждённым особой кеты, без указания их родовой принадлежности, а также, положений ст. 252 УПК РФ, регулирующей пределы судебного разбирательства, согласился с расчётом ущерба водным биологическим ресурсам, выполненного специалистом Управления Росрыболовства Д., признал Я. виновным в незаконной добыче (вылове) 12 августа 2018 года водных биологических ресурсов в количестве 3 самцов горбуши, 6 самцов кеты, 23 целых самок кеты (не поротых), 58 особей кеты, 115 ястыков с икрой кеты весом 14,7 кг, 2 ястыков горбуши весом 0,21 кг, а также, в причинении ущерба в сумме 114316 рублей. Суд признал установленным размер причинённого Я. ущерба от незаконной добычи (вылова) 20 августа 2018 года водных биологических ресурсов в 153795 рублей и др. Наказание же, назначенное Я. по ч. 3 ст. 256 УК РФ в виде штрафа, снизил до 500000 (пятист тысяч) рублей. Также, с Я. взыскано в пользу Российской Федерации в счёт возмещения ущерба, причинённого незаконной добычей (выловом) водных биологических ресурсов, 268111 (двести шестьдесят восемь тысяч сто одиннадцать) рублей [3].

Как нам представляется, в данной конкретной ситуации более справедливым видом наказания были бы исправительные или обязательные работы, но не штраф.

Следует согласиться с мнением проф. О.К. Затекина об индивидуализации назначаемого судом наказания и его соразмерности [4].

Резюмируя, следует обратить внимание на безотлагательную необходимость разъяснения судам в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации по данным видам уголовных дел о назначении уголовных наказаний лицам, осуждённым за экологические преступления, в том числе с учетом размера причиненного экологического ущерба, рассчитанного высококвалифицированными специалистами, экспертами, особенностей личности, негативных последствий деяния.

В настоящее время в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» в самом общем виде даются некоторые предложения в плане вынесения приговора. Понятно, что этого недостаточно для

эффективной борьбы с экологической преступностью в стране и достижения всех поставленных

целей, определенных в ст. 43 УК РФ целей наказания.

Литература:

1. Решение коллегии от 17 марта 2021 года «Об итогах работы органов прокуратуры Российской Федерации в 2020 году и о задачах по укреплению законности и правопорядка на 2021 год» // «КонсультантПлюс».
2. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18.11.2021 № 77-4807/2021.
3. Апелляционное постановление Суда Чукотского автономного округа от 26.11.2020 по делу № 22-86/2020; 1-2/2020.
4. *Зателепин О.К.* Назначение наказания по специальным правилам. Справочник. М.: Изд-во ООО «Акцион-МЦФЭР», 2022. С. 6–7.

Literature:

1. The decision of the Board of March 17, 2021 «On the results of the work of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in 2020 and on the tasks of strengthening law and order for 2021» // «Consultant-Plus».
2. Ruling of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction № 77-4807/2021 dated 11/18/2021.
3. Appeal decision of the Court of the Chukotka Autonomous Okrug dated 11/26/2020 in case № 22-86/2020; 1-2/2020.
4. *Zatelepin O.K.* Sentencing according to special rules. Directory. M.: Publishing house of LLC «Action-MCFER». 2022. P. 6–7.

Вишневецкий Кирилл Валерьевич

доктор юридических наук,
профессор,
начальник кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
kvishnevecky@mail.ru

Кашкаров Алексей Александрович

доктор юридических наук,
доцент,
начальник кафедры
уголовного права и криминологии,
Крымский филиал
Краснодарского университета МВД России
kashkarov79@yandex.ru

Кашкаров Александр Александрович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
уголовно-правовых дисциплин,
Крымский юридический институт –
филиал университета прокуратуры
Российской Федерации
kashkarov79@yandex.ru

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ
И КРИМИНАЛИЗАЦИЯ СОЗДАНИЯ,
РАЗМЕЩЕНИЯ, ОБСЛУЖИВАНИЯ
И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИМИТАЦИИ
ИНФОРМАЦИОННОГО РЕСУРСА
В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУ-
НИКАЦИОННЫХ СЕТЯХ,
ВКЛЮЧАЯ СЕТЬ «ИНТЕРНЕТ» (ЧАСТЬ 1)**

■ ■ ■

Аннотация. Стабильно высокий рост количества пользователей информационно-телекоммуникационными сетями, особенно сети «Интернет», количества обращений к информационным ресурсам свидетельствует о цифровизации общественных отношений. В первой части публикации раскрыта общественная опасность создания, размещения, обслуживания и использования имитации информационного ресурса в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет», приведены примеры её характеризующие. Обосновывается необходимость криминализации такого рода общественно опасных деяний.

Ключевые слова: имитация информационного ресурса, информационная безопасность, санитарно-

Kirill V. Vishnevetskiy

Doctor of Law,
Professor,
Head of Department
Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
kvishnevecky@mail.ru

Alexey A. Kashkarov

Doctor of Law,
Associate Professor,
Head of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Crimean branch of the Krasnodar
University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
kashkarov79@yandex.ru

Alexander A. Kashkarov

Candidate of Legal Sciences,
Assistant Professor
of Criminal Legal Disciplines,
Crimean Law Institute –
branch of the University
of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation
kashkarov79@yandex.ru

**PUBLIC DANGER
AND CRIMINALIZATION
OF THE CREATION, PLACEMENT,
MAINTENANCE AND USE
OF AN IMITATION OF AN INFORMATION
RESOURCE IN INFORMATION AND
TELECOMMUNICATION NETWORKS,
INCLUDING THE INTERNET (PART 1)**

■ ■ ■

Annotation. A consistently high growth in the number of users of information and telecommunication networks, especially the Internet, the number of appeals to information resources indicates the digitalization of public relations. The first part of the publication reveals the social danger of creating, hosting, maintaining and using an imitation of an information resource in information and telecommunication networks, including the Internet, and examples characterizing it are given. The necessity of criminalization of this kind of socially dangerous acts is substantiated.

Keywords: imitation of an information resource, information security, sanitary and epidemiological welfare of

эпидемиологическое благополучие населения, преступление, криминализация, уголовное право, уголовно-правовая политика, благополучие населения, общественная опасность, создание, размещение, обслуживание и использование.

the population, crime, criminalization, criminal law, criminal law policy, welfare of the population, public danger, creation, placement, maintenance and use.

С табильно высокий рост количества пользователями информационно-телекоммуникационными сетями, особенно сети «Интернет», количества обращений к информационным ресурсам (интернет-страницы, интернет-сайты, мобильные приложения смартфонов, планшетов и других мобильных устройств) информационно-телеком-муникационных сетей, а также учитывая, что информационно-телекоммуникационные сети активно используются образовательными, торговыми, финансовыми и иными организациями, учреждениями здравоохранения, органами публичной власти для предоставления государственных и муниципальных услуг свидетельствует о цифровизации общественных отношений. Социально значимые и позитивные достижения, которые мы можем наблюдать в результате научно-технического прогресса и глобальной информатизации социума, имеют и обратный, негативный эффект. Достижения науки и техники используются с целью совершения преступлений и иных, пока уголовно не наказуемых общественно опасных деяний. Технологический прогресс, с одной стороны, порождает новые возможности и эффективные средства противодействия силам деструкции, но, в то же время, наделяет преступников и террористов инновационными ранее не существовавшими методами и инструментами [1, с. 22].

Соглашаясь с мнением Ю.Е. Пудовочкина, укажем, что новые вызовы, к которым относится и обеспечение информационной безопасности нашего общества, требуют от уголовной политики в целом и уголовного права, в частности, поиска новых решений, которые не возможны без пересмотра многих, если не всех, традиционных начал уголовно-правового регулирования, однако, пересмотра такого, который не сопровождался бы разрушением отрасли, но обеспечил бы ее устойчивое развитие в будущем, ответы на такого рода вызовы, зачастую, сводятся к многочисленным частным корректировкам уголовного закона и уголовной политики, в то время как, сама по себе, новая проблема требует инновационной уголовно-политической идеи, реализация которой может привести к созданию и внедрению нового технологичного продукта – уголовного права эпохи информатизации и поиск которой должен составить основное направление развития современной правовой науки [2, с. 91]. Также, отметим верность позиции А.Н. Игнатова, о том, что минимизация криминогенности техногенности человеческого развития обуславливает необходимость выработки эффективных механизмов контроля над ситуацией. Безопасность нашего будущего во многом определяется своевременностью анализа и предвидения перспектив, рисков и криминогенности человеческой рационально-технологической деятельности в условиях техногенного цивилизационного развития и возможностей

защиты человека, общества и государства от соответствующих угроз [3, с. 34–40].

В программном документе «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» отмечается, что «информационные и коммуникационные технологии стали частью современных управленческих систем во всех отраслях экономики, сферах государственного управления, обороны страны, безопасности государства и обеспечения правопорядка» [4]. Мы уже живем в цифровом мире, указывает В.С. Овчинский, строим цифровую экономику, но у нас отсутствует какой-либо структурированный взгляд на образ преступности цифрового мира [5].

Указанные обстоятельства требуют соответствующей и своевременной реакции со стороны государства с целью обеспечения правового регулирования и правовой охраны общественных отношений, которые уже объективно существуют в процессе пользования информационными ресурсами информационно-телекоммуникационных сетей.

Изучение способов совершения преступлений, иных противоправных действий с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ) свидетельствует о том, что у правоприменителя отсутствует правовой инструментарий, дающий возможность обеспечивать уголовно-правовую охрану общественных отношений в сфере информационной безопасности, не криминализованы общественно опасные деяния, связанные с имитацией оригинального информационного ресурса в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе, в сети «Интернет».

Создание, размещение, обслуживание и использование имитации информационного ресурса в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет», создает угрозу общественным отношениям в сфере информационной безопасности, охрана которых, исходя из вышеизложенного, становится все более актуальной в современных условиях. Кроме того, совершение вышеописанных общественно опасных деяний может способствовать совершению преступлений против:

- собственности, преступлений посягающих на неприкосновенность частной жизни, честь и достоинство личности;
- авторских и смежных прав;
- здоровья населения (в части санитарно-эпидемиологического благополучия населения).

Хрестоматийным является положение, что именно общественная опасность деяния выступает базисом криминализации, который принимается законодателем за основу при внесении изменений либо дополнений в действующий уголовный закон. Раскрывая сущность общественной опасности информационных преступлений, к которым мы относим и противоправное создание имитации информационного ресурса, следует согласиться с мнением о том, что «в XXI веке значимость компьютерной информации сложно преуменьшить, и общественные отношения в сфере безопасности компьютерной информации, конечно же, нуждаются в уголовно-правовой охране. Однако формирование и формулирование уголовно-правовых запретов в данной области не может осуществляться без учета характера и степени общественной опасности деяний» [6].

Мы полагаем, что общественная опасность деяния, связанного с созданием имитатора информационно-телекоммуникационного ресурса, характеризуется такими показателями, как:

- высокие уровни распространенности, повторности (прецедентности) и латентности;
- дистанционный характер деяния (существенная географическая удаленность жертв и виновных лиц);
- использование злоумышленниками инновационных информационно-когнитивных способов совершения преступлений;

Нам представляется, что общественная опасность создания и использования, размещения и обслуживания имитатора информационного ресурса также выражается и в том, что такого рода деяния способствуют иной общественно опасной деятельности, которая выражается, например, в совершении хищения либо в противоправном распространении сведений о частной жизни иного лица. Такого рода общественно опасные деяния обладают, по мнению исследователей, кумулятивной общественной опасностью [7, с. 60], которая характеризуется высоким негативным потенциалом. Этот потенциал направлен на другие общественные отношения, помимо тех, которые были затронуты совершенным преступлением. Иначе говоря, преступное посягательство на один объект уголовно-правовой охраны потенциально влечет посягательство на другой объект преступлений в иной сфере [6].

Существующие нормы отечественного уголовного законодательства не обеспечивают надлежащую охрану общественных отношений в сфере информационной безопасности и защищенности в связи с чем, возникает необходимость дополнения Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) нормой, устанавливающей уголовную ответственность за создание, размещение, обслуживание и использование имитации информационного ресурса в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет». Такого рода норма обеспечит реализацию одной из задач, предусмотренных ч. 1 ст. 2 УК РФ,

а именно, предупреждение общественно опасных деяний средствами уголовного законодательства. Кроме того, предлагаемая нами норма обеспечит уголовно-правовое предупреждение иных преступлений на стадии приготовления и покушения.

Предлагаемая нами уголовно-правовая новелла содержит ряд новых для теории уголовного права и правоприменительной практики терминов, которые следует разъяснить, среди них – «имитация информационного ресурса информационно-телекоммуникационных сетей». Под информационным ресурсом информационно-телекоммуникационной сети мы понимаем любую интернет-страницу, их совокупность, объединенные в соответствующие интернет-сайты, а также – мобильные приложения смартфонов, планшетов и других мобильных устройств. Информационные ресурсы обладают определенным дизайном, установленным доменным именем сетевым адресом (открытым – интернет-страница (интернет-сайт) или закрытым – мобильное приложение) и обеспечивают возможность получения и передачи соответствующих сведений исходя из целевой установки информационного ресурса. Оригинальные информационные ресурсы информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающие:

- сбор и хранение персональных данных (например, персональные страницы пользователей в социальных сетях);
- проведение финансовых, торговых либо иных операций (веб-клиент-менеджеры банков (интернет-банкинг), онлайн-гипермаркеты, маркетплейс, торговые интернет-сервисы);
- дистанционного подтверждения права либо освобождения от обязанностей (сайты и мобильные приложения органов публичной власти (сайт или мобильное приложение «Госуслуги»)).

Все чаще они становятся предметом противоправной имитации в информационно-телекоммуникационных сетях.

Имитация оригинального информационного ресурса информационно-телекоммуникационной сети графически, визуально (дизайнерски) в полной мере соответствует оригинальному информационному ресурсу информационно-телекоммуникационной сети, в нем присутствуют аналогичные изображения, вкладки, однако, имитация создается с целью противоправного получения информации от пользователя либо для передачи информации не соответствующей действительности. Вместе с тем, имитатор оригинала информационного ресурса информационно-телекоммуникационной сети всегда будет иметь другое доменное имя и IP-адрес.

Оригинальные информационные ресурсы, как уже отмечалось выше, обладают определенным веб-дизайном и соответствующим доменным именем (символьным именем, например, <https://www.avito.ru>), а также, сетевым адресом (IP-адрес сайта, интернет-адресом, например, <https://146.158.48.24> – по состоянию на 18 января

2022 года один из IP-адресов сайта «Авито»). Доменное имя информационного ресурса воспринимается пользователем как совокупность относительно легко читаемых и воспринимаемых; и что главное – свободно воспроизводимых символов, например «mail.ru» или «лдр.рф» в отличие от сетевого адреса интернет-ресурса, который сложно запомнить и в последующем сложно воспроизвести по памяти.

В специальной литературе отмечается: «... Система DNS (англ. *Domain Name System*) становится все более уязвимой. Злоумышленники без труда перенаправляют запросы пользователей по символьному имени на подставные серверы и, таким образом, получают доступ к паролям, номерам кредитных карт и другой конфиденциальной информации. Сами пользователи ничего не могут с этим поделать, так как, в большинстве случаев, даже не подозревают о том, что запрос был перенаправлен – запись в строке браузера и сам сайт в точности такие, какими их и ожидает увидеть пользователь» [8].

Указанное обстоятельство свидетельствует о том, что существует техническая возможность перевести пользователя с оригинального информационного ресурса с доменным именем на фейковый информационный ресурс, в котором указан ложный сетевой адрес. Не вдаваясь в технические подробности, отметим, что многие оригинальные информационные ресурсы, обозначенные символьным именем, а также, веб-браузеры имеют программную защиту, направленную на минимизацию возможных атак, путем подлога (подмены) IP-адреса при разрешении доменных имен. Такого рода защита не дает возможность перенаправлять запросы пользователей по доменному имени на подставные серверы с сетевым адресом, а сам пользователь предупреждается о возможной ложной маршрутизации с целью противоправного завладения личной информацией пользователя. Таким образом, нивелируется возможность противоправного доступа к информации, охраняемой законом (пароли, персональные данные, номера банковских карт иная конфиденциальная информация).

Как нам представляется, создание специальной программы, которая блокирует работу оригинального информационного ресурса и меняет маршрут пользователя, выводя его на имитацию (фейк) оригинального информационного ресурса полностью охватывается составом преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ. С технической точки зрения вышеописанный способ совершения преступления возможен, но он сложен в силу наличия программных и аппаратных средств защиты оригинальных информационных ресурсов.

Отметим, что существенное распространение, создание и использование имитаций информационных ресурсов информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе, сети «Интернет» получили после вынужденного введения ограничений посещения объектов социальной инфраструктуры (непродовольственные магазины, транспорт, кинотеатры, театры и иные) с целью

предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации (COVID-19). После вынужденного введения ограничений, посещение объектов социальной инфраструктуры возможно только при предъявлении документа (сертификата), подтверждающего факт вакцинации от COVID-19 или факт перенесенного коронавирусного заболевания, либо QR-кода, который обеспечивает доступ к сведениям, подтверждающим вышеуказанные факты, посредством гиперссылки на информационные ресурсы URL : «immune.mos.ru» или «gosuslugi.ru». Однако QR-код, предъявляемый уполномоченным лицам, документом не является в силу того, что «QR-код для доступа в общественные места Москвы содержит только ссылку на сайт immune.mos.ru или gosuslugi.ru, что не позволяет считать его официальным электронным документом. Соответственно, ни создание, ни использование фейкового QR-кода не должны повлечь ответственность по ст. 327 УК» [9], так как не содержит сведения, позволяющие идентифицировать личность. Приведенное обстоятельство свидетельствует об отсутствии уголовно-правового механизма охраны общественных отношений, связанных с генерацией и использованием QR-кодов в сфере здоровья населения (санитарно-эпидемиологического благополучия населения). Существующие информационные технологии, их широкая распространенность и доступность дают возможность лицам, обладающим определенными знаниями, опытом и навыками в сфере IT-технологий, создавать информационные ресурсы имитаторы визуально и содержательно похожими на информационный ресурс ЕСИА «Госуслуги» URL : https://www.Gosuslugi.ru/covid-cert/status/***** и размещать их в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», привязывать к имитатору QR-код, который якобы подтверждает факт вакцинации от COVID-19 или факт перенесенного коронавирусного заболевания [10].

Также, отметим, что в правоприменительной практике известны случаи создания имитатора информационного ресурса фискального органа, когда от имени органа публичной власти (ГИБДД МВД России, судебных приставов, налоговых органов) на электронную почту пользователя приходит уведомление о якобы возникшей задолженности, которую можно оплатить (погасить), перейдя по гиперссылке, размещенной в письме. Перейдя по гиперссылке, потерпевший попадает на имитатор информационного ресурса «Госуслуги», либо фискального органа публичной власти на котором предлагается погасить имеющуюся задолженность.

Негативный потенциал и кумулятивный (мультипликативный) эффект общественной опасности создания имитатора информационного ресурса, о котором говорилось ранее, может также выражаться в воспрепятствовании осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий. Возможности информационно-телекоммуникационной сетей, в том числе, сети «Интернет» при организации и проведении голосования

неоднократно использовались Центральной избирательной комиссии России (далее – ЦИК России). Голосование на выборах депутатов Государственной Думы Российской Федерации 17–19 сентября 2021 года прошли с использованием дистанционного электронного голосования (онлайн-голосования). Согласно данным ЦИК России, онлайн-голосование проводилось с 08:00 17 сентября до 20:00 19 сентября 2021 года, дистанционное электронное голосование прошло без нарушений [11].

Литература:

1. Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры / В.С. Овчинский. М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. 352 с., С. 22.
2. Пудовочкин Ю.Е. Закономерности формирования и развития российской уголовной политики в условиях глобализации / Ю.Е. Пудовочкин // Журнал российского права. 2017. № 3(243). С. 82–91.
3. Игнатов А.Н. Криминогенность техногенности / А.Н. Игнатов // Общество и право. 2019. № 2. С. 34–40.
4. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы. Указ Президента Российской Федерации от 09 мая 2017 г. № 203. URL : <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102431687>
5. Овчинский В.С. Преступность и борьба с ней в цифровом мире / В.С. Овчинский // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 1-й Международной конференции (8–9 февраля 2018 г., Москва). М. : ИПМ имени М.В. Келдыша, 2018. С. 136–140. URL : <http://keldysh.ru/future/2018/20.pdf>
6. Антонов А.Г. К вопросу об общественной опасности неправомерного доступа к компьютерной информации, повлекшего ее блокирование / А.Г. Антонов, Д.В. Крюков // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 2(64). С. 168–179.
7. Айков Д. Компьютерные преступления. Руководство по борьбе с компьютерными преступлениями / Д. Айков, К. Сейгер, У. Фонсторх. М. : Мир, 1999. 351 с. С. 60.
8. Domain Name System Security Extensions. URL : <https://www.securitylab.ru/news/tags/DNSSEC>
9. Предъявите документы: риски уголовной ответственности за подделку QR-кода. URL : <https://300.pravo.ru/opinion/233146>
10. Вишневецкий К.В. О необходимости обеспечения уголовно-правовой охраны генерации, использования и оборота QR-кодов в сфере безопасности и обеспечения благополучия населения / К.В. Вишневецкий, А.А. Кашкаров, А.А. Кашкаров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 1. С. 90–95.

Создание имитатора информационного ресурса ЦИК России, иной избирательной комиссии может быть осуществлено с целью подорвать итоги официального голосования путем срыва проведения такого рода голосования либо устранения нежелательных избирателей посредством направления последним гиперссылок о возможности волеизъявления с использованием дистанционного электронного голосования (онлайн-голосования). Гиперссылка может прийти на электронную почту избирателя либо в персональный кабинет гражданина-пользователя информационного ресурса «Госуслуги».

Literature:

1. Criminology of the digital world: a textbook for magistracy / V.S. Ovchinsky. M. : Norma : INFRA-M, 2018. 352 p.
2. Pudovochkin Yu.E. Patterns of Formation and Development of Russian Criminal Policy in the Context of Globalization / Yu.E. Pudovochkin // Journal of Russian Law. 2017. № 3(243). P. 82–91.
3. Ignatov A.N. Criminogenicity of technogenicity / A.N. Ignatov // Society and Law. 2019. № 2. P. 34–40.
4. Strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017-2030. Decree of the President of the Russian Federation of May 09, 2017 № 203. URL : <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102431687>
5. Ovchinsky V.S. Crime and fight against it in the digital world / V.S. Ovchinsky // Designing the future. Problems of Digital Reality: Proceedings of the 1st International Conference (February 8–9, 2018, Moscow). M. : IPM im. M.V. Keldysh, 2018. P. 136–140. URL : <http://keldysh.ru/future/2018/20.pdf>
6. Antonov A.G. To the question of the public danger of illegal access to computer information, resulting in its blocking / A.G. Antonov, D.V. Kryukov // Leningradsky juridical journal. 2021. P 2(64). P. 168–179.
7. Aikov D. Computer crimes. Guide to Combating Computer Crimes / D. Aikov, K. Seiger, U. Fonstorkh. M. : Mir, 1999. 351 p.
8. Domain Name System Security Extensions. URL : <https://www.securitylab.ru/news/tags/DNSSEC>
9. Present documents: risks of criminal liability for forging a QR code. URL : <https://300.pravo.ru/opinion/233146>
10. Vishnevetsky K.V. On the need to ensure criminal law protection of the generation, use and circulation of QR codes in the field of security and ensuring the well-being of the population / K.V. Vishnevetsky, A.A. Kashkarov, A.A. Kashkarov // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2022. № 1. P. 90–95.

11. В Российской Федерации завершилось голосование на выборах депутатов Государственной Думы. URL : <http://www.cikrf.ru/news/cec/50559>

11. Voting in the elections of deputies of the State Duma has ended in the Russian Federation. URL : <http://www.cikrf.ru/news/cec/50559>

Возняк Галина Николаевна
директор АНО Бюро независимой
экспертизы «Плеяды»,
старший преподаватель
кафедры экономики,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
ukka777@yandex.ru

Гарбовская Надежда Брониславовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры
языкознания и иностранных языков,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
garbovskii@yandex.ru

Землякова Нинель Владимировна
кандидат филологических наук,
доцент,
заведующая кафедрой языкознания
и иностранных языков,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
ukka777@yandex.ru

Лингвистическая экспертиза в гражданском и уголовном судопроизводстве

■ ■ ■

Аннотация. В правовой сфере язык выступает как средство формирования и выражения объективной позиции компетентного, независимого и справедливого суда, высокая степень ответственности, предъявляемая к профессии судьи, распространяется на каждое слово, которое должно быть правильно понято, растолковано, безукоризненно точно употреблено. По мнению авторов статьи, доказательственное значение заключения эксперта зависит от его истинности, внутренней непротиворечивости, точности и достоверности всех действий, оценок и выводов эксперта. Экспертное заключение должно быть безошибочным, как полагает Р.С. Белкин, выдающийся советский и российский криминалист.

Ключевые слова: юридическая лингвистика, лингвистическая экспертиза, уголовное и гражданское судопроизводство, язык и право, диффамация, эксперт, исследование текста, вывод, метод.

■ ■ ■

Galina N. Wozniak
Director of ANO Bureau of Independent
Expertise «Pleiades»,
Senior Lecturer
of the Department of Economics,
North Caucasus branch of the Russian
State University of Justice
ukka777@yandex.ru

Nadezhda B. Garbovskaya
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Linguistics and Foreign Languages,
North Caucasus branch of the Russian
State University of Justice
garbovskii@yandex.ru

Ninel V. Zemlyakova
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Linguistics
and Foreign Languages,
North Caucasus branch of the Russian
State University of Justice
ukka777@yandex.ru

LINGUISTIC EXPERTISE IN CIVIL AND CRIMINAL PROCEEDINGS

■ ■ ■

Annotation. In the legal sphere, language acts as a means of forming and expressing an objective position of a competent, independent and fair court, the high degree of responsibility imposed on the profession of a judge extends to every word that must be correctly understood, interpreted, impeccably accurately used. According to the authors of the article, the evidentiary value of the expert's conclusion depends on its truth, internal consistency, accuracy and reliability of all actions, assessments and conclusions of the expert. The expert opinion should be unmistakable, as R.S. Belkin, an outstanding Soviet and Russian criminologist, believes.

Keywords: legal linguistics, linguistic expertise, criminal and civil proceedings, language and law, defamation, expert, text research, conclusion, method.

■ ■ ■

В правовой сфере язык выступает как средство формирования и выражения объективной позиции компетентного, независимого и справедливого суда, высокая степень ответственности, предъявляемая к профессии судьи, распространяется на каждое слово, которое должно быть правильно понято, растолковано, безукоризненно точно употреблено.

В последние десятилетия языку юриспруденции уделяется особое внимание – юридическая лингвистика – (термин, впервые выделен Н.Д. Голевым), изучается двумя науками: юриспруденцией и лингвистикой, чтобы дать надлежащую правовую оценку, исследует область пересечения языка и права, и как отрасль представлена тремя видами отношений:

- предельная точность, ясность, объективность языка права;
- язык выступает как объект правового регулирования;
- язык как предмет исследования, когда, например, в судебном заседании представлен спорный текст.

Остановимся на последнем отношении, которое организует лингвистическую экспертологию – один из разделов юридической лингвистики, изучающий проблематику на стыке языка, права и конфликта.

Цель нашей работы – изучить проблемы, которые возникают на стыке языка и права, связанные с лингвистической экспертизой в уголовном и гражданском судопроизводстве.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи:

- а) определить объект, предмет лингвистической экспертизы;
- б) изучить особенности лингвистической экспертизы в уголовном и гражданском судопроизводстве;
- в) выявить специфику анализа внешней языковой формы и внутреннего смыслового содержания при назначении лингвистической экспертизы.

Актуальность исследования заключается в том, что лингвистическая экспертиза необходима по делам в уголовном, гражданском судопроизводстве, поэтому нуждается в более детальном изучении методологических подходов функционирования языка в сфере права.

В области юридической лингвистики следует назвать уважаемых учёных-лингвистов, работы которых, бесспорно, оказывают большую помощь юристам: Н.Д. Голев, Е.И. Галяшина; И.К. Бринёв, Н.В. Шевченко, О.В. Демидов, Н.В. Соловьёв, Т.Ю. Виноградова, Е.Е. Усынина и другие.

Методика исследования определяется поставленными задачами. В работе использованы общенаучные методы анализа, синтеза, дедукции, а

также методы непосредственного лингвистического наблюдения, сравнения.

За последние годы лингвистическая экспертиза перешла в группу экспертиз, относящихся к классу судебно-речеведческих, без которых невозможно привести стороны к правовому урегулированию конфликта, установить факт правонарушения, которое совершено посредством устной или письменной речи.

Прежде всего, это диффамация – (от лат. *diffamatio* «опорочение, лишение чести, доброго имени») – распространение порочащих сведений.

Отметим некоторые варианты в зависимости от того, насколько соответствуют распространяемые сведения действительности субъективному видению распространителя к своим действиям:

- 1) заведомо ложные порочащие сведения – умышленная недостоверная диффамация, или клевета;
- 2) неумышленное распространение ложных порочащих сведений – неумышленная недостоверная диффамация;
- 3) распространение правдивых порочащих сведений – достоверная диффамация.

Попытаемся выяснить предмет лингвистической экспертизы. Закон насчёт этого даёт чёткое определение: лингвистическая экспертиза – это исследование продуктов речевой деятельности [5]. Её предметом является установление обстоятельств с помощью разрешения вопросов, требующих специальных познаний в области лингвистики, исследование речевых оборотов в контексте того или иного высказывания, дать толкование и разъяснение значения и происхождения слов, словосочетаний, фраз, проанализировать основное и дополнительное значение языкового знака, речевых фрагментов и т.д. [3].

Оскорбление как действие, квалифицируемое в качестве правонарушения, входит в содержание норм Уголовного кодекса Российской Федерации. В соответствии с данными нормами рассмотрим круг лингвистических вопросов, которые подлежат исследованию в практике расследования уголовных дел:

- клевету (ст. 128.1, 298.1 УК РФ);
- публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ);
- публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ);
- возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ);
- реабилитация нацизма (ст. 354.1 УК РФ);
- оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ).

Увеличивается количество исков по защите чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц (ст. 152 ГК РФ), а также, производством по административным правонарушениям – оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ).

Тексты письменной и высказывания устной речи используются в информационных спорах, социальных и межличностных конфликтах в целях совершения правонарушения или сами являются предметом преступного посягательства, например, заведомо ложные сообщения о террористических актах, вымогательство, шантаж, мошенничество, разглашение охраняемой законом тайны. Огромное количество таких дел, естественно, потребовало привлечения для их разрешения специальных лингвистических познаний. Как правило, в данных случаях назначается судебная лингвистическая экспертиза в государственное или негосударственное экспертное учреждение, либо персонально эксперту, то есть специалисту в данной области.

В соответствии с действующим процессуальным законодательством объективно потребовалось профессиональное экспертно-лингвистическое обеспечение судебного рассмотрения дел по вышеуказанным категориям. Рост количества информационных и документационных споров, в которые вовлечены не только граждане, юридические лица, но и средства массовой информации, Интернет-издания, лингвистическая экспертиза перешла на уровень отработанного технологического процесса, осуществляемого по единым, научно-обоснованным методикам и воспроизводимым лингвистическим технологиям.

Объектом лингвистической экспертизы выступают письменные тексты: статьи, литературные произведения, книги, журналы, листовки, брошюры, контент сайтов, доменные имена, коммерческие обозначения, телепередачи, фирменные наименования, товарные знаки и другие источники, а также устная речь, зафиксированная на материальном носителе: фонограммы, видеофонограммы, аудиозаписи и др.

Задачей лингвистической экспертизы является:

Объекты лингвистической экспертизы – это единицы языка и речи,

– исследование спорного текста, высказывания или языкового знака с целью установления его смыслового содержания;

– исследование спорного текста, высказывания или языкового знака с точки зрения жанровой, композиционной или лексико-грамматической формы выражения;

– исследование коммерческих имён на предмет установления их оригинальности, индивидуальности, новизны, неповторимости, степени смешения;

– разъяснение на основе профессиональных лингвистических познаний правил применения

норм современного русского языка с учётом функционально-стилистической принадлежности спорного текста.

Конечно, перечень этих задач может быть расширен в ответ на запросы судебной практики.

Правонарушения, которые совершаются посредством словесной деятельности и опираются на знание языка, привели к тому, что сложилась такая ситуация, когда судебные органы стали обращаться за помощью к лингвистам. Филологам пришлось столкнуться с проблемой адаптации лингвистических знаний для нужд судопроизводства, потребовалось овладеть методологией общей теории судебной экспертизы и другими юридическими дисциплинами.

Перечислим некоторые методы, используемые для характеристики различных текстов. Широко применяются традиционные методы семантического, лексического и этимологического анализа, которые находят своё применение в ходе судебных процессов по обвинению в унижении чести, достоинства, подрыве деловой репутации, оскорблении и клевете.

– Метод аудитивного перцептивного анализа, позволяющий решать задачи идентификации диктора по голосу и речи.

– Лексикографический метод – важная составная часть всего экспертного исследования текста, потому что именно словарные источники помогают составить первичное представление о реалии и языковых средствах, с помощью которых они вербализуются.

– Методы семантического и концептуального анализа: семантический анализ связан с разъяснением слова, концептуальный анализ идет к знаниям о мире.

– Метод компонентного анализа способствует расширению представлений в отношении содержания скрытого понятийного слоя анализируемой лексемы.

– Метод грамматического анализа предложений, при помощи которого определяется семантико-синтаксическая структура исследуемого текста посредством выявления грамматического значения на морфолого-синтаксическом уровне.

Вышеперечисленные методы не исчерпывают всего многообразия возможных методов в целях проведения судебно-лингвистической экспертизы. Отметим, что потребность в ней увеличивается, и все больше возникает необходимость в единых методах исследования для всех участников судебных разбирательств на всех их стадиях. Отсутствие общих требований влечет неудовлетворенность истцов и ответчиков оценками экспертов, вследствие чего многие разбирательства затягиваются, откладываются на долгие месяцы. *«...Отмечаются случаи подмены научно-психологического анализа представлениями обыденного сознания..., что особенно нетерпимо, выход экспертов за пределы своей компетенции, ... попытки устанавливать и юридические факты...»* [6].

Таким образом, возникает общественная потребность выработки общих принципов и конкретной методики судебно-лингвистической экспертизы, контактирующей как лингвистическую, так и правовую оценку конфликтных речевых ситуаций, и при корректном и дифференцированном подходе исследования языковых фактов различных видов дискурса с использованием строгих научных методов не дают возможности экспертам приходиться к противоположным мнениям. Например, укажем виды лингвистического анализа при исследовании материалов, поступивших в Автономную некоммерческую организацию «Бюро независимой экспертизы «Плеяды» г. Краснодара:

- эпистемологический;
- контент анализ;
- логико-семантический;
- метод ступенчатого анализа стилистически маркированных текстов;
- лексико-семантический;
- семантико-стилистический.

Особенностью в процессуальном аспекте является то, что лингвистическая экспертиза назначается только управомоченным на то лицом или органом (суд, следователь, дознаватель) для разрешения вопросов, которые требуют лингвистических познаний, а также, является одним из способов или средств получения аргументированной информации, когда её невозможно получить иными способами. Как результат, экспертное исследование, оформленное в виде письменного заключения, является источником доказательств, которые, наряду с другими доказательствами, оцениваются судом, следователем и др.

Отметим, что судебная практика при рассмотрении уголовных дел выделяет несколько составов преступлений, где может потребоваться лингвистическая экспертиза. Если нанесено оскорбление, необходимо установить факты употребления в адрес конкретного гражданина ненадлежащей лексики, которая содержит отрицательную оценку личности и противоречит правилам поведения, принятым в обществе. Экспертное заключение поможет установить истинный посыл лица, которое произнесло высказывание. Лингвистическая экспертиза необходима:

- по уголовному делу о клевете (ст. 128.1, 298.1 УК РФ), установит ложность и порочность распространяемых сведений (кассационное определение 5 КСОЮ от 08.07.2021 № 77-807/2021),
- для выявления признаков оскорбления представителей власти (ст. 319 УК РФ);
- неуважение к суду (ст. 297 УК РФ);
- возбуждение ненависти, вражды (ст. 282 УК), иные формы проявления экстремизма [1].

В определенных случаях, лингвистическая экспертиза может потребоваться при конкретизации

намерений в виде словесных требований и угроз при вымогательстве (ст. 163 УК РФ).

Проблемные вопросы назначения лингвистической экспертизы разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 28.06.2011 № 11, п. 23 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»: *...производство экспертизы может быть назначено в необходимых случаях для определения целевой направленности информационных материалов* [4].

При назначении экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности недопустимо ставить перед экспертом вопросы, не входящие в его компетенцию, например, связанные с оценкой деяния. Разрешение данного вопроса относится исключительно в компетенцию суда.

Примеры расследования уголовных дел и дел в гражданско-процессуальном порядке о защите чести, достоинства и деловой репутации основываются на хозяйственно-бытовых отношениях граждан, где имеет место субъективное восприятие речи другого человека. В данных случаях очевидно, что слова различных субкультур, например, молодёжного сленга, криминального арго, компьютерного и других жаргонов, обсценизмы и иные элементы, находящиеся за пределами литературного языка, требуют применения специальных лингвистических знаний в силу имплицитности или многозначности их содержания, чтобы установить необходимые для уголовного дела обстоятельства с учетом норм языкознания.

Смысл текста постигается тщательной аналитической работой, разоблачаются намёки, извлекается подтекст, указываются стилистические приёмы манипулирования общественным сознанием. Конечно, глаголы «отрубил», «бей», «похитил», «оторвал» не требуют научного исследования и разъяснения смысла. Не вызовут сомнения и бранные слова, которые в обыденном языковом сознании отнесены к разряду неприличной лексики, такие, как *дрянь, мерзавец, урод, тварь и др.*

Гильдией лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам в сборнике «Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации» под ред. проф. М.В. Горбаневского определены основные категории лексических и фразеологических единиц, которые в определённых контекстах употребления могут носить в адресации к тому или иному лицу оскорбительный для данного лица характер.

1. Слова и выражения, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность: *мошенник, жулик, проститутка.*

2. Слова с ярко выраженной негативной оценкой, фактически составляющей их основной смысл, также обозначающие социально осуждаемую деятельность или позицию характеризуемого: *расист, двурушник, предатель.*

3. Названия некоторых профессий, употребляемые в переносном значении: *палач, мясник*.

4. Зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных и подчеркивающие какие-либо отрицательные свойства человека: *нечистоплотность или неблагодарность (свинья), глупость (осёл), неповоротливость, неуклюжесть (корова) и т.п.*

5. Глаголы с осуждающим значением или прямой негативной оценкой: *воровать, халнуть*.

6. Слова, содержащие экспрессивную негативную оценку поведения человека, свойств его личности и т.п. без отношения к указанию на конкретную деятельность или позицию: *негодяй, мерзавец, хам* [8].

Как и любое исследование, лингвистическая экспертиза призвана устранить разногласия и стать объективным документом для разрешения спора, для того, чтобы она стала доказательством, необходимо корректно, логично сформулировать вопросы, на которые должен ответить специалист. Обратимся к Письму ФССП № 00043/14/56151-ВВ, в котором указан примерный перечень вопросов к эксперту-лингвисту.

– Носят ли высказывания в отношении потерпевшего оскорбительный характер?

– Имеется ли в высказываниях отрицательная оценка личности?

– Содержатся ли в высказывании слова, словосочетания или фразы, относящиеся к типам оскорбительной лексики?

– Выражена ли такая отрицательная оценка в неприличной форме?

– Имеются ли в тексте фразы, направленные на унижение личного достоинства, высказанные в позорящей его, неприличной форме?

Естественно, в зависимости от дела, в рамках которого потребовалась лингвистическая экспертиза, вопросы могут меняться, но их смысл в любом случае будет направлен на установление порочащего посыла в отношении потерпевшего [1].

Например, обратимся к материалам, поступившим в Автономную некоммерческую организацию «Бюро независимой экспертизы «Плеяды» г. Краснодара, об установлении в содержании негативных сведений, порочащих честь, достоинство, а также, подрывающих деловую репутацию. Рассмотрим вопросы, которые были поставлены судом перед экспертом.

(Вопросы перепечатаны из определения без изменений и исправлений грамматического, пунктуационного и стилистического характера).

– Содержатся ли в текстах публикаций «Кубанские «депутаты-тяжеловесы» сопротивляются», «Хулиганы пытаются сорвать праймериз «Единой России» в Анапе», «На Кубани праймериз «Единой России» выявило фаворитов предстоящих

выборов в Законодательное Собрание» негативные сведения о гражданине N (ФИО намеренно не указаны авторами), его деятельности, деловых и моральных качествах, если содержатся, то в каких конкретно высказываниях есть негативная информация?

– Есть ли в текстах названных публикаций негативные сведения о господине N (ФИО намеренно не указаны авторами), в форме утверждения им моральных норм и принципов, то может ли такая информация, при условии её несоответствия действительности, восприниматься как порочащая честь, достоинство и подрывающая репутацию?

При производстве лингвистической экспертизы текста в компетенцию эксперта-лингвиста входит установление значения текста, то есть того, что именно в нём сказано и не устанавливает тех обстоятельств, которые выходят за рамки его деятельности, о чём, например, в выводах данной экспертизы указывается, что «выявление соответствия/несоответствия сведений действительности *находятся вне компетенции эксперта*».

К сожалению, на практике представители органов следствия, дознания, даже судьи сводили задания к выяснению наличия юридических признаков состава преступления. Такие ситуации возникают из-за неправильной постановки вопросов, непониманием принципиального различия между мнением, которое каждый человек вправе высказать по тому или иному вопросу. Можно привести пример из указанной экспертизы в выводах: *«В основе всех трёх текстов лежит оценочная информация, в которой выражены мнения, суждения персонажей и участников событий, которую нельзя квалифицировать ни негативной, ни позитивной»*.

Злоупотребление свободой слова и выражения мнений в СМИ нередко приводит к подрыву репутации и авторитета представителей власти и правосудия, а также рядовых граждан Российской Федерации.

Из материалов, поступивших в Автономную некоммерческую организацию «Бюро независимой экспертизы «Плеяды» г. Краснодара, об установлении в содержании негативных сведений, порочащих честь, достоинство, а также, подрывающих деловую репутацию.

На разрешение эксперта поставлены вопросы.

(Вопросы, поставленные судом перед экспертом, перепечатаны из определения без изменений и исправлений грамматического, пунктуационного и стилистического характера).

1. Содержатся ли в представленных статьях информационного портала Блокнот Крымск негативные сведения об истце и (или) его деятельности? Какие именно конкретные высказывания содержат негативную информацию?

2. Какие сведения содержат негативные высказывания – о конкретных фактах или событиях, действиях, либо дают обобщенную субъективную оценку личности истца в целом?

3. Какова форма негативных высказываний: утверждение, предположение, вопрос?

4. Адресованы ли высказывания лично истцу?

5. Имеются ли в текстах статей информационного портала Блокнот Крымск сведения, содержащие утверждение о нарушении действующего законодательства, закона о СМИ в сфере цензуры, в котором участвовал гражданин N (ФИО намеренно не указаны авторами) и подтверждается ли порочащий характер этих сведений?

6. Имеются ли в текстах статей информационного портала Блокнот Крымск сведения, имеющие характер порочащих в отношении гражданина N.

В заключении эксперта дано детальное описание представленных на экспертизу материалов с указанием их индивидуализирующих признаков. Даны ответы на все вопросы, выводы обоснованы полученными результатами в ходе исследования.

Выводы.

Таким образом, в одном тексте гражданин N обвинен, как участник трех событий:

- 1) деньги не возвращает;
- 2) проворачивает дела; (Глагол «проворачивать» всегда связан с существительным «дела» и имеет негативную коннотацию (дополнительное значение), то есть совершает что-то предосудительное);

Литература:

1. URL : <https://www.ugpr.ru/article/1930-lingvisticheskaya-ekspertiza-v-ugolovnom-protsesse>
2. Кассационное определение 5 КСОЮ от 08.07.2021 № 77-807/2021.
3. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юристов / Под ред. М.В. Горбаневского. М. : Медея, 2004.
4. Пленум Верховного Суда РФ. Постановление от 28.06.2011 № 11, п. 23 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».
5. Приказ Минюста России от 27.12.2012 № 237.
6. *Ратинов А.Р.* Методологические вопросы юридической психологии / А.Р. Ратинов // Психологический журнал. 1983. Т. 4. № 4. С. 107.
7. *Росинская Е.Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М. : Норма, 2005. С. 86.
8. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. 3-е изд., испр. и доп. М. : Галерея, 2002. С. 424 (182).

3) участвовал в обмане гражданина А., совершил аморальный поступок.

Второй абзац полностью посвящен ключевому событию, но с расширением фактологической базы, которая придает тексту аксиологический (оценочный) фон. Гражданин В. не просто рядовой заемщик, а «руководитель целого муниципалитета». Гражданин В. брал деньги в займы не для себя, а для «своего друга и покровителя», гражданина N для лечения его внука за границей. Здесь же утверждается, что гражданин А стал «жертвой обмана». (Жертва, то есть тот, кто страдает от насилия, неудачи, несчастья; Обман – ложь, хитрость).

Таким образом, утверждается, что гражданин N является обманщиком, что *он совершил нечестный, аморальный поступок.*

Результаты лингвистической экспертизы имеют важное значение при производстве уголовных и гражданских дел, однако, само по себе, заключение лингвистической экспертизы – это не единственное доказательство для суда, оно оценивается судом наравне с другими материалами. В Федеральном Законе РФ № 73 от 31 мая 2001 года «О государственной судебно-экспертной деятельности Российской Федерации» сказано, что лингвистическая экспертиза должна исключить любые сомнения, как в компетенции эксперта, так и в его выводах [1].

Literature:

1. URL : <https://www.ugpr.ru/article/1930-lingvisticheskaya-ekspertiza-v-ugolovnom-protsesse>
2. Cassation ruling 5 of the CCOY of 08.07.2021 № 77-807/2021.
3. Memo on the appointment of a forensic linguistic examination: For judges, investigators, interrogators, prosecutors, experts, lawyers and legal advisers / Edited by M.V. Gorbanevsky. M. : Medea, 2004.
4. Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. Resolution of 28.06.2011 №11, item 23 «On judicial practice in criminal cases of extremist crimes».
5. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation № 237 dated December 27, 2012.
6. *Ratinov A.R.* Methodological issues of legal psychology / A.R. Ratinov // Psychological Journal. 1983. Vol. 4. № 4. P. 107.
7. *Rossinskaya E.R.* Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings. M. : Norm, 2005. P. 86.
8. Price of the word: From the practice of linguistic examinations of media texts in lawsuits for the protection of honor, dignity and business reputation / Edited by Professor M.V. Gorbanevsky. 3rd edition, revised and additional M. : Galeria, 2002. P. 424. (182).

Гаевой Александр Иванович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовно-процессуального права,
Российский государственный
университет правосудия
sgaevoy@bk.ru

Буланая Алина Вячеславовна

магистрант 1 курса 2 группы,
Российский государственный
университет правосудия
alina_alina27.09.99@mail.ru

**ВИДЕОЗАПИСЬ КАК ОДНО
ИЗ НАИБОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНЫХ
ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ, ПРИМЕНЯЕМЫХ
В СЛЕДСТВЕННОЙ ТАКТИКЕ.
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ**

Аннотация. Видеозапись является одним из достаточно эффективных средств фиксации событий, протекающих в окружающем нас мире, буквально проникшей во все сферы человеческой деятельности, в том числе и в уголовное судопроизводство. В данной статье анализируются теоретико-правовые положения, раскрывающие вопросы применения видеозаписи в криминалистической тактике. Авторами обращается внимание на существующие проблемы ее применения при производстве следственных действий в целях повышения эффективности процесса доказывания по уголовным делам.

Ключевые слова: видеозапись, технико-криминалистическое средство, криминалистическая тактика, доказывание, следственные действия, собрание, оценка доказательств, уголовный процесс.

В идеозапись является одним из достаточно эффективных средств фиксации событий, протекающих в окружающем нас мире, буквально проникшей во все сферы человеческой деятельности, в том числе и в уголовное судопроизводство. Столь широкая ее популярность объясняется наличием определенных преимуществ перед другими средствами фиксации информации:

В первую очередь:

– ее доступностью и относительной простотой в использовании, а также низкой стоимостью;

Alexander I. Gaevoy

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure Law,
Russian State University of Justice
sgaevoy@bk.ru

Alina V. Bulanaya

Master's Student
of the 1st year of the 2nd group,
Russian State
University of Justice
alina_alina27.09.99@mail.ru

**VIDEO RECORDING AS ONE
OF THE MOST EFFECTIVE TECHNICAL
AND FORENSIC TOOLS USED
IN INVESTIGATIVE TACTICS. MODERN
PROBLEMS OF LEGAL REGULATION**

Annotation. Video recording is one of the most effective means of fixing events taking place in the world around us, literally penetrating into all spheres of human activity, including criminal proceedings. This article analyzes the theoretical and legal provisions that reveal the issues of the use of video recording in forensic tactics; attention is drawn to the existing problems of its use in the production of investigative actions in order to increase the efficiency of the process of proving criminal cases.

Keywords: video recording, technical and forensic means, forensic tactics, proving, investigative actions, collection, evaluation of evidence, criminal process.

– возможностью сочетать различные технологические решения, оптимизирующие процесс восприятия воспроизводимой записи (останавливать по ходу фиксации на некоторое время видеозапись);

– изменять масштаб изображения, а при просмотре и демонстрации останавливать изображение (стоп-кадр) или замедлять движение кадра (стробозэффект) и т.п.).

Во-вторых, ей присущи и другие качества, такие как полнота и объективность сведений о

фиксируемом событии, и конечно же, наличие возможности в режиме реального времени передавать видеоизображение в достаточно хорошем качестве на значительные расстояния по средствам применения современных цифровых средств телекоммуникации.

С учетом анализа содержания норм Уголовно-процессуального законодательства РФ, можно сделать вывод о том, что видеозапись в уголовном судопроизводстве применяется на всех его стадиях и в самых общих чертах, может быть представлена следующих формах:

1. Применение видеозаписи, как средства обеспечения эффективности судопроизводства (ч. 5 ст. 259 УПК РФ; ст. 278.1, п. 8 ст. 389.13 УПК РФ) [1].
2. Применение видеозаписи, как средства обеспечения реализации принципа гласности и открытости судопроизводства (ч. 5 ст. 241 УПК РФ) [2].
3. Применение видеозаписи, как средства обеспечения права на защиту отдельных участников уголовного процесса, например, права несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего (ч. 5 ст. 191 УПК РФ).
4. Применение видеозаписи, как средства фиксации результатов производства следственных и иных процессуальных действий (ч. 6 ст. 164, ч. 8 ст. 166, ч. 5 ст. 179, 189.1 ч. 4 ст. 190, 278.1 УПК РФ);
5. Использование видеозаписи как самостоятельного доказательства, хранящегося на цифровом или магнитном носителе, например, на жестком диске ПЭВМ или на съемном диске – Флэш-карте (ч. 2 ст. 84 УПК РФ).

Применение видеозаписи в уголовном судопроизводстве, как правило носит добровольный характер (по усмотрению следователя, дознавателя или суда). И лишь в случае с несовершеннолетними носит обязательный характер (ч. 4 ст. 189.1, ч. 5 ст. 191 УПК РФ).

Что касается запретов на ее осуществление, то законодатель, его устанавливает только в одном случае – при производстве осмотра, обыска и (или) выемки жилых и служебных помещений, занимаемых адвокатом (ч. 2 ст. 450.1 УПК РФ).

Единственной проблемой применения видеозаписи в уголовном судопроизводстве, на наш взгляд, является крайне слабая и непоследовательная позиция законодателя в вопросе ее правовой регламентации. В частности, до настоящего времени в УПК, нет четкого представления не только о том на каких принципах должно базироваться применение технических средств, но и кто из участников процесса наделен правом применения видеозаписи. Например, по смыслу ч. 6 ст. 164 УПК РФ, только следователь вправе применять технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств. Удивительно, то что законодатель забыл включить в перечень субъектов применения технических средств

дознателя, который также как и следователь осуществляет следственные действия по уголовным делам по которым предварительное следствие необязательно. И это не единственная правовая коллизия, которая существует в нормах УПК РФ, где упоминается применение того или иного технического средства. Сюда же можно отнести и отсутствие права у стороны защиты применять технических средств, в том числе и видеозапись, с целью собирания и фиксации доказательственной информации, что само по себе ставит ее заведомо в невыгодное (неравное положение) со стороны обвинения. Однако самым парадоксальным в этом смысле слова является то, что свидетель, как участник уголовного процесса лишен всякой возможности не только применять технические средства, но и собирать какие-бы то ни было доказательства (ст. 56, 86 УПК РФ).

Такой подход законодателя, представляется нам ничем иным, как бесконечной верой законодателя в объективность и беспристрастность органов предварительного расследования. Но, к сожалению, правоприменительная практика свидетельствует об обратном. И это факт. Думается что в этой ситуации, законодатель необходимо было бы давно предоставить свидетелю право не только по мере необходимости собирать доказательства и представлять их в органы предварительного расследования, применять имеющиеся у него технические средства, в целях их получения (например, средства видеофиксации).

Отдельно хотелось бы остановиться на проблемах применения в уголовном процессе такой разновидности видеозаписи, как видеоконференцсвязь, которая в последнее время получила свое дальнейшее развитие в нормах ст. 189.1 УПК РФ [4]. Суть данной новеллы заключается в том, что на досудебных стадиях процесса следователь (дознатель) в процессе производства по уголовному делу, в случаях необходимости вправе проводить допросы, очные ставки и опознания по средствам видеоконференцсвязи. Безусловно, такого рода изменения в УПК, с одной стороны, не только существенно оптимизируют процесс производства самих следственных действий (путем сокращения финансовых и людских затрат) но и, повысят эффективность судопроизводства в целом. С другой, в очередной раз, мы наблюдаем некую незавершенность в правовой регламентации самой технологии применения видеоаппаратуры. Например, при производстве того же допроса свидетеля, не понятно в какой момент будут разъясняться права другим участвующим в допросе участникам (адвокату, присутствующему со стороны свидетеля или специалисту оказывающему содействие в осуществлении видеоконференцсвязи; каким образом будут осуществляться меры безопасности, предусмотренных ст. 11 УПК.

Не ясной в этом же смысле нам представляется и технология осуществления видеоконференцсвязи при производстве опознания живого лица в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемого (ч. 8 ст. 193 УПК РФ).

Резюмируя выше изложенное, мы приходим к следующим выводам:

1. Мы полностью разделяем оптимизм ученых и практиков в вопросе оптимизации и повышения эффективности производства следственных действий по средствам применения видеоконференцсвязи.

2. Считаю, что предложенная законодателем норма ст. 189.1 УПК РФ носит в большей степени декларативный характер и не дает четкого представления о порядке и условиях осуществления видеоконференцсвязи.

В частности, необходимо нормативно закрепить:

– организационно-правовые особенности начала осуществления видеоконференцсвязи;

– организационные и правовые особенности реализации прав и обязанностей участников следственного действия с использованием видеозаписи;

– организационные и правовые особенности ее остановки при необходимости;

– организационные и правовые особенности возобновления видеозаписи;

Литература:

1. Добровлянина О.В. Внедрение новых электронных технологий в уголовное судопроизводство / О.В. Добровлянина // *Ex iure*. 2019. № 2.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов».

3. Авдонин К.В. Видеоконференцсвязь в следственных действиях: как правильно использовать и что поменять в УПК / К.В. Авдонин, В.С. Черкасов // *Уголовный процесс*. 2018. № 7. С. 46–53.

4. Федеральный закон: «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ» № 501-ФЗ от 30.12.2021.

5. Рыжков А.П. Допрос свидетеля (потерпевшего) с помощью систем видеоконференцсвязи: научно-практ. коммент. К Федеральному закону от 20 марта 2011. № 39. С. 384.

– техническое обеспечение мер безопасности, предоставляемых участникам уголовного процесса в порядке ст. 11 УПК РФ и т.п.

3. Необходима разработка и введение в уголовно-процессуальный закон института применения технических средств, в котором закрепить не только принципы на основе которых должны выстраиваться правоотношения, связанные с применением технических средств и технологий в уголовном судопроизводстве, но и базовые понятия, такие как «понятие технического средства»; «технологии», «субъекта применения технических средств», целей и задач.

4. Мы полагаем, что субъектом применения технических средств может быть любой участник уголовного судопроизводства, которому, в процессе участия в нем, потребуется применение того или иного технического средства в целях оптимизации процесса реализации предоставленных ему законом прав и обязанностей, а также, обеспечения назначения уголовного судопроизводства.

5. Необходимо нормативно урегулировать пределы допустимости применяемых технических средств.

Literature:

1. *Dobrovlyanina O.V.* Introduction of new electronic technologies in criminal proceedings / O.V. Dobrovlyanina // *Ex iure*. 2019. № 2.

2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 13, 2012 № 35 «On openness and transparency of legal proceedings and on access to information about the activities of courts».

3. *Avdonin K.V.* Videoconference in investigative actions: how to use it correctly and what to change in the CPC / K.V. Avdonin, V.S. Cherkasov // *Criminal Procedure*. 2018. № 7. P. 46–53.

4. Federal Law: «On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» № 501-FZ of 12/30/2021.

5. *Ryzhkov A.P.* Interrogation of a witness (victim) using videoconferencing systems: scientific and practical. comment. To Federal Law № 39 of March 20, 2011. P. 384.

Гаранина Юлия Юрьевна

аспирантка кафедры
уголовного права и криминологии,
уголовно-исполнительного права,
Саратовская государственная
юридическая академия
iugaranina2@mvd.ru

Yulia Yu. Garanina

Postgraduate Student
of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Penal Enforcement Law,
Saratov State Law Academy
iugaranina2@mvd.ru

**ПРЕСТУПЛЕНИЕ НЕБОЛЬШОЙ
ТЯЖЕСТИ КАК КАТЕГОРИЯ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ**

**A MINOR CRIME AS A CATEGORY
OF PUBLIC DANGER**

Аннотация. В настоящей работе проанализировано место преступлений небольшой тяжести в системе уголовного права Российской Федерации через призму, осуществляемой государством, уголовно – правовой политики. Автором рассмотрены основные проблемы, возникающие при формировании наказаний указанной категории преступлений. Кроме того, ей уделено внимание определенным условиям освобождения от уголовной ответственности за преступные деяния, содержащие признаки преступлений небольшой тяжести.

Annotation. In this paper, the place of minor crimes in the criminal law system of the Russian Federation is analyzed through the prism of the criminal law policy being implemented. The main problems arising in the formation of punishments for this category of crimes are considered. In addition, attention is paid to the conditions of exemption from criminal liability for criminal acts containing signs of crimes of minor gravity.

Ключевые слова: уголовный закон, законодатель, преступления небольшой тяжести, освобождение от уголовной ответственности, категория, преступление, наказание, деятельное раскаяние, уголовно-правовая норма.

Keywords: criminal law, legislator, minor crimes, exemption from criminal liability, category, crime, punishment, active repentance, criminal law norm.

Н а практике мы часто встречаемся с тем, что лицо, обвиняемое в совершении преступления, не знакомо с нормами уголовного закона. Говоря на простом языке, преступник не всегда знает, что это за деяние, которое он совершил, предусмотрена уголовная ответственность.

надлежащим образом выполняет возложенную на него обязанность, в результате чего, он причиняет вред объектам, охраняемым уголовным законом, или создает угрозу причинения такого вреда. Вместе с тем, бездействие нельзя понять, основываясь только на законах механического телодвижения, потому что это – общественно опасное, осознанное, волевое поведение, выражающееся в не совершении тех действий, которое лицо обязано было и могло совершить в данных условиях [4, с. 21].

Так что же такое преступление?

Преступное бездействие встречается в практике довольно редко, но все же имеет место быть. Как пример, гражданка С., являясь родной матерью малолетних 5-летней М., и 3-летнего Р., осознавая то, что ее малолетние дети лишены возможности принять меры к самосохранению и самообслуживанию в силу своего малолетнего возраста, зная, что в квартире отсутствуют продукты питания, а также, пренебрегая и не соблюдая правила предосторожности, а именно, открытым окном, которое является источником повышенной опасности, умышленно, руководствуясь эгоистическими побуждениями, ушла из дома; тем самым, она создала опасность для жизни и здоровья своих малолетних детей. Так, в связи с длительным отсутствием, в квартире С. ее малолетняя

Еще в XIX В. Спасович [5, с. 83], дал определение преступлению следующим образом: «Оно есть деяние, запрещаемое законом под страхом наказания, иными словами, оно есть нарушение закона уголовного». Данное определение достаточно для гражданина, для юриста, но не достаточно для науки. В современной науке существует много разных версий трактовки данного понятия. Преступление это, прежде всего, общественно опасное действие (либо бездействие), за которое уголовным законодательством в Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность. С понятием «опасное действие» нам все предельно ясно. Но что же такое общественно опасное бездействие, и неужели за него предусмотрена уголовная ответственность?

Преступное бездействие в уголовном праве - это пассивное поведение человека, которое заключается в том, что лицо не выполняет или не

дочь М., высунувшись в открытую форточку окна квартиры, расположенной на втором этаже, разговаривала с прохожими, при этом могла упасть на землю и причинить вред своей жизни и здоровью. Преступные действия С., были пресечены после обращения прохожих в органы внутренних дел. В действиях С., усматриваются признаки преступления, предусмотренные ст. 125 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Данный пример ярко характеризует преступную деятельность в форме бездействия, то есть:

- потерпевший находился в опасном для жизни и здоровья состоянии;
- потерпевший был лишен возможности принять меры к самосохранению по малолетству, вследствие своей беспомощности;
- виновный был обязан проявлять заботу о потерпевшем, либо сам поставил его в опасное для жизни и здоровья состояние.

Важно отметить именно тот факт, что данный состав преступления не затрагивает любое лицо, которое не проявило должного внимания в сторону беспомощного, а лишь то, на которого, в силу закона, была возложена такая обязанность (в нашем случае, такая обязанность была возложена на мать), основания возникновения которой были рассмотрены нами ранее, и от совершения которой лицо, соответственно, осознанно, умышленно уклонилось.

Рассмотренное нами преступление относится к категории небольшой степени тяжести. Преступления небольшой тяжести в Уголовном кодексе Российской Федерации – едва ли не самая многочисленная группа преступлений. Их общественная опасность не велика, а назначаемые наказания часто не предполагают под собой изоляцию от общества. Понятие «категория преступлений небольшой тяжести» раскрывается в части 2 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации, согласно которой, под преступлением небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает 3 лет лишения свободы. Среди преступлений небольшой тяжести выделяются следующие группы:

- преступления небольшой тяжести против жизни;
- преступления небольшой тяжести против здоровья;
- преступления небольшой тяжести против собственности;
- преступления небольшой тяжести в сфере незаконного оборота наркотиков.

Сегодня совершенно обосновано можно говорить о преступлениях данной категории не как о преступлениях, за которые предусмотрено уголовное наказание, а как о преступлении, за которое законодатель только угрожает наказать. Существует

множество поблажек в различных разделах Уголовного кодекса РФ.

Исходя из норм пункта «а» части 4 статьи 18 Уголовного кодекса Российской Федерации [1], при признании рецидива не учитывается судимости за преступления небольшой тяжести, то есть, совершенные в далеком прошлом, например, квартирным вором преступлений небольшой тяжести не могут расцениваться как криминальное прошлое.

Согласно статье 30 Уголовного кодекса Российской Федерации, не наступит уголовная ответственность и за приготовление к совершению преступления, относящегося к категориям небольшой тяжести; «снисхождение» имеется и в разделе о наказании. Под приготовлением к преступлению понимаются действия, направленные на создание условий для совершения преступления, не доведенные до конца по причинам, не зависящим от воли данного лица (поиск, изготовление, приспособления средств или орудий совершения преступления и поиск соучастников).

Иными словами, если преступник приготовился к совершению преступления небольшой тяжести, но не довел до его конца по независящим от лица обстоятельствам, то преступник может избежать уголовной ответственности. Из положений части 1 статьи 56 Уголовного кодекса Российской Федерации следует, что наказание в виде лишения свободы на определенный срок может быть назначено осужденному лицу, совершившему преступление впервые, только при наличии отягчающих обстоятельств [6, с. 54]. Если же наказание все же было назначено, то, руководствуясь статьей 58 Уголовного кодекса РФ, за совершение преступлений небольшой тяжести предполагается исправительное учреждение с менее жестким режимом. Кроме того, существуют еще, своего рода, поблажки для категорий преступлений небольшой тяжести, руководствуясь частью 1 статьи 61 Уголовного кодекса Российской Федерации, если преступление было совершено впервые вследствие случайного стечения обстоятельств, то это может быть расценено как обстоятельство смягчающее наказание. Следовательно, лицо, совершившее преступление, опять же, сможет избежать лишения свободы на определенный срок. Понятие «впервые совершивший преступление» раскрывается в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 19 (редакция от 29.11.2016 года), так, в соответствии с пунктом 2, лицо, которое не было ранее осуждено, предыдущий приговор на момент совершения преступления не вступил в законную силу, так как имело место быть обстоятельство, аннулирующее правовые последствия привлечения к уголовной ответственности, ранее освобожденное от ответственности считается впервые совершившим преступление [6].

Согласно части 1 статьи 73 Уголовного кодекса Российской Федерации, к лицам, совершившим преступление небольшой тяжести, применимо такое «послабление», как условное осуждение, распространяется оно также и на лицо, совершившее преступление средней тяжести. Однако

«ослабление» интересующей нас категории преступлений, все же, сильнее, так как заключается еще и в том, что, если условно осужденный в течение испытательного срока совершит новое преступление небольшой тяжести с неосторожной или умышленной формой вины, вопрос об отмене либо о сохранении условного осуждения за предыдущее преступление еще только будет решаться судом (части 4 статьи 73 Уголовного кодекса Российской Федерации). А, если осужденный в период испытательного срока совершит преступление средней тяжести с умышленной формой вины, тяжкое или особо тяжкое, в соответствии с частью 5 статьи 74 Уголовного кодекса Российской Федерации, суд однозначно отменит условное осуждение и назначит осужденному наказание по правилам, установленным статьей 70 Уголовного кодекса Российской Федерации, то есть, по совокупности приговоров. Аналогичным образом назначается наказание и при отмене условного осуждения в случае совершения преступления небольшой тяжести.

Институт условного осуждения, закрепленный законодателем, можно рассмотреть в двух аспектах. Созданный с целью германизации права и поиска альтернатив такого вида наказания, как лишения свободы за совершение преступлений, в частности, небольшой тяжести, он не всегда производит тот воспитательный эффект, который ожидает в результате законодатель, и может вызвать у лиц, окружающих виновного, неверное представление о возможности совершения подобного преступления безнаказанно.

Такие же поблажки имеют место быть и после практической реализации положений статьи 75 Уголовного кодекса Российской Федерации «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием». Применение данной нормы предусмотрено в случае отпадения общественной опасности в преступном деянии. Это связывается с осознанием лица неправильности его поведения, а не просто желанием избежать уголовной ответственности [2]. Данная норма нашла свое отражение и в положениях особенной части.

Так, в примечании к статьям 322.2 Уголовного кодекса Российской Федерации « Фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина

или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации», к ст. 322.3 Уголовного кодекса Российской Федерации « Фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации», предусмотрено следующее: Если лицо, совершившее преступления, предусмотренные указанными выше статьями, способствовало раскрытию преступления, и в его действиях не содержится иного состава преступления, то оно освобождается от уголовной ответственности. Данный факт также закреплен в пункте 4 «Постановления Пленума Верховного суда от 27.06.2013 № 19 (редакция от 29.11.2016)», что способствование лицом раскрытию и расследованию преступления свидетельствует о его деятельном раскаянии.

На практике нередки случаи, когда виновные избегают уголовной ответственности, к примеру, умышленно дожидаясь истечения срока давности или, пользуясь своим возрастом, данная норма закреплена в части 1 статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации. Нормой пункта «а» части 1 статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусмотрено, что лицо, совершившее преступление небольшой тяжести, освобождается от уголовной ответственности после истечения двух лет с момента его совершения. Исходя из положений статьи 92 Уголовного кодекса Российской Федерации, несовершеннолетний освобождается от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия за совершение преступления небольшой тяжести и на практике применяется достаточно легко. И только в случае неисполнения принудительных мер воспитательного воздействия, несовершеннолетнее лицо будет нести ответственность в соответствии с действующим законодательством

В завершение публикации, мы хотим отметить, что категория «преступление небольшой тяжести», не так «невинна», как может показаться и как преподносит ее законодатель, послабляя ее все больше и больше. В настоящее время, законодатель в целях гуманизации увеличил круг преступлений небольшой тяжести. Выделяя такую самостоятельную категорию, как «преступление небольшой тяжести», законодатель искусственно создал в сознании граждан стереотип, что при совершении деяния, формально содержащего признаки преступления, они могут избежать уголовной ответственности на вполне законных основаниях.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. 09.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами Законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // «СПС КонсультантПлюс».

Literature:

1. The Criminal Code of the Russian Federation № 63-FZ of 13.06.1996 (ed. 09.03.2022) // SPS «ConsultantPlus».
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.06.2013 № 19 (ed. of 29.11.2016) «On the application by courts of Legislation regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability» // SPS ConsultantPlus.

3. Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный) / Отв. Ред .В.В. Малиновский; Науч. ред. А.И. Чучаев. М., 2011. 607 с.

4. Уголовное право. Общая и особенная части : учебник для вузов / Под ред. Кадникова. М. : ОАО Издательский дом «Городец», 2006. 359 с.

5. *Спасович В.* Учебник Уголовного права. СПб. : Тип. И. Огризко, 1863. Т. 1. 365 с.

6. *Егорушкин Н.В.* Об уголовно правовой политике в отношении преступлений относящихся к категории преступлений небольшой тяжести / Н.В. Егорушкин // Вестник академии права и управления. 2019. № 2(43).

3. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation for prosecutors (article-by-article) / Rel. Ed. V.V. Malinovsky; Scientific ed. A.I. Chucha-ev. M., 2011. 607 p.

4. Criminal law. General and special parts : textbook for Universities / Ed. Kadnikova. M. : JSC Publishing house «Gorodets», 2006. 359 p.

5. *Spasovich V.* Textbook of Criminal Law. SPb. : Tip. I. Ogrizko, 1863. Vol. 1. 365 p.

6. *Egorushkin N.V.* About the criminal law policy in relation to crimes related to the category of crimes of minor gravity / N.V. Egorushkin // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2019. № 2(43).

Зяблова Татьяна Евгеньевна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
tizet69@mail.ru

Комарова Яна Бахрузовна

старший преподаватель кафедры теории
и истории государства и права,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
Ya.Ireland@mail.ru

**ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА
В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ
КАК ВИД ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ**



Аннотация. В статье автором ставится проблема недостаточной изученности юридической техники в международном праве. В связи с этим, им обосновывается значение юридической техники для обеспечения создания эффективных документов, способных решать вопросы в сфере межгосударственных отношений. Также, в статье объясняются причины недостаточной изученности проблемы и отмечается, что юридическая техника в международном праве характеризуется как вид юридической техники.

Ключевые слова: международное право, вид юридической техники, нормативных правовой акт, подстиль, правовые системы, теория государства и права, юридическая техника.



Одним из необходимых и неотъемлемых, а, следовательно, обладающих непреходящей актуальностью аспектов изучения как внутригосударственного, так и международного права является юридическая техника, задачами которой, по меткому выражению А.Ф. Черданцева, является достижение ясности, простоты, краткости и унифицированности юридических документов, а также рационализация юридической деятельности [5, с. 336].

В связи с особой значимостью разработки многочисленных проблем, связанных с юридической техникой, развитие последней давно преодолело «зачаточное состояние» и достигло статуса относительно самостоятельной и активно развивающейся отрасли гуманитарного знания. В последние годы об активном исследовательском

Tatiana E. Zyablova

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia
tizet69@mail.ru

Yana B. Komarova

Senior Lecturer of the Department
of Theory and History of State and Law,
Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary
Service of Russia
Ya.Ireland@mail.ru

**LEGAL TECHNIQUE
IN INTERNATIONAL LAW
AS A TYPE OF LEGAL TECHNIQUE**



Annotation. The article raises the problem of insufficient knowledge of legal technology in international law. The importance of legal technology for ensuring the creation of effective documents capable of solving issues in the field of interstate relations is substantiated. The reasons for the lack of knowledge of the problem are explained. Legal technique in international law is characterized as a type of legal technique.

Keywords: international law, types of legal technique, normative legal act, bed, legal systems, theory of state and law, legal technique.



интересе к различным аспектам юридической техники свидетельствует появление десятков научных статей, множества учебных пособий, а также издание Нижегородским исследовательским научно-прикладным центром «Юридическая техника» под руководством профессора В.М. Баранова одноименного ежегодного сборника, посвященного методологическим и прикладным вопросам данного правового феномена.

На этом фоне нам представляется не вполне однозначным состояние научной разработанности юридической техники в области международного права.

С одной стороны, декларируется ее огромная важность для обеспечения создания эффективных документов, способных решать вопросы в



сфере межгосударственных отношений, а также значение для внутригосударственного права.

С другой стороны, по общему признанию, юридической технике в международном праве уделяется неоправданно мало внимания. На это обстоятельство обращает внимание Е.В. Корейво [2].

Данное противоречие отмечают также и В.П. Малахов и Г.М. Лановая. При том, что проблемы юридической техники давно вышли за пределы теории государства и права и успешно разрабатываются в рамках отраслевых наук, превращаясь фактически в их самостоятельный раздел, в международном праве юридической технике посвящаются лишь небольшие по объему публикации. Самостоятельного раздела, связанного с разработкой технико-юридической проблематики, в науке международного права не сформировано [4, 252].

При значительном внимании, которое уделяется дидактическому аспекту юридической техники, обусловленному необходимостью формирования у будущих юристов, в том числе, «международников», профессионального мышления, умений и навыков, немислимых без знания конкретных приёмов и средств юридической техники, крайне недостаточным представляется внимание, уделяемое юридической технике в международном праве в рамках курсов «Международного права» и «Юридической техники». Анализ учебной литературы показывает, что ни в одном из наиболее популярных учебников данной теме внимания не уделяется. Фрагментарные упоминания о том, что «оговорки в международном праве имеют другой смысл», «применение фикций являются характерной чертой не только права отдельного государства, но и международного права в целом», «правовые символы являются одним из важнейших средств не только внутригосударственного, но и международного общения», встречающиеся в учебнике «Юридическая техника» Ю.К. Краснова, В.В. Надвиковой и В.И. Шкатуллы формируют целостного представления об интересующем нас вопросе способствовать не могут [3]. Отмеченное заставляет обратиться к вопросу об особенностях юридической техники в международном праве.

Прежде всего, мы считаем необходимым выяснить, каковы причины ее малой изученности и следует ли характеризовать ее как вид юридической техники, обладающих своеобразием?

На первый вопрос обоснованный ответ дают В.П. Малахов и Г.М. Лановая. Ученые указывают на двойственный характер международного права, которое, являясь, с одной стороны, стихийным, самоорганизующимся, с другой, – представляет собой социально-политический феномен, обусловленный организующей деятельностью, целенаправленно осуществляемой взаимодействующими государствами. Таким образом, международное право существует в двух формах: как собственное международное, функционирующее на основе признания его субъектами общих ценностей и как межгосударственное право, т.е., система юридически оформленных норм.

Понимаемое в первом значении международное право признает первичными не правила, а складывающуюся правовую практику, юридическое оформление которых играет вспомогательную роль. В связи с этим, эффективное применение инструментария юридической техники «не прибавляет международному праву ни авторитета, ни силы» [4].

И, наоборот, для межгосударственного права, как и внутригосударственного, средства и приемы юридической техники важны как источник совершенствования нормотворческой, правореализационной и интерпретационной деятельности [4, с. 252].

Это обстоятельство объективно повышает потребность в научном осмыслении юридической техники, тем более, что в связи с юридизацией общественных отношений аспекты, связанные с самоорганизацией, отходят на второй план по отношению к целенаправленному регулированию.

Следует согласиться с авторами в том, что недостаточное внимание к юридической технике в международном праве не может быть объяснено возможностью использования знаний, накопленных в теории государства и права, и отраслевых науках, изучающих национальное право. Наличные знания общей теории государства и права создают лишь необходимую методологическую основу для решения регулируемых международным правом отношений, а «отраслевая» специфика юридической техники не всегда применима в международном праве, представляющем собой систему, принципиально отличную от национального права.

Недостаточная изученность юридической техники международного права объясняется также и тем, что юридическая техника как раздел теории государства и права и как часть отраслевых правовых наук, в основном, ориентирована на нормативных правовой акт как основной источник права. Именно поэтому исследования юридической техники в большей части направлены на проблемы подготовки, оформления, толкования и применения нормативных правовых актов в то время, как технико-юридическая проблематика договоров – основного источник международного права, – отходит на второй план [4, с. 253].

Отвечая на второй вопрос, следует отметить, что в науке теории государства и права вообще не ставится вопрос о юридической технике международного права как одного из ее видов.

Е.В. Корейво предлагает дефиницию юридической техники в международном праве, согласно которой, исследуемое явление представляет собой совокупность средств, способов и методов, используемых равноправными участниками межгосударственного сотрудничества в процессе согласования принятия ратификации присоединения или денонсации международно-правовых актов и призванных обеспечить научно-обоснованную деятельность в сфере международного правотворчества [2].

Однако кроме специфики процедур создания и отмены международно-правовых актов данная дефиниция не содержит никаких особых признаков юридической техники в международном праве. Собственно юридический инструментарий – тот же, что и в национальном праве. Требования точности и ясности юридических формулировок, их логичность, связанность, последовательность и единообразное применение юридических понятий и терминов не отличаются от общих требований к использованию юридической техники.

Более того, автор сужает содержание юридической техники, ограничивая ее применение только процессам создания /отмены международно-правовых актов. В то же время, ее следует понимать более широко как используемую при осуществлении юридической деятельности также и в сфере интерпретации, а также - реализации права.

Между тем, юридическая техника в международном праве является относительно самостоятельным видом юридической техники, которую отличает, прежде всего, профессиональная принадлежность.

Как и полицейская, судебная, следственная, нотариальная и др. профессии, профессия «специалиста-международника»:

- основывается на особой нормативной базе;
- обслуживает конкретную сферу общественных отношений;
- характеризуется набором строго определенных полномочий;
- связана с подготовкой специфических правовых документов;
- предполагает наличие определенных процедур, в рамках которых осуществляются юридически значимые действия [6, с. 54].

По масштабу действия правовых актов юридическая техника в международном праве является техникой международных актов. Для юридической техники в международном праве, как это будет показано ниже, характерен такой аспект, как ее своеобразие в зависимости от типа правовой системы.

Так, А.Е. Кожак и В.Н. Вежновец раскрывают особенности юридической техники, нормативных правовых актов СНГ, закрепленных в Методических рекомендациях по разработке проектов международно-правовых документов Содружества Независимых Государств, принятых Решением Совета министров иностранных дел от 18 сентября 2003 г. (далее – Методические рекомендации). В данном документе «последовательно» и «детально» изложена процедура издания правовых актов Содружества, начиная от их планирования до подписания и принятия. Регламентированы также требования к юридической технике, языку и терминологии; описана структура документов. Однако, если исходить из текста научной статьи упомянутых авторов, то само понимание термина «юридическая техника» и требования к ним рассматриваются с общетеоретических позиций.

«Международная специфика» в требованиях к технико-юридическим инструментам практически не прослеживается [1].

Следует отметить, что само стремление к гармонизации национального права государства-членов СНГ посредством издания модельных законов, требования к языку, юридической терминологии, дефинициям, структуре документов и пр. имеют реальные основания и существенно не отличаются от требований, предъявляемых к юридической технике в общетеоретических исследованиях. Но это может быть объяснено тем, что методы использования юридической техники в государствах-членах СНГ формировались в рамках единой традиции права СССР и не отменяют наличие специфики юридической техники в международном праве, субъектами которого являются представители различных правовых систем. Об этих аспектах юридической техники упоминают В.М. Баранов и М.Л. Давыдова. Так, в странах англо-саксонской правовой семьи юридическая техника – это техника судоговорения, поэтому ее развитие изначально предполагало совершенствование форм судопроизводства. В романо-германской правовой системе развитие технико-юридических приемов шло по линии совершенствования способов изложения воли законодателя, оформления тестов законодательных актов, их систематизации. В странах мусульманской правовой системы наиболее характерна техника интерпретации права и т.д. [6, 62].

Анализ особенностей юридической техники различных зарубежных правовых семей был проведен А.А. Малиновским. Однако автор, как компаративист, поставил цель демонстрации особенностей конкретного правового стиля каждой из них в ходе характеристики источников права, без раскрытия иных аспектов темы. В связи с этим, не были также сформулированы выводы общетеоретического уровня.

Мы полагаем, что в качестве еще одной особенности юридической техники в международном праве является стиль международно-правовых актов, который относится к подстилю международных юридических документов и в значительной степени отличается от стиля внутрисударственных юридических документов. Не претендуя на полноту характеристики этой своеобразной четы, укажем только на то, что вопреки таким требованиям к юридической технике, как отсутствие экспрессивности и образности, лаконичности и компактности, юридической технике в международном праве в гораздо большей степени свойственны полисемия синонимия антонимия Использование речевых клише, заимствований, эвфемизмов, архаизмов, латинизмов и др.

Подводя итог изложенному, считаем возможным констатировать, что в науке международного права и в теории права вопрос о юридической технике в международном праве остается проблемным. Являясь видом юридической техники, обладающей определенным своеобразием, она нуждается в специальном исследовании с использованием знаний, имеющихся в теории государства и праве.

Литература:

1. *Кожиков А.* О правилах юридической техники, применяемых при подготовке правовых документов в рамках содружества независимых государств / А. Кожиков, В. Везновцев // Журнал международного права и международных отношений. 2006. № 1. С. 3–8. URL : https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/23040/1/2006_1_JILIR_kozhanov_vezhnovets_r.pdf (дата обращения 24.02.2022).
2. *Корейво Е.В.* Понятие юридической техники в международном праве / Е.В. Корейво // Юридическая техника. Специальный выпуск Юридическая техника в системе вузовской подготовки правове-дов: научно-методическое обеспечение и дидактические пути его совершенствования. Н. Новго-род, 2009. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-yuridicheskoy-tehniki-v-mezhdunarodnom-prave> (дата обращения 24.02.2022).
3. *Краснов Ю.К.* Юридическая техника : учебник для студентов, обучающихся по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «магистр») / Ю.К. Краснов, В.В. Надви-кова, В.И. Шкатулла. М. : Юстицинформ, 2014. 535 с.
4. *Малахов В.П.* Проблемы юридической техники в науке международного права / В.П. Малахов, Г.М. Ланова // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-yuridicheskoy-tehniki-v-nauke-mezhdunarodnogo-prava> (дата обращения 24.02.2022).
5. *Черданцев А.Ф.* Теория государства и права : учеб. для вузов / А.Ф. Черданцев. М. : Юрайт, 2001. 429 с.
6. Юридическая техника : курс лекций / Под ред. д-ра юрид наук, проф. В.М. Баранова. Н. Новго-род : Нижегородская академия МВД России, 2015. 829 с.

Literature:

1. *Kozhakov A.* On the rules of legal technique used in the preparation of legal documents within the Commonwealth of Independent States / A. Kozhakov, V. Vezhnovets // Journal of International Law and International Relations. 2006. № 1. P. 3–8. URL : https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/23040/1/2006_1_JILIR_kozhanov_vezhnovets_r.pdf (date of application 02/24/2022).
2. *Koreevo E.V.* The Concept of legal technique in international law / E.V. Koreevo // Legal technique. Special issue of Legal technology in the system of university training of lawyers: scientific and methodological support and didactic ways of its improvement. N. Novgorod, 2009. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-yuridicheskoy-tehniki-v-mezhdunarodnom-prave> (date of application 02/24/2022).
3. *Krasnov Yu.K.* Legal technique : textbook for students studying in the field of training 030900 Jurisprudence (qualification (degree) «master») / Yu.K. Krasnov, V.V. Nadvikova, V.I. Shkatulla. M. : Justicinform, 2014. 535 p.
4. *Malakhov V.P.* Problems of legal technology in the science of international law / V.P. Malakhov, G.M. Lanova // Bulletin of Economic Security. 2019. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-yuridicheskoy-tehniki-v-nauke-mezhdunarodnogo-prava> (date of application 02/24/2022).
5. *Cherdantsev A.F.* Theory of state and law : Studies for universities / A.F. Cherdantsev. M. : Yurayt, 2001. 429 p.
6. Legal technique : course of lectures / Edited by juris doctor, professor V.M. Baranova. N. Novgorod : Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. 829 p.

Казарин Даниил Максимович
магистрант факультета
права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
kazarin_daniil@mail.ru

Рябчиков Вадим Вячеславович
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
9040315660@mail.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОБЛЮДЕНИЯ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы, связанные с соблюдением принципа презумпции невиновности, в том числе, касающихся проблем с реализацией принципа презумпции невиновности при прекращении по нереабилитирующим основаниям уголовного дела (преследования) в уголовном судопроизводстве. Авторами проведен анализ действующего законодательства, рассмотрены различные точки зрения. Важность обозначенной проблемы проявляется также в том, что рассматриваемые вопросы связаны с соблюдением основных конституционных положений.

Ключевые слова: преступление, презумпции невиновности, уголовное судопроизводство, нереабилитирующие основания прекращения уголовного дела, следственный судья.

В Конституции Российской Федерации закреплены основы государственного и общественного устройства, а высшей ценностью провозглашены права и свободы человека и гражданина. Одним из таких положений является, закрепленный в статье 49 Конституции Российской Федерации, принцип презумпции невиновности.

Международные акты в сфере правовой защиты человека: Всеобщая декларация прав человека 1948 года (ст. 11); Конвенция о защите прав человека и его основных свобод 1950 года (п. 2 ст. 6); Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года (ст. 14) и др. содержат в числе специальных гарантий аналогичные правовые положения.

Daniil M. Kazarin
Master's Student of the Faculty
Rights and Administration,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Execution of Punishments in Russia
kazarin_daniil@mail.ru

Vadim A. Ryabchikov
Candidate of Legal Sciences,
Assistant Professor of
Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Execution of Punishments in Russia
9040315660@mail.ru

INDIVIDUAL ISSUES OF COMPLIANCE WITH THE PRINCIPLE OF PRESUMPTION OF INNOCENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. The article deals with certain issues related to the observance of the principle of presumption of innocence, including problems with the implementation of the principle of presumption of innocence when a criminal case (prosecution) is terminated on non-rehabilitating grounds in criminal proceedings. The analysis of the current legislation is carried out, various points of view are considered. The importance of this problem is also manifested in the fact that the issues under consideration are related to compliance with the basic constitutional provisions.

Keywords: crime, presumption of innocence, criminal proceedings, non-rehabilitating grounds for termination of a criminal case, investigating judge.

Как справедливо отметила С.И. Лобанова: «Презумпция невиновности защищает не только от незаконного обвинения со стороны органов предварительного расследования, но и со стороны публичных заявлений средств массовой информации, иных государственных органов, любые нападки и обвинения которых без достаточного для этого основания можно рассматривать как нарушение закона» [5].

Если исходить из предписаний Конституции РФ (ст. 49), то принцип презумпции невиновности как конституционный распространяется исключительно на «обвиняемого в совершении преступления», что соответствует положениям уголовно-процессуального законодательства (УПК РФ ст. 14 Презумпция невиновности). Однако

отраслевое законодательство РФ по-разному трактует понятие презумпции невиновности, например, законодательство об административных правонарушениях (КоАП РФ ст. 1.5. Презумпция невиновности) гласит: «Лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина». По мнению А.В. Сладковой: «Вина является главным содержанием такого элемента административного правонарушения, как субъективная сторона. Следовательно, реализация принципа презумпции невиновности является одной из гарантий законности привлечения к административной ответственности физических и юридических лиц» [7]. Авторы статьи, в целом, поддерживают позицию А.В. Сладковой, несомненно, мы видим определенные параллели, однако, исходя из того, что принцип презумпции невиновности в законодательстве об административных правонарушениях является только отраслевым. В налоговом кодексе РФ (ч. 6 ст. 108) регламентируются, только отдельные положения, в общепринятом понимании принципа презумпции невиновности, как и в некоторых других отраслях права.

На определенную условность понимания «презумпции невиновности» указывают и другие авторы.

Обратимся к толковому словарю русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: «презумпция, -и, ж. (спец.). Предположение, признаваемое истинным, пока не доказано обратное. П. невиновности (в судопроизводстве: положение, согласно которому человек считается невиновным до тех пор, пока его вина не доказана в законном порядке)» [8].

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что конкретное юридическое понятие «принцип презумпции невиновности» во многом зависит от его трактовки отраслевым законодательством, но и здесь все не так однозначно.

Рассмотрим значения принципа презумпции невиновности для уголовного судопроизводства.

В части 1 статьи 14 УПК РФ говорится о том, что обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном УПК РФ порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Ранее действующее законодательство (ст. 13 УПК РСФСР) также предусматривало, что никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда.

По мнению авторов статьи, речь идет только о юридической процедуре, обеспечивающей «тройную» проверку виновности обвиняемого:

– предварительное расследование, где следователь, прокурор считают обвиняемого виновным;

– производство в суде первой инстанции, где прокурор и суд считают обвиняемого виновным;

– апелляционное производство, где также может рассматриваться этот вопрос.

Считать обвиняемого до вступления обвинительного приговора в законную силу как невиновного не является обязанностью лиц и органов, осуществляющих уголовное преследование, полагает А.Н. Омариева, «поскольку их субъективное мнение не влечет за собой наступление тех юридических последствий, которые возникают при признании человека виновным от лица государства» [6]. При всей относительной логичности, отчасти соглашаясь с А.Н. Омариевой, нельзя ни отметить, что ситуация о признании виновности обвиняемого, в связи с прекращением по нереабилитирующим основаниям уголовного дела или уголовного преследования, до передачи его в суд заслуживает отдельного рассмотрения. Она всегда вызывала многочисленные дискуссии в научной литературе, среди практических работников и на сегодняшний день остается достаточно спорной. В данный момент, по мнению А.О. Ермаковой, «проблема реализации принципа презумпции невиновности при прекращении уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям остро стоит в правоприменительной практике». Она полагает, что «органы следствия (дознания) вовсе не делают вывод о виновности лица, они «отказываются» от постановки перед судом задачи разрешения дела по существу, они утверждают, что данное конкретное уголовное дело не будет разрешено судом, а значит, фактически принцип презумпции невиновности не нарушается, и не нарушаются права лица», однако в этой же статье она говорит о том, что «в постановлении следователя (дознателя) фактически делается вывод о виновности лица в совершении преступления» [4].

Более конкретно высказывается по этому поводу А.А. Давлетов: «По нереабилитирующим основаниям от уголовной ответственности освобождается лицо, виновное в совершении преступления, а по реабилитирующим – невиновное» [3].

Авторы статьи солидарны с той группой процессуалистов, которые полагают, что обвиняемый, в связи с прекращением уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, считается виновным. Однако недопустимо не учитывать абсолютно верную позицию Н.А. Богдановича, считающего, что: «Необходимо лишить органы предварительного расследования права прекращать производство по уголовному делу по реабилитирующим основаниям» [2].

Решить данную проблему можно путем законодательного введения института следственных судей, о необходимости возрождения которого высказывается О.Я. Баев [1]. В этом случае, процессуальный контроль за законностью действий должностных лиц и органов, осуществляющих уголовное преследование на досудебных стадиях уголовного процесса, как в части принятия промежуточных решений, так и основных, может быть возложен на следственных судей, что, с одной стороны, позволит снизить нагрузку на российские суды, а с другой – решение вопроса о

прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, вынесенное следственным судьей, полностью исключит создавшиеся

противоречия и будет соответствовать основным конституционным положениям принципа презумпции невиновности.

Литература:

1. *Баев О.Я.* Функции следователя и прокурора – уголовное преследование / Баев О.Я. // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 1. С. 120–126.
2. *Богданович Н.А.* Дискуссионные вопросы реализации принципа презумпции невиновности при прекращении производства по уголовному делу (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям / Н.А. Богданович // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2018. № 11. С. 263–271.
3. *Давлетов А.А.* Проблема прекращения уголовного дела по нереабилитирующим компромиссным основаниям на этапе предварительного расследования / А.А. Давлетов // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 2. С. 12–17.
4. *Ермакова А.О.* Реализация принципа презумпции невиновности при прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям / А.О. Ермакова // Международный научный журнал Инновационная наука. 2019. № 4. С. 131–134.
5. *Лобанова С.И.* К вопросу о значении и сущности прекращения уголовного дела и уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве / С.И. Лобанова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1(73). С. 87–90.
6. *Омариева А.Н.* Презумпция невиновности и ее значение в отправлении правосудия / А.Н. Омариева // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т. 19. № 2. С. 72–78.
7. *Сладкова А.В.* Принципа презумпции невиновности в административной ответственности на примере административных правонарушений в области рынка ценных бумаг / А.В. Сладкова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 6. С. 116–123.
8. *Словарь русского языка С.И. Ожегова под редакцией члена-корреспондента АН СССР Н.Ю. Шведовой 20-е издание, стереотипное. М. : «Русский язык», 1989.*

Literature:

1. *Baev O.Ya.* Functions of the investigator and the Prosecutor, prosecution / O.Ya. Baev // the Judiciary and the penal process. 2016. № 1. P. 120–126.
2. *Bogdanovich N.A.* Discussion of the implementation of the principle of presumption of innocence upon termination of the criminal proceedings (prosecution) on non-rehabilitating grounds / N.A. Bogdanovich // Problems of strengthening of legality and law and order: science, practice, and trends. 2018. № 11. P. 263–271.
3. *Davletov A.A.* The problem of termination of a criminal case on non-rehabilitating compromise grounds at the stage of preliminary investigation / A.A. Davletov // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 2. P. 12–17.
4. *Ermakova A.O.* Implementation of the principle of presumption of innocence upon termination of a criminal case (criminal prosecution) on non-rehabilitating grounds / A.O. Ermakova // International Scientific Journal Innovative Science. 2019. № 4. P. 131–134.
5. *Lobanova S.I.* On the question of the meaning and essence of the termination of a criminal case and criminal prosecution in Russian criminal proceedings / S.I. Lobanova // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 1(73). P. 87–90.
6. *Omarieva A.N.* Presumption of innocence and its significance in the administration of justice // Bulletin of the Volga Institute of Management. 2019. Vol. 19. № 2. P. 72–78.
7. *Sladkova A.V.* The principle of presumption of innocence in administrative responsibility on the example of administrative offenses in the field of the securities market / A.V. Sladkova // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSLA). 2019. № 6. P. 116–123.
8. *Dictionary of the Russian language by S.I. Ozhegov edited by corresponding member of the USSR Academy of Sciences N.Y. Shvedova 20th edition, stereotypical. M. : «Russian Language», 1989.*

Князева Ольга Васильевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
криминологии и организации
профилактики преступлений,
Академия права и управления
Федеральной службы
исполнения наказаний
pervay-1@yandex.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ С КРИМИНАЛЬНОЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. Как и общечеловеческая культура, криминальная субкультура состоит из предметных результатов деятельности членов определенных групп, так и из субъективных человеческих усилий способностей, реализующихся в процессе деятельности. В данной статье рассматривается причинно-следственная связь, существующая между двумя мирами субкультуры. Поэтому для наиболее четкого понимания возникновения и проявления субкультуры осужденных и криминальной субкультурой, следует рассматривать ее через призму взаимоотношений осужденных, анализируя условия изоляции и их личностных характеристик.

Ключевые слова: традиции, субкультура, норма поведения, осужденный, безопасность.

Как и общечеловеческая культура, криминальная субкультура состоит из предметных результатов деятельности членов определенных групп, так и из субъективных человеческих усилий способностей, реализующихся в процессе деятельности. Криминальная деятельность в данном случае не является исключением. Субъективные человеческие усилия могут быть определены как:

- вырабатываемые во время преступной деятельности навыки и привычки, знания, умения;
- уровень интеллектуального развития, эстетические потребности, этические взгляды, мировоззрение, формы и способы взаимного общения в рамках данных сообществ и за их пределами;
- способы разрешения споров и конфликтов, создание и руководство преступными сообществами и т.п.

В данном случае. Н.П. Барабанов высказывает точку зрения, в соответствии с которой, в рамках исправительных учреждений система интересов, ценностей и характеристик осужденных четко выражены [1, с. 180].

Olga V. Knyazeva
Candidate of Legal Sciences,
Assistant Professor
of Criminology and Organizations
Crime Prevention,
Academy of Law and Management
Federal Service
Execution of Punishments
pervay-1@yandex.ru

THE RELATIONSHIP OF THE PENITENTIARY SUBCULTURE WITH THE CRIMINAL AT THE PRESENT STAGE

Annotation. Like universal human culture, the criminal subculture consists of the substantive results of the activities of members of certain groups, and of the subjective human efforts of abilities realized in the process of activity. This article discusses the cause-and-effect relationship between the two worlds of the subculture. Therefore, for the clearest understanding of the emergence and manifestation of the subculture of convicts and criminal, it should be considered through the prism of the relationship of convicts, analyzing the conditions of isolation and their personal characteristics.

Keywords: traditions, subculture, norm of behavior, convict, safety.

Как нам представляется, криминальная субкультура на сегодняшний день отличается многообразием различных форм. С этих позиций в рамках криминальной субкультуры, в целом, можно говорить о субкультуре осужденных, тюремной, воровской, субкультуре валютчиков и фарцовщиков, проституток и наркоманов, сексуальных насильников, сутенеров и т.п.

Помимо криминальной субкультуры, ряд авторов выделяют тюремную (пенитенциарную) субкультуру.

По мнению В.Г. Громова, «пенитенциарная субкультура представляет собой сформированную в местах лишения свободы систему политических, идеологических, правовых, нравственных, философских, религиозных, эстетических норм, правил поведения, традиций, взглядов и идей, присущих лицам с устойчивыми антисоциальными и асоциальными ценностями, ориентациями и установками» [2, с. 48].

На сегодняшний день в теории криминологии и уголовно-исполнительного права нет единого взгляда на понятие субкультуры осужденных.

Однако вполне справедливо высказывание о том, что пенитенциарная субкультура является особым видом криминальной субкультуры. В становлении пенитенциарной субкультуры играют роль две группы факторов: внутренние и внешние, – ибо жизнь осужденного в условиях изоляции от общества так же, как и жизнь любого человека, определяется внешними и внутренними факторами. Значит, воздействие внешних факторов имеет локальный характер, поскольку возможности для удовлетворения осужденными потребностей ограничены условиями содержания в исправительном учреждении [4, с. 78].

Так, криминогенные формы поведения осужденных имеют свои пенитенциарные и психологические особенности, определяемые социальной средой осужденных, её социально-демографическими, уголовно-правовыми, неформальными элементами.

В ходе проведенного нами исследования установлено, что существует устойчивая тенденция к стремлению некоторыми осужденными регулировать жизнедеятельность группы, сообщества, приданию этим образованиям лидирующих качеств, как правило, криминализированных, что проявляется в различных ритуалах приёма прибывающих в учреждения новых осужденных (прописках, опросах на знание традиций и обычаев субкультуры осужденных), консолидированном несоблюдении отдельных правил внутреннего распорядка, своеобразной поддержке, включая и взносы в «общак», применении жёстких карательных санкций к осужденным, чье поведение противоречит нормам преступного сообщества [3, с. 65]. Следовательно, пенитенциарная субкультура детерминирована, обусловлена комплексом сложившихся условий жизнедеятельности осужденных в колонии, а также – является своеобразной основой для воспроизводства криминальной субкультуры.

Таким образом, субкультуру осужденных можно рассматривать как своеобразную динамическую систему, как результат компромисса между условиями, в которых вынужден жить преступник, и необходимостью обеспечения им своей же безопасности, с одной стороны, а также – необходимостью самоутверждения, понимания, поддержки, с другой.

Литература:

1. *Барабанов Н.П.* Криминологический и психологический аспекты криминальной идеологии и образа жизни в криминальной субкультуре осужденных / Н.П. Барабанов // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25. № 2. С. 180.
2. *Громов В.Г.* Криминальная субкультура осужденных в исправительных колониях и ее нейтрализация / В.Г. Громов, В.А. Слепов // В сборнике: «Право и правоохранительная деятельность». Материалы IV Международной научно-практической конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов, аспирантов. 2017. С. 48.

Субкультура криминального мира, в целом, и субкультура в местах лишения свободы, в частности, объективны, в том смысле, что их стереотипы (категории, нормы, модели) являются в рамках уголовного мира и тюремного сообщества общезначимыми и обязательными, имеющими принудительный характер.

Субкультура в местах лишения свободы ориентирована на противоположные социальные нормы и ценности. Она отрицает официальные моральные принципы и нормы, негативно воздействует на личность осужденного, криминализируя её, стимулирует девиантное поведение, предстаёт механизмом противодействия процессу исполнения наказания, переносит асоциальный опыт и криминальные атрибуты за пределы мест лишения свободы.

Криминальная же субкультура – язык криминального мира, который имеет свои особенности в каждом регионе и усваивается в процессе криминальной социализации личности. Сегодняшняя криминальная среда приобрела новые черты. Она возникла не на пустом месте – преступный мир имеет свою историю и внутреннюю логику развития, особенно это касается пенитенциарных учреждений.

Криминальную субкультуру составляют такие самостоятельные субкультуры, как субкультура представителей профессиональной преступности; субкультура представителей организованных форм преступности; пенитенциарная субкультура.

В итоге, вышеизложенное позволяет констатировать, что жизнь осужденного в условиях изоляции также, как и жизнь любого человека, определяется внешними и внутренними факторами. Однако воздействие внешних факторов имеет ограниченный, дозированный характер, поскольку возможности для удовлетворения осужденными потребностей ограничены условиями содержания в исправительном учреждении, что обуславливает необходимость выявления круга потребностей, интересов и ценностей осужденных, уяснения их устойчивости, степени их влияния на поведение в условиях изоляции.

Literature:

1. *Barabanov N.P.* Criminological and psychological aspects of criminal ideology and lifestyle in the criminal subculture of convicts / N.P. Barabanov // Man: crime and punishment. 2017. Vol. 25. № 2. P. 180.
2. *Gromov V.G.* Criminal subculture of convicts in penal colonies and its neutralization / V.G. Gromov, V.A. Slepov // In the collection: «Law and law enforcement». Materials of the IV International Scientific and Practical Conference of teachers, practical staff, students, postgraduates. 2017. P. 48.

3. *Пономарев С.Б.* Криминальная субкультура с позиции этологии человека и теории систем. Ижевск, 2017. С. 65.

4. *Приходько А.Н.* Формирование криминальной субкультуры в России: исторический аспект / А.Н. Приходько // Гражданское общество и правовое государство. 2015. Т. 2. С. 78.

3. *Ponomarev S.B.* Criminal subculture from the perspective of human ethology and systems theory. Izhevsk, 2017. P. 65.

4. *Prikhodko A.N.* The formation of a criminal subculture in Russia: a historical aspect / A.N. Prikhodko // Civil society and the rule of law. 2015. Vol. 2. P. 78.

Леонова Татьяна Вячеславовна
аспирантка
уголовно-процессуальной кафедры
заочной формы обучения факультета
подготовки кадров высшей квалификации,
Российский государственный
университет правосудия
tatayana768_768@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ СВЕДЕНИЙ, ПОЛУЧЕННЫХ В ПРОЦЕССЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА



Аннотация. В статье рассматривается проблема получения и признания в качестве доказательств сведений, полученных в процессе международного сотрудничества между Россией и другими государствами в сфере уголовного судопроизводства. Исследуются различные авторские позиции в исследуемой сфере. В заключение данной публикации делается вывод о необходимости унифицированных критериев собирания и предоставления доказательственной информации в сфере уголовного судопроизводства для доказательственной деятельности.

Ключевые слова: международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства, доказательства, допустимость доказательств, запрос об оказании правовой помощи, объем правовой помощи, преступность.



Современная национальная правовая система не может развиваться отдельно от международного права, в связи с тем, что в данный момент наблюдается рост международной преступной деятельности, которая выходит за границы территории одного государства. Таким образом, особое значение для ее пресечения и расследования приобретает институт международного сотрудничества в области уголовного судопроизводства. Как отмечает Р.Ш. Богаткина, международное сотрудничество в уголовно-правовой сфере – это публично закрепленные и согласованные действия уполномоченных государственных органов, целью которых является правовая помощь в сфере уголовного судопроизводства. Данное сотрудничество осуществляется посредством совместного уголовного преследования, разрешения уголовных дел, а также, исполнения по уголовным делам отдельных запросов о международной правовой помощи [1, с. 73].

Содержание статьи 454 УПК РФ посвящено запросу на производство на территории

Tatyana V. Leonova
Graduate Student
Department of Criminal Procedure
Part-time Education of the Faculty
Training of Highly Qualified Personnel,
Russian State
University of Justice
tatayana768_768@mail.ru

ON THE ISSUE OF RECOGNITION AS EVIDENCE OF INFORMATION OBTAINED IN THE PROCESS OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE SPHERE OF CRIMINAL PROCEEDINGS



Annotation. The article deals with the issue of obtaining and recognizing evidence obtained in the process of international cooperation between the Russian Federation and foreign states in the field of criminal proceedings. Various author's positions in the researched area are investigated. In conclusion, a conclusion is made about the need for unified criteria for collecting and providing evidence in the field of criminal proceedings for evidentiary activities.

Keywords: international cooperation in the field of criminal proceedings, evidence, admissibility of evidence, request for legal assistance, scope of legal assistance, crime.



иностранного государства процессуальных действий и регламентирует порядок составления такого запроса. Процессуальным итогом исполнения запроса о проведении отдельных процессуальных действий по возбужденному уголовному делу является, в том числе, получение сведений, имеющих значение для рассмотрения уголовного дела. Процессуальный статус полученных сведений приравнен к доказательствам и закреплен во многих УПК стран СНГ, романо-германской системы права [2, с. 132].

Стоит отметить, что вопрос о признании полученных сведений в качестве доказательств создает определенные трудности при реализации международного сотрудничества в связи с отсутствием детальной регламентации взаимодействия в сфере доказывания на международном уровне. Например, в ст. 455 УПК РФ говорится о том, что доказательства, полученные на территории другого государства и переданные в установленном законом порядке, обладают той же юридической

силой, как если бы они были получены на территории РФ в соответствии с требованиями УПК РФ. Однако в УПК РФ не урегулирована процессуальная процедура взаимодействия субъектов уголовного преследования в данной области, в связи с чем, выявляется правовой пробел при юридическом толковании и следовании такому «установленному порядку». Следовательно, при направлении запроса о проведении отдельных процессуальных действий, порядок передачи доказательств между соответствующими правоохранительными органами иностранных государств должен оговариваться в конкретном запросе или в рамках международных соглашений [3. с. 54].

Исполнение запроса о проведении процессуальных действий осуществляется согласно законодательству запрашиваемого государства, а полученные доказательства подлежат проверке, оценке и использованию согласно законодательству запрашивающей стороны. Такой порядок взаимодействия породил некоторые проблемы терминологического характера, а также – проблемы относимости и допустимости доказательств.

Ключевой проблемой является то, что уголовно-процессуальные законодательства некоторых государств не содержат определения «доказательство». При этом в российском и зарубежных уголовно-процессуальных законодательствах не разъяснены термины «юридическая сила доказательств», «действительные доказательства», «допустимые доказательства». От единообразного понимания данных определений зависят критерии признания таких доказательств приемлемыми с позиции уголовно-процессуального законодательства конкретной страны, что связано с эффективностью доказывания преступлений при осуществлении международного сотрудничества.

На наш взгляд, в рамках международного сотрудничества под доказательствами по уголовным делам следует понимать сведения, полученные в результате деятельности, осуществляемой на территории одного или нескольких государств, на основе которых органы, осуществляющие уголовное судопроизводство, устанавливают обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Также, одной из причин, препятствующих признанию допустимости доказательств, полученных на территории иностранных государств, является отсутствие в УПК РФ критериев допустимости доказательств, полученных на территории другой страны, а также, невозможность проверить порядок собирания доказательств на территории иностранного государства на соблюдение норм уголовно-процессуального законодательства запрашиваемой стороны.

С.П. Щерба, З.А. Тлехуч полагают, что по смыслу ст. 455 УПК РФ, указанные доказательства имеют заранее установленную юридическую силу и, в целом не, нуждаются в дальнейшей их проверке, что, в свою очередь, противоречит требованиям ч. 2 ст. 17 УПК РФ [4, с. 181]. Мы согласны с мнением Е.К. Антонович, что ни одно из доказательств не имеет заранее установленной силы.

То есть, доказательства, прилагаемые к рассматриваемым запросам подлежат проверке и оценке в соответствии с требованиями процессуального законодательства [5, с. 14], так, в своей работе Ю.А. Цветков справедливо отметил, что полученные за рубежом доказательства могут существенно отличаться по процессуальной форме, предусмотренной российским законодательством [6, с. 9].

С учетом изложенного можно заключить, что доказательство будет считаться допустимым при выполнении формального критерия международного поручения, при условии, что оно получено на основании соответствующего запроса от компетентного субъекта правоохранительной деятельности, при этом должным образом утверждено и заверено.

Одновременно с этим, на наш взгляд, для разрешения вопроса о признании доказательств, необходимо согласиться с выводом Л.В. Шевцовой, о том, что в соответствии с уголовно-процессуальными нормами, а также, международными конвенциями и соглашениями доказательства, собранные на территории зарубежных стран по запросу при осуществлении международного сотрудничества по уголовным делам, должны быть получены при соблюдении положений Основного закона иностранного государства – инициатора запроса и принципов справедливого судопроизводства, прав человека и основополагающих свобод [7, с. 154].

Для обеспечения допустимости полученных доказательств в рамках международного поручения в рамках международного сотрудничества, на наш взгляд, перед отправкой международного поручения о проведении конкретного следственного действия, необходимо указать алгоритм действий при проведении такого мероприятия в целях признания полученных доказательств допустимыми с точки зрения российского уголовно-процессуального законодательства. В частности, следует указать, что помимо протокола допроса необходимо приложить аудио или видеозапись допроса. Одновременно следует направить список вопросов, который необходимо задать интересующим участникам уголовного судопроизводства. К доказательствам, полученным на территории зарубежного государства, должны прилагаться копии судебных решений, подтверждающих законность проводимых процессуальных действий.

Таким образом, в настоящее время уголовно-процессуальное законодательство РФ и некоторых зарубежных стран имеет проблемы, связанные с признанием доказательств, полученных на территории иностранного государства, это связано отсутствием унифицированных критериев собирания и предоставления такой информации. Предложенные рекомендации при подготовке конкретного международного поручения по уголовным делам по нашему мнению, будут способствовать более эффективному осуществлению уголовного преследования в рамках международного сотрудничества.

Литература:

1. *Богаткина Р.Ш.* Проблемы и перспективы правового регулирования международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства Российской Федерации / Р.Ш. Богаткина // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 4(94). С. 72–78.
2. *Быкадорова Е.В.* Особенности установления допустимости доказательств, полученных на территории иностранного государства / Е.В. Быкадорова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4(84). С. 131–137.
3. *Ерпылев И.В.* Реализация института допустимости доказательств в уголовном процессе и правоохранительной деятельности России и зарубежных государств (сравнительно-правовой анализ) : дис. ... канд. юр. наук. М., 2015. 185 с.
4. *Щерба С.П.* Гарантии юридической силы доказательств, полученных на территории иностранных государств по запросам РФ / С.П. Щерба, З.А. Тлехуч // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 4. С. 180–182.
5. *Антонович Е.К.* Особенности принятия решений при поступлении запросов иностранных государств об уголовном преследовании или возбуждении уголовного дела / Е.К. Антонович // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 5. С. 12–15.
6. Принцип равенства юридической силы доказательств в международно-правом сотрудничестве по уголовным делам // Международное уголовное право и международная юстиция. 2013. № 2. С. 7–10.
7. *Шевцова Л.В.* Международное сотрудничество при осуществлении уголовного преследования уголовных организаций в досудебном производстве : дис. ... канд. юр. наук. М., 2021. 193 с.

Literature:

1. *Bogatkina R.Sh.* Problems and prospects of legal regulation of international cooperation in the field of criminal proceedings of the Russian Federation / R.Sh. Bogatkina // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4(94). P. 72–78.
2. *Bykadorova E.V.* Features of establishing the admissibility of evidence obtained on the territory of a foreign state / E.V. Bykadorova // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 4(84). P. 131–137.
3. *Erpylev I.V.* Implementation of the Institute of Admissibility of Evidence in Criminal Procedure and Law Enforcement in Russia and Foreign States (Comparative Legal Analysis) : dis. ... cand. legal sciences. M., 2015. 185 p.
4. *Shcherba S.P.* Guarantees of the legal force of evidence obtained on the territory of foreign states at the request of the Russian Federation / S.P. Shcherba, Z.A. Tlekhuch // Problems of Economics and Legal Practice. 2018. № 4. P. 180–182.
5. *Antonovich E.K.* Features of decision-making upon receipt of requests from foreign states on criminal prosecution or initiation of a criminal case / E.K. Antonovich // International criminal law and international justice. 2017. № 5. P. 12–15.
6. The principle of equality of the legal force of evidence in international legal cooperation in criminal cases // International criminal law and international justice. 2013. № 2. P. 7–10.
7. *Shevtsova L.V.* International cooperation in the implementation of criminal prosecution of criminal organizations in pre-trial proceedings : dis. ... cand. legal sciences. M., 2021. 193 p.

Магомадова Эльза Исаевна
старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса,
Чеченский государственный
университет имени А.А. Кадырова
zeka0708@mail.ru

Эльмурзаев Сайдамин Мусаевич
доцент кафедры правовых дисциплин,
Чеченский государственный
педагогический университет
Musslim95@mail.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация. В статье исследуется гражданско-правовая ответственность, которая предусмотрена за правонарушения в сети Интернет. Основное внимание в исследовании также уделяется киберпреступлениям, глобальной сети «Интернет» и информационно-коммуникационным технологиям нового поколения. В данном исследовании рассмотрены основные формы и типы киберпреступлений, а также способы их совершения. Также, в статье исследована гражданско-правовая ответственность за правонарушения в сети Интернет, где показано, что гражданско-правовая ответственность наступает в двух формах. Первая – это договорная ответственность, где рассматриваются отношения между жертвой и поставщиком услуг. Вторая форма – это деликтная ответственность, возникающая в результате совершения злонамеренных деяний по неосторожности, при невыполнении возложенных стороной на себя обязательств, несоблюдении закона, злоупотреблении честью, а также оскорбления и угрозы в сети Интернет.

Ключевые слова: цифровые технологии, Интернет, гражданско-правовая ответственность, уголовное право.

В настоящее время, мы являемся свидетелями информационной революции, когда науки устремлены к новым открытиям. В начале возникла Всемирная паутина («Интернет») с ограниченным доступом использования, но она довольно быстро расширилась и распространилась за короткий период времени. Ее пользователи стали представителями всех возрастных групп и различных уровней образования.

Таким образом, это открыло ранее «закрытые двери» для общества, и вскоре уже многие были сильно обеспокоены тем, что сеть Интернет

Elsa I. Magomadova
Senior Lecturer of the Department
of Civil Law and Procedure,
Chechen State University
named after A.A. Kadyrov
zeka0708@mail.ru

Saidamin M. Elmurzaev
Associate Professor
of the Department of Legal Disciplines,
Chechen State Pedagogical University
Musslim95@mail.ru

CIVIL LIABILITY FOR OFFENSES ON THE INTERNET

Annotation. The article examines civil liability, which is provided for offenses on the Internet. The focus of the study is also on cybercrime, the global network «Internet» and information and communication technologies of the new generation. This study examines the main forms and types of cybercrime, as well as ways to commit them. The article also explores civil liability for offenses on the Internet, which shows that civil liability comes in two forms. The first is contractual liability, which deals with the relationship between the victim and the service provider. The second form is tort liability arising from the commission of malicious acts through negligence, failure to fulfill obligations imposed by the party, non-compliance with the law, abuse of honor, as well as insults and threats on the Internet.

Keywords: digital technologies, Internet, civil liability, criminal law.

осталась незащищенной и без ограничений для предотвращения злонамеренных действий, со стороны мошенников. Следовательно, как неизбежный результат любого нового технического прогресса, появились, так называемые, киберпреступления.

Правонарушения в сети Интернет напоминают традиционные виды преступлений, в котором присутствуют:

– преступник с мотивом совершения преступления;

– потерпевший, который может быть физическим или юридическим лицом; орудие и место преступления.

Однако реальная разница между двумя типами преступлений заключается в том, что преступления в сети Интернет совершаются с использованием сложного технического средства, а также места преступления, которое не требует физического присутствия преступников на месте преступления, поскольку в большинстве случаев преступление совершено дистанционно с использованием сетей связи между преступником и потерпевшей стороной [4].

Существует множество примеров киберпреступлений с различными последствиями, включая:

- кражу средств с банковских карточек данных;
- доступ к банковским счетам;
- изменение и хищение личной и профессиональной тайны, хранящейся в электронных переносных средствах;
- доступ к веб-сайтам и базам данных;
- изменение или хищение их содержимого;
- трансляция подрывных и деструктивных идей для групп или определенных лиц.

Гражданско-правовая ответственность, вытекающая из совершения правонарушений в сети Интернет, является либо договорной, либо деликтной ответственностью, которая наступает после злоумышленных действий мошенников. Во всех этих случаях правонарушитель, или сторона, нарушившая закон, несет ответственность за компенсацию нанесенного вреда пострадавшей стороне.

Например, грабитель и фальшивомонетчик несет ответственность за причиненный ущерб пострадавшему в результате чего его, проступок и посягательство, слава, честь, личная жизнь подверглась серьезному ущербу через сеть Интернет. Правонарушитель неизбежно несет ответственность за компенсацию морального или материального ущерба, нанесенного потерпевшей стороне в соответствии с действующими общими нормами гражданского права [1].

Трудно согласиться с общим определением правонарушений и преступлений в области информационных технологий, в частности, сети Интернет, поскольку существуют различные их интерпретации. Информационная система этого технология, которая является либо местом преступления, либо способом его совершения.

Если исследование сосредоточено на преступлениях совершенное против информационной системы, определение будет сосредоточено на месте преступления, которое совершается против информационной системы. Если преступление совершено с использованием информационных

технологий в отношении конкретного субъекта, определение будет основываться конкретно на его исполнителе [5].

Стоит также упомянуть, что наиболее важным фактором, затрудняющим согласование определения, является то, что информационных технологий стали заменой многих предыдущих технологий, таких как телефон, факс и телевидение. Их выпуск не ограничивается обработкой данных, он превзошел их по многочисленным функциям, таким как публикации и копирование, что делает необходимым разграничение между Интернетом и информационно-сетевыми преступлениями, с точки зрения технического смысла от остальных преступлений, которые используют Интернет или компьютер как инструмент совершения преступления или правонарушения.

Киберпреступления – это преступления, которые совершаются через Интернет, информационные сети и незаконный доступ к частным сетям [6]. Информационные технологии играют решающую роль в киберпреступлениях с точки зрения их существенности или преступного поведения.

Другие традиционные преступления, такие как отмывание денег, незаконный оборот наркотиков, терроризм, незаконное использование электронных карт и преступления электронной коммерции, преступления за клевету и дезинформацию, использующие информационные технологии в качестве средства совершения, не являются информационными преступлениями в техническом смысле, хотя и называются киберпреступлениями [3].

Под гражданской ответственностью понимается компенсация, которую пострадавшая жертва киберпреступления заслуживает в финансовом или моральном плане из-за киберпреступления, совершенного преступником против него. Основа иска клиента может также основываться на деликтной ответственности и ее множественных принципах, таких как вредоносное деяние, нарушение или неосновательное обогащение.

Согласно гражданскому и уголовному кодексу РФ, потерпевший вправе требовать возмещения ущерба от правонарушителя (преступника), причинившего материальный и моральный ущерб в результате действий, совершенных правонарушителем, исходя из правил деликтной ответственности [2].

С учетом продвижения технологии и все более широкого использования ИКТ, необходимо отметить, что неспособность ИТ-провайдеров доказать ответственность поставщиков ИКТ должна быть обдуманной, поскольку возникает гражданско-правовая ответственность от причинения вреда или ущерба. Поставщики ИКТ также должны предотвращать такие случаи посредством обучения, информирования и предупреждения своих клиентов о возможных факторах риска и угрозах со стороны мошенников в сети Интернет.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16 декабря 2019 г., с изм. от 12 мая 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. *Богданов Е.В.* Развитие гражданского права России. Тенденции, перспективы, проблемы / Е.В. Богданов, Д.Е. Богданов, Е.Е. Богданова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2014.
3. *Боженок С.Я.* О гражданской правосубъектности органов государственной власти / С.Я. Боженок // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 47–54.
4. *Кархалев Д.Н.* Основания освобождения от договорной ответственности в гражданском праве / Д.Н. Кархалев // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4(89). С. 64–70.
5. *НебрATENKO О.О.* О моделях состава гражданского правонарушения / О.О. НебрATENKO // Юрист-Правоведъ. 2009. № 3(34). С. 50–53.
6. *Разуваева А.О.* Гражданско-правовая ответственность за нарушение интеллектуальных прав в сети Интернет / А.О. Разуваева // Государственная служба и кадры. 2021. № 5. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovaya-otvetstvennost-za-narushenie-intellektualnyh-prav-v-seti-internet> (дата обращения 16.03.2022).

Literature:

1. The Civil Code of the Russian Federation, Part One of November 30, 1994 № 51-FZ (as amended on December 16, 2019, with amendments. dated May 12, 2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.
2. *Bogdanov E.V.* Development of civil law in Russia. Trends, prospects, problems / E.V. Bogdanov, D.E. Bogdanov, E.E. Bogdanova. M. : UNITY-DANA, 2014.
3. *Bozhenok S.Ya.* On civil legal personality of state authorities / S.Ya. Bozhenok // Journal of Russian Law. 2018. № 1. P. 47–54.
4. *Karhalev D.N.* Grounds for exemption from contractual liability in civil law / D.N. Karhalev // Actual problems of Russian law. 2018. № 4(89). P. 64–70.
5. *Nebratenko O.O.* On models of the composition of a civil offense / O.O. Nebratenko // Jurist-Pravoved. 2009. № 3(34). P. 50–53.
6. *Razuvaeva A.O.* Civil liability for violation of intellectual property rights on the Internet / A.O. Razuvaeva // Civil service and personnel. 2021. № 5. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovaya-otvetstvennost-za-narushenie-intellektualnyh-prav-v-seti-internet> (date of application 16.03.2022).

Максимова Кристина Леонидовна

старший преподаватель
кафедры трудового права,
Санкт-Петербургский университет
ГПС МЧС России
klk115@mail.ru

Прибыткова Александра Александровна

студентка,
Санкт-Петербургский университет
ГПС МЧС России
shura.pribytkova@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ПЕРИОД РЕЖИМА ПОВЫШЕННОЙ ГОТОВНОСТИ К ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ



Аннотация. На фоне осложнившейся криминогенной ситуации в России все более распространенными становятся случаи, когда правоохранительным органам приходится действовать в чрезвычайных условиях. Среди главных направлений правоохранительной деятельности в чрезвычайных условиях авторы публикации выделяют расследование массовых беспорядков, межнациональных конфликтов, вооруженных столкновений, обстоятельств других чрезвычайных происшествий. Эта работа, по их мнению, обладает существенной спецификой.

Ключевые слова: чрезвычайные условия, расследование преступлений, режим повышенной готовности, предварительное расследование.



Прежде всего, значительно отличается от обычной обстановка, в которой приходится действовать следственным подразделениям. Она характеризуется нестабильностью, охватывающими целые регионы беспорядками, разгулом экстремистски настроенных групп. Порой, часть населения для обеспечения ее безопасности эвакуируют из региона. В этих же целях вводится правовой режим чрезвычайного положения.

Необычен характер совершаемых преступлений. Среди них – редко встречающиеся в следственной практике преступления, такие как массовые беспорядки, нарушение национального и расового равноправия, призывы к насильственному свержению или изменению конституционного строя и другие. Предметом расследования часто становятся действия высокопоставленных должностных лиц, политических партий, иных общественных объединений.

Kristina L. Maksimova

Senior Lecturer
of the Department of Labor Law,
St. Petersburg University
GPS EMERCOM of Russia
klk115@mail.ru

Alexandra A. Pribytkova

Student,
St. Petersburg University
GPS EMERCOM of Russia
shura.pribytkova@yandex.ru

FEATURES OF THE INVESTIGATION OF CRIMES DURING THE EMERGENCY PREPAREDNESS REGIME



Annotation. Against the background of the complicated criminal situation in Russia, cases when law enforcement agencies have to act in emergency conditions are becoming more common. Among the main areas of law enforcement in emergency conditions is the investigation of riots, interethnic conflicts, armed clashes, circumstances of other emergencies. This work has significant specifics.

Keywords: emergency conditions, crime investigation, high-alert regime, preliminary investigation.



Специфика следственной работы привела к созданию ее оригинальной методики. Наряду с приспособлением традиционных методов практика породила ряд новых. Среди них, например, действия следователей при проведении войсковых операций, организация поисковых мероприятий. Для раскрытия и расследования массовых беспорядков и вооруженных конфликтов создаются специализированные следственные группы. Замеченные на практике особенности большинству работников следственного аппарата страны неизвестны. В результате, из одной следственной группы в другую «переходят» одни и те же ошибки, нерешенные проблемы, касающиеся организации и методики расследования, множества процессуальных вопросов, финансового, кадрового, материально-технического обеспечения. Попытки применить традиционные способы в чрезвычайных условиях во многих случаях не позволяют достичь необходимого эффекта, ведут к утрате доказательств, порой без всякой нужды ставят жизнь и здоровье сотрудников под угрозу [4].



Такое положение указывает на необходимость тщательного изучения и детального освоения конкретного опыта уголовного расследования в чрезвычайных условиях. Для этого необходимо рассмотреть чрезвычайные условия как фактор, обуславливающий особенности расследования преступлений, сформулировать теоретические основы расследования преступлений в чрезвычайных условиях, привести криминалистическую характеристику преступлений, составляющих предмет расследования в чрезвычайных условиях, особое внимание уделить деталям организации расследования, доказательствам обстоятельств преступлений, совершенных в чрезвычайных условиях, и действий на первоначальном и последующих этапах расследования.

В научной литературе в настоящее время сформировалось несколько позиций относительно существования в уголовном процессе требования всесторонности, полноты и объективности расследования.

Требование полноты и объективности относится к стадии предварительного расследования и не распространяется на стадию возбуждения уголовного дела, задачей которой не является установление всех обстоятельств дела. В то же время, в ходе проверки должен быть выполнен достаточный объем процессуальных действий для установления наличия или отсутствия поводов и оснований к возбуждению уголовного дела. Игнорирование требования о необходимости установления повода и оснований, т.е. достаточных данных, указывающих на признаки преступления, может повлечь за собой незаконное и необоснованное решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении, что, в свою очередь, либо может привести к незаконному вовлечению лица в процедуры расследования преступления, либо оставит виновника безнаказанным [8].

В настоящее время актуален вопрос о возможности выполнения требования полноты и объективности предварительного расследования. Указами Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» и от 02 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции» в Российской Федерации были введены нерабочие дни, а высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации отдано поручение разработать и применить на подведомственных им территориях комплекс ограничительных мер. В частности, на территории Томской области распоряжением Администрации Томской области от 18 марта 2020 г. № 156-ра «О введении режима функционирования «повышенная готовность» для органов управления и сил звеньев территориальной подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций на территории Томской области» введен режим повышенной готовности и установлен ряд ограничений для жителей региона, в том числе запрет покидать место жительства, за исключением случаев,

прямо указанных в распоряжении. Большинство регионов страны ввело аналогичные запреты и так называемый «режим самоизоляции» на своей территории, в связи с чем, в ходе расследования уголовных дел сотрудники следственных органов столкнулись с рядом сложностей, так или иначе, повлиявших на полноту и объективность расследования преступлений [3].

В первую очередь, стоит обратить внимание на решения, принимаемые ведомственными структурами с целью ограничения распространения коронавируса среди сотрудников. Так, решением председателя Следственного комитета РФ максимально сокращено присутствие на рабочих местах женщин, проходящих службу в Следственном комитете РФ. На время самоизоляции всех женщин Следственного комитета РФ их обязанности председатель поручил выполнять в полном объеме мужчинам – офицерам. Это коснулось не только обеспечивающих структур ведомства, но и мужчин – следователей, которые должны были при необходимости принять к своему производству уголовные дела, расследуемые следователями – женщинами [6]. Таким образом, от работы в следственных органах было отстранено около половины сотрудников, а нагрузка по расследуемым уголовным делам распределилась по сотрудникам – мужчинам. Стоит отметить, что другими следственными органами, в частности, органами внутренних дел, решений об отстранении сотрудников женского пола от службы в период неблагоприятной эпидемиологической обстановки не принималось.

Проблемы функционирования правоохранительных органов в период пандемии – не единственный фактор, сказывающийся на полноте и объективности расследования. Безусловно, возникает и большое количество вопросов, которые носят процессуальный характер.

Так, практически неразрешимые ситуации возникли уже на стадии возбуждения уголовного дела. В ходе проверки основными инструментами получения сведений об обстоятельствах произошедшего являются получение объяснений, осмотры, освидетельствование, привлечение специалистов и др. (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). В силу установления в регионах режима повышенной готовности и вытекающей из него самоизоляции граждан, следователи в отдельных случаях стали получать в ответ на вызов для дачи объяснений или для производства процессуальных действий закономерный ответ о невозможности явиться в следственный отдел в связи с установленными ограничениями. Несмотря на то, что вызов в орган расследования, который можно будет подтвердить повесткой, является уважительной причиной для оставления лицом места проживания, возникает угроза заражения вызываемого лица, то есть, угроза его жизни и здоровью [2].

Таким образом, следователь встает перед выбором: обеспечить выполнение требования об установлении достаточных данных для принятия решения по материалу проверки или соблюсти требование о не причинении вреда жизни и здоровью

граждан. Выбор в пользу обеспечения прав человека не может не отразиться на сроках проверки, которая не только в трехсуточный, но и в тридцати суточный срок фактически невозможна. В любом случае, по истечении срока проверки следователю необходимо принять решение об отказе в возбуждении уголовного дела или о его возбуждении [5].

Не меньшее количество проблем возникает и на стадии предварительного расследования, так как производство большинства следственных действий предполагает непосредственный контакт с участниками судопроизводства, что затруднено ограничениями в период режима самоизоляции граждан. По аналогии с ситуацией в рамках процессуальной проверки сообщения о преступлении свидетели могут не являться по вызовам следователя, а постановление следователя о приходе на практике признается незаконным и нарушающим основополагающие права граждан [7].

Особые правила работы с обвиняемыми, находящимися под стражей, установили и в органах ФСИН. Главным государственным санитарным врачом ФСИН России вынесено постановление «О введении дополнительных санитарно-противоэпидемических (профилактических) мер, направленных на недопущение возникновения и распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», в соответствии с которым временно не предоставляются длительные и краткосрочные свидания, запрещен допуск посетителей

Литература:

1. Краткий курс по криминалистике : учеб. пособие. М. : Окей-книга, 2019. С. 112.
2. Криминалистика / Отв. ред. Е.П. Ищенко. М. : Проспект, 2021. С. 816.
3. Криминалистика. Конспект лекций / В.П. Лавров [и др.]. М. : Проспект., 2020. С. 256.
4. Лаврова В.П. Криминалистика. Конспект лекций : учеб. пособие. М. : Проспект., 2019. С. 256.
5. Образцов В.А. Криминалистика. Избранные труды. М. : Проспект, 2017. С. 368.
6. Скобелин С.Ю. Криминалистика : учебник. Ч. 1. М. : Проспект, 2021. С. 256.
7. Тюнис И.О. Криминалистика : учеб. пособие. М. : Проспект, 2020. С. 220.
8. Эксархопуло А.А. Криминалистика в схемах : учеб. пособие для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2019. С. 422.

и сотрудников УИС с повышенной температурой тела и лиц, прибывших в течение последних 14 дней из государств с неблагополучной ситуацией с распространением коронавирусной инфекции, а также, организуется и реализуется комплекс санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий.

Лица, осуществляющие предварительное расследование, вынуждены во всех указанных случаях либо неоднократно продлевать срок предварительного расследования, либо приостановить предварительное расследование по п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ в связи с тем, что место нахождения подозреваемого, обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует. Следует отметить, что приостановление расследования по такому основанию в сложившихся обстоятельствах возможно только в случае, если обвиняемый не содержится под стражей [1].

На основе вышеизложенного, можно прийти к выводу о том, что лица, осуществляющие предварительное расследование, столкнулись со значительными трудностями в период распространения коронавирусной инфекции. Противоречивые и не всегда последовательные ведомственные акты порождают больше вопросов, чем ответов, а отсутствие в законодательстве механизмов, позволяющих своевременно реагировать на сложившуюся ситуацию, существенно влияет на качество и сроки расследования.

Literature:

1. A short course in criminology. Study guide. M. : Okey-book, 2019. P. 112.
2. Criminalistics / Ed. E.P. Ishchenko. M. : Prospect, 2021. P. 816.
3. Criminalistics. Lecture notes / V.P. Lavrov [et al.]. M. : Prospect., 2020. P. 256.
4. Lavrova V.P. Criminalistics. Lecture notes : textbook. M. : Prospect., 2019. P. 256.
5. Obratsov V.A. Criminalistics. Selected works. M. : Prospect, 2017. P. 368.
6. Skobelin S.Yu. Criminalistics : textbook. Part 1. M. : Prospect, 2021. P. 256.
7. Tyunis I.O. Criminalistics. Study guide. M. : Prospect, 2020. P. 220.
8. Exarchopulo A.A. Criminalistics in schemes : textbook for academic bachelor's degree. M. : Yurayt, 2019. P. 422.

Максимова Кристина Леонидовна

старший преподаватель
кафедры трудового права,
Санкт-Петербургский университет
ГПС МЧС России
klk115@mail.ru

Екушова Вероника Александровна

студентка,
Санкт-Петербургский университет
ГПС МЧС России
ekushova@yandex.ru

**ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ
УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ
С ЭКОЛОГИЧЕСКИМИ БЕДСТВИЯМИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. В статье рассмотрены основные особенности действий должностных лиц по расследованию уголовных дел, связанных с экологическими бедствиями в Российской Федерации, приведена необходимая методика по повышению уровня эффективности в расследовании преступлений данной группы. Сделан вывод о необходимости совершенствования отдельных аспектов в расследовании уголовных дел по экологическим преступлениям. Осуществлен обзор экологической катастрофы в городе Норильске.

Ключевые слова: экологическая катастрофа, расследование уголовных дел, связанных с экологическими бедствиями на территории РФ, методика расследования, уголовная ответственность.

На данном этапе развития общества обеспечение экологической безопасности населения является приоритетным направлением деятельности любого государства. В статье 42 Конституции РФ закреплено, что «каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.» На данный момент, Российская Федерация относится к ряду стран с наихудшей экологической обстановкой, поскольку около 15 % территории страны находится в зоне экологического бедствия и ЧС экологического характера [1].

Определение экологических преступлений не закреплено на законодательном уровне, однако, в теории существует множество подходов к пониманию таких преступлений. Экологические преступления – это виновно совершенные общественно опасные деяния, посягающие на экологическую безопасность человечества, экологический

Kristina L. Maksimova

Senior Lecturer
of the Department of Labor Law,
St. Petersburg University
GPS EMERCOM of Russia
klk115@mail.ru

Veronika A. Ekushova

Student,
St. Petersburg University
GPS EMERCOM of Russia
ekushova@yandex.ru

**FEATURES OF THE INVESTIGATION
OF CRIMINAL CASES RELATED
TO ENVIRONMENTAL DISASTERS
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Annotation. The article discusses the main features of the actions of officials to investigate criminal cases related to environmental disasters in the Russian Federation, provides the necessary methodology to increase the level of efficiency in the investigation of crimes of this group. The conclusion is made about the need to improve certain aspects in the investigation of criminal cases on environmental crimes. A review of the ecological disaster in the city of Norilsk has been carried out.

Keywords: environmental disaster, investigation of criminal cases related to environmental disasters on the territory of the Russian Federation, investigation methodology, criminal liability.

правопорядок, установленный в РФ, и причиняющие вред окружающей среде и здоровью человека [2].

Обращаясь к статистике раскрываемости экологических преступлений ГИАЦ МВД РФ на конец 2020 г., а также в период с января по июнь 2021 г., по ее результатам раскрываемость экологических преступлений составила менее 50 %. Кроме того, в течение 2019 года констатируется спад раскрываемости подобных преступлений не менее, чем на 9 %. Низкий уровень раскрываемости сохранился также в 2020 и в 2021 годах.

Данные показатели свидетельствуют о том, что существует ряд недостатков в работе по расследованию экологических преступлений. Например, в долгой проверке (10 суток и более) сообщений о преступлениях по изученным делам, как правило, в 35–70 % случаев (в зависимости от вида преступления). Также, не менее чем по половине рассмотренных уголовных дел (56 %) предварительное расследование выходит за пределы

установленных УПК РФ сроков. По причине невозможности установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, каждое второе уголовное дело по экологическим преступлениям приостанавливается. Важнейшие специфические экспертизы также не всегда назначаются следователями. Помимо этого, происходит регулярное допущение ошибок в тактике производства следственной деятельности (в первую очередь, при осмотрах мест происшествий и допросах) [3].

В большей мере, столь низкая эффективность работы сотрудников правоохранительных органов по выявлению и расследованию преступлений связана с недостаточным научно-методическим и организационно-управленческим обеспечением деятельности должностных лиц. В настоящее время отсутствует систематизированная подготовка следователей и дознавателей по расследованию экологических преступлений, не разработано современных и детальных методик, которые способствовали бы повышению эффективности работы правоохранительных органов.

По мнению представителей следственного комитета и прокуратуры, низкая раскрываемость преступлений связана с несвоевременным поступлением материалов о преступлениях, которые являются по результатам космических мониторингов. Также, сотрудники правоохранительных органов отмечают отсутствие специальных познаний о методике расследования экологических преступлений [4]. Кроме того, у сотрудников отсутствует и специальная техника, необходимая для проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Для возбуждения уголовного дела по экологическим преступлениям необходимо наличие достаточных оснований. Достаточными основаниями может послужить установление факта загрязнения почвы, атмосферы, различных водоемов, причинение вреда флоре и фауне, лесным насаждениям или здоровью человека. На данном этапе важно установить, на какой территории совершено преступление, а также, не повлек ли причиненный вред окружающей среде смерть человека или животного мира.

При расследовании экологических преступлений необходимо установить присутствует ли причинно-следственная связь между непосредственным загрязнением окружающей среды и наступившими последствиями (гибель флоры и фауны, заболевания или летальный исход людей).

Осмотр требуется производить незамедлительно для выявления следов преступления, поскольку со временем они могут быть утрачены. Объектом осмотра могут являться загрязненные территории или акватории, испорченные объекты, различные водоемы, очистительные сооружения и другие средства утилизации [5].

Ещё одной специфической особенностью осмотра места происшествия по экологическим преступлениям является специфика состава участников следственно-оперативной группы (с

необходимостью проведения контроля за соответствием их одежды условиям осмотра), наличии необходимых криминалистических средств и дополнительной документации. Сотрудникам правоохранительных органов также нужно обладать знаниями по специфике обнаружения, фиксации, изъятия и упаковки следов биологического происхождения. Кроме осмотра места происшествия, при расследовании экологический преступлений немаловажным является и осмотр документов, который, как правило, входит в состав первоначальных следственных действий. Для того, чтобы обеспечить правильное разрешение уголовных дел органы предварительного расследования и суды при необходимости назначают соответствующие специфические экспертизы с привлечением к их проведению экологов, санитарных врачей и других специалистов, которые необходимы для конкретной экспертизы [6].

В экологических преступлениях зачастую отсутствует персональный потерпевший, поскольку вред от данной группы преступлений причиняется обществу в целом и окружающей природной среде. [7] В таком случае, человек или предприятие, загрязняя атмосферный воздух, ставит под угрозу здоровье и в некоторых случаях жизнь всего населения конкретной территории РФ. Из этого следует, что экологические преступления имеют глобальный характер и являются не менее важными наравне с другими преступлениями.

В качестве примера судебной практики целесообразно отметить производство предварительного следствия по ряду уголовных дел о разливе дизельного топлива на территории города Норильска. Это экологическая катастрофа произошла 29 мая 2020 года на ТЭЦ-3 в районе Норильска. Около 20000 тон топлива попало в реки вследствие разгерметизации резервуара хранения дизельного топлива. Данный факт создал угрозу для всей экосистемы Северного Ледовитого океана. По данному факту было возбуждено сразу несколько уголовных дел, которые в дальнейшем были объединены в одно производство. Привлечены были сотрудники «Топливного хозяйства ТЭЦ-3» АО «Норильско-Таймырская энергетическая компания» к уголовной ответственности о нарушении правил охраны окружающей среды при производстве работ (ст. 246 УК РФ), порче земли (ч. 1 ст. 254 УК РФ) и загрязнении вод (ст. 250 УК РФ). Следствием была собрана достаточная доказательная база, и уголовные дела были направлены в Генеральную прокуратуру Российской Федерации для решения вопроса об утверждении обвинительного заключения и последующей передачи в суд для рассмотрения по существу. Действующий на момент экологической катастрофы мэр города Норильска Р.В. Ахметчин был привлечен к уголовной ответственности по халатности, поскольку по версии следствия в течении двух дней после катастрофы, получив информацию о ЧП, своевременно не ввел на территории субъекта чрезвычайное положение и не организовал производство работ по ликвидации последствий.

Таким образом, важно отметить, что для повышения качества расследования экологический

преступлений в России и устранение недостатков в работе должностных лиц необходимо, на наш взгляд, внедрение в учебные планы, программы подготовки сотрудников правоохранительных органов специального курса по методике расследования экологического преступлений. Необходимо также обратить внимание на организацию подготовки в высших учебных заведениях специалистов-экологов, которые оказывают непосредственное содействие правоохранительным органам при расследовании уголовных дел,

Литература:

1. Антипова А.Э. Понятие и виды экологических преступлений, общая характеристика, особенности расследования / А.Э. Антипова, И.А. Слемзина // Современные закономерности и тенденции развития наук криминального цикла: Материалы международной научной конференции, Красноярск, 05 декабря 2019 года. Красноярск : Красноярский государственный аграрный университет. 2020. С. 184–188.
2. Юношева О.В. Понятие и состав экологических преступлений по российскому законодательству / О.В. Юношева // Аллея науки. 2020. Т. 2. № 1(40). С. 41–44.
3. Актуальные проблемы обеспечения экологической безопасности в Российской Федерации: доклады участников межвузовской научно-практической конференции (Калининград, 05 декабря 2016 г.) / Отв. ред. В.А. Захарова; Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА. М. : МФЮА. 2016. С. 96.
4. Курбанов И.Г. Проблемы расследования экологических преступлений и способы их решений в Российской Федерации / И.Г. Курбанов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 1–2(40). С. 182–185.
5. Васильева М.А. Особенности тактики отдельных следственных действий при расследовании экологических преступлений / М.А. Васильева // Право и практика. 2021. № 1. С. 76–80.
6. Лазарева К.А. Экологические преступления: проблемы расследования / К.А. Лазарева, С.А. Усачева // Аллея науки. 2018. Т. 6. № 10 (26). С. 838–842.
7. Коротун В.Ю. Актуальные проблемы экологических преступлений / В.Ю. Коротун // Молодой ученый. 2019. № 42(280). С. 89–91.

связанных с экологическими бедствиями в РФ. В современных условиях важно как можно раньше усовершенствовать имеющиеся методики, а также разработать концептуально новые теоретические и научно-практические положения и рекомендации по расследованию преступлений данной группы. Это позволит снизить преступность в сфере экологии и повысить уровень раскрываемости преступлений, поскольку на сегодняшний день он составляет менее половины от общего числа экологического преступлений в России.

Literature:

1. Antipova A.E. The concept and types of environmental crimes, general characteristics, features of the investigation / A.E. Antipova, I.A. Slemzina // Modern patterns and trends in the development of the sciences of the criminal cycle: Materials of the International scientific conference, Krasnoyarsk, December 05, 2019. Krasnoyarsk : Krasnoyarsk State Agrarian University. 2020. P. 184–188.
2. Molodeva O.V. The concept and composition of environmental crimes under Russian legislation / O.V. Molodeva // Alley of Science. 2020. Vol. 2. № 1(40). P. 41–44.
3. Actual problems of ensuring environmental safety in the Russian Federation: reports of participants of the interuniversity scientific and practical conference (Kaliningrad, December 05, 2016) / Ed. by V.A. Zakharov; Kaliningrad branch of the Moscow University of Finance and Law MFUA. M. : MFUA. 2016. P. 96.
4. Kurbanov I.G. Problems of investigation of environmental crimes and ways of their solutions in the Russian Federation / I.G. Kurbanov // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. № 1–2(40). P. 182–185.
5. Vasilyeva M.A. Features of tactics of individual investigative actions in the investigation of environmental crimes // Pravo i praktika. 2021. № 1. P. 76–80.
6. Lazareva K.A. Ecological crimes: problems of investigation / K.A. Lazareva, S. A. Usacheva // Alley of Science. 2018. Vol. 6. № 10(26). P. 838–842.
7. Korotun V.Yu. Actual problems of environmental crimes / V.Yu. Korotun // Young scientist. 2019. № 42(280). P. 89–91.

Михайлов Алексей Евгеньевич

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
urgantfk@mail.ru

Зыков Даниил Алексеевич

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
daniilzykov@mail.ru

Стариков Александр Павлович

главный инспектор,
Инспекция штаба УМВД России
по Владимирской области
daniilzykov@mail.ru

**ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЛИЦ
С НЕГАТИВНЫМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ
ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРИ ПРОФИЛАКТИКЕ
ПОСТКРИМИНАЛЬНОГО
ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ: АНАЛИЗ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН СНГ**

■ ■ ■

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты обеспечения прав, свобод и законных интересов лиц с негативными изменениями в психической деятельности, совершивших преступления, а также лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство и иных лиц, виктимизирующихся за счет поведения лиц с психическими расстройствами. Помимо этого, авторами затрагиваются правовые механизмы профилактики противоправного посткриминального поведения лиц с негативными изменениями в психической деятельности в странах-участниках СНГ.

■ ■ ■

Ключевые слова: негативные изменения психической деятельности, психические расстройства, профилактика нападений, совершение преступления, расследование уголовных дел.

Alexey E. Mikhailov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Assistant Professor
of Public Law Disciplines
Faculty of Law and Administration,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Execution of Punishments
urgantfk@mail.ru

Daniil A. Zykov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of Department
Public Legal Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Execution of Punishments
daniilzykov@mail.ru

Alexander P. Starikov

Chief Inspector,
Inspection of the Headquarters
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
in the Vladimir Region
daniilzykov@mail.ru

**CERTAIN ASPECTS OF ENSURING THE
RIGHTS AND FREEDOMS OF PERSONS
WITH NEGATIVE CHANGES IN MENTAL
ACTIVITY IN THE PREVENTION OF
POST-CRIMINAL CRIMINAL BEHAVIOR:
ANALYSIS OF THE LEGISLATION
OF THE CIS COUNTRIES**

■ ■ ■

Annotation. The article considers certain aspects of ensuring the rights, freedoms and legitimate interests of persons with negative changes in mental activity who have committed crimes, as well as persons involved in criminal proceedings and other persons victimized by the behavior of persons with mental disorders. In addition, legal mechanisms for the prevention of illegal post-criminal behavior of persons with negative changes in mental activity in the CIS member countries are touched upon.

■ ■ ■

Keywords: negative changes in mental activity, mental disorders, prevention of attacks, commission of a crime, investigation of criminal cases.

Проблематика предупреждения противоправного поведения лиц с негативными изменениями в психической деятельности является традиционным предметом криминологического исследования. При этом актуализируются вопросы обеспечения прав и свобод человека и гражданина, которые образуют ядро государственной уголовной политики в современной демократической России. Однако в ряде случаев действующее российское законодательство уголовно-правового цикла обнаруживает пробелы и коллизии, затрудняющие в ряде случаев обеспечение прав и свобод лиц, совершивших преступления, так и других лиц, вовлеченных в сферу борьбы с преступностью. Данные трудности негативно влияют и на процесс профилактики противоправного посткриминального поведения подозреваемых и обвиняемых. Проблема обнаруживается, в частности, при изучении правовых институтов материального и процессуального уголовного права, касающихся лиц с негативными изменениями психической деятельности.

Проблематика профилактики посткриминального преступного поведения, а также вопросы, связанные с обеспечением прав и свобод лиц с негативными изменениями психической деятельности, а также, обеспечением их безопасности и безопасности иных лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, является предметом широкого научного интереса во всем мире.

В Российской Федерации в последнее десятилетие данная проблематика также затрагивалась в исследованиях в области материального [4] и процессуального [2] уголовного права, а также – криминологии [5] и криминалистики [6]. Однако в данных исследованиях основное внимание уделяется вопросам обеспечения прав и свобод только лиц, совершивших преступления и как правило в рамках правовых и медицинских гарантий, оставляя за пределами предмета исследования социальные гарантии. Помимо этого, осуществление борьбы с преступностью лиц с негативными изменениями в психической деятельности, особенно, при наличии у них психических расстройств, сталкивается с проблемами угрозы жизни и здоровья как сотрудников правоохранительных органов и суда, так и обычных граждан, виктимизирующихся при отсутствии должного уровня правового регулирования борьбы с преступлениями лиц с негативными изменениями психической деятельности.

Поэтому важное значение имеет изучение соответствующего зарубежного законодательства с целью установления наиболее эффективных и соответствующих современным демократическим принципам правовых положений, которые можно адаптировать к российской правовой среде и правоприменительной практике. Определенный интерес представляет законодательство стран-участников СНГ, которое имеет общие исторические корни и развивается в схожих социально-экономических условиях.

Модельный УПК СНГ имеет много общего с действующим УПК РФ, но при этом между ними

имеются и существенные отличия. В общих чертах следует отметить, что Модельный кодекс:

- устанавливает обязанность участия в процессе защитника в случае временного болезненного психического расстройства, психического заболевания и психических недостатков подозреваемого и обвиняемого (ст. 100);
- определяет для указанных лиц процессуальный статус «недееспособный в уголовном судопроизводстве» (ст. 107);
- вводит в предмет доказывания психическое состояние подозреваемого или обвиняемого (ст. 146);
- устанавливает форму предварительного расследования (предварительное следствие) для лиц с психическими недостатками (ст. 232);
- устанавливает процедуру допроса лица с психическим заболеванием (с разрешения врача и в его присутствии) (ст. 249);
- определяет порядок производства по применению принудительных мер медицинского характера (Глава 61), включающий применение мер безопасности (557), к которым относятся передача под надзор попечителей и помещение в психиатрический стационар [3].

Наиболее ярким отличием с УПК РФ являются положения Модельного УПК СНГ, устанавливающие порядок допроса подозреваемого, развитый понятийный аппарат, оперирующий тремя смежными категориями (не имеющими при этом легального толкования), а также – наличие процессуальных мер безопасности.

За основу исследования мы взяли уголовно-процессуальное законодательство двух ближайших политических союзников Российской Федерации – Республики Беларусь и Республики Казахстан, которые отличаются социально-культурными особенностями и отражают основные векторы развития права на постсоветском пространстве.

Положения УПК Казахстана во многом воспроизводят положения Модельного УПК СНГ, включая и названные отличия. Следует отметить, что дефиниция, предполагающая возможность допроса подозреваемого или обвиняемого с разрешения врача, на наш взгляд, не лишена дискуссионности. Она содержит определенный риск противодействия предварительному следствию и существенно ограничивает права лица, осуществляющего предварительное расследование. На наш взгляд, более верно было бы установить возможность отказа от проведения допроса при наличии медицинских противопоказаний. При этом положение, предусматривающее участие врача в допросе подозреваемого или обвиняемого, следует оценивать положительно. Например, 26,9 % опрошенных нами сотрудников органов предварительного расследования отметили, что трудности при расследовании преступлений, совершенных лицами, страдающими психическими расстройствами, связаны со сложностью найти «общий язык» с ними. Как мы полагаем, привлечение

врача – психиатра является одной из тех мер, которая способствует преодолению данной трудности. Помимо этого, врач-психиатр может оказать квалифицированную медицинскую помощь допрашиваемому в случае обострения заболевания, может оценить реальность заболевания и необходимость лечения допрашиваемого.

УПК Беларуси также во многом воспроизводит положения Модельного УПК СНГ, включая сложный и неясны понятийный аппарат. При этом белорусский законодатель, так же, как и в России, отказался от положения, предполагающего возможность допроса подозреваемого или обвиняемого, страдающего психическим расстройством с разрешения врача и в его присутствии, а также - от специально выделенных мер безопасности.

Интерес представляет уголовно-процессуальный институт «Производства по уголовному делу о применении принудительных мер безопасности и лечения» (Глава 46 УПК РБ), включающий различные формы медицинской помощи. На наш взгляд, белорусский законодатель верно определяет сущность данных мер, отмечая важность обеспечения безопасности как альтернативной цели применения комплексного метода борьбы с преступлениями. Однако отметим что сами эти меры, состоящие из мер медицинского характера, в целом, соответствующих отечественным

Литература:

1. *James Bonta Ph.D. Les délinquants atteints de troubles mentaux / Ph.D. James Bonta // Recherche en bref // Sécurité publique Canada. 1998 Vol. 3. № 3. URL : <http://www.tacklingcrime.gc.ca/cnt/rsrscs/pblctns/mtl-drd-fndr/index-fr.aspx> (дата обращения 09.02.2022).*
2. *Бажукова Ж.А. Об уголовно-процессуальных гарантиях прав и законных интересов лица, нуждающегося в принудительном лечении / Ж.А. Бажукова // Адвокатская практика. 2017. № 4. С. 27–31.*
3. *Модельный Уголовно-процессуальный кодекс государств – участников Содружества Независимых Государств: Принят Постановлением № 7 Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств; Санкт-Петербург, 17 февраля 1996 г. // Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 1996. № 10.*
4. *Мухачева И.М. Понятие и виды психофизиологического состояния лица, совершившего преступление / И.М. Мухачева // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 7. С. 115–123.*
5. *Скиба А.П. Применение мер безопасности в контексте исправления осужденных и предупреждения новых преступлений / А.П. Скиба // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 1. С. 100–105.*

принудительным мерам медицинского характера, можно воспринимать с позиции обеспечения безопасности достаточно узко – как применяемые с целью охраны лиц, совершивших преступления (а также, для их лечения и предупреждения совершения ими новых общественно опасных деяний) [7]. На наш взгляд, данные меры безопасности следует ориентировать не только на самих лиц, совершивших преступления, но и на других участников судопроизводства, а также иных лиц. Следует отметить, что на эту проблему обращают внимание и зарубежные исследователи [1].

Таким образом, перспективными направлениями совершенствования механизмов борьбы с преступлениями лиц с негативными изменениями в психической деятельности в России является изменение уголовно-процессуальных норм, предусматривающих особенности судопроизводства в отношении лиц с психическими расстройствами посредством включения мер оказания медицинской помощи (в том числе, и амбулаторного характера) и обеспечения безопасности до разрешения уголовного дела по существу, что позволит минимизировать возможность причинения данными лицами вреда как самим себе, так и другим участникам уголовного судопроизводства, а также – третьим лицам, что является одной из гарантий обеспечения их прав и законных интересов.

Literature:

1. *James Bonta Ph.D. Les délinquants atteints de troubles mentaux / Ph.D. James Bonta // Recherche en bref // Sécurité publique Canada. 1998 Vol. 3. № 3. URL : <http://www.tacklingcrime.gc.ca/cnt/rsrscs/pblctns/mtl-drd-fndr/index-fr.aspx> (дата обращения 09.02.2022).*
2. *Bazhukova Zh.A. On criminal procedural guarantees of the rights and legitimate interests of a person in need of compulsory treatment / Zh.A. Bazhukova // Lawyer practice. 2017. № 4. P. 27–31.*
3. *Model Code of Criminal Procedure of the Member States of the Commonwealth of Independent States: Adopted by Resolution № 7 of the Interparliamentary Assembly of the Member States of the Commonwealth of Independent States; St. Petersburg, February 17, 1996 // Appendix to the Newsletter of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States. 1996. № 10.*
4. *Mukhacheva I.M. The concept and types of the psychophysiological state of a person who has committed a crime / I.M. Mukhacheva // Actual problems of Russian law. 2017. № 7. P. 115–123.*
5. *Skiba A.P. Application of security measures in the context of correction of convicts and prevention of new crimes / A.P. Skiba // North Caucasian Legal Bulletin. 2015. № 1. P. 100–105.*

6. *Ткачук Т.А.* Обеспечение законных интересов женщины, подозреваемой в посягательстве на жизнь новорожденного ребенка: криминологико-криминалистические аспекты / Т.А. Ткачук, А.Е. Михайлов, А.П. Стариков // Вестник ВЮИ ФСИН России. 2020. № 4. С. 44–49.

7. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Закон № 275-З от 09 июля 1999 г.; с изменениями, внесенными Законом № 253-З от 11 ноября 2019 г. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL : <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения 09.02.2022).

6. *Tkachuk T.A.* Ensuring the legitimate interests of a woman suspected of encroaching on the life of a newborn child: criminological and criminalistic aspects / T.A. Tkachuk, A.E. Mikhailov, A.P. Starikov // Bulletin of the VUI of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2020. № 4. P. 44–49.

7. Criminal Code of the Republic of Belarus: Law № 275-Z of July 09, 1999; as amended by Law № 253-Z of November 11, 2019 National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. URL : <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (date of application 09.02.2022).

Пережогина Галина Владимировна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовно-правовых дисциплин,
Тюменский государственный университет
g.v.perezhogina@utmn.ru

Шапель Анастасия Игоревна

ассистент кафедры истории, права,
социально-экономических дисциплин
и методик преподавания,
Тобольский педагогический институт
имени Д.И. Менделеева (филиал)
Тюменского
государственного университета
a.i.shapel@utmn.ru

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПУБЛИЧНОЕ
РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗАВЕДОМО ЛОЖ-
НОЙ ИНФОРМАЦИИ
(СТ. 207.1 И 207.2 УК РФ)**

Аннотация. В статье рассмотрены составы преступлений об ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207.1 УК РФ) и публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (ст. 207.2 УК РФ). Проанализирована судебная практика привлечения к ответственности, дана характеристика объективных и субъективных признаков данных составов преступлений. Даны рекомендации по внесению изменений в действующую редакцию статьи 207.1 УК РФ.

Ключевые слова: публичность, коронавирусная инфекция, ложная информация, достоверные сведения, преступный умысел.

В настоящее время опасность распространения новой коронавирусной инфекции является самой актуальной в области здравоохранения, однако, проблема ее распространения оказывает существенное влияние не только на охрану здоровья населения, но и в значительной степени сказывается на информационной безопасности государства.

Современное российское общество является информационным, следовательно, распространение значимой достоверной информации, имеет

Galina V. Perezhogina

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Assistant Professor of Department
Criminal Legal Disciplines,
Tyumen State University
g.v.perezhogina@utmn.ru

Anastasiya I. Shapel

Assistant of the Department of History, Law,
Socio-economic Disciplines
and Teaching Methods,
Tobolsk Pedagogical Institute
named after DI Mendeleev (branch)
Tyumen State University
a.i.shapel@utmn.ru

**SOME QUESTIONS OF CRIMINAL
LIABILITY FOR THE PUBLIC
DISSEMINATION OF DELIBERATELY
FALSE INFORMATION (ARTICLES 207.1
AND 207.2 OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

Annotation. The article deals with the new offences, the responsibility for public dissemination of false information about circumstances that threaten the life and security of citizens (article 207.1 of the Criminal Code) and public dissemination of false public interest information, resulting in serious consequences (article 207.2 of the Criminal Code). The judicial practice of bringing to responsibility was analyzed, the characteristics of objective and subjective signs of these types of crimes were given. Recommendations on amendments to the current version of Article 207.1 of the Criminal Code of the Russian Federation were given.

Keywords: publicity, coronavirus infection, false information, reliable information, criminal intent.

важное значение для обеспечения общественной безопасности всего государства в целом. Учитывая специфику информационных отношений, их роль и место в российском обществе, Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен новыми нормами – ст. 207.1 и 207.2. Используя системное толкование, анализируя расположение данных норм, можно сделать вывод о том, что законодатель рассматривает обозначенные нами составы как смежные заведомо ложному сообщению об акте терроризма.

Стоит обратить внимание на то, что, исходя из информации на Официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ (за 2020 год), по статье 207.1 к уголовной ответственности привлечены 5 человек, по статье 207.2 – не было привлечено ни одно лицо [3].

Обращаясь к судебной практике, приведем следующие примеры:

Согласно приговору № 1-194/2020 от 11 ноября 2020 г. по делу № 1-194/2020, А.В. Пичугин, находясь в своем жилище, действуя умышленно, являясь администратором открытого новостного канала, в мессенджере под видом достоверного сообщения, используя высказывания в форме утверждения, сообщил о якобы, имевших место, целенаправленных действиях лиц, направленных на заражение населения коронавирусной инфекцией. В результате умышленных противоправных действий А.В. Пичугина указанная заведомо ложная информация стала доступной неограниченному кругу лиц из числа пользователей сети интернет. Вывод о совершении указанным лицом преступления подтверждается заключениями экспертов, с которым соглашается и суд в том, что указанная информация – о реальных действиях конкретной организации по умышленному инфицированию граждан – преподнесена в сообщении, распространенном А.В. Пичугиным, как сведения о фактах, а не мнение, предположение либо субъективная оценка автором неких событий. Несмотря на то, что в рассматриваемом сообщении ни один из перечисленных способов введения получателя информации в заблуждение не использован, суд приходит к выводу, что данная информация, тем не менее, распространена именно под видом достоверного сообщения [5].

Из приговора от 29 июля 2020 г. по делу № 1-74/2020. Э.Ф. Фатиев с целью публичного распространения среди населения произвел запись видеоролика общей продолжительностью 4 минуты 19 секунд, в котором, с целью провокации паники среди населения и нарушения правопорядка, под видом достоверного сообщения, лично записал заведомо ложные сведения о не существовании коронавирусной инфекции (COVID-19), о недостоверности российской тест-системы по выявлению коронавирусной инфекции и призвал население к пренебрежению правилам и средствам индивидуальной защиты, установленным государственными органами Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Российской Федерации. После этого, Э.Ф. Фатиев, продолжая реализацию своего преступного умысла на нарушение общественного порядка, осознавая противоправный характер своих действий, являясь пользователем социальной сети «Инстаграм» (Instagram) с персональной страницей, с открытым (публичным) доступом неограниченного круга пользователей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», около 20 часов 00 минут 22 мая 2020 года, разместил на своей странице социальной сети «Инстаграм» (Instagram) вышеуказанный видеоролик и, тем самым, публично распространил среди неопределенного круга населения заведомо ложную информацию об обстоятельствах,

представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, в связи с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19) [4].

Анализируя приведенные нами примеры, укажем на то, что информация, распространяемая лицами под видом достоверной, может содержать сведения, как о наличии потенциальной угрозы, так и об отсутствии таковой при ее реальной потенциальной опасности. И та, и другая ситуация, как нам представляется, отвечает признакам состава преступления, указанным в статье 207.1 УК РФ.

Рассмотрим еще один практический случай. Из апелляционного постановления от 17 марта 2021 по делу № 10-0816/2021 следует, что Е.А. Храпченкова, являясь владельцем аккаунта в веб-сервисе для публичного обмена видеоматериалами «ТикТок» («ТикТок») в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», желая увеличить аудиторию посещения указанного аккаунта, решила изготовить и опубликовать видеоролик, содержащий заведомо ложную информацию о том, что реализуемый в одной из организаций за плату товар является гуманитарной помощью, то есть, у нее возник преступный умысел на публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации в период распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Реализуя свой преступный умысел, Е.А. Храпченкова 09 мая 2020 года приобрела за плату в магазине упаковку товара с наименованием «Маска одноразовая трехслойная, немедицинская», после чего, произвела видеозапись демонстрации упаковки данного товара, сопроводив видеоряд собственным устным комментарием о том, что данные маски являются реализуемой за плату гуманитарной помощью. После изготовления видеозаписи Е.А. Храпченкова, действуя умышленно, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий в виде угрозы дискредитации органов власти, провоцирования возмущения и беспокорства у населения, посылка к ложным действиям, и желая этого, используя принадлежащей ей смартфон, разместила на своей странице в социальной сети, изготовленную ею указанную видеозапись. Достоверно установлено, что продемонстрированные Е.А. Храпченковой в указанной публикации средства индивидуальной защиты не являются гуманитарной помощью. В судебном заседании Храпченкова Е.А. вину не признала, указав на то, что действительно приобрела маски и произвела данную видеозапись, доступ к которой имело неограниченное количество людей. Хэштеги под видеороликом она поставила для простоты поиска данного видео.

Вместе с тем, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что состоявшееся судебное решение в отношении Е.А. Храпченковой подлежит отмене, с указанием на то, что данных о том, что указанная Е.А. Храпченковой информация представляла реальную общественную

опасность и могла причинить вред охраняемым уголовным законом отношениям в сфере обеспечения общественной безопасности, в деле не имеется [6].

Рассматривая данное решение, отметим, что суд указал на возможность «причинить вред охраняемым уголовным законом отношениям в сфере обеспечения общественной безопасности», делая вывод, как мы полагаем, о малозначительности деяния, о невозможности причинить вред охраняемым уголовным законом отношениям указанными в данной ситуации действиями. Для того, чтобы сделать вывод о верности толкования истинного смысла закона, необходимо подробное рассмотрение составов преступлений, содержащихся в статьях 207.1 и 207.2 УК РФ.

Анализируя признаки данных составов преступлений, отметим, что предметом, по поводу которого возникают охраняемые уголовным законом общественные отношения, является достоверная информация об обстоятельствах:

1. Представляющих угрозу жизни и безопасности граждан.
2. О принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий.
3. О приемах и способах защиты от указанных обстоятельств.
4. Для статьи 207.2 УК РФ – это общественно значимая информация.

В судебной практике под заведомо ложной информацией понимается информация, изначально не соответствующая действительности, о чем лицу, ее распространявшему, было достоверно известно. Однако в законодательстве наряду с понятием «ложная информация» применяется дефиниция «недостоверная информация». С одной стороны, возникает вопрос о терминологической несогласованности, с другой стороны, напрашивается вывод о том, что данные понятия используются в качестве синонимов. При этом исследование норм уголовного законодательства позволяет сделать обратный вывод. Достаточно обратиться к ст. 159.1, 159.2 УК РФ, где понятия «ложность» и «недостоверность» разведены, а, например, в ст. 185.2 УК РФ используется только термин «недостоверные сведения». Поскольку ни в одной норме права не содержится прямого толкования терминов, нам видится, что необходимы дополнительные разъяснения с целью устранения двусмысленного и противоречивого понимания норм.

Помимо этого, стоит отметить, что информация для лица ее распространяющего также носит заведомо ложный характер, а публикуется под видом достоверной, хотя лицо знает о том, что она не соответствует действительности. Президиум ВС РФ дает разъяснение о том, что данная информация может быть размещена в сети «Интернет» «на своей странице или на странице других пользователей материала, содержащего ложную информацию (например, видео-, аудио-,

графического или текстового), созданного им самим или другим лицом». Распространяемые сведения должны быть фактическими, поэтому оценочные суждения, мнения, предположения не должны влечь за собой ответственность.

Рассмотрев данные составы преступления, смеем сделать вывод о том, что деяния могут быть совершены только путем действия.

Во-первых, сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей, предусмотрено ст. 237 УК РФ.

Во-вторых, субъект преступления, указанный в статье 237 УК РФ – специальный, в отличие от норм, предусмотренных ст. 207.1 и ст. 207.2 УК РФ. Скорее всего, связано это также с тем, что обязанность доведения достоверной информации до общества может быть возложена только на специально уполномоченное лицо.

Относительно конструкции объективной стороны состав преступления, указанный в статье 207.1 УК РФ – формальный, а в статье 207.2 – материальный. Возможно, именно в этом кроется причина отсутствия судебной практики привлечения к ответственности по статье 207.2 УК РФ, и, налицо практики только по статье с формальной конструкцией состава преступления. Установление причинно-следственной связи между деянием, и наступившими последствиями или угрозой их наступления, на наш взгляд, носит весьма затруднительный характер.

Толкование нормы позволяет сделать вывод об умышленном характере действий, на что указывает термин «заведомо». Помимо этого, целью действий лица является доведение информации до сведений других лиц, при этом, мотивы и цели в законе не конкретизированы. Обратим внимание, что в таком составе преступления, как заведомо ложное сообщение об акте терроризма (статья 207 УК РФ) – хулиганские побуждения указаны в качестве конструктивного признака. Следовательно, самого факта сообщения о террористическом акте для наличия признаков в действиях лица обозначенного состава, недостаточно. Необходимо, чтобы лицо действовало не только умышленно, но и руководствовалось хулиганским мотивом.

При этом норма, предусмотренная ст. 207.1 УК РФ, предусматривает ответственность за менее опасное деяние, однако, не содержит каких-либо дополнительных признаков, что, на наш взгляд в значительной степени усложняет разграничение данного состава и смежных административных правонарушений.

Так, в КоАП РФ, содержатся составы, предусмотренные ч. 9 и 10, ст. 10.1, 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ. Стоит отметить, что в Кодексе об Административных правонарушениях РФ деяние является более конкретизированным, возможно, указание на мотивы в статье 207.1 УК РФ позволило бы избежать правоприменительных проблем. При этом ВС РФ в Обзоре от 21.04.2020 [1] указывает на то, что для уголовной ответственности следует

учитывать цели и мотивы «совершаемых действий (например, для того, чтобы спровоцировать панику среди населения, нарушения правопорядка)». Закономерно возникший вопрос об установлении признака публичности распространения информации разрешается Верховным судом следующим образом: суды должны устанавливать факт публичности с учетом обстановки, места, способа, а также иных обстоятельств совершенного деяния.

Кроме того, ВС РФ в Обзоре от 30.04.2020 [2] уточняет, что публичный характер распространения заведомо ложной информацией, закрепленный уголовно-правовой нормой, «проявляется не только в использовании для этого средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей, но и в распространении такой информации путем выступления на собрании, митинге, распространения листовок, вывешивания плакатов и т.п.». Нам представляется, что для того, чтобы избежать проблем в правоприменительной практике, необходимо перевести состав преступления, предусмотренный статьей 207.1 УК РФ в разряд преступлений с административной преюдицией, а также, сформулировать часть 2 данной нормы, дополнив ее признаком «совершенное из хулиганских побуждений».

Обращаясь к ст. 207.2 УК РФ, стоит отметить, что объект уголовно-правовой охраны в данном составе представлен в более широком понимании, так как речь идет о заведомо ложной общественно значимой информации, при этом, дополнительным объектом является здоровье человека. В качестве факультативного объекта, предусмотренного ч. 2 ст. 207.2 УК РФ, выступает жизнь человека, нормальная деятельность органов государственного управления, отношения собственности, общественный порядок и пр.

Исходя из содержания анализируемой нормы, нам представляется затруднительным установление причинно-следственной связи между сообщением заведомо ложной общественно значимой информации и причинением вреда здоровью человека, а также смертью или иными тяжкими последствиями. Используя систематическое толкование уголовного закона, мы считаем, что в данном случае, имеется в виду причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности. А под иными тяжкими последствиями предлагается понимать

Литература:

1. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) №1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 11.11.2021).
2. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой

дезорганизацию деятельности органов государственной власти, причинение значительного материального ущерба, а также, самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего.

На основании изложенного, можем сделать следующие выводы:

1. Необходимо внести разъяснения относительно понятий «ложность» и «недоверенность» с целью устранения двусмысленного и противоречивого понимания норм.
2. Для того, чтобы избежать проблем в правоприменительной практике, необходимо перевести состав преступления, предусмотренный статьей 207.1 УК РФ в разряд преступлений с административной преюдицией или дополнить признаком «совершенное из хулиганских побуждений».

В этой связи, нам видится, что статья 207.1 УК РФ может быть изложена в следующем виде:

1. Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года.
2. Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, совершенное из хулиганских побуждений.
3. Используя систематическое толкование уголовного закона, мы считаем, что в данном случае, имеется в виду причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, при этом, под иными тяжкими последствиями предлагается понимать дезорганизацию деятельности органов государственной власти, причинение значительного материального ущерба, а также, самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего.

Literature:

1. Review on certain issues of judicial practice related to the application of legislation and measures to counteract the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) on the territory of the Russian Federation № 1 (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 21.04.2020) // SPS «ConsultantPlus» (date of application 11.11.2021).
2. Review on certain issues of judicial practice related to the application of legislation and measures to counteract the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) on the territory of the Russian

коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 11.11.2021).

3. Данные судебной статистики. Судебный департамент. URL : <https://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения 11.11.2021).

4. Приговор Радужнинского городского суда от 29 июля 2020 г. по делу № 1-74/2020. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/Rb7V6qr7PSQx/> (дата обращения 02.12.2022).

5. Приговор Богородского городского суда от 11 ноября 2020 г. по делу № 1-194/2020. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/wCYwnZ3Sx1gP/> (дата обращения 02.12.2022).

6. Апелляционное постановление Московского городского суда от 17.03.2021 г. По делу № 10-0816/2021. URL : <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/9e7ddd30-5660-11eb-a327-033261c6487f> (дата обращения 21.01.2022).

Federation № 2 (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 30.04.2020) // SPS «ConsultantPlus» (date of application 11.11.2021).

3. Data of judicial statistics. Judicial Department. URL : <https://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (date of application 11.11.2021).

4. The verdict of the Raduzhninsky City Court of July 29, 2020 in case № 1-74/2020. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/Rb7V6qr7PSQx/> (date of application 02.12.2022).

5. The verdict of the Bogorodsky City Court of November 11, 2020 in case № 1-194/2020. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/wCYwnZ3Sx1gP/> (date of application 02.12.2022).

6. Appeal decision of the Moscow City Court of 17.03.2021 In case № 10-0816/2021 URL : <https://mosgorsud.ru/mgs/services/cases/appealcriminal/details/9e7ddd30-5660-11eb-a327-033261c6487f> (date of application 21.01.2022).

Присич Ирина Владимировна
преподаватель кафедры
уголовно-исполнительного
и уголовного права,
Воронежский институт Федеральной
службы исполнения наказаний России,
irinkaprisich@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. Уголовно-исполнительная политика России направлена на расширение сферы применения наказаний, не связанных с лишением свободы, одним из которых выступает ограничение свободы. В настоящей статье исследуются уголовно-правовые и пенитенциарные аспекты исполнения наказания в виде ограничения свободы на основании законодательства России и Республики Беларусь. В рамках исследования проведен сравнительный анализ уголовно-исполнительного и уголовного законодательства России и Республики Беларусь в области назначения и исполнения наказания в виде ограничения свободы. Автором предложено рассмотрение вопроса об изменении правового регулирования наказания в виде ограничения свободы в России, с учетом положительного опыта его исполнения в Республике Беларусь.

Ключевые слова: наказание, ограничение свободы, уголовно-исполнительная инспекция, ограничение, обязанность, назначение, исполнение.

В свете продолжающегося реформирования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства России проведение законодательного анализа иных стран представляется актуальным, а в доктринальном аспекте представляет интерес для научных и практических работников.

Уголовно-исполнительная политика большинства стран мира, в том числе, и России уже несколько десятилетий одним из приоритетных направлений выделяет совершенствование видов и повышение эффективности применения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, одним из которых является ограничение свободы.

В этой связи, целесообразно ознакомиться с особенностями национального законодательства республики Беларусь о применении уголовного законодательства в виде ограничения свободы и

Irina V. Prisich
Lecturer of the Department
of Penal Enforcement and Criminal Law,
Voronezh Institute of the Federal Penitentiary
Service of Russia
irinkaprisich@mail.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGAL REGULATION OF PUNISHMENT IN THE FORM OF RESTRICTION OF FREEDOM IN THE LEGISLATION OF RUSSIA AND THE REPUBLIC OF BELARUS

Annotation. The penitentiary policy of Russia is aimed at expanding the scope of non-custodial punishments, one of which is the restriction of liberty. This article examines the criminal law and penitentiary aspects of the execution of punishment in the form of restriction of freedom on the basis of the legislation of Russia and the Republic of Belarus. Within the framework of the study, a comparative analysis of the penitentiary and criminal legislation of Russia and the Republic of Belarus in the field of imposing and executing punishment in the form of restriction of freedom was carried out. The author proposes to consider the issue of changing the legal regulation of punishment in the form of restriction of freedom in Russia, taking into account the positive experience of its execution in the Republic of Belarus.

Keywords: punishment, restriction of freedom, penal inspection, restriction, duty, appointment, execution.

провести сравнительный анализ с правовым регулированием указанного наказания в России.

Уголовное наказание в виде ограничения свободы в России назначается в соответствии со ст. 53 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) за совершение преступлений небольшой и средней тяжести. При этом в качестве основного наказания ограничение свободы может быть назначено сроком от двух месяцев до четырех лет, а в качестве дополнительного к основному, в виде принудительных работ или лишения свободы на срок от полугода до двух лет [1].

Сущность рассматриваемого наказания заключается в установлении осужденному ряда ограничений, содержащихся в перечне ст. 53 УК РФ и обязанности в виде явки в орган, исполняющий данное наказание в целях регистрации с периодичностью, определенной судом от одного до четырех

раз в месяц. Помимо указанной обязанности, судом в приговоре обязательно устанавливаются ограничения в виде запрета на изменение места проживания (пребывания), работы или учебы, а также, выезда за пределы определенного приговором суда муниципального образования без получения на вышеуказанные действия разрешения органа, исполняющего данное наказание. Кроме того, суд, учитывая материалы уголовного дела, суть совершенного преступления и характеристику личности осужденного наряду с обязательными ограничениями вправе запретить:

– покидать место проживания в определенное судом время суток;

– посещать определенные мероприятия, а также участвовать в массовых и иных мероприятиях в границах установленного муниципального образования;

Кроме того, законодательно запрещено применять рассматриваемый вид наказания в отношении военнослужащих, лиц без гражданства, а также, не имеющих Российского гражданства, либо в случае отсутствия у лица места постоянного проживания на территории России.

Отбывается наказание в виде ограничения свободы по месту постоянного проживания, либо пребывания осужденного. Обязанность надзора за отбыванием рассматриваемого вида наказания согласно ст. 60 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) возлагается на сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, призванных наблюдать за поведением осужденных, контролировать исполнение ими установленных ограничений и, в случае возникновения необходимости принять законодательно установленные меры воздействия [2].

Кроме того, уголовно-исполнительные инспекции вправе по своему решению применить в целях надзора аудиовизуальные, электронные и иные технические средства контроля в отношении осужденного.

Динамика назначения ограничения свободы в России, согласно статистическим данным за 5 лет следующая: в качестве основного вида наказания было осуждено в 2015 г. – 21461 лиц, а в 2020г. – 21239. В качестве дополнительного вида наказания в виде ограничения свободы в 2015 г. было назначено 8423 лицам, а в 2020 г. 7485.

Уголовное наказание в виде ограничения свободы в Республике Беларусь назначается в соответствии со ст. 55 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК РБ) лицам, совершившим преступления по своей тяжести, не представляющие большой общественной опасности и менее тяжкие преступления. В отличие от России, законодательство Республики Беларусь не предусматривает назначение ограничения свободы в качестве дополнительного вида, только лишь в качестве основного на срок от шести месяцев до шести лет [3].

Режим отбывания наказания в виде ограничения свободы уголовным законодательством Республики Беларусь дифференцирован на следующие виды:

- с направлением в исправительное учреждение открытого типа;
- без направления в указанное учреждение.

Данный вид отбывается по месту постоянного жительства осужденного. При этом, согласно положений ст. 1141 УК РБ, несовершеннолетним осужденным не может быть назначено ограничение свободы с направлением в исправительное учреждение, лишь без направления на срок от шести месяцев до трех лет [3].

Наибольший интерес представляет рассмотрение порядка исполнения ограничения свободы без направления осужденного в исправительное учреждение открытого типа.

Итак, функции контроля и надзора за исполнением ограничения свободы в Республике Беларусь возложены на уголовно-исполнительные инспекции совместно с территориальными органами внутренних дел.

Суть наказания в виде ограничения свободы в Республике Беларусь без направления в учреждение открытого типа в соответствии со ст. 481 УИК РБ заключается в установлении осужденному следующих обязанностей:

- прибыть в уголовно-исполнительную инспекцию с целью постановки на учет и далее являться с целью регистрации в указанный орган с периодичностью, определенной инспекцией до четырех раз в месяц;
- проходить медицинское освидетельствование на предмет определения наличия или отсутствия какого-либо опьянения по требованию сотрудников органов внутренних дел;
- уведомлять уголовно-исполнительную инспекцию о трудоустройстве, поступлении для обучения в образовательное учреждение, а также об изменении мест работы или учебы в течении пяти рабочих дней;
- прибыть и уведомить инспекцию об изменении места проживания за три дня до его фактической перемены;
- убывать к месту прохождения учебы при предъявлении в уголовно-исполнительную инспекцию справки-вызова на имя осужденного выданной образовательным учреждением, где он обучается;
- в нерабочее время постоянно пребывать в месте жительства, либо на определенном уголовно-исполнительной инспекцией расстоянии от жилища. При этом, с двенадцати часов ночи до шести утра следующего дня – в своем жилище;
- не препятствовать входу сотрудникам инспекции и территориальных органов внутренних дел в жилище с целью контроля исполнения наказания;

- быть постоянно трудоустроенным, если осужденный подлежит обязательному привлечению к труду;
- постоянно носить средства электронного контроля в случае его применения к осужденному постановлением начальника территориальных органов внутренних дел и являться для их технического обслуживания;
- осуществлять общение с сотрудниками органов внутренних дел посредством телефонных звонков;
- нести за повреждение средств электронного мониторинга материальную ответственность и, в случае их утраты, повреждения или технических неисправностей незамедлительно уведомить об этом территориальный орган внутренних дел;
- в течение 15 дней самостоятельно найти работу. Если же трудоустроиться своими силами не получилось, то зарегистрироваться в комитете по труду, занятости и социальной защите для поиска постоянного места работы;
- являться в медицинское учреждение с целью прохождения принудительного лечения от алкогольной и иных видов зависимостей [4].

Кроме того, расписание выхода за пределы жилища устанавливается в соответствии с графиком работы осужденного, а в выходные и праздничные дни они обязаны находиться дома. В случае возникновения необходимости убытия осужденного в командировку за пределы установленной территории, его работодатель может ходатайствовать перед уголовно-исполнительной инспекцией о разрешении выезда, а откомандированное лицо обязано зарегистрироваться в территориальном органе внутренних дел по месту пребывания [4].

Как известно, одной из проблем исполнения ограничения свободы в России является отсутствие возможности покидать пределы муниципального образования для работы или учебы. С этой точки зрения, правовое регулирование исполнения рассматриваемого наказания в Республике Беларусь нам представляется более компромиссным, нежели в России. Более того, в полномочия сотрудников уголовно-исполнительных инспекций и органов внутренних дел согласно п. 1 ст. 481 УИК РБ в отношении осужденных к ограничению свободы включены следующие права:

- запрашивать от работодателя осужденного сведения о его трудовой деятельности и соблюдении им трудовой дисциплины, а образовательные организации, в которых осужденные проходят обучение, обязаны предоставлять информацию о посещении и поведении осужденного в период обучения;
- вызывать осужденного для проведения воспитательных мероприятий, бесед, а также – взятия письменных объяснений по каким-либо вопросам, связанным с отбыванием наказания;

- посещать в любое время суток жилище осужденного, а также его место работы или учебы;
- доставлять осужденного в медицинские организации для прохождения медицинского освидетельствования на предмет наличия различного рода опьянения;
- задерживать осужденного при обнаружении нарушения им порядка отбывания наказания на срок до трех часов для выяснения обстоятельств, а при необходимости до двадцати четырех часов;
- при изменении осужденным места проживания выдавать предписание, обязывающее стать на учет по новому месту жительства в органы, исполняющие ограничение свободы;
- использовать в отношении осужденного электронные средства надзора и контроля.

Согласно статистическим данным, динамика назначения ограничения свободы без направления в исправительные учреждения в Республике Беларусь за 5 лет такова: в 2015 г. 4790 лиц, а в 2020 г. 5 164.

Итак, рассмотрев законодательно установленный порядок исполнения наказания в виде ограничения свободы в Республике Беларусь, необходимо отметить наиболее удачные и способствующие исправлению аспекты.

Так, на наш взгляд, удачно решен вопрос трудоустройства осужденных в Республике Беларусь, которое является обязательным условием отбывания данного вида наказания: в случае отсутствия у осужденного к моменту начала исполнения наказания постоянного места работы, он обязан трудоустроиться в течение пятнадцати дней. Если трудоустроиться самостоятельно за указанный период времени ему не удалось, то постоянное место работы осужденному находит трудовая инспекция, в этом случае отказаться от предложенной работы он не вправе. В России же осужденные к ограничению свободы обязательному привлечению к труду не подлежат.

Кроме того, в России существуют сложности, связанные с процессом изменения места жительства осужденным, поскольку эти действия осуществимы лишь после получения разрешения со стороны уголовно-исполнительной инспекции, однако, осужденный не всегда объективно может сообщить адрес будущего места проживания. Например, в том случае, если лицо проживает в жилом помещении на основании договора коммерческого найма, который расторгается досрочно, при этом лицо обязано покинуть жилище, находящееся в собственности другого человека, и отсутствует время на ожидание согласия уголовно-исполнительной инспекции. Кроме того, сообщить адрес нового места проживания не представляется возможным до момента заключения нового договора найма жилого помещения. Поэтому, как утверждает С.Н. Минсафина, на практике осужденные к ограничению свободы зачастую извещают уголовно-исполнительные инспекции относительно уже состоявшегося факта

изменения места жительства без предварительного обращения за разрешением [5]. В Республике Беларусь аналогичной проблемы не возникает, поскольку осужденный обязан за три дня до момента наступления факта изменения места проживания уведомить об этом уголовно-исполнительную инспекцию, не получая никаких разрешений. Тем временем, об изменении места работы или учебы осужденный обязан оповестить уголовно-исполнительную инспекцию в течение пяти рабочих дней уже по факту состоявшейся их перемены.

Как известно, одной из основных проблем контроля за исполнением отбывания ограничения свободы в России является законодательная невозможность проверки исполнения ограничения в виде запрета покидать место жительства, поскольку, как правило, данный запрет установлен в ночное время суток, в которое посещать осужденного запрещено. Следует согласиться с мнением Р.В. Комбарова, пришедшего к выводу о необходимости разрешения сотрудникам уголовно-исполнительных инспекций посещать место проживания осужденного не только в дневное, но и в ночное время суток [6].

Тем временем, аналогичной проблемы исполнения ограничения свободы в законодательстве Республики Беларусь не существует, поскольку, согласно пп. 3 п. 1 ст. 481 УИК РБ, сотрудники уголовно-исполнительных инспекций и органов внутренних дел наделены правом посещения осужденного по месту жительства с целью осуществления контроля в любое время суток, а лица, отбывающие ограничение свободы, в свою

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 2. Ст. 198.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09 июля 1999 года № 275-З (изменения и дополнения, вступившие в силу 19 июня 2021 г. и 09 сентября 2021 г.). URL : <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения 23.02.2022).
4. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь от 11 января 2000 года № 365-З (внесены изменения и дополнения, вступившие в силу 19 июня 2021 г. и 09 сентября 2021 г.) URL : <https://etalonline.by/document/?regnum=HK0000365> (дата обращения 23.02.2022).
5. *Минсафина О.В.* О проблемах исполнения наказания в виде ограничения свободы / С.Н. Минсафина // В сборнике: Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт. Материалы Всероссийской научно-практической конференции : в 2-х частях. Самарский

очередь, обязаны не препятствовать входу в свое жилище сотрудникам указанных государственных органов.

Кроме того, запрет на употребление осужденным алкогольных напитков, наркотических и токсических средств в Республике Беларусь в период отбывания наказания очевидно положительным образом отразится на его исправлении. В России вопрос употребления различного рода одурманивающих веществ или алкоголя осужденным к наказанию в виде ограничения свободы законодательно не рассматривается.

На основании вышеизложенного, нам представляется целесообразным рассмотреть вопрос об изменении правового регулирования наказания в виде ограничения свободы в России с учетом положительного законодательного опыта исполнения указанного наказания в Республике Беларусь, а именно:

- рассмотреть вопрос об обязательном привлечении к труду осужденных к наказанию в виде ограничения свободы;
- разрешить сотрудникам уголовно-исполнительных инспекций посещать жилище осужденного в любое время суток с целью осуществления контроля за исполнением ограничения в виде запрета покидать место проживания;
- внести в перечень ограничений ст. 53 УК РФ запрет на употребление алкогольных напитков и иных одурманивающих веществ осужденными сроком на весь период отбывания наказания.

Literature:

1. The Criminal Code of the Russian Federation: feder. Law of June 13, 1996 № 63-FZ (ed. of 01.07.2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.
2. The Criminal Executive Code of the Russian Federation: feder. the law of 08.01.1997 № 1-FZ (ed. of 21.12.2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 2. Art. 198.
3. Criminal Code of the Republic of Belarus № 275-Z of July 09, 1999 (amendments and additions that entered into force on June 19, 2021 and September 09, 2021). URL : <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (date of application 23.02.2022).
4. The Criminal Executive Code of the Republic of Belarus № 365-Z dated January 11, 2000 (amendments and additions entered into force on June 19, 2021 and September 09, 2021). URL : <https://etalonline.by/document/?regnum=HK0000365> (date of application 23.02.2022).
5. *Minsafina O.V.* On the problems of execution of punishment in the form of restriction of freedom / S.N. Minsafina // In the collection: Penitentiary security: national traditions and foreign experience. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference : in 2 parts. Samara Law Institute of the

юридический институт ФСИН России. Саратов, 2019. С. 152–154.

6. *Комбаров Р.В.* Исполнение наказания в виде ограничения свободы: проблемы теории и практики : монография / Р.В. Комбаров; Вологодский институт права и экономики ФСИН России. Вологда, 2021. С. 58.

Federal Penitentiary Service of Russia. Saratov, 2019. P. 152–154.

6. *Kombarov R.V.* Execution of punishment in the form of restriction of freedom: problems of theory and practice : monograph / R.V. Kombarov; Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia. Vologda, 2021. P. 58.

Простосердов Михаил Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры уголовного права,
Российский государственный
университет правосудия
prosto_m_alex@mail.ru

Mikhail A. Prostoserdov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law,
Russian State University of Justice
prosto_m_alex@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ
ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ
В САНКЦИЯХ НОРМ
ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УК РФ**

**PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION
OF THE PRINCIPLE OF LEGALITY
IN THE SANCTIONS OF THE NORMS
OF THE SPECIAL PART OF THE CRIMINAL
CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. Автор подробно исследует проблемы реализации принципа законности при конструировании санкций уголовно-правовых норм Особенной части действующего уголовного закона Российской Федерации. Объектом исследования выступают общественные отношения регулирующие установление конкретных видов и наказаний в конкретных их пределах за совершение конкретных преступлений. Предметом исследования выступают нормы действующего уголовного закона Российской Федерации. Автор уделяет особое внимание назначению более мягкого наказания, чем то, что предусмотрено санкцией нормы Особенной части уголовного закона, без применения специальных правил назначения наказания, указанных в статье 64 УК РФ. Автор приводит актуальные примеры судебной практики. Научная новизна заключается в разработанных и сформулированных теоретических основах построения уголовно-правовых санкций, направленных на реализацию принципа законности.

Annotation. The author examines in detail the problems of implementing the principle of legality in the construction of sanctions of criminal law norms of a special part of the current criminal law of the Russian Federation. The object of the study is public relations regulating the establishment of specific types and punishments within their specific limits for the commission of specific crimes. The subject of the study is the norms of the current criminal law of the Russian Federation. The author pays special attention to the imposition of a milder punishment than that provided for by the sanction of the norm of the Special Part of the Criminal Law, without the application of special rules for the imposition of punishment specified in Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author gives actual examples of judicial practice. The scientific novelty lies in the developed and formulated theoretical foundations for the construction of criminal law sanctions aimed at implementing the principle of legality.

Ключевые слова: уголовное наказание, санкция, принцип законности, назначение наказания, виды наказаний, основное наказание, пенализация, проблемы уголовного права.

Keywords: criminal punishment, sanction, principle of legality, sentencing, types of punishments, basic punishment, penalization, problems of criminal law.

Принцип законности закреплен в статье 3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) и, согласно нему, преступность деяния, а также, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только действующим УК РФ, а применение уголовного закона по аналогии не допускается.

Поскольку санкция нормы Особенной части УК РФ содержит конкретные виды наказаний, установленные в определённых пределах за совершение конкретного вида преступления, то положения принципа законности о наказуемости деяния также распространяются на такую санкцию. Наказания, установленные в санкции нормы Особенной части УК РФ должны быть предусмотрены положениями Общей части УК РФ. Таким образом, в санкции уголовно-правовой нормы не может быть наказания, которое не было предусмотрено положениями Общей части уголовного закона.

В контексте реализации уголовно-правовой санкции, ключевой проблемой принципа законности является вопрос наказуемости деяния. В доктрине данной проблеме посвящено множество работ таких учёных-правоведов, как А.А. Иванов [1], В.А. Канубриков [2], Р.Н. Кораблев [3], А.В. Овод [6], С.В. Тасаков [11].

С этой точки зрения, все санкции Уголовного кодекса Российской Федерации соответствуют

принципу законности, поскольку предусматривают только те виды наказаний, которые закреплены положениями Общей части УК РФ. Однако если распространить положение принципа законности о наказуемости деяния не только на виды наказаний, но и на их пределы, то можно обнаружить внутренние противоречия.

Так, согласно части второй статьи 50 УК РФ, исправительные работы устанавливаются на срок от двух месяцев до двух лет, при этом в санкции части второй статьи 291.2 УК РФ «Мелкое взяточничество» они установлены на срок до трёх лет [8, с. 86-89]. Данное внутреннее противоречие, на наш взгляд, является недопустимым и для соблюдения принципа законности, суду при назначении наказания необходимо ориентироваться на положения Общей части УК РФ.

В уголовном законе санкции не существуют в «вакууме», они взаимосвязаны и с другими положениями уголовного закона. Так, согласно части первой статьи 60 УК РФ, лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ, и с учетом положений Общей части УК РФ. При этом, как верно отмечает В.П. Силкин, «суд при рассмотрении уголовного дела, соблюдая принцип законности, должен назначить то наказание и в тех рамках, которое предусмотрено в соответствующей санкции статьи УК РФ, однако, помня о том, что суд может, не нарушая принцип законности выйти за пределы санкции статьи, обратившись к нормам Общей части УК РФ» [9, с. 90].

С данной позицией нельзя не согласиться, поскольку, при наличии исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, и других обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления, а равно, при активном содействии участника группового преступления раскрытию этого преступления, суд может выйти за пределы санкции, и назначить более мягкое наказание, чем предусмотрено санкцией нормы Особенной части УК РФ, либо назначить наказание ниже низшего предела, установленного санкцией нормы Особенной части УК РФ или не назначать обязательное дополнительное наказание.

Выше оговоренное положение служит реализацией принципа гуманизма и справедливости, при этом оно закреплено в статье 64 УК РФ, что согласуется с принципом законности. Следовательно, наказуемость деяния, согласно принципу законности, также определяется с учётом положений статьи 64 УК РФ.

Однако положениями Общей части уголовного закона *de facto* можно разрешить не все противоречия, которые возникают в ходе реализации санкции уголовно-правовой нормы. Иногда, конструкция санкции, сама по себе, вынуждает суд нарушить принцип законности. В качестве примера такого нарушения можно привести назначение

более мягкого наказания без ссылки на положения статьи 64 УК РФ. Данная проблема возникает из-за того, что подавляющее большинство наказаний, предусмотренных действующим уголовным законом предусматривают ограничения по их назначению в зависимости от особенностей личности виновного (пола, возраста, отношения к военной службе, инвалидности), а также, от обстоятельств совершения преступления (впервые, безотягчающих обстоятельств) и категорий преступления.

Подобные наказания в доктрине называют неуниверсальными. О данной проблеме писали многие авторитетные учёные: С.В. Познышев [7, с. 206], Н.С. Таганцев [10, с. 124], А.Е. Наташев [5, с. 20], В.П. Силкин [11, с. 89–97].

Обобщая устоявшееся положение в доктрине, можно дать определение универсальному наказанию, как такому наказанию, которое можно назначить любой категории граждан при любом условии, то есть, независимо от пола, возраста, состояния здоровья, наличия детей, гражданства, отношения к военной службе, а также, независимо от объекта преступного посягательства и категории преступления. Неуниверсальные наказания, в свою очередь – это наоборот, наказания, имеющие определённые ограничения по своему назначению.

При этом санкция уголовно-правовой нормы может быть сконструирована так, что она будет предусматривать только не универсальные виды наказаний. Именно данное обстоятельство порождает проблему невозможности назначения наказания, предусмотренного санкцией нормы Особенной части УК РФ. По нашим подсчетам, действующий уголовный закон содержит 56 санкций, состоящих исключительно из неуниверсальных видов наказаний, что составляет около 5,9 % от общего числа всех санкций в УК РФ (ч. 1 ст. 107, ч. 1 ст. 108, ч. 1 ст. 109, ч. 1 ст. 110.1, ч. 1 ст. 112, ст. 113, ч. 1 ст. 114, ст. 116, ч. 1 ст. 117, ч. 1 ст. 119, ч. 1 ст. 122, ч. 1 ст. 126, ч. 1 ст. 127, ч. 1 ст. 128, ч. 1 ст. 135, ч. 1 ст. 157, ч. 1 ст. 161, ч. 1 ст. 163, ч. 1 ст. 200.3, ч. 1 ст. 220, ч. 1 ст. 222.1, ч. 1 ст. 264, ч. 1 ст. 268, ч. 1 ст. 286.1, ч. 1 ст. 301, ч. 1 ст. 302, ч. 1 ст. 314, ч. 1 ст. 314.1, ч. 1 ст. 323, ч. 1 ст. 327, ч. 2 ст. 108, ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 110.1, ч. 2 ст. 112, ч. 2 ст. 114, ч. 2 ст. 115, ч. 2 ст. 118, ч. 2 ст. 157, ч. 2 ст. 167, ч. 2 ст. 170.1, ч. 2 ст. 214, ч. 2 ст. 224, ч. 2 ст. 230.2, ч. 2 ст. 254, ч. 2 ст. 314, ч. 2 ст. 326, ч. 2 ст. 327, ч. 2 ст. 337, ч. 3 ст. 212, ч. 3 ст. 230.1, ч. 3 ст. 314, ч. 3 ст. 327, ч. 4 ст. 222, ч. 4 ст. 223, ч. 5 и ч. 6 ст. 267, ст. 284, ст. 329 УК РФ).

В качестве примера рассмотрим санкцию части третьей статьи 327 УК РФ. Санкция указанной нормы предусматривает ограничение свободы, принудительные работы и лишение свободы до одного года. Преступление отнесено к категории преступлений небольшой тяжести. Все виды наказаний, указанные в данной санкции, являются неуниверсальными для данного преступления, поскольку содержат ограничения по назначению. Так, например, если данное преступление

без отягчающих обстоятельств впервые совершит иностранное лицо, то ни одно из наказаний, указанных в санкции, назначить *de jure* нельзя.

Назначение наказания в виде ограничения свободы блокирует положение части шестой статьи 53 УК РФ (лицо является иностранным гражданином). Назначить лишение свободы (даже условно) нельзя, так как это запрещено положением части первой статьи 56 УК РФ (преступление небольшой тяжести совершено впервые без отягчающих обстоятельств). Принудительные работы также назначить нельзя согласно положениям части второй статьи 53.1 УК РФ и разъяснениям данным в пункте 22.1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (далее Постановления).

Решение же данной ситуации прописано в пункте 27 Постановления: «В том случае, когда осужденному в силу положений, установленных законом, не может быть назначен ни один из предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ видов наказаний, ему следует назначить любое более мягкое наказание, чем предусмотрено санкцией соответствующей статьи, а ссылка на статью 64 УК РФ в таком случае не требуется». Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации фактически признал наличие дефектов уголовно-правовых санкций, при которых невозможно назначить наказание и предложил своё решение данной проблемы.

На практике, суды, прямо ссылаясь в тексте приговора на пункт 27 Постановления, назначают любое более мягкое наказание, предусмотренное статьёй 44 УК РФ, при этом, по возможности, условно.

Так, Мытищинский городской суд Московской области признал лицо, совершившее преступление, предусмотренное частью третьей статьи 327 УК РФ виновным, и назначил ему штраф в размере пяти тысяч рублей без применения положений статьи 64 УК РФ (см. Приговор Мытищинского городского суда Московской области от 27.09.2021 № 1-588/2021).

Аналогичен приговор Видновского городского суда Московской области от 22.04.2021 № 1-240/2021, в котором по части третьей статьи 327 УК РФ виновному было назначено наказание в виде штрафа в размере десяти тысяч рублей.

Второй кассационный суд общей юрисдикции назначил лицу, признанному виновному в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 112 УК РФ исправительные работы условно, которых в санкции вышеуказанной нормы нет, при этом специально указав, что оснований к применению положений статьи 64 УК РФ не имеется (см. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26.05.2020 № 77-744/2020).

Однако, на наш взгляд, положения пункта 27 Постановления противоречат положению

уголовного закона, а именно части второй статьи 60 УК РФ, согласно которой, «основания для назначения менее строгого наказания, чем предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ за совершенное преступление, определяются статьей 64 УК РФ». Данное положение является императивным: если для целей уголовного закона необходимо назначить более мягкое наказание, то это можно сделать, только применив положения статьи 64 УК РФ. Нельзя назначать наказание, которое не предусмотрено уголовно-правовой санкцией без применения положений статьи 64 УК РФ, так как иное не предусмотрено текстом уголовного закона.

Как верно отмечает М.А. Малягина, «принцип законности предполагает, что привлечение к уголовной ответственности конкретного лица, совершившего преступление, и применение к нему уголовного наказания возможны только в рамках закона и в полном соответствии с ним» [6, с. 61–64].

Соглашаясь с позицией М.А. Малыгиной, следует сказать, что поскольку в уголовном законе кроме положений статьи 64 УК РФ нет другого правила назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено санкцией нормы Особенной части УК РФ, то назначение пробудного наказания без ссылки на положения статьи 64 УК РФ, на наш взгляд, противоречит принципу законности.

Положения пункта 27 Постановления служат, безусловно, благой цели: они дают возможность обойти дефект уголовно-правовой санкции, образованный нарушением правил конструирования санкций, однако, по своей сути, они предусматривают специальное правило назначения наказания, то есть, формально определённое правило поведения – норму. При этом Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации не является законом, а функциями Верховного Суда Российской Федерации не может являться правотворчество.

Суды, ссылаясь в приговоре на пункт 27 Постановления, прямо руководствуются специальным правилом назначения уголовного наказания, которого нет в тексте уголовного закона.

Разрешить данное противоречие можно двумя способами:

– во-первых, прямо закрепив положения пункта 27 Постановления в тексте Уголовного кодекса Российской Федерации, например, в части четвёртой статьи 64 УК РФ.

Однако поскольку, данная проблема, на наш взгляд, вызвана именно неверным конструированием уголовно-правовой санкции, подобный путь является не верным. Наша позиция основывается на том, что подобное решение фактически легализует неточность в конструировании уголовно-правовой санкции.

Как нам представляется, наиболее верным решением был бы пересмотр подхода к конструированию самих санкций норм Особенной части УК РФ. Необходимо принят теоретическое правило построения санкций норм Особенной части УК РФ,

при котором такая санкция не может состоять исключительно из неуниверсальных видов наказаний. По нашему мнению, наиболее мягкий вид наказания в санкции нормы Особенной части УК РФ всегда должен быть универсальным. Таким образом, решая вопрос о назначении конкретного вида наказания, у суда всегда будет возможность назначить наиболее мягкое наказание, предусмотренное санкцией Особенной части УК РФ, а при исключительных обстоятельствах, суд сможет назначить ещё более мягкое наказание, не предусмотренное санкцией нормы Особенной части УК РФ, руководствуясь положениями статьи 64 УК РФ.

Основываясь на вышесказанном можно сделать следующие выводы.

– Во-первых, санкция нормы Особенной части УК РФ должна предусматривать только те виды наказаний и в тех пределах, которые предусмотрены действующими положениями Общей части УК РФ.

Литература:

1. *Иванов А.А.* Принцип законности юридической ответственности : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореф. дис. ... на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук / Иванов Александр Александрович. Казань, 2011. 28 с.

2. *Канубриков В.А.* Принцип законности в уголовном праве России: теоретические и правоприменительные проблемы : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук / В.А. Канубриков. Ростов-на-Дону, 2011. 25 с.

3. *Кораблев Р.Н.* Принцип законности и его реализация в уголовном праве Российской Федерации : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук / Кораблев Роман Николаевич. Москва, 2004. 23 с.

4. *Малыгина М.А.* Принцип законности в системе принципов уголовного права / М.А. Малыгина // Юрист-Правовед. 2005. № 1(12). С. 61–64.

5. *Наташев А.Е.* Важный этап в развитии советского исправительно-трудового законодательства / А.Е. Наташев // Тр. ВНИИ МВД СССР. 1971. № 17. С. 3–23.

6. *Овод А.В.* Принцип законности в публичном праве : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореф. дис. ... на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук / Овод Анатолий Викторович. Казань, 2005. 30 с.

7. *Познышев С.В.* Очерк основных начал науки уголовного права. Общая часть. М., 1923. 300 с.

– Во-вторых, конструкция санкции нормы Особенной части уголовного закона не должна препятствовать назначению наказаний, предусмотренных в такой санкции.

– В-третьих, ни одна уголовно-правовая санкция не может состоять только из неуниверсальных видов наказаний. Наиболее мягкий вид наказания в санкции нормы Особенной части УК РФ всегда должен быть универсальным.

В-четвертых, положения статьи 64 УК РФ должны иметь место только в исключительных случаях, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, и других обстоятельствах, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления, а равно, при активном содействии участника группового преступления раскрытию этого преступления, как это указано в положении части первой данной статьи.

Literature:

1. *Ivanov A.A.* The principle of legality of legal liability: specialty 12.00.01 «Theory and history of law and state; history of teachings on law and the state»: abstract of dis. ... for the steppe-nor candidate of legal sciences / Ivanov Alexander Alexandrovich. Kazan, 2011. 28 с.

2. *Kanubrikov V.A.* The principle of legality in the criminal law of Russia: theoretical and law-applying problems: specialty 12.00.08 «Criminal law and criminology; penal law» : abstract of dis. ... for the degree of candidate of legal sciences / V.A. Kanu-brikov. Rostov-on/D., 2011. 25 p.

3. *Korablev R.N.* The principle of legality and its implementation in the criminal law of the Russian Federation: specialty 12.00.08 «Criminal law and criminology; penal law» : abstract of dis. ... for the degree of candidate of legal sciences / Roman Korablev. M., 2004. 23 p.

4. *Malygina M.A.* The principle of legality in the system of principles of criminal law / M.A. Malygina // Jurist-Pravoved. 2005. № 1(12). P. 61–64.

5. *Natashev A.E.* An important stage in the development of Soviet correctional labor legislation / A.E. Natashev // Proceedings of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs. 1971. № 17. P. 3–23.

6. *Ovod A.V.* The principle of legality in public law: specialty 12.00.01 «Theory and history of law and state; history of teachings on law and the state» : abstract of dis. ... for the degree of candidate of legal sciences / Anatoly Viktorovich Gadfly. Kazan, 2005. 30p.

7. *Poznyshv S.V.* An essay on the basic principles of the science of criminal law. General part. M., 1923. 300 p.

8. *Простосердов М.А.* «Повушки» в санкциях норм Особенной части уголовного кодекса / М.А. Простосердов // Уголовное право. 2020. № 2. С. 86–89.

9. *Силкин В.П.* Уголовно-правовые санкции за преступления против собственности. М. : Издательство Юрлитинформ, 2021. 208 с.

10. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть Общая : в 2 т. Тула, 2001. 688 с.

11. *Тасаков С.В.* Система уголовных наказаний нуждается в совершенствовании / С.В. Тасаков // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. № 2. С. 605–616.

8. *Prostoserdov M.A.* «Traps» in the sanctions of the norms of the Special part of the Criminal Code / M.A. Prostoserdov. Criminal Law. 2020. № 2. P. 86–89.

9. *Silkin V.P.* Criminal sanctions for crimes against property. M. : Yurlitinform Publishing House. 2021. 208 p.

10. *Tagantsev N.S.* Russian criminal law. Part General : in 2 vol. Tula, 2001. 688p.

11. *Tasakov S.V.* The system of criminal penalties needs improvement / S.V. Tasakov //Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities. 2016. № 158(2). P. 605–616.

Рахимов Артем Ибрагимович

аспирант Московской академии
Следственного комитета
Российской Федерации,
старший специалист
отдела криминалистики,
следственное управление
Следственного комитета
Российской Федерации
по Самарской области,
подполковник юстиции
RahimovArtem@yandex.ru

Artem I. Rakhimov

Graduate Student of the Moscow Academy
Investigative Committee
of the Russian Federation,
Senior Specialist
Department of Forensic Science,
Investigation Department
Investigative Committee
of the Russian Federation
in the Samara Region,
Lieutenant Colonel of Justice
RahimovArtem@yandex.ru

Идеальные следы преступления и их классификация

IDEAL TRACES OF CRIME AND THEIR CLASSIFICATION

Аннотация. Статья посвящена одному из основополагающих понятий в криминалистике – понятию следа, а именно понятию «идеального следа». В ней автором рассматривается сущность идеальных следов преступления, даётся описание их отличия от материальных следов. Им также выделены специфические признаки, присущие только идеальным следам и сформулирован ряд выводов о сущности идеальных следов, проведен анализ существующих классификации и предложена авторская классификация идеальных следов преступления.

Annotation. The article is devoted to one of the fundamental concepts in criminalistics – the concept of trace, namely the concept of «ideal trace». The article considers the essence of the ideal traces of the crime, gives the description of their difference from the material traces. The specific features inherent only to the ideal traces are allocated. A number of conclusions about the essence of ideal traces is formulated. The existing classifications are considered and the author's classification of the ideal traces of a crime is offered.

Ключевые слова: следы преступления, материальные следы, идеальные следы преступления, признаки идеальных следов преступления, классификация идеальных следов.

Keywords: traces of crime, material traces, ideal traces of crime, signs of ideal traces of crime, classification of ideal traces.

Одним из основополагающих в криминалистике является понятие «след». Кроме того, он является основным источником информации, получаемой в ходе расследования преступлений. В криминалистике след – это «любые материальные изменения в окружающей среде, а также запечатлённые в памяти человека образы, неразрывно связанные с событием преступления, несущие в себе информацию о нём» [1].

материальные, идеальные и цифровые (компьютерные, виртуальные, компьютерно-технические и др.) [2]. Вместе с тем, существует и иная точка зрения, согласно которой, все вышеуказанные следы являются материальными и выделение других видов следов необоснованно [3, с. 67; 4, с. 44; 5; 6].

Следы являются важным хранилищем информации о самих объектах преступного события и механизмах их взаимодействия, то есть, содержат сведения об участвующих в нём лицах, об их действиях и о конечном преступном результате, а их физическую основу составляют материальные носители – предметы и электронные устройства либо сознание людей – участников и очевидцев преступления. Другими словами, след представляет собой совокупность материального носителя и информации, которая и является содержанием следа.

Однако мы разделяем мнение исследователей, которые признают идеальные следы как самостоятельный вид. Действительно, мозг человека – это вполне материальный объект, но механизм отражения в нём информации существенно отличается от отражения в неживой природе и обусловлен целым комплексом специфических процессов, протекающих в психике человека.

В криминалистической литературе принято делить все следы совершённого преступления на

До настоящего времени, в криминалистике не выработано общепринятое определение данного термина, но анализ научной литературы [7, с. 82; 2; 8; 9, с. 128; 10, с. 45; 11] позволяет выделить ряд их существенных признаков, к основным из которых относятся:

- 1) субъективность;

- 2) латентность;
- 3) относительная тождественность;
- 4) подверженность естественной утрате и умышленному искажению;
- 5) подверженность изменениям под влиянием субъективных и объективных факторов;
- 6) криминалистическая значимость их информационного содержания;
- 7) отображены в памяти человека в виде образов или понятий;
- 8) процесс их формирования непосредственно связан восприятием человека посредством органов чувств;
- 9) информация, содержащаяся в идеальных следах, доступна для объективного исследования и использования, только после её облечения (преобразования) в форму, доступную для восприятия другими людьми.

Кроме того изучение вышеуказанной литературы позволяет сделать ряд выводов:

- 1) идеальный след представляет продукт сознания человека, его психической деятельности, а не прямое физическое отражение объекта в мозге человека;
- 2) связь мозга и психики является системной, а нелинейной [8];
- 3) современное состояние науки и техники не позволяют выделять в мозге человека конкретные физические объекты, содержащие в себе конкретную информацию о событии преступления, то есть идеальный след недоступен для непосредственного восприятия.

Таким образом, вести речь о существовании идеального следа можно только после его «извлечения» из памяти человека, после того, как содержание идеального следа материализовано либо самим его носителем, либо «извлечено» из его памяти доступными научными методами, а само содержание идеального следа определяется особенностями психики конкретного человека тем, как протекают у него процессы восприятия, запоминания и воспроизведения.

Анализ научной литературы, посвященной проблеме, затронутым в настоящей статье, позволил обнаружить две классификации идеальных следов – классификация, разработанная в рамках диссертации исследования Л.А. Суворовой, и разработанной на её основе в рамках научной статьи В.В. Петровым. Данные классификации [12; 10, с. 46–49] заслуживают внимания, в них можно выделить как достоинства, так ряд, на наш взгляд, недостатков. Некоторые из приведённых классификаций носят чисто теоретический характер и не представляют интереса для практического применения, однако ряд иных видятся вполне обоснованными и применены нами в разработке собственной системы дифференциации

идеальных следов, которая выглядит следующим образом:

– в зависимости от уровня процесса отражения: первичные (процесс отражения непосредственно связан с событием преступления, происходит в момент самого события) и производные (процесс отражения связан с событием преступления, опосредовано, через очевидцев и участников события и иные объекты, в которых отразилось данное преступное событие);

– в зависимости от факторов, влияющих на формирование идеальных следов: сформировавшихся под влиянием субъективных факторов (физические и психологические особенности человека); сформировавшихся под влиянием объективных факторов (внешние условия восприятия);

– в зависимости от процессов формирования и хранения в памяти человека идеальный след может быть: адекватным (образ соответствует реальному событию преступления); частично адекватным (образ частично не соответствует реальному событию преступления, частично искажён в процессе восприятия и (или) искажён (трансформирован) в процессе хранения, под воздействием субъективных и (или) объективных факторов); неадекватным (образ не соответствует реальному событию преступления, полностью искажён в процессе восприятия и (или) хранения, под воздействием субъективных и (или) объективных факторов);

– в зависимости от способа извлечения идеальные следы могут быть изложены: добровольно; с использованием тактических приёмов; с использованием технико-криминалистических приёмов; комбинированно;

– в зависимости от достоверности, материализованные при извлечении идеальные следы, могут быть: достоверными (соответствуют образу, хранящемуся в памяти человека и соответствуют реальному событию); недостоверными (не соответствует образу, хранящемуся в памяти человека и не соответствуют реальному событию); смешенными (частично соответствует образу, хранящемуся в памяти человека и частично соответствуют реальному событию); искажёнными (соответствует образу, хранящемуся в памяти человека, но не соответствуют, либо частично соответствуют реальному событию);

– в зависимости от характера получаемой информации и способа (процессуальный/непроцессуальный) её фиксации идеальный след: имеет доказательное значение; не имеет доказательного значения, но имеет ориентирующее значение; не относится к событию преступления;

– в зависимости от возрастных особенностей носителя: идеальный след малолетнего (до 14 лет); идеальный след несовершеннолетнего (от 14 до 18 лет); идеальный след взрослого человека (от 18 до 65 лет); идеальный след человека пожилого возраста (старше 65 лет).

Приведённое нами понимание сущности идеальных следов преступления, их отличительные признаки и классификация и могут быть

Литература:

1. *Торбин Ю.Г.* Учение о следах преступления в работах учёных криминалистов и процессуалистов XIX и XX веков / Ю.Г. Торбин // Военное право. 2017. № 1(41). С. 379–391.
2. *Бессонов А.А.* Информация о типичных следах преступления как элемент его криминалистической характеристики / А.А. Бессонов // Гуманитарные исследования. 2014. № 4(52). С. 169–174.
3. *Агафонов В.В.* Криминалистическое исследование следов (криминалистическая трасология) : 3-е изд., перераб. и доп. / В.В. Агафонов, В.М. Плескачевский; Под ред. А.Г. Филиппова // Криминалистика. М., 2004. 750 с.
4. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности : монография / Под ред. Е.Р. Россинской. М. : Поспект, 2022. 256 с.
5. *Тимошенко П.Ю.* Тактические и технические аспекты обнаружения и использования идеальных отображений в криминалистике : автореф. дисс. ... канд. юр. наук. К., 1988. 21 с.
6. *Черкасов В.Н.* Ещё раз о терминах / В.Н. Черкасов // Информационная безопасность регионов. 2008. № 2(3). С. 70–72.
7. Криминалистика. Полный курс : в 2 частях. Ч. 1 : учебник для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. / В.В. Агафонов [и др.]; Под общ. ред. В.В. Агафнова, А.Г. Филиппова. М. : Издательство Юрайт, 2020. 449 с.
8. *Комиссарова Я.В.* Актуальные проблемы изучения идеальных следов / Я.В. Комиссарова // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Симферополь-Алушта, 26–27 апреля 2018 года. Симферополь-Алушта, 2018. С. 51–52.
9. *Малыхина Н.И.* Криминалистическое учение о лице, совершившем преступление : дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2017. 403 с.
10. *Суворова Л.А.* Идеальные следы в криминалистике : дис. ... канд. юр. наук. Воронеж, 2005. 233 с.
11. *Подшибякин А.С.* Криминалистические исследования с применением полиграфа: российский опыт / А.С. Подшибякин, Ю.И. Холодный // Социально-политические науки. 2017. № 1. С. 136–140.
12. *Петров В.В.* Классификация идеальных следов в криминалистике / В.В. Петров // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность. СПб., 2015. С. 593–604.

использованы для дальнейшего исследования механизмов их формирования и изменения.

Literature:

1. *Torbin Y.G.* Teachings about traces of a crime in works of scientists criminologists and processualists of XIX and XX centuries / Y.G. Torbin // Military Law. 2017. № 1(41). P. 379–391.
2. *Bessonov A.A.* Information about typical traces of a crime as an element of its criminalistic characteristic / A.A. Bessonov // Humanitarian Studies. 2014. № 4(52). P. 169–174.
3. *Agafonov V.V.* Forensic investigation of traces (forensic tracing) : 3rd ed. revised and supplemented / V.V. Agafonov, V.M. Pleskachevsky; Ed. by A.G. Filippov // Criminalistics. M., 2004. 750 p.
4. Theory of information-computer support of criminalistic activity : monograph / Ed. by E.R. Rossinskaya. M. : Pospect, 2022. 256 p.
5. *Timoshenko P.Y.* Tactical and technical aspects of detection and use of ideal mappings in criminalistics : autoref. dis. ... cand. of law. K., 1988. 21 p.
6. *Cherkasov V.N.* Once again about terms / V.N. Cherkasov // Information security of regions. 2008. № 2(3). P. 70–72.
7. Criminalistics. Full course : in 2 parts. P. 1: textbook for universities. 6-th ed., revised and extended / V.V. Agafonov [et al]; Under the general editorship of V.V. Agafonov, A.G. Filippov. M. : Publishing house Yurait, 2020. 449 p.
8. *Komissarova Y.V.* Actual problems of the study of ideal traces / Y.V. Komissarova // Criminal proceedings: procedural theory and criminalistics practice: Proceedings of the VI International Scientific-Practical Conference, Simferopol-Alushta, (April 26–27, 2018). Simferopol-Alushta, 2018. P. 51–52.
9. *Malyhina N.I.* Criminological doctrine of the person who committed a crime : dis. ... doctoral candidate in juridical sciences. Saratov, 2017. 403 p.
10. *Suvorova L.A.* Ideal traces in criminalistics : dis. ... candidate of juridical sciences. Voronezh, 2005. 233 p.
11. *Podshibyakin A.S.* Criminological research using polygraph: Russian experience / A.S. Podshibyakin, Y.I. Kholodny // Social and Political Sciences. 2017. № 1. P. 136–140.
12. *Petrov V.V.* Classification of ideal traces in criminalistics / V.V. Petrov // Prosecution and defense in criminal cases: historical experience and the present. SPb., 2015. P. 593–604.

Рябова Наталья Владимировна
кандидат экономических наук,
Финансовый университет
при Правительстве РФ
nataliav.ryabova@googlemail.com

ТЕНДЕНЦИИ СНИЖЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В настоящее время во многих странах мира и Российской Федерации наблюдаются значительные темпы роста правонарушений, обусловленных поломкой и выводом из строя компьютерных систем и их объектов. Статья ориентирована на выявление тенденций и снижение основных компьютерных правонарушений в России. Такая ситуация позволит с высоким коэффициентом использовать компьютерные программы и электронные системы. Требуется принятие мер, значительно повышающих качество, эффективность и непрерывность функционирования компьютерных сетей и их объектов.

Ключевые слова: тенденции, качество, компьютерная преступность, эффективность.

В настоящее время во многих странах мира и Российской Федерации наблюдаются значительные темпы роста правонарушений, обусловленных поломкой и выводом из строя компьютерных систем и их объектов. В мире сложилась критическая ситуация, относящаяся, прежде всего, к несанкционированному использованию, взломам, различного типа вмешательствам преступных групп в компьютеры и компьютерные системы.

На основе анализа и научно-критического изучения отдельных трудов современников, глубоко знающих проблему правонарушений различного толка, изучавших методы и тенденции выявления киберпреступлений, установлен рост преступности не только у нас в стране, но и других ведущих государствах мира. Выполненное исследование показало, что в России ведется активная борьба ученых с усилением тенденций вторжения, входа и изъятия хранящейся информации в электронных и компьютерных системах. В.Б. Вехов разработал «оригинальные способы борьбы, осуществления, раскрытия киберпреступлений и компьютерных правонарушений с целью защиты компьютерных сетей от проникновения в них» [1].

Компьютерные правонарушения и киберпреступления стала настоящим проклятием мирных граждан и, в целом, для экономики развитых государств [2]. Например, в Великобритании, в разные годы около 90 % организаций подвергались нападению и угрозам со стороны электронных и

Natalia V. Ryabova
Candidate of Economic Science,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
nataliav.ryabova@googlemail.com

THE TENDENCIES OF ELIMINATING OF COMPUTER CRIME IN RUSSIAN FEDERATION

Annotation. Currently, in many countries of the world and the Russian Federation, there are significant growth rates of offenses caused by the breakdown and disabling of computer systems and their facilities. The article is focused on identifying trends and reducing the main computer offenses in Russia. Such a situation will allow using computer programs and electronic systems with a high coefficient. It is necessary to take measures that significantly improve the quality, efficiency and continuity of the functioning of computer networks and their facilities.

Keywords: trends, quality, computer crime, efficiency.

компьютерных пиратов. как показывает мировая практика свидетельствует о том, что преступления данного и идентичного способа, характеризуются тенденцией роста и наносят значительный не только материальный, но, чаще всего, моральный вред жителям стран мира. Следует отметить, что годовой ущерб делового сектора США от несанкционированного вторжения преступников в компьютерные системы, компьютерные программы, информационные базы данных, электронные системы и другие объекты «составляют от 150 до 300 млрд долларов».

Анализ показал, что многие ученые Российской Федерации на протяжении десятилетий изучали тенденции развития ИТ-преступлений различных ракурсов. К этой категории правонарушений относятся: уголовно-правовые, организационно-правовые, криминологические аспекты, преступления в электронной системе, правонарушения в сфере обращения компьютерной информации, обусловленные правовыми нарушениями, такими, как вмешательство в компьютерную систему с целью извлечения полезной информации, поломками оборудования, кража компьютеров или отдельных их блоков и запчастей.

В России тенденции компьютерных преступлений набирают аналогичные темпы, что является подтверждением роста злодеяний в мировом пространстве. Согласно официальным данным Совета безопасности Российской Федерации, в стране выявлено свыше 800 тысяч попыток

осуществления компьютерных атак на информационные статистические ресурсы «органов государственной власти, из которых примерно 69 тысяч проникновений было осуществлено на официальное Internet-представительство Президента России». «Настоящий период времени должен стать эпохальным по развитию международного и российского права, а также ареной борьбы с киберпреступностью» [2].

Официально установлено, что во Франции с использованием компьютеров преступниками ежегодно похищается информация на сумму более 1 млрд евро, в Германии – на 4 млрд евро, в Нидерландах компьютерных проникновений преступниками совершается примерно на 20-ти процентах различных организаций.

В России на повестку дня ставятся проблемы жесткой борьбы не только с киберпреступлениями, но и созданием благоприятных условий для информационной безопасности государственных, правоохранительных органов [3].

Самая наибольшая общественная киберугроза в мире представлена правонарушениями, совершенными правонарушителями, вовлеченными со стороны в организованные группы. Именно преступники такого вида, как правило, осуществляют несанкционированный доступ к компьютерной информации или электронной системе. Такое правонарушение имеет очень высокую латентность, то есть, это – процесс, скрывающийся субъект или объект, обладающий свойством пребывать в скрытом состоянии. Степень данного преступления, по различным оценкам, находится в диапазоне от 85 до 90 процентов. Кроме того, установлено, что факты незаконного доступа к информационным ресурсам и несанкционированного вторжения в электронную систему или компьютер носят случайный характер примерно на 90 процентов.

Приведем некоторые данные о тенденциях компьютерных преступлений, свидетельствующих о серии угроз для общества их совершения, наглядно свидетельствующих о масштабах ущерба. За последние десять лет число компьютерных преступлений увеличилось в 22,3 раза и продолжает возрастать в среднем в 3,5 раза в год. Экспертами выявлено, что масштаб материальных потерь от преступной деятельности компьютерных преступлений достигает почти 614 млн руб. в год. При этом ущерб, нанесенный одному человеку или объекту, составляет от одного компьютерного злодеяния в среднем около 1,7 млн руб. Следует отметить, что число расследуемых компьютерных преступлений не превышает 49 процентов от общего количества преступлений, а «обвинительные приговоры выносятся судами примерно в 25,5 процентов случаев от общего числа возбужденных уголовных дел. Кроме того, установлено, что, «средним показателем количества прекращенных уголовных преступлений в сфере правонарушений считается 45 %. Эти сведения подтверждают недостаточность подготовки в процессе обучения, «низком уровне профессиональных знаний специалистов правоохранительных органов по расследованию

преступлений». И.В. Давыдов выполнил «формализацию модели совершения киберпреступлений на основе использования вредоносных кодов и получил положительные результаты [4].

Согласно информации подразделений «К», «в 2021 году было возбуждено 1673 уголовных дела, что больше по сравнению с предыдущим годом на 45 %. Число выявленных преступлений составило 4295 против 4057 в предыдущем году, что больше на 238 дел», то есть, имеет место тенденция роста совершения правонарушений.

Исходя из имеющихся данных о тенденции подготовки сотрудников спецслужб, занятых раскрытием преступлений, можно сделать вывод о том, что с таким багажом знаний и опыта специалистов, число преступлений в стране может значительно возрасти. Российские ученые «обосновывают атаки киберпреступлений как недостатки в российском законодательстве, сравнивая их угрозы с черными дырами, которые срочно необходимо ликвидировать [5].

При опросе участников по данной проблеме в кулуарах выбранной аудитории, участники единогласно заявили, что средний показатель раскрытия преступлений по правонарушениям подобного и других видов киберпреступлений должен составлять минимум 70–75 процентов.

Согласно имеющимся данным, Управление «К» МВД России в 2021 году только в сфере высоких технологий раскрыло около 7 тысяч преступлений, из которых примерно 4 тысячи относятся к ст. 272 Уголовного Кодекса Российской Федерации: «Неправомерный доступ к компьютерной информации».

Основную часть преступлений составляют компьютерные правонарушения, связанные применением вредоносных программ и незаконным доступом к информации. Структура состава преступников представлена следующими характеристиками:

- 1) лица от 18 лет до 25 лет – 58 %;
- 2) лица до 18 лет – 16 %.

Примерно 70 % злостных нарушителей – лица с высшим либо незаконченным высшим образованием.

Компьютерные системы в виде ЭВМ были созданы в стране в 1970–1980 годы как электронные вычислительные машины и компьютеры. Компьютерные сети, виртуальное пространство и другие виды электронного оборудования созданы в наше время, поэтому в уголовном праве компьютерные нарушения представлены как киберпреступления в электронной среде, находящиеся в области компьютерной системы или компьютерной информации, как противоправные нарушения, информационные преступления, киберпреступления, интернет-преступления.

Наряду с этим, в конце 20 века в странах появился кибертерроризм. К классу информационного кибертерроризма относятся, преднамеренно

связанные между собой объединенные группы по незаконному использованию информационных и электронных систем с помощью проникновения в компьютерные системы, извлечения массива информации, взлома, обмана, мошенничества, злоупотреблений, физического насилия и других видов борьбы для достижения поставленных целей. Многие ученые пытаются разработать «успешные способы борьбы с компьютерными преступлениями и угрозами, способствующими значительно снижению числа правонарушений» [6].

Для пресечения действий преступников компьютерных нарушений, на наш взгляд, целесообразно обеспечить в стране жесткие безопасные условия приема, хранения, обработки и передачи информации пользователям, обеспечивающих качественное функционирование информационно-телекоммуникационных сетей. При покупке компьютеров у фирмы необходим жесткий контроль качества и определение высокой степени их надежности.

Современными учеными – представителями криминологической науки разработаны методологические способы проверки качества использования компьютерных систем, «выделены меры превенции и специальные превентивные подходы по снижению уровня компьютерных преступлений» «Настоящий период времени должен стать эпохальным по развитию международного и российского права, а также ареной борьбы с киберпреступностью» [7].

По мнению ученых – представителей мирового сообщества, неотложными мерами предотвращения компьютерных систем и сетей от злоумышленников, являются:

1. Высококачественная подготовка крупными образовательными университетами обоснованной квоты числа специалистов, обеспечивающих защиту компьютерных сетей и компьютерной информации.
2. Значительная корректировка российского «действующего уголовного, уголовно-процессуального и информационного законодательства», адаптированного к уровню законов США, Германии и других развитых стран.

Литература:

1. Вехов В.Б. Компьютерные преступления: способы совершения и раскрытия / В.Б. Вехов; Под ред. акад. Б.П. Смагоринского. М. : Право и закон, 2014. 182 с.
2. Быков В. Совершенствование уголовной ответственности за преступления, сопряженные с компьютерными технологиями / В. Быков, А. Нехорошее, В. Черкасов // Уголовное право. 2013. № 3. С. 9–11.
3. Авчаров И.В. Борьба с киберпреступностью / И.В. Авчаров // Информатизация и информа-

3. Реорганизация российской судебной практики в отношении ужесточения требований к компьютерным преступлениям.

4. Создание в известных вузах и крупных НИИ, оснащенных современными наукоемкими технологиями, программно-аппаратурных систем компьютерной защиты информации.

5. Беспереывный контроль специалистов под руководством ответственного лица по установленному графику дежурств за работой средств защиты, обеспечивающих безопасность жизненных функций компьютерных систем и др.

Таким образом, на основе исследования и изучения трудов известных российских и зарубежных ученых, автор сделала попытку обосновать имеющиеся возможности по защите компьютерных сетей и других взаимосвязанных устройств, обеспечивающих повышение качества, безопасность работы и повышение тенденции числа компьютерных мер защиты.

В настоящий период Российской Федерации необходимо подписать и ратифицировать Европейскую конвенцию о киберпреступности.

Во время роста киберпреступности значительное внимание необходимо уделить проблеме защиты общественных и информационных ресурсов и личных данных на основе предложенных мер:

- ускоренное развитие национальных и мировых компьютерных сетей;
- создание наукоемких технологий, способных обеспечить качественный доступ санкционированных лиц к компьютерным системам и информационным ресурсам;
- перевод информационных ресурсов на электронные носители и их концентрация в компьютерных информационных системах;
- повышение ценности имеющейся и вновь создаваемой информации, являющейся реальным ресурсом общественного, социально-экономического, культурного и индивидуально-интеллектуального развития личности.

Literature:

1. Vekhov V.B. Computer crimes: tools of commission and solving / V.B. Vekhov; Ed. B.P. Smagorinsky. M., Law and Legislation, 2014. 182 p.
2. Bykov V. Enhancement of criminal responsibility for crimes connected with computer technologies / V. Bykov, A. Nekhoroshev, V. Cherkasov // Criminal law. 2013. № 3. P. 9–11.
3. Avcharov I.V. Struggle with cybercrime / I.V. Avcharov // Informatization and information security of

ционная безопасность правоохранительных органов. XI межд. конф. М., 2012. С. 191–194.

4. *Давыдов И.В.* Формализация модели совершения киберпреступлений, совершаемых с использованием вредоносных кодов / И.В. Давыдов // Вестник Томского политехнического университета. 2006. Т. 309. № 8. С. 126–129.

5. *Керимов В.Э.* Профилактика и предупреждение преступлений в сфере компьютерной информации / В.Э. Керимов, В.В. Керимов // Черные дыры в российском законодательстве. 2000. № 1. С. 507.

6. *Айков Д.В.* Компьютерные преступления. Руководство по борьбе с компьютерными преступлениями / Д. Айков, К. Сейгер, У. Фонсторх. М. : Мир, 1999. 351 с.

7. Международные изменения права киберпространства. (Реферат) // Право и информатизация общества. Сб. науч. тр. М. : ИНИОН РАН, 2002. С. 170–182.

law enforcement authorities. XI Intern. Conference. М., 2012. P. 191–194.

4. *Davydov I.V.* Formalization of the model of cyber-crimes committing with the usage of harmful codes / I.V. Davydov // Journal of Tomsk Polytechnical University. 2006. Vol. 309. № 8. P. 126–129.

5. *Kerimov V.E.* Prophylaxis and prevention of crimes in the sphere of computer information / V.E. Kerimov, V.V. Kerimov // Black holes in Russian law. 2000. № 1. P. 507.

6. *Aikov D.* Computer crime. Computer Crime Guide / D. Aikov, C. Seiger, W. Fonestrah. М. : Mir, 1999. 351 p.

7. International dimensions of cyberspace law. In: Law and informatizaion of society. М. : INION RAN, 2002. P. 170–182.

Савин Андрей Александрович
старший преподаватель
кафедры публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Aasavin33@mail.ru

Семенов Сергей Александрович
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
kurlak09@rambler.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОЛОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ



Аннотация. Невзирая на политическую, экономическую и иную обстановку в стране, жизнь, здоровье, достоинство, а, в особенности, неприкосновенность личности являются неотъемлемой и важнейшей частью любого государства и должны всегда неукоснительно охраняться. Каждый, кто посягнет на личность, должен нести ответственность, установленную законодательством страны, и нести наказание в зависимости от тяжести нанесенного вреда. В данной статье постараемся рассмотреть и сопоставить уровень защищенности личности на разных этапах развития данного института.

Ключевые слова: насилие, преступление, ответственность, развитие.



О бщеизвестно, что до середины 19 века российское уголовное законодательство не было ни систематизировано, ни кодифицировано, следовательно, нормы закона об ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности содержались в разных нормативно-правовых актах. Например, таких как, Соборное уложение 1469 года и Законодательство Петра первого (в котором было изложено о наказуемости обольщения незамужних женщин, а также, о некоторых видах добровольного и недобровольного сношения и его противоестественных формах, а именно мужеложство, скотоложство и педофилия). Следует отметить, что, большей частью, вопросы об ответственности за половые преступления решался не светским, а церковным законодательством.

Andrey A. Savin
Senior Lecturer of the Department
of Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Execution of Punishments
Aasavin33@mail.ru

Sergei A. Semenov
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Assistant Professor of the Department
of Public Legal Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Execution of Punishments
kurlak09@rambler.ru

RESPONSIBILITY FOR SEXUAL CRIMES IN DOMESTIC LEGISLATION: HISTORY AND CURRENT STATE



Annotation. Regardless of the political, economic and other situation in the country, life, health, dignity, and in particular the inviolability of the individual are an integral and most important part of any State and must always be strictly protected. Anyone who encroaches on a person must bear the responsibility established by the legislation of the country and be punished depending on the severity of the damage caused. In this article we will try to consider and compare the level of personal security at different stages of the institute's development.

Keywords: violence, crime, responsibility, development.



Уложение, которое впервые кодифицировало разного рода уголовно-правовые акты, носило название «О наказаниях уголовных и исправительных» и оно впервые выделило специальный раздел о преступлениях против чести и целомудрия женщин. В данный раздел входили нормы, устанавливающие ответственность:

- во-первых, за растление девицы, не достигшей возраста 14 лет;
- во-вторых, за похищение или обольщение женщины;
- в-третьих, за сам факт изнасилования лица женского пола.

Также, согласно этому Уложению, применительно к каждому из этих действий закреплялись

квалифицирующие обстоятельства, а помимо этого, и действия, отягчающие обстоятельства. В соответствии с данным документом, преступлениями против общественной нравственности (этических норм), признавались различные виды сводничества (малолетних или несовершеннолетних со стороны их опекуна, учителя или родителя; жен их мужьями), мужеложство и скотоложство. Аналогичным образом оценивалось сожительство неженатого с незамужней [1].

Последующее Уложение уголовного характера, изданное и вступившее в силу в 1903 году, исключило из наказуемых деяний скотоложство, но расширило, с другой стороны, нормы о преступных посягательствах «с удовлетворением сексуальных потребностей».

Следующие изменения в уголовном законодательстве произошли только в 1922 году, в частности, был принят Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее УК РСФСР). Данный Кодекс включал в себя ответственность за половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости и применением физического и психического воздействия, а также принуждение к занятию проституцией, сводничество, содержание притонов и вербовку женщин для занятия проституцией [2].

УК РСФСР 1926 года во многом схож с кодексом 1922 года, а именно, строился на тех же принципах построения рассматриваемых преступлений, но всё же имеющих и отличия. К таким можно отнести то, что УК РСФСР 1926 года расширил перечень «отягчающих» обстоятельств и внёс в них такие дополнения, как:

а) изнасилование лица, не достигшего половой зрелости;

б) изнасилование несколькими лицами.

Вдобавок ко всему, предусмотрел ответственность за понуждение женщины к вступлению в половую связь или удовлетворение половой страсти иными способами лицом, в отношении которого женщина является материально или по службе зависима [3].

Можно с уверенностью сказать, что УК РФ, принятый в 1996 году, является более полным, так как законодателем использованы основные принципы конструирования всей системы, а также, последовательное и полное описание основных и квалифицирующих признаков каждого состава преступлений насильственного характера.

Так, необходимо учесть, что в истории было принято довольно много Законов и Уложений, тем самым, доказывая, что российское уголовное законодательство в отношении преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности не стояло на месте, а постепенно изменялось и дополнялось. Это происходило не сразу, а именно, вследствие расширения видов и способов рассматриваемых деяний. Каждое принятое уголовное Уложение, а вместе с ним, и кодексы, включали определённые наказания, особые обстоятельства и квалифицирующие признаки.

Впоследствии, указанные пункты частично были включены и в современный Уголовный кодекс, но в более современном виде.

В настоящее время преступления против половой неприкосновенности и половой свободы входят в седьмой раздел УК РФ, следовательно, относятся к преступлениям против личности, а именно являются их разновидностью. В Конституции РФ указаны гарантированные права и свободы, где одним из главных прав является свобода каждого индивида. Само понятие (определение) преступлений половой неприкосновенности не указано в УК РФ (кроме отдельных её видов), но в юридической литературе есть множество определений данному деянию.

Опираясь на похожие воззрения учёных 20 века, например, Я.М. Яковлева и Б.В. Дениэлбека, можно сказать, что преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности – это ничто иное, как общественно опасное деяние (которое указано в действующем законе), посягающее на сложившийся в обществе половой уклад, который заключён в умышленном совершении, с целью удовлетворения половой потребности [4].

Половые преступления относятся к такой категории преступлений, которые затрагивают как взрослых, так детей (несовершеннолетних), так как они посягают на половую свободу, а главное на нравственное развитие всего населения.

Преступления против половой неприкосновенности и свободы личности выделены в отдельную главу Уголовного кодекса (в 18 главу). Данная глава по сравнению с другими, состоит всего из 5 статей (статья 131, 132, 133, 134, 135), которые, как правило, делят на две группы.

К первой группе относятся преступления, посягающие на половую свободу и половую неприкосновенность взрослого человека (это – такие статьи, как 131, 132, но за исключением пункта «а» и «б» указанных во второй части, статья 133). Ко второй группе относятся, соответственно, посягательства на нравственное и физическое здоровье малолетних и несовершеннолетних (отдельные пункты разных статей). Можно утверждать, что вторая группа преступлений является более опасной среди всех половых преступлений. Это объясняется тем, что несовершеннолетние являются основными преемниками жизни и вовлечение, оказывающее развращённое влияние, грозит правильному умственному, физическому, а главное - нравственному развитию в будущем.

В свою очередь, под изнасилованием (ст. 131) стоит понимать, общественно опасное действие, а именно, половое сношение, совершённое лицом мужского пола с применением насилия (либо же с угрозой применения) без согласия потерпевшего. Под насильственными действиями сексуального характера (ст. 132), как правило, понимается мужеложство, лесбиянство и иные действия без предварительного согласия. Побуждение (ст. 133) – это склонение к действиям сексуального характера путём различных способов, а

именно шантажа, угроз и других. К развратным действиям (ст. 135), как правило, относят удовлетворение полового тяготения виновного с целью возбудить половой инстинкт несовершеннолетнего [5].

Подводя итог общим характеристикам, понятию и видам преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, необходимо понимать, что данные преступления являются общественно опасным деянием, выраженным в умышленном совершении с определённой целью, а именно удовлетворение половой потребности. Следует отметить, что преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности рассматривались задолго до принятия кодифицированного законодательства и продолжают рассматриваться и дополняться в настоящее время. Ученые предлагают различные точки зрения по поводу понятия, классификации данных деяний и способов определения общих характеристик таких преступлений.

Рассматривая историю развития уголовного законодательства в отношении половых преступлений в разные периоды времени, а именно, всевозможные нормативные акты по данной теме,

Литература:

1. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рапога, А.И. Чучаева. М. : ИНФРА-М, 2017. 450 с.
2. Курс уголовного права. Особенная часть : в 5 т. М., 2015. Т. 3. 380 с.
3. *Коргутлова Т.А.* Половые преступления: теоретические и практические аспекты / Т.А. Коргутлова // Современное право. 2019. № 10. С. 43.
4. *Котельникова Е.А.* Насильственные посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации. Н. Новгород, 2017. 71 с.
5. *Котельникова Е.А.* Разграничение насильственных и ненасильственных преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности. Правоведение. 2018. № 5. С. 83.

необходимо сделать вывод о том, что на сегодняшний день в УК РФ 1996 года законодателем были использованы основные принципы конструирования всей системы, а главное четко и ясно очерчены границы половых преступлений, которые выделены в отдельную 18 главу кодекса и являются разновидностью преступлений против личности.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что совершение таких преступлений, как изнасилование и насильственные действия сексуального характера, нередко сопровождаются совершением и других преступлений против личности.

Уголовно-правовая борьба с преступлениями против половой неприкосновенности и половой свободы личности, обеспечению прав и законных интересов граждан в сфере сексуальных отношений является одной из актуальных задач, стоящих перед государственными органами. Ее успешное решение, несмотря на общественную опасность данного преступления, латентность и тяжкие последствия, поможет поднять на уровень выше моральные принципы и духовные ориентиры.

Literature:

1. Criminal law of the Russian Federation. Special part : textbook / Edited by L.V. Inogamova-Hegai, A.I.Raroga, A.I.Chuchaeva. M. : INFRA-M, 2017. 450 p.
2. The course of criminal law. The special part : in 5 vol. M., 2015. Vol. 3. 380 p.
3. *Korgutlova T.A.* Sexual crimes: theoretical and practical aspects / T.A. Korgutlova // Modern law. 2019. № 10. P. 43.
4. *Kotelnikova E.A.* Violent encroachments on sexual freedom and sexual inviolability: criminal-legal characteristics and problems of qualification. N. Novgorod, 2017. 71 p.
5. *Kotelnikova E.A.* Differentiation of violent and nonviolent crimes against sexual freedom and sexual inviolability *Pravovedenie*. 2018. № 5. P. 83.

Сергеев Александр Леонидович
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
истории государства и права,
Университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)
alsergeev1980@mail.ru

ДОКТРИНА КУБИНСКОГО СОЦИАЛИЗМА: ЭТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

Аннотация. Настоящая статья посвящена способам и средствам, предусмотренным доктриной кубинского социализма для трансформации общественных процессов. В ней автором подчеркивается важность рационализма как фундаментальной основы кубинского социалистического проекта, а также, выводятся за основу базовые начала этики политического лидерства, нашедшие отражение в политико-правовой теории и практики: народовластие; народное единство; диалог; служение.

Ключевые слова: социализм, революция, кубинская модель социализма, Кубинская революция 1959 года, политическое лидерство, этика политического лидерства.

Кубинский революционный процесс, связанный со строительством социализма, имел различные этапы и фазы собственного правового оформления. На первых этапах господствовало «революционное правосудие» в виде основополагающих моральных установок. Особенно это было характерно в период ведения фиделевскими повстанцами партизанской и революционной войны, а также, в первые годы послереволюционного правления. Указанный аспект неувидителен для революционного процесса как социального феномена, в целом, так как право, консервативное по своей природе, как правило, не способно с должной быстротой отвечать на бурные революционные вызовы современности. Впоследствии, однако, кубинская социалистическая правовая система оказалась полностью оформлена, и уже к середине 1970-х годов мы видим ситуацию с полноценно сформировавшимся политическим режимом, функционирующим на основе устойчивой социалистической законности. На сегодняшний день, к моменту принятия кубинской конституции 2019 года, кубинский конституционализм смог вобрать в себя лучшие черты не только социалистического конституционализма, но и многие прогрессивные либеральные принципы, адаптированные под потребности современной островной действительности.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что ломка старого уклада была на Кубе не столь радикальной,

Alexander L. Sergeev
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of History of State and Law
of the O.E.Kutafin University (MSLA)
alsergeev1980@mail.ru

THE DOCTRINE OF CUBAN SOCIALISM: THE ETHICAL AND LEGAL ASPECT OF POLITICAL LEADERSHIP

Annotation. This article is devoted to the ways and means provided by the doctrine of Cuban socialism for the transformation of social processes. The article emphasizes the importance of rationalism as the fundamental basis of the Cuban socialist project. The basic principles of the ethics of political leadership, reflected in political and legal theory and practice, are derived as a basis: democracy; national unity; dialogue; service.

Keywords: Socialism, revolution, Cuban Socialism, Cuban Revolution of 1959, political leadership, ethics of political leadership.

как у многих европейских революционных аналогов (к примеру; до конца 1970-х годов на Кубе действовало кубинское дореволюционное уголовное и уголовно-процессуальное законодательство). Указанный аспект стал следствием, во-первых, особой ценности права в обществах ибероамериканской культуры, и, во-вторых, в особой эволютивности многих послереволюционных социально-политических и государственно-правовых процессов на указанной цивилизационной почве.

Революционные трансформации в плане своего изначального целеполагания, в значительной степени, часто имели умеренный характер. Их радикализация произошла вследствие, во-первых, исключительной контрреволюционной активности, выражающейся в радикальных антиправовых формах (акты террора против мирного населения; попытки убийства политических лидеров революции и т.д.), так и, во-вторых, была вызвана жесточайшим внешнеэкономическим, силовым и военно-информационным давлением, осуществляемым североамериканскими элитами с целью ликвидации социалистического строя на Кубе, и фактическим уничтожением островного государственного суверенитета.

Совокупность всех вышеуказанных факторов привела к тому, что на острове сложилась особая этика политического лидерства. В указанной разгадке во многом кроется успех как собственно

социалистического проекта, так и всей послереволюционной политико-правовой системы. Имевшие место особенности коммуникации населения и власти позволили в стране поддерживать режим реального народовластия, что было одним из важнейших условий обеспечения всей послереволюционной политической практики.

Складыванию на острове особой политико-правовой культуры политического лидерства способствовали следующие факторы:

1. *Ибероамериканская традиция личности и харизматики.* На протяжении всего двухвекового исторического периода борьбы кубинцев за свою независимость фактор личности, характерный для всей ибероамериканской цивилизации, имел громадное и основополагающее значение. Карлос Мануэль де Сеспедес, Хосе Марти, Фидель Кастро Рус и многие другие яркие личности определяли реальный кубинский социально-политический пейзаж и по-настоящему творили ее историю.

2. *Национально-освободительная борьба 19 века создала особый культ военизированного партизанского быта.* В различных конституционно-проектных документах той эпохи идет поиск верного юридического пути, способного осуществить баланс одновременной централизации власти и наделения различных групп населения большим набором прав и свобод, среди которых политические права занимали не последнее место.

3. *Особое значение героики – пантеона бойцов, павших за Родину и ставших своего рода иконами.* Пример героически погибших в борьбе за независимость Кубы Хосе Марти, Антонио Масео, Эрнесто Че Гевары и ряда других вождей, пользовавшихся огромной любовью народных масс, существенным образом сформировали определенный идеал островного политического лидера в сравнительно небольшом одиннадцатимиллионном кубинском обществе.

4. *Жесткое полуторавековое колониальное и неоколониальное давление, породившее в ответ несколько поколений лидеров национального масштаба.* Особая жестокость испанской метрополии, направленная на подавление стремления островного социума к обретению им государственного суверенитета параллельно с отсутствием у острова каких-либо перспектив автономистской политико-правовой легализации рождали на каждом этапе борьбы знаковую политическую фигуру, становившуюся в скором времени.

Постараемся определить совокупность базовых принципов онтологии политического. В общем и целом, этику и отологию политического лидерства на Кубе целесообразно отнести к совокупности следующих принципов:

1. Рационализм – основа функционирования кубинской политической элиты. Доктрине кубинского социализма присущ строгий рационализм в оценке политических лидеров прошлого и

современности. В соответствии с оценками Фиделя Кастро, неоднократно высказанными им, лидер во многом является продуктом системы и социальных законов. Субъективный фактор значим, а иногда, даже и решающим, но, тем не менее, даже в этой ситуации, конечный результат будет во многом развиваться в рамках строго очерченной объективной системы координат.

Проблемы, как правило, порождаются определенными свойствами системы, именно на них и необходимо обращать соответствующее внимание, находя адекватные возможности их соответствующего решения. Отдельно взятая личность в политике часто не заслуживает ненависти – политического лидера могли вынудить сделать определенные шаги, а он, следуя своим принципам, смог бы сделать иначе при соответствующей свободе выбора.

В качестве примера, Ф. Кастро говорит о Дж. Картере, президенте США, оценивая в высшей степени положительно его политические и личностные качества, непрестанно подчеркивая при этом, что Картер, находясь в главе враждебной североамериканской империалистической системы, делал очень многое, зависящее от себя, чтобы улучшить отношения с кубинским государством. Ф. Кастро характеризовал Дж. Картера как «главу ненавистной империи, но при этом высоко порядочного человека, обладавшего высокими моральными качествами», «самого честного президента США, настолько, насколько это возможно на этом посту» [1].

2. Этика власти. Главным в осуществлении политической власти является императив личной скромности. Практический опыт политической власти является не заслугой, а привилегией. Подлинные же заслуги политических лидеров находятся в их верности идеям и принципам.

В указанном аспекте в новой ипостаси, встает вопрос о соотношении между морально-этическим и правовым аспектом. На первых этапах кубинской революции морально-этический аспект, отразившийся в «революционном правосознании», брал верх над собственно правовым по естественным причинам – жизнь менялась стремительно. И, несмотря на высокое правосознание новой кубинской элиты, действующее право, консервативное в силу своей сути – не имело возможности успевать за ее потребностями.

К концу 70-х годов 20 века произошла окончательная институционализация кубинской государственно-правовой политической жизни, в результате чего, императив права стал стремительно расти в своем значении в каждодневной государственной деятельности перед императивом морали.

В принятии новой Конституции 2019 года торжество правового регулятора в указанной сфере оказалось окончательным: одной из кубинских основ конституционного строя стал режим «социалистического правового государства», а в преамбуле указанной конституции приведена цитата апостола кубинской независимости Х. Марти: «Я хочу, чтобы первым законом стал культ кубинцев

к полноценному достоинству личности» [2], в чем довольно просто увидеть идейно-смысловой контент эпохи Просвещения о признании прав и свобод человека высшей ценностью, ставшей затем краеугольной основой как идеологии классического либерализма, так и конституционно-правовых систем множества развитых государств современности.

3. Этика народного единства. Одно из главных положений кубинской социалистической политико-правовой концепции – необходимость всестороннего укрепления основ единства между народными массами и небольшим передовым отрядом политических лидеров. Вопрос о балансе между основами народовластия и централизацией власти был одним из основополагающих в кубинских конституционных национально-освободительных проектах 19 века – борьбы за кубинскую независимость. Чрезвычайно остро он вставал и в 20–21 веках – эпохе, когда на Острове Свободы имело место пять крупных конституционных реформ.

Принятие Конституции 2019 года существенно усовершенствовало систему юридических гарантий, установив четкие правовые границы между правосубъектностью государства, общества и отдельной личности, создав предпосылки существенного правового роста автономии последней. При этом конституционно-правовая система социалистического независимого устройства оказалась не ослаблена, а, наоборот, укреплена и достроена в соответствии с требованиями времени.

4. Этика диалога.

В соответствии с концепцией кубинского социализма, убеждение – главный метод работы с народными массами в поиске решения глобальных проблем современности. В диалоге со священником Теологии освобождения Фреем Бетто, Фидель подчеркивает, что два традиционно применяемых воспитательных метода – награда и наказание – неспособны дать человеку истинную веру. На это способно только искренний диалог и подлинное убеждение – как отдельных лиц, так и народных масс [3].

Этике диалога в кубинской социалистической доктрине глубоко соответствует отражение методов террора – как индивидуального, так и коллективного. Террор, помимо античеловечности, стратегически бессмысленен – на его основе невозможно построить ничего долгосрочного, кроме ненависти к его субъекту. Имеет смысл только осознанная политическая борьба, борьба, ведущаяся посредством убеждения и диалога. В одной из первых послереволюционных речей Фидель формулирует основу, на которой должна базироваться система взаимоотношений между политическими лидерами и широкими народными массами, необходимая для достижения успехов политического строительства: «Единственное, что меня заботит, – это то, чтобы к концу моего пребывания на посту премьер-министра, Куба могла получить от нас все, чего она желает, и она все это будет иметь, на сколько это от нас

зависит. Куба все получит, если народ нам поможет; она все будет иметь, если народ будет нас понимать... Впереди у нас столько дел, впереди у нас столько работы и борьбы, что их хватит не для одного, но для двух и более поколений революционеров. Революционер не должен стремиться занять какой-то пост и на этом успокоиться... Поэтому, если мы призываем трудовых людей нести жертвы, мы сами также должны идти на них. Когда жизненный уровень на Кубе повысится, тогда можно будет повысить и уровень жизни министров» [4].

Идеалы, формулируемые политическими лидерами, находят отражение, как в конституционно-правовых, так и в партийных документах современности. Основными идеями Речи Рауля Кастро на 8 съезде Коммунистической партии Кубы (2021), легшие в основу соответствующих резолюций, стали: расширение демократии, руководящая роль партии, социалистическое правовое государство, социалистическая рыночная экономика (рынок-мелкий и средний уровень при недопустимости шоковой терапии и приватизации, позволяющей увлечь общество на социальное дно [6].

5. Этика служения. Указанное служение должно быть не только бескорыстным – для его осуществления должны присутствовать особые и дополнительные личные и профессиональные качества. Личная цельность политического лидера должна базироваться на глубинной убежденности и умении разговаривать с массой политических противников. Не менее важна самокритика, умение публично говорить о недостатках, аскетизм и способность умереть во имя высших ценностей народа и человечества.

Из вышеизложенного видно, что в политико-правовой доктрине кубинского социализма за последние шесть десятилетий оказались оформленными особые этико-правовые основы политического лидерства. Данные принципы сложились исторически – они имеют глубинные корни в национально-освободительной борьбе кубинцев второй половины 19 века за свою независимость. Их укреплению в массовой психологии кубинского народа послужил «островной быт» кубинского социума и особая военизированность кубинского быта, вызванного небольшой территорией острова, крайне жестоким подавлением испанской метрополией кубинского повстанческого движения.

Сложившаяся этика политического лидерства твердо и четко отвечает кубинскому социокультурному коду «персоналистической общинности», в которой каждый кубинец осознает себя частью большой островной общины, но при этом не теряет многие глубинные личностные свойства, не растворяет их в общине, а ставит их на службу себе и обществу. Кубинская социалистическая система оказалась в высшей степени органична для социума указанного типа, где особая культура политического лидерства стала его важнейшим, неотъемлемым и в высшей степени необходимым элементом функционирования.

Литература:

1. *Кастро Ф.* Моя жизнь. Биография на два голоса / Ф. Кастро И. Рамоне. М. : РИПОЛ КЛАСИК, 2009. С. 441–463.
2. *Constitucion Cubana*, 2019. URL : <http://media.cubadebate.cu/wp-content/uploads/2019/01/Constitucion-Cuba-2019.pdf>
3. Беседы о религии. Фидель и бразильский священник фрей Бетто / Пер. с исп. В. Спасской. М. : АО «Си-Мар», 1995. С. 46–47.
4. Речь Фиделя Кастро, Произнесенная 17 февраля 1959 года По случаю вступления на пост премьер-министра Куба // Фидель Кастро. Речи и выступления. М. : Изд-во иностранной литературы, 1960. С. 97–130.
5. *Гевара Э.Че.* Статьи, выступления, письма. М. : Культурная революция, 2006. С. 44.
6. URL : <https://www.granma.cu/octavo-congreso-pcc/2021-04-18/resolucion-del-8vocongreso-sobre-el-estado-de-la-implementacion-de-los-lineamientos>

Literature:

1. *Castro F.* My life. Biography for two voices / F. Castro, I. Ramone. M. : RIPOLL CLASSIC, 2009. P. 441–463.
2. *Constitution cubana*, 2019. URL : <http://media.cubadebate.cu/wp-content/uploads/2019/01/Constitucion-Cuba-2019.pdf>
3. Conversations about religion. Fidel and Brazilian priest Frey Betto / Transl. from Spanish by V. Spasskaya. M. : JSC «Si-Mar», 1995. P. 46–47.
4. Fidel Castro's speech, Delivered on February 17, 1959 On the occasion of assuming the post of Prime Minister of Cuba // Fidel Castro. Speeches and speeches. M. : Publishing House of Foreign Literature, 1960. P. 97–130.
5. *Guevara E. Che.* Articles, speeches, letters. M. : Cultural revolution, 2006. P. 44.
6. URL : <https://www.granma.cu/octavo-congreso-pcc/2021-04-18/resolucion-del-8vocongreso-sobre-el-estado-de-la-implementacion-de-los-lineamientos>

Сосновская Лейсан Равилевна
старший преподаватель кафедры
уголовно-правовых дисциплин,
аспирант кафедры
уголовного права и процесса,
Казанский инновационный университет
имени В.Г. Тимирязова
LRS9053168536@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНТИКОРРУПЦИОННОГО МОНИТОРИНГА В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. Целью данной статьи является установление механизмов правового регулирования антикоррупционного мониторинга в международном пространстве. Анализ международно-правовых норм показал, что антикоррупционный мониторинг выступает преимущественно внутригосударственной задачей, вследствие чего он не получил должного универсального механизма правового регулирования. В региональных международных соглашениях предпринята попытка выработать единые стандарты осуществления мониторинга, однако в них прослеживается ярко выраженный правоохранный характер тех мер, которые призваны выявить и предупредить коррупционные факты. Вместе с тем в зарубежных странах заметен переход от мероприятий общего характера к специальным действиям, позволяющим предупредить и выявить коррупционные факты, осложнённые спецификой определённых общественных отношений. Такой подход позволяет достичь необходимого баланса интересов (административных, политических, экономических, социальных) посредством постепенного внедрения прозрачных процедур и их результатов.

Ключевые слова: антикоррупционный мониторинг; коррупция; противодействие коррупции; международное право; антикоррупционное законодательство.

Противодействие коррупции является не только внутригосударственной задачей, регламентированной нормами национального законодательства, но и объектом международно-правового регулирования. Интеграция стран в мировую финансовую систему предопределила потребность в координации и в сотрудничестве властей по выработке универсальных антикоррупционных механизмов, включая стандарты мониторинга. В настоящее время система международных соглашений в этой области представлена различными нормативными документами, ратифицированными во многих государствах. Такой

Leysan R. Sosnovskaya
Senior Lecturer of the Department
Criminal Legal Disciplines,
Graduate Student of the Department
Criminal Law and Process,
Kazan Innovation University
named after V.G. Timiryasov
LRS9053168536@yandex.ru

ORGANIZATIONAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF ANTI-CORRUPTION MONITORING IN INTERNATIONAL PRACTICE

Annotation. The author aims to establish the mechanisms of legal regulation of anti-corruption monitoring in the international space. An analysis of international legal norms has shown that anti-corruption monitoring is predominantly a domestic task. For this reason, monitoring has not received a proper universal mechanism of legal regulation. In regional international agreements, an attempt was made to develop uniform standards for monitoring. But in such norms, a pronounced law enforcement nature of monitoring measures can be traced. In foreign legal systems, a transition is fixed from general measures to special actions to prevent and reveal corruption facts, taking into account the specifics of certain social relations. This approach makes it possible to achieve the necessary balance of interests through the gradual introduction of transparent procedures and their results.

Keywords: anti-corruption monitoring; corruption; anti-corruption; international law; anti-corruption legislation.

вектор правового регулирования призван сближать модели антикоррупционного мониторинга. Однако практика его реализации в ряде стран строится на разнообразии механизмов осуществления мер противодействия коррупции, что вынуждает провести их научный анализ. Тем самым цель проведения исследования заключается в выявлении сложившихся механизмов правового регулирования антикоррупционного мониторинга в международном пространстве и их соотношении с национальным законодательством зарубежных стран. Для её реализации необходимо выполнение ряда задач: оценка международно-правовых

норм в области антикоррупционного мониторинга в универсальных и региональных соглашениях, анализ национальных правовых систем и их группирование по отдельным критериям.

В зарубежной научной литературе категория «антикоррупционный мониторинг» трактуется в широком ключе и часто смешивается с близкими по смыслу понятиями. Например, реализация мер в отношении публичных должностных лиц в части проверки их доходов и расходов вкладывается в термин «финансовый мониторинг» [2; 4]. Сами антикоррупционные проверки, выступающие формой реализации мониторинга, рассматриваются зарубежными исследователями в плоскости налоговых, бюджетных или банковских мер по противодействию коррупции [1; 6].

У отдельных авторов мониторинг вкладывается в понятие «антикоррупционный контроль», который также именуется термином «контроль коррупции» [3; 5], при этом указанные категории имеют более широкий смысл. Схожая широкая трактовка антикоррупционного мониторинга прослеживается в российском законодательстве, а также в представлении отдельных авторитетных российских исследователей [7; 15]. В силу этого можно сделать вывод о том, что контроль коррупции является общим понятием, включающим меры по антикоррупционному контролю, который, в свою очередь, реализуется в форме антикоррупционного мониторинга.

Основополагающее международно-правовое значение имеет Конвенция ООН против коррупции 2003 г. [11], которая напрямую не закрепила термин «антикоррупционный мониторинг», но в целом ряде положений указывает на необходимость его формирования в государствах-участниках конвенционных обязательств.

В частности, в п. 1 ст. 5 говорится о принципах государственного регулирования деятельности по противодействию коррупции, в которой акцент должен делаться на предупреждении подобных правонарушений. Одним из ключевых условий достижения данной задачи конвенционально объявлена самостоятельность тех органов и должностных лиц, которые обладают антикоррупционными полномочиями (п. 2 ст. 6).

Требование прозрачности представлено в этой Конвенции как основополагающая норма, определяющая весь механизм превентивного воздействия на коррупцию (п. 4 ст. 7). Различные правовые меры в данном направлении должны сопровождать не только процедуры избрания и назначения на публичные должности, но и весь процесс использования публичных финансов. Во многом такой принцип обеспечивается надлежащим информационным сопровождением антикоррупционной деятельности (ст. 10), а его результаты должны быть адресованы, прежде всего, населению.

Непосредственно мониторингу посвящены те положения Конвенции ООН против коррупции, которые устанавливают поэтапные задачи в

достижении целей скоординированной антикоррупционной политики каждого государства.

Так, в ст. 9 закреплено требование о достаточном внутреннем контроле, построенном на системном принципе, относительно соблюдения норм антикоррупционного законодательства. Управление публичными финансами строится исключительно на обеспечении контролирующих институтов своевременной отчётностью, в том числе сформированной на базе внутренних контрольных мероприятий (пп. d п. 2 ст. 9). Частным организациям адресованы схожие требования о внутреннем аудиторском контроле и сертификации, которые ориентированы на предупреждение коррупционных фактов (ст. 12).

Особый сектор антикоррупционного мониторинга по рассматриваемой Конвенции ООН представляют финансовые учреждения. В отношении них национальное законодательство должно содержать необходимые меры контроля, в том числе за движением капиталов и средств, принадлежащих публичным должностным лицам или связанных с ними (ст. 52). Собственно, государству принадлежит функция по приостановлению финансовых операций, если действия подконтрольных субъектов вызывают обоснованные подозрения (п. f ст. 2) с возможностью обращения за правовой помощью ко всем государствам-участникам данной Конвенции.

Исследователи неоднозначно оценивают указанные конвенционные нормы применительно к Российской Федерации на фоне ряда оговорок, сопровождающих ратификацию данного международного договора [9; 16]. Тем не менее в правовом плане принципы, сформулированные в Конвенции ООН против коррупции, должны быть в полной мере представлены в национальном законодательстве, что, в свою очередь, предопределило формирование российского механизма антикоррупционного мониторинга.

Вместе с тем на базе ООН действуют другие международно-правовые обязательства по осуществлению мониторинга коррупции. Так, в положениях Палермской Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности [12] прослеживается правоохранный характер данной меры. В ст. 2 подчёркивается возможность государства устанавливать контроль над использованием имущества, включая финансовые средства, имеющие сомнительное происхождение, т.е. принадлежащие лицам, заподозренным в организованной преступной деятельности, в том числе коррупционной направленности.

В качестве ключевой меры, закреплённой в ст. 7 Палермской Конвенции, обозначен контроль над перемещением средств и имущества через государственные границы. Тем самым в законодательстве может быть закреплено обязательство любых лиц сообщать уполномоченным национальным органам о факте совершения трансграничных финансовых операций, осуществляемых в крупных размерах.

В остальных конвенционных положениях ООН, посвящённых противодействию коррупции,

продублированы известные международно-правовые принципы. Основными из них выступают: необходимость криминализации данной группы правонарушений и принятие эффективных мер по их выявлению, по пресечению и предупреждению коррупционных фактов. Следствием таких требований к правовому регулированию стало формирование в российской науке подхода, трактующего антикоррупционный мониторинг в качестве правоохранительной меры, используемой для сбора доказательств в уголовно-процессуальном порядке [8]

Коррупция выступает объектом противодействия не только в универсальных международных договорах, но и в межгосударственных соглашениях регионального характера.

На базе Совета Европы действует специальная Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. [10] Анализ её норм свидетельствует о двойном предназначении антикоррупционного мониторинга. С одной стороны, государства-участники обязаны разработать и использовать такую систему мер, которая позволяла бы оперативно предупреждать совершение коррупционных правонарушений (ст. 2, 3, 4). С другой стороны, особо подчёркивается потребность в развитии мониторинга как инструмента закрепления доказательств по соответствующим уголовным делам (ст. 23).

На фоне конвенционных положений, действующих в рамках Совета Европы, в модельном законе СНГ «О борьбе с коррупцией» [13] прослеживается уголовно-процессуальный характер мониторинговых мер. Не случайно в ст. 6, посвящённым органам и должностным лицам, уполномоченным заниматься противодействием коррупции, названы преимущественно правоохранительные органы с необходимостью формирования специального государственного антикоррупционного института.

Вместе с тем редакция модельного закона СНГ от 2008 г. демонстрирует появление дефиниции «антикоррупционный мониторинг» в известном широком понимании, поскольку включает в себя не только сведения о коррупционных правонарушениях (их анализ, наблюдение, оценка и прогнозирование), но и работу с коррупциогенными факторами, а также исполнительный компонент национальных антикоррупционных стратегий, программ и планов (ст. 3) [17].

При этом в других положениях модельного закона СНГ акцент сделан на финансовый контроль (ст. 9), который содержательно включает в себя отдельные мониторинговые средства. Так, к их числу можно отнести запрет для публичных служащих на анонимность при совершении гражданско-правовых сделок. Обязанность предоставления отчётности об имуществе и операциях с ним закреплена не только за должностными лицами, но и всеми иными гражданами и организациями, имеющими отношение к государственной собственности.

Примечательной особенностью норм модельного закона СНГ является объявление режима тайны для любых сведений, поступающих в рамках финансового контроля в налоговые органы (п. 8 ст. 9). Их предоставление должно осуществляться только по официальным запросам от правоохранительных и судебных органов, что констатируется отдельными российскими учёными. Тем самым информационный массив, образуемый в процессе реализации антикоррупционного мониторинга, провозглашается закрытым для общестественности, что, напротив, порицается в положениях универсальных международных соглашений.

Применительно к СНГ следует выделить специальный модельный закон 2013 г., посвящённый антикоррупционному мониторингу [14]. В нём подчёркивается, что допустимы три модели данного инструмента противодействия коррупции (абз. 2 ст. 1):

- 1) в качестве элемента правового мониторинга или мониторинга правоприменительной деятельности;
- 2) в качестве самостоятельного комплексного направления деятельности государства и общества;
- 3) в качестве специализированной меры противодействия коррупции в отдельных государственных и общественных сферах.

Сужая участников мониторинга до официально уполномоченных государственных и муниципальных органов и должностных лиц, модельный закон СНГ 2013 г., тем не менее, наделяет государства усмотрением в предоставлении аналогичных функций другим субъектам правоотношений (ст. 8). Вместе с тем, в отличие от ряда других международных актов, в данном документе объекты антикоррупционного мониторинга сведены лишь к результатам деятельности государственных и муниципальных органов в области нормотворчества и правоприменения (ст. 5).

Такой подход вытекает из дефиниции, закреплённой в ст. 2 рассматриваемого модельного закона СНГ. В частности, антикоррупционный мониторинг выражается в оценке законодательства и государственных мер по противодействию коррупции. В то же время в данном определении можно выявить и другие мониторинговые направления, напрямую не связанные с государственной сферой. Так, граждане и институты гражданского общества включены в понятие антикоррупционного мониторинга при учёте их позиции относительно уровня коррупции.

Мировой опыт организации антикоррупционного мониторинга демонстрирует как устоявшиеся механизмы его реализации, так и формирующиеся системы противодействия коррупции. Разграничение сфер публичного управления и ограждение интересов отдельных субъектов являются критериями обеспечения независимости монито-

ринговых мер. Поиск оптимальных моделей осуществления антикоррупционных проверок, анализ коррупции и прогноз её развития – ключевые

Литература:

1. *Ahlin C.* Are financial development and corruption control substitutes in promoting growth? / C. Ahlin, J. Pang // *Journal of Development Economics*. 2008. Vol. 86. № 2. P. 414–433.
2. *Cole W.M.* Institutionalizing a global anti-corruption regime: Perverse effects on country outcomes, 1984–2012 / W.M. Cole // *International Journal of Comparative Sociology*. 2015. Vol. 56. № 1. P. 53–80.
3. *Graycar A.* Corruption and control: a corruption reduction approach / A. Graycar, A. Sidebottom // *Journal of Financial Crime*. 2012. Vol. 19. № 4. P. 384–399.
4. *McCoy J.L.* The emergence of a global anti-corruption norm / J.L. McCoy // *International Politics*. 2001. Vol. 38. № 1. P. 65–90.
5. *Mungiu-Pippidi A.* Measuring control of corruption by a new index of public integrity / A. Mungiu-Pippidi, R. Dadašov // *European Journal on Criminal Policy and Research*. 2016. Vol. 22. № 3. P. 415–438.
6. *Rose-Ackerman S.* Corruption and government / S. Rose-Ackerman // *International peacekeeping*. 2008. Vol. 15. № 3. P. 328–343.
7. *Кабанов П.А.* Антикоррупционный мониторинг в субъектах Российской Федерации: вопросы теории и практики правового регулирования. Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2015. 181 с.
8. *Кабанов П.А.* Антикоррупционный мониторинг как криминологическая категория / П.А. Кабанов // *Следователь*. 2010. № 12. С. 26–29.
9. *Канкулов А.Х.* Споры о ратификации Российской Федерацией ст. 20 Конвенции против коррупции / А.Х. Канкулов, И.Р. Кереев // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2019. Т. 15. № 3. С. 46–48.
10. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999) // *Бюллетень международных договоров*. 2009. № 9. С. 15–29.
11. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // *Собрание законодательства РФ*, 26.06.2006. № 26. ст. 2780.
12. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // *Бюллетень международных договоров*. 2005. № 2. С. 3–33.

задачи любого государства, принимающего соответствующее законодательство.

Literature:

1. *Ahlin C.* Are financial development and corruption control substitutes in promoting growth? / C. Ahlin, J. Pang // *Journal of Development Economics*. 2008. Vol. 86. № 2. P. 414–433.
2. *Cole W.M.* Institutionalizing a global anti-corruption regime: Perverse effects on country outcomes, 1984–2012 / W.M. Cole // *International Journal of Comparative Sociology*. 2015. Vol. 56. № 1. P. 53–80.
3. *Graycar A.* Corruption and control: a corruption reduction approach / A. Graycar, A. Sidebottom // *Journal of Financial Crime*. 2012. Vol. 19. № 4. P. 384–399.
4. *McCoy J.L.* The emergence of a global anti-corruption norm / J.L. McCoy // *International Politics*. 2001. Vol. 38. № 1. P. 65–90.
5. *Mungiu-Pippidi A.* Measuring control of corruption by a new index of public integrity / A. Mungiu-Pippidi, R. Dadašov // *European Journal on Criminal Policy and Research*. 2016. Vol. 22. № 3. P. 415–438.
6. *Rose-Ackerman S.* Corruption and government / S. Rose-Ackerman // *International peacekeeping*. 2008. Vol. 15. № 3. P. 328–343.
7. *Kabanov P.A.* Anti-corruption monitoring in the constituent entities of the Russian Federation: issues of theory and practice of legal regulation. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. 181 p.
8. *Kabanov P.A.* Anti-corruption monitoring as a criminological category / P.A. Kabanov // *Investigator*. 2010. № 12. P. 26–29.
9. *Kankulov A.Kh.* Disputes about the ratification by the Russian Federation of Art. 20 of the Convention against Corruption / A.Kh. Kankulov, I.R. Kerefov // *Problems of Economics and Legal Practice*. 2019. Vol. 15. № 3. P. 46–48.
10. Criminal Law Convention for Corruption (concluded in Strasbourg on January 27, 1999) // *Bulletin of International Treaties*. 2009. № 9. P. 15–29.
11. United Nations Convention against Corruption (adopted in New-York on October 31, 2003 by Resolution 58/4 at the 51st plenary meeting of the 58th session of the UN General Assembly) // *Collected Legislation of the Russian Federation*, 06/26/2006. № 26. Art. 2780.
12. Convention against transnational organized crime (adopted in New York on November 15, 2000 by Resolution 55/25 at the 62nd plenary meeting of the 55th session of the UN General Assembly) // *Bulletin of International Treaties*. 2005. № 2. P. 3–33.

13. Модельный закон о борьбе с коррупцией (принят в г. Санкт-Петербурге 03.04.1999 Постановлением 13-4 на 13-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 1999. № 21. С. 70–84.

14. Модельный закон об антикоррупционном мониторинге (принят в г. Санкт-Петербурге 29.11.2013 Постановлением 39-21 на 39-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2014. № 60 (часть 2).

15. Антикоррупционный мониторинг как фактор обеспечения национальной безопасности / Ю.Г. Наумов [и др.]. М. : Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева, 2019. 150 с.

16. Орлова С.В. Некоторые проблемы имплементации статьи 35 Международной Конвенции ООН против коррупции в российское законодательство / С.В. Орлова // Право и безопасность. 2014. № 2. С. 84-87.

17. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 25 ноября 2008 № 31-20 «О новой редакции модельного закона «О противодействии коррупции» // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. 2009. № 43.

13. Model Law on Combating Corruption (adopted in St. Petersburg on April 03, 1999 by Decree 13-4 at the 13th plenary meeting of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States) // Information Bulletin. Interparliamentary Assembly of States Members of the Commonwealth of Independent States. 1999. № 21. P. 70–84.

14. Model law on anti-corruption monitoring (adopted in St. Petersburg on November 29, 2013 by Resolution 39-21 at the 39th plenary meeting of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States) // Information Bulletin. Interparliamentary Assembly of States Members of the Commonwealth of Independent States. 2014. № 60 (part 2).

15. Anti-corruption monitoring as a factor in ensuring national security / Naumov Yu.G. [et al.]. M. : Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy. K.A. Timiryazev, 2019. 150 p.

16. Orlova S.V. Some problems of implementation of Article 35 of the UN International Convention against Corruption in Russian legislation / S.V. Orlova // Law and Security. 2014. № 2. P. 84–87.

17. Decree of the Inter-Parliamentary Assembly of the CIS Member States dated November 25, 2008 № 31-20 «On the new edition of the model law «On Combating Corruption» // Information Bulletin of the Inter-Parliamentary Assembly of the CIS Member States. 2009. № 43.

Факов Азамат Мухажидович
доцент кафедры деятельности ОВД
в особых условиях,
Северо-Кавказский институт
повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России
fakov_1984@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФИНАНСИРОВАНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Установлено, что методологическую основу исследования финансирования террористической деятельности должны составлять диалектический, системный, деятельностный и интервальный подходы, а также общелогические мыслительные приемы, общенаучные и частнонаучные методы, конкретный набор которых зависит как от уровня познания, интервала абстракции, так и от актуальной исследовательской задачи.

Ключевые слова: метод, методология, исследование, финансирование терроризма, диалектический, системный, деятельностный, интервальный подходы.

Противодействие преступности, как сложному феномену невозможно без его надлежащего научного познания и осмысления. Сложность и многомерность феномена терроризма в целом и такой его составляющей, как финансирование террористической деятельности в частности [1; 2], определяет необходимость поиска методологической основы исследования данных объектов социально-правовой действительности с целью формирования целостного системного знания о сущности и закономерностях их существования и поиска путей противодействия им.

Определяя методологическую основу конкретного научного исследования, следует исходить из многоуровневости методологии научного познания. В учении об общенаучном методе познания заложены мировоззренческие установки, логико-гносеологические принципы теории познания социальной реальности, а также направления его практического применения. Специальный же метод научного познания представляет собой путь и способ решения определенной научной задачи [3, с. 13–14].

Как отмечают А.Н. Игнатов и Е.Б. Ильянович, «в основе методологической организации (программы) исследования любого феномена (в том числе преступности как в целом, так и отдельных ее видов) должен лежать определенный подход, позволяющий максимально эффективно

Azamat M. Fakov
Associate Professor of the Department
of Internal Affairs in Special Conditions,
North Caucasus Institute
Advanced Training (branch)
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
fakov_1984@mail.ru

METHODOLOGICAL BASIS FOR THE STUDY OF TERRORIST FINANCING

Annotation. It has been established that the methodological basis for the study of the financing of terrorist activities should be dialectical, systemic, activity and interval approaches, as well as general logical thinking techniques, general scientific and particular scientific methods, the specific set of which depends both on the level of knowledge, the interval of abstraction, and on the actual research task.

Keywords: method, methodology, research, financing of terrorism, dialectical, systemic, activity, interval approaches.

исследовать и наиболее полно познать изучаемый феномен» [4, с. 130]. На наш взгляд, исходя из того, что преступность, представляющая собой «массовое, системное, криминальное (уголовно запрещенное) поведение части членов общества» [5, с. 6–7], является сложным многомерным феноменом социально-правовой действительности, в основе ее исследования должна лежать диалектика, т.е. диалектический подход к познанию.

Диалектический подход нацеливает на раскрытие сущности изучаемого общественного явления путем установления его существенных признаков, устойчивых и случайных связей и зависимостей исходя из всеобщих форм бытия материи, универсальных законов ее развития в объективной действительности [6, с. 13]. Именно диалектический подход позволяет направлять научный поиск на выявление противоречий в объекте познания, установление закономерностей его существования и тенденций развития.

Таким образом, в основе исследования преступности и, в том числе такого ее специфического проявления, как финансирование террористической деятельности, должен лежать диалектический подход к познанию, основанный на всеобщих законах (единства и борьбы противоположностей, перехода количества в качество, отрицания отрицания), категориях (единичное и общее,

часть и целое, содержание и форма, качество и количество, сущность и явление, причина и следствие, необходимость и случайность, возможность и действительность) и принципах (развития, всеобщей связи, единства диалектики, логики и теории познания, восхождения от абстрактного к конкретному, единства логического и исторического и пр.) диалектики.

Системный подход к познанию окружающей нас реальности сформировался в рамках парадигмы естественнонаучного знания для исследования целостных объектов, которые формируются взаимодействием составляющих их элементов и находятся во взаимодействии и разнообразных связях с внешней средой [7, с. 29]. Эффективность системного подхода определила широкое его применение в гуманитарном познании как универсального инструмента научного познания при исследовании сложных социальных явлений в качестве системы. Именно использование методологических принципов системного подхода позволяет осуществлять комплексный анализ общественных явлений и процессов в их взаимосвязи и противоречии. Использование системного подхода позволяет обеспечивать глубокое разностороннее и целостное познание феномена преступности в единстве и многообразии всех биосоциальных факторов, его детерминирующих.

Учитывая фундаментальный системообразующий признак всех преступлений – противоправное (преступное) поведение человека, конституируемое спецификой его биосоциальной природы [8], и исходя из методологических положений системного подхода, финансирование террористической деятельности следует рассматривать, с одной стороны, как систему, функционирующую в рамках других более обширных систем. Так, финансирование террористической деятельности является элементом и подсистемой такой системы, как террористическая деятельность, поскольку, являясь формой содействия террористической деятельности, осуществляется с целью совершения преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, а также непосредственно связана с иными видами террористической деятельности. В свою очередь террористическая деятельность является элементом и подсистемой такой системы, как преступность. Преступность же, как уже отмечалось ранее, является подсистемой системы общества.

Таким образом, исходя из положений системного подхода, финансирование террористической деятельности следует рассматривать с позиции системного взаимодействия по типу «общество – преступность – террористическая деятельность – финансирование террористической деятельности». С другой стороны, финансирование террористической деятельности, с точки зрения системного подхода, учитывая масштабы и иные качественно-количественные характеристики, следует рассматривать как системную преступную деятельность, образующую самостоятельную криминальную практику.

Поскольку преступная деятельность представляет собой специфический вид человеческой деятельности в целом, методологической основой ее исследования, наряду с диалектическим и системным подходами, также должен выступать деятельностный подход.

В общем понимании деятельность представляет собой не что иное, как специфическая форма активного отношения человека к окружающему его миру, содержательно направленная на его целесообразное изменение и преобразование. Исходя из общепризнанного положения об изменении субъектом объекта, под воздействием субъекта деятельности (человека) объект деятельности приобретая новую форму и свойства превращается в продукт деятельности. На более высоком уровне обобщения деятельность представляет собой саморазвивающуюся систему отношений субъектов к объекту и друг к другу. Содержание человеческой деятельности определяют ее основные элементы и структурные связи между ними. Основными элементами деятельности выступают:

- 1) субъект, направляющий свою активность на объект или на иных субъектов;
- 2) объект воздействия (целенаправленной активности субъекта);
- 3) непосредственно активность, выражающаяся в опосредованном определенным способом или средствами воздействии на объект или иных субъектов [9, с. 155–156].

Исходным положением деятельностного подхода является проявление деятельности в единстве с сознанием личности, т.е. принцип единства сознания и деятельности. Деятельность носит системный характер и подчинена общей мотивации в рамках единой поведенческой программы по преобразованию окружающего мира.

Субъектами финансирования террористической деятельности выступают лица, осуществляющие предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг в соответствующих целях [10, с. 137–138]. Объектом их преступной деятельности выступают как общественные отношения в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности и международной безопасности, так и иные субъекты, круг которых довольно обширен (от лиц, непосредственно осуществляющих террористическую деятельность, до лиц, выступающих «финансовыми донорами» такой деятельности и лиц, вовлекаемых в систему финансирования террористической деятельности в качестве субъектов). Непосредственно активность субъектов финансирования террористической деятельности выражается в различного рода манипуляциях финансового характера по обеспечению террористической деятельности.

Согласно ключевым принципам деятельностного подхода, социальная реальность представляет собой структурно-индивидуальное поле, в рамках которого результатом взаимообусловленного

воспроизводства уровня структур и уровня индивидуальностей и оперирования ими формируются различные социальные практики, образующие в своей совокупности социальные системы.

Наиболее воспроизводимые, повторяющиеся социальные взаимодействия, хабиитуализируются трансформируясь в социальную практику, которая, в свою очередь, в случае типизации опривыченных действий со стороны разных субъектов деятельности может проявлять свойства институализации [11, с. 89–92]. Любая социальная практика как устоявшаяся совокупность конкретных опривыченных повторяющихся в реальном времени и пространстве действий субъектов деятельности, обладая такими характеристиками, как рефлексивность, устойчивость, воспроизводство, нормативность и массовость, детерминирована социальной средой и, в то же время, направлена в своем воздействии на социальную среду, в том числе в целях обеспечения стабильности и устойчивости функционирования социальных институтов [12]. Деятельностный подход позволяет исследовать криминальную активность человека, реализуемую в форме различных криминальных практик, не только с позиции ее сущностного содержания и внутренней структуры, но и в тесной взаимосвязи с иными видами социальных практик.

Таким образом, в соответствии с методологией деятельностного подхода, финансирование террористической деятельности следует рассматривать, с одной стороны, в качестве сложной системно организованной преступной деятельности (ее процесс и результат), а, с другой стороны, в качестве специфической сферы преступной деятельности, содержанием которой являются соответствующие криминальные практики.

Рассматривая методологический инструментарий исследования финансирования террористической деятельности, необходимо обратиться также к потенциалу интервальной методологии.

Интервальная методология дает возможность использовать различные методы и подходы как в исследовании различных криминалогических объектов (т.е. частных аспектов, составляющих предмет криминологии), так и в исследовании формы (т.е. извне) и содержания (т.е. изнутри) феномена преступности в целом [13, с. 94–104].

Интервальный подход, отражая парадигму интервальной школы философии, являясь одной из форм постнеклассической рациональности, позволяет познавать окружающую нас «многомерную» реальность с помощью фундаментальных принципов и постулатов интервальности. Интервальная методология опирается на философский принцип объективной относительности свойств вещей и их инвариантных соотношениях как основе их познания. Любое обоснованное представление об объекте имеет объективное основание в случае, если оно выдает инвариантные (идентичные в аналогичных реалиях для любого субъекта познания) истины [14, с. 54].

Интервальная методология исходит из того, что любой объект многомерен и сложен, его познание требует многомерности мышления и интервальности его познания, разнообразные познавательные позиции и возможности и определяет необходимость исследование одного и того же объекта в различных интервалах – условиях, в которых любой объект существует и определенным образом проявляет себя. При этом, получаемое в рамках определенного интервала в качестве абсолюта (поскольку каждая познавательная позиция субъекта при ее рациональном обосновании имеет равное право на истину) знание относительно в рамках других интервалов. Сущность же объекта имеет надинтервальный характер и ее многомерность постигается с учетом всех характеристик, проявляющихся в различных интервалах [15; 16]. Таким образом, интервальная «оптика» многомерного мышления позволяет выявлять многомерную сущность объекта исследования.

Преступность, «помещенная» в различные интервалы, избираемые (как по наполнению, так и по следовательности) в рамках криминологического исследования в соответствии с его предметом, целями и задачами, преобразуется, проявляя новые свойства и интервальные качества. В результате исследователь имеет возможность получить целостное знание о преступности (ее отдельных видах) как о многомерном феномене [17, с. 57–58]. Научная ценность интервальной методологии криминологических исследований определяется тем, что данный подход позволяет исследовать феномен преступности с позиции различных отраслей знаний, т.е. «включать» данный феномен в предмет иных (помимо наук уголовно-правового цикла) наук (медицины, психиатрии, психологии, социологии, демографии, статистики, экономики, политологии и др.), что исключает злоупотребление исследованием каких-либо его отдельных свойств или качеств.

Таким образом, полиметодологический интервальный подход позволяет осуществлять трансдисциплинарное исследование преступности, в частности такого ее сложного по своей природе проявления, как финансирование терроризма, в различных, задаваемых спецификой познавательной позиции, интервалах абстракции: биологическом, физическом, психологическом, социальном, экономическом, правовом, культурном, духовном и пр., и в результате синтеза полученных знаний о множестве его сущностных характеристик обеспечить всестороннее понимание данного феномена и создание его теоретической модели.

Так, в рамках биологического интервала финансирование террористической деятельности следует рассматривать как акт поведения человека, детерминируемый его биосоциальной природой и доминирующей мотивацией. В физическом интервале финансирование террористической деятельности представляет собой специфический процесс обмена и распределения материальных средств и ресурсов, т.е. специфическую форму существования материи, находящуюся в динамическом движении и обмене энергией с иным

объектами (явлениями и процессами) окружающего мира. Рассмотрение финансирования террористической деятельности в психическом интервале позволяет изучать ее как осознанное, волевое и целенаправленное поведение человека, реализуемое в форме деятельности.). В социальном интервале абстракции финансирование террористической деятельности следует рассматривать как специфические общественные отношения, складывающиеся по поводу данного вида социальной практики. В экономическом интервале финансирование террористической деятельности представляет собой процесс и результат поиска и обеспечения финансовыми ресурсами (денежными средствами). В культурно-историческом интервале финансирование террористической деятельности необходимо рассматривать как характеристику культурно-исторической эволюции человечества. Поскольку преступность, как таковая, является частью правовой реальности, финансирование террористической деятельности следует рассматривать также в правовом интервале абстракции, как конкретную форму уголовно запрещенного поведения и вид преступной деятельности.

Важнейшим методологическим инструментом исследования преступности, как и иных объектов социальной реальности, является диалектика внутреннего и внешнего, что позволяет установить связь между сущностью преступности и ее проявлениями.

Реальность существования преступности в целом, и финансирования террористической деятельности в частности, как социальной действительности означает некую объективную данность, существующую и субъективно воспринимаемую нами во всех ее материальных проявлениях. В связи с чем, научное исследование (как выбор методологического инструментария, так и организация его процесса) данных объектов находятся в плоскости теоретического и практического восприятия реальности.

Интегративный подход к уровням научного познания определяет формирование теоретического базиса исследования (выдвижение идей, гипотез, обоснование категориального аппарата и пр.) и получение на его основе качественно новых системных знаний о предмете исследования исключительно на основе систематизированного эмпирического материала [18, с. 12–14].

При исследовании финансирования террористической деятельности на эмпирическом уровне познания, необходимо выяснить ее сущность, характерные черты, закономерности и противоречия с дифференциацией на общие (присущие

террористической деятельности в целом) и специфические (присущие финансированию террористической деятельности как специфической криминальной практике). На теоретическом уровне познания финансирования террористической деятельности происходит осмысление и отражение действительности представление логических результатов, формулирование новых научных концепций и получение нового криминологического знания получить путем абстрактного мышления.

Реализация конкретной программы исследования преступности предполагает наличие определенной, обусловленной спецификой данного феномена совокупности методов, последовательное использование которых в рамках избранного теоретико-методологического подхода позволит достичь цели исследования посредством реализации комплекса поставленных в соответствии с целью исследования задач [4].

Единый процесс теоретико-практического познания и преобразования реальности осуществляется посредством общелогических мыслительных приемов, таких как: абстрагирование и обобщение (конкретизация), анализ и синтез, дедукция и индукция, систематизация, типология и классификация, моделирование, а также общенаучных методов эмпирического познания. Наряду с ними в рамках программы исследования финансирования террористической деятельности, определяющей его порядок и процедуры, необходимо использовать комплекс конкретных методов (математических, статистических, кибернетических, социологических, психологических и др.) сбора, обобщения и анализа криминологически значимой информации.

Таким образом, комплексное применение в рамках исследования финансирования терроризма философских, общенаучных и конкретно-научных методов познания позволяет раскрыть сущность и характеристики данного феномена. Методологическую основу исследования финансирования террористической деятельности должны составлять диалектический, системный, деятельностный, а также интервальный подходы. Научное исследование финансирования террористической деятельности как социальной действительности должно находиться в плоскости теоретического и практического восприятия реальности, осуществляемого посредством общелогических мыслительных приемов и применения общенаучных методов эмпирического познания. Конкретный набор методов зависит как от уровня познания, интервала абстракции, так и от конкретной исследовательской задачи.

Литература:

1. *Факов А.М.* Антитеррористическая политика как средство борьбы с терроризмом и экстремизмом в России / А.М. Факов // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. 15. № 3. С. 31–32.

Literature:

1. *Fakov A.M.* Antiterrorist policy as a means of combating terrorism and extremism in Russia / A.M. Fakov // Problems of Economics and Legal Practice. 2019. Vol. 15. № 3. P. 31–32.

2. *Факов А.М.* О доктрине противодействия терроризму в Российской Федерации / А.М. Факов // Государственная служба и кадры. 2019. № 2. С. 100–102.
3. *Швырев В.С.* Методологический анализ науки: его сущность, основные типы и формы. М. : Знание, 1980. 64 с.
4. *Игнатов А.Н.* Методологические основы исследования преступности / А.Н. Игнатов, Е.Б. Ильянович // Общество и право. 2015. № 2(52). С. 129–133.
5. *Игнатов А.Н.* Понятие общеуголовной преступности / А.Н. Игнатов // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 1(39). С. 6–10.
6. *Шептулин А.П.* Диалектический метод познания (вопросы применения диалектики в качестве метода познания и революционного преобразования действительности). М. : Знание, 1984. 64 с.
7. *Урсул А.Д.* Общенаучный статус и функции системного подхода / А.Д. Урсул // Системные исследования: ежегодник. 1977. М., 1977. С. 29–47.
8. *Игнатов А.Н.* О биосоциальной природе преступности. Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2016. № 1. С. 63–73.
9. *Батищев Г.С.* Введение в диалектику творчества. СПб. : Изд-во РХГИ, 1997. 464 с.
10. *Факов А.М.* Социально-психологические особенности личности преступника-террориста / А.М. Факов // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 5. С. 137–138.
11. *Бергер П.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. М., 1995. 323 с.
12. *Шугальский С.С.* Социальные практики: интерпретация понятия / С.С. Шугальский // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 276–280.
13. *Игнатов А.Н.* Интервальная методология в криминологическом исследовании феномена насилия / А.Н. Игнатов, Е.Г. Семенова, Е.Б. Ильянович // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 3. С. 94–104.
14. *Креминский А.И.* Интервальная методология в контексте современной науки и культуры : монография. Симферополь : Синтгма, 2011. С. 54.
15. *Семенова Е.Г.* Системный подход и интервальная методология как методологическая основа исследований правового регулирования отношений в сфере недвижимости / Е.Г. Семенова // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 3(33). С. 203–209.
16. *Семенова Е.Г.* Недвижимость как правовая категория: опыт интервального анализа / Е.Г. Семенова // Общество и право. 2016. № 4(58). С. 215–220.
2. *Fakov A.M.* On the Doctrine of Countering Terrorism in the Russian Federation / A.M. Fakov // Public Service and Personnel. 2019. № 2. P. 100–102.
3. *Shvyrev V.S.* Methodological analysis of science: its essence, main types and forms. M. : Knowledge, 1980. 64 p.
4. *Ignatov A.N.* Methodological bases for the study of crime / A.N. Ignatov, E.B. Ilyanovich // Society and law. 2015. № 2(52). P. 129–133.
5. *Ignatov A.N.* The concept of general criminality / A.N. Ignatov // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 1(39). P. 6–10.
6. *Sheptulin A.P.* Dialectical method of cognition (questions of application of dialectics as a method of cognition and revolutionary transformation of reality). M. : Knowledge, 1984. 64 p.
7. *Ursul A.D.* General scientific status and functions of a systematic approach / A.D. Ursul // System Research: Yearbook, 1977. M., 1977. P. 29–47.
8. *Ignatov A.N.* On the biosocial nature of crime. Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2016. № 1. P. 63–73.
9. *Batishchev G.S.* Introduction to the dialectic of creativity. SPb. : RKHGI Publishing House, 1997. 464 p.
10. *Fakov A.M.* Socio-psychological characteristics of the personality of a terrorist criminal / A.M. Fakov // Gaps in Russian legislation. 2019. № 5. P. 137–138.
11. *Berger P.* Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge / P. Berger, T. Lukman. M., 1995. 323 p.
12. *Shugalsky S.S.* Social practices: interpretation of the concept / S.S. Shugalsky // Knowledge. Understanding. Skill. 2012. № 2. P. 276–280.
13. *Ignatov A.N.* Interval methodology in the criminological study of the phenomenon of violence / A.N. Ignatov, E.G. Semenova, E.B. Ilyanovich // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019. № 3. P. 94–104.
14. *Kreminsky A.I.* Interval methodology in the context of modern science and culture : monograph. Simferopol : Sintgma, 2011. P. 54.
15. *Semenova E.G.* System approach and interval methodology as a methodological basis for research of legal regulation of relations in the field of real estate / E.G. Semenova // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 3(33). P. 203–209.
16. *Semenova E.G.* Real estate as a legal category: experience of interval analysis / E.G. Semenova // Society and Law. 2016. № 4(58). P. 215–220.

17. Пудовочкин Ю.Е. Интервальная методология в исследовании преступности: сущность, преимущества и перспективы / Ю.Е. Пудовочкин, А.Н. Игнатов, А.А. Кашкаров // Общество и право. 2020. № 2(72). С. 55–60.

18. Лукашевич В.К. Философия и методология науки. Мн. : Современ. шк., 2006. 320 с.

17. *Pudovochkin Yu.E.* Interval methodology in the study of crime: essence, advantages and prospects / Yu.E. Pudovochkin, A.N. Ignatov, A.A. Kashkarov // Society and Law. 2020. № 2(72). P. 55–60.

18. *Lukashevich V.K.* Philosophy and methodology of science. Mn. : Modern. school, 2006. 320 p.

Чимаров Сергей Юрьевич

доктор исторических наук,
профессор,
профессор кафедры управления
персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
serg120756@gmail.com

Sergey Yu. Chimarov

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
serg120756@gmail.com

**ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ПРАВА
В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СУЖДЕНИЯХ
ФРИДРИХА ВИЛЬГЕЛЬМА НИЦШЕ**

**QUESTIONS OF THE HISTORY OF LAW
IN THE CONCEPTUAL JUDGMENTS
OF FRIEDRICH WILHELM NIETZSCHE**

Аннотация. В статье автором представлен анализ некоторых концептуальных суждений немецкого философа Ф. Ницше, предметным полем которых являются отдельные аспекты зарождения и «вектора нацеленности» права. Выявляя правоведческую сторону теоретического наследия указанного мыслителя, автор выдвигает гипотезу об актуальности научного осмысления многих положений ницшеанства о праве с точки зрения их адаптации под современный срез понимания роли права в жизни социума XXI в.

Ключевые слова: право, власть, закон, миф, идеалы, мораль, юриспруденция.

Annotation. The article presents an analysis of some conceptual judgments of the German philosopher F. Nietzsche, the subject field of which is certain aspects of the origin and the «vector of focus» of law. Revealing the jurisprudential side of the theoretical heritage of the specified thinker, the author puts forward a hypothesis about the relevance of scientific understanding of many provisions of Nietzscheanism about law, from the point of view of their adaptation to the modern understanding of the role of law in the life of society in the 21st century.

Keywords: law, power, law, myth, ideals, morality, jurisprudence.

В кругу мыслителей, научный поиск которых был обращен к специальному освещению перманентно актуальных тем, включая тему понимания истории права, имя немецкого философа и культурного критика Фридриха Вильгельма Ницше (1844–1900 гг.) не занимает особое место. Кроме того, необходимо отметить и то обстоятельство, что в нашей стране на протяжении длительного периода имя данного философа, как правило, преподносилось в смысловом диапазоне: от нейтрального до негативного. Презентуя интегральную оценку философских воззрений на многие стороны общественной жизни, включая и правоведческие аспекты, марксистский подход к осмыслению творческого наследия Ф. Ницше в центр его размышлений определял апологию рабства и идею сверхчеловека, как оценивалось, разработанные немецким мыслителем с позиций волюнтаризма, иррационализма и скептицизма. Указанный спектр критического восприятия помещался в «Прокрустово ложе» следующих пределов: «Философское учение Фридриха Ницше не последовательно и противоречиво, но, несмотря на свою логическую бессвязность, оно едино по духу, тенденции и цели» [1, с. 651]. Как нам представляется, указанный вывод односторонним образом характеризует обширный пласт воззрений немецкого философа и не способствует глубине проникновения в подлинный смысл его

творческого багажа, содержание многих идейных элементов которого не теряет своей актуальности и в настоящее время. Отмеченное в полной мере распространяется и на понимание этим мыслителем отдельных аспектов происхождения и эволюции права.

Как отмечает американский специалист в области юриспруденции и социальной политики доктор философии М. Констебл (Калифорнийский университет в Беркли), представленная в «Сумерках идолов» история метафизики включает в себе и историю юриспруденции. При этом Ф. Ницше демонстрирует, каким образом идейные установки платонизма, христианства, кантианства и утилитаризма способствуют трансформации «подлинного мира» идеалов в «кажущийся» феноменальный мир, существование которого само по себе вызывает вопрос, на который нет однозначного ответа. Применительно к последующей эволюции правовой мысли XX в., этот американский ученый исходит из того, что осмысление динамики многих «идеалов» права сопряжено с пониманием права как наблюдаемого социального явления в целом.

Таким образом, любое смещение фокуса нашего внимания к постижению «видимого» мира в правовой мысли тождественно спектру тех вопросов, которые рассмотрены в указанной работе Ф. Ницше и результирующий вектор которых

ориентирован на уяснение следующего тезиса: «Указывает ли социологическое право на нигилистическое разрушение правовой традиции или на радостную возможность преодоления этой традиции?» [8, p. 551]. Согласно выводу американского философа и правоведа Б. Лейтера (юридическая школа Чикагского университета), указанная проблема относится к области демаркации в юриспруденции, предметное поле которой обращено, в том числе, к ницшеанскому скептицизму о существовании в реальности мира реального. В данном случае, американский ученый исходит из того, что решение проблемы демаркации должно отвечать на практический вопрос психосоциального значения, сводимого в выявлении отношения людей к морали и законности.

Таким образом, теоретическое решение проблемы демаркации в юриспруденции позволяет выявить действительные психологические установки людей, определяющие формат их поведения и их соответствие нормам права [10, p. 14]. При этом, по утверждению Б. Лейтера, Ф. Ницше подходит к анализу истории права с позиций юридического натурализма, выявляя воздействие права на формирование поведенческих моделей индивида в контексте естественных наук, объясняющих детерминированный характер его поступков. В данном случае, апеллируя к достижениям физиологии XIX в., Ф. Ницше оценивает право подобно тому, как это осуществлял Д. Юм, акцентировавший внимание на ньютоновской механике [9, p. 34–35].

При объяснении природы права, Ф. Ницше направляет наше внимание на концентрацию в ряде правовых положений мифологической основы. В данном случае, под мифом философ понимает «сосредоточенный образ мира, который, как аббревиатура явления, не может обходиться без чуда» [6, с. 148]. По мысли Ф. Ницше, без мифа вся область деятельности человека и многие образованные им институты утрачивают «здоровый творческий характер природной силы» [6, с. 149]. Более того, исходя из логики рассуждений Ф. Ницше, «абстрактный, не руководимый мифами человек, абстрактное воспитание, абстрактные нравы, абстрактное право, абстрактное государство» приводят к деформации «твердого, священного, коренного устоя» существования, как самого человека, так и общества [6, с. 149].

Апеллируя к истории права и ее неотделимости от проявления свободы воли, Ф. Ницше в «Сумерках идолов» указывает на стремлении, стоявшей во главе древних общин корпорации жрецов, учредить для себя право присуждения людей к наказаниям, используя при этом фактор наделения Бога правом наказания всех тех, кто отступил от божественных предписаний. В этой связи, философ воспринимает каждый акт поведения индивида в качестве намеренного, а источником

Литература:

1. Краткий очерк истории философии / Под ред. М.Т. Иовчука [и др.]. М. : Издательство «Мысль», 1981. 927 с.

конкретного поступка считает осознание завещанного свыше правового предписания [3, с. 583]. Тем не менее, Ф. Ницше приходит к выводу о том, что все древние представления о праве имели ложный посыл, поскольку «ни Ману, ни Платон, ни Конфуций, ни иудейские и христианские учителя никогда не сомневались в своем праве на ложь» [3, с. 588]. Несомненно внимание заслуживает представленная философем в «Сумерках идолов» формула права, сводимая к тому, что право есть нормальная форма бытия человека, его оружие и защита с точки зрения самого инстинкта сильного человека [3, с. 619–620].

Исследуя систему договорных отношений в Древнем Египте, Ф. Ницше замечает об использовании правовой силы: «Власть имущих» по отношению к более слабым субъектам этих отношений, что подтверждается наделением должника правовой ответственностью в виде возможности уплаты своего долга всем тем, чем он еще обладает: своим телом, своей женой, своей свободой и даже своей жизнью [4, с. 444–445].

Используя в качестве вербального аргумента на обладание правом каждого, даже слабейшего, латинское выражение «каждый имеет право в меру значительности своей силы» (от лат. *«unusquisque tantum juris habet, quantum potentia valet»*), которое приведено в «Богословско-политическом трактате» Б. Спинозы, Ф. Ницше добавляет в конструкцию голландского философа следующий фрагмент: «Сколь значительным кажется по своей силе» (от лат. *«quantum potentia valere creditur»*) [7, с. 288]. Выявляя в своей работе «Антихрист» религиозный аспект генезиса права, Ф. Ницше замечает, что для каждого христианина право и смысл Евангелия являются однородными таким понятиям как «жизнь», «учение», «пример» и «смерть» [5, с. 666]. В этом же труде философ «поет осанну» правому значению кастового расслоения общества суть кастовому порядку или высшему доминирующему закону, при котором «есть только санкция естественного порядка, естественная законность первого ранга, над которой не имеет силы никакой произвол, никакая «современная идея» [5, с. 685].

Резюмируя изложенное, следует указать на то, что Ф. Ницше, безусловно, является выдающейся личностью, а его вклад в накопленный человеческим массив философских и политико-правовых представлений об окружающем нас мире очевиден. Специальное обращение современной генерации ученых к ряду постулатов указанного немецкого философа является не только проявлением уважения к алгоритму его размышлений, но и актуальной задачей на пути научного разрешения многих проблем XXI в., в онтологическом смысле возникших и проявляющихся в прежние времена, и в трансформированном виде существующими в нашу эпоху.

Literature:

1. A brief outline of the history of philosophy / Edited by M.T. Iovchuk [et al.]. M. : Publishing House «Thought», 1981. 927 p.

2. Мочкин А.Н. Фридрих Ницше (интеллектуальная биография). М. : ИФРАН, 2005. 246 с.
3. Ницше Ф. Сумерки идолов, или как философствуют молотом / Ф. Ницше // Собрание сочинений в 2-х томах. М. : Издательство «Мысль», 1990. Т. 2. С. 556–630.
4. Ницше Ф. К генеалогии морали. Полемическое сочинение / Ф. Ницше // Сочинения в 2-х томах. М. : Издательстве «Мысль», 1990. Т. 2. С. 407–524.
5. Ницше Ф. Антихрист / Ф. Ницше // Сочинения в 2-х томах. М. : Издательство «Мысль», 1990. Т. 2. С. 631–692.
6. Ницше Ф. Рождение трагедии, или эллинизм и пессимизм / Ф. Ницше // Сочинения в 2-х томах. М. : Издательство «Мысль», 1990. Т. 1. С. 47–157.
7. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов / Ф. Ницше // Сочинения в 2-х томах. М. : Издательство «Мысль», 1990. Т. 1. С. 231–490.
8. Constable M. Genealogy and Jurisprudence: Nietzsche, Nihilism, and the Social Scientification of Law / M. Constable // Law & Social Inquiry. 1994. Vol. 19. Iss. 3. P. 551–590.
9. Leiter B. Naturalizing Jurisprudence. Oxford : Published to Oxford Scholarship Online, 1993. URL : <https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/acprof:oso/9780199206490.001.0001/acprof-9780199206490> (дата обращения 17.03.2022).
10. Leiter B. The Demarcation Problem in Jurisprudence: a New Case for Skepticism / B. Leiter // 1 Conference on Philosophy and Law Neutrality and Theory of Law (Girona, 20–22 May 2010). Girona, 2010. P. 1–19. URL : https://www.te.gob.mx/ccje/Archivos/brian_leiter.pdf (дата обращения 15.03.2022).
2. Mochkin A.N. Friedrich Nietzsche (intellectual biography). M. : IFRAN, 2005. 246 p.
3. Nietzsche F. Twilight of idols, or how they philosophize with a hammer / F. Nietzsche // Collected works in two volumes. M. : Publishing House «Thought». Vol. 2. P. 556–630.
4. Nietzsche F. To the genealogy of morality. Polemical essay / F. Nietzsche // Essays in two volumes. M. : Publishing House «Thought», 1990. Vol. 2. P. 407–524.
5. Nietzsche F. Antichrist / F. Nietzsche // Works in two volumes. M. : Publishing House «Thought», 1990. Vol. 2. P. 631–692.
6. Nietzsche F. The Birth of tragedy, or Hellenism and Pessimism / F. Nietzsche // Works in two volumes. M. : Publishing House «Thought», 1990. Vol. 1. P. 47–157.
7. Nietzsche F. Human, too human. A book for free minds / F. Nietzsche // Essays in two volumes. M. : Publishing House «Thought», 1990. Vol. 1. P. 231–490.
8. Constable M. Genealogy and Jurisprudence: Nietzsche, Nihilism, and the Social Scientification of Law / M. Constable // Law & Social Inquiry. 1994. Vol. 19. Iss. 3. P. 551–590.
9. Leiter B. Naturalizing Jurisprudence. Oxford : Published to Oxford Scholarship Online, 1993. URL : <https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/acprof:oso/9780199206490.001.0001/acprof-9780199206490> (date of appeal 17.03.2022).
10. Leiter B. The Demarcation Problem in Jurisprudence: a New Case for Skepticism / B. Leiter // 1 Conference on Philosophy and Law Neutrality and Theory of Law (Girona, 20–22 May 2010). Girona, 2010. P. 1–19. URL : https://www.te.gob.mx/ccje/Archivos/brian_leiter.pdf (date of appeal 15.03.2022).

Чимаров Сергей Юрьевич

доктор исторических наук,
профессор,
профессор кафедры
управления персоналом
и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
serg120756@gmail.com

Алексеев Алексей Анатольевич

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры управления
персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
revers2010@rambler.ru

Душкина Ольга Николаевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры управления
персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
7473109@mail.ru

**ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
ПРЕДЕЛОВ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МИЛИЦИИ
В КОНТЕКСТЕ НОРМАТИВНЫХ
УСТАНОВЛЕНИЙ РЕГИОНАЛЬНЫХ
(МЕСТНЫХ) ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ
ВЛАСТИ И ОТЧЕТОВ ГУБЕРНСКИХ
УПРАВЛЕНИЙ МИЛИЦИИ
(1918–1920-Е ГГ.)**



Аннотация. В статье представлен анализ некоторых положений нормативных правовых актов периода становления в нашей стране советской власти, обращенных к уточнению пределов функционирования нового правоохранительного учреждения, именуемого милицией и сменившего прежнюю полицию. При уточнении спектра функционального применения Рабоче-крестьянской милиции, авторы акцентируют внимание на малоизвестных страницах истории советской милиции, представленных в различных архивных источниках.

Ключевые слова: милиция, нормативные правовые акты, законность, права человека, революционная целесообразность, преступность.



Sergey Yu. Chimarov

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
serg120756@gmail.com

Alexey A. Alekseyev

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
revers2010@rambler.ru

Olga N. Dushkina

Candidate of Law,
Associate Professor of the Department
of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
7473109@mail.ru

**HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS
OF THE LIMITS OF THE FUNCTIONING
OF THE WORKING PEASANT MILITIA
IN THE CONTEXT OF REGULATORY
ESTABLISHMENTS REGIONAL (LOCAL)
BODIES OF SOVIET POWER
AND REPORTS PROVINCIAL POLICE
DEPARTMENTS (1918–1920S)**



Annotation. The article presents an analysis of some provisions of the normative legal acts of the period of formation of Soviet power in our country, aimed at clarifying the limits of the functioning of a new law enforcement institution, called the police, which replaced the former police. When clarifying the range of functional application of the Workers 'and Peasants' Militia, the authors focus on the little-known pages of the history of the Soviet militia, presented in various archival sources.

Keywords: militia, normative legal acts, legality, human rights, revolutionary expediency, crime.



Процесс формирования Рабоче-крестьянской милиции (далее – РКМ) как новой государственной институции правоохранительной направленности достаточно обстоятельно исследован применительно к уровню общегосударственного значения, т.е., в формате решений центральных органов советской власти. Между тем, многие глубинные явления указанного предметного поля, в части уточнения отдельных страниц историко-правового характера становления РКМ на региональном (местном) уровне, требуют дальнейшего анализа. В этой связи, нами проведено исследование свода документов отмеченного уровня, на котором было осуществлено их принятие.

Доминирующая в российском обществе периода 1918–1220-х гг. идея революционной целесообразности, несомненно, предопределила вектор усилий милицейской деятельности и своеобразное понимания права, в его революционном «преломлении». Тем не менее, анализ существовавшей к тому времени практики задействования милиции для решения различного рода задач свидетельствует о неизменном напоминании личному составу советской парадигмы органов внутренних дел о важности соблюдения прав человека.

В целях соблюдения прав человека и принципа законности в ходе проведения милицейских мероприятий Приказом Главного Штаба революционной охраны г. Саратова № 40 от 04 июля 1918 г. всем районным штабам революционной охраны предписывалось проведение обысков с обязательным привлечением понятых и подробным занесением в протокол обыска всех изъятых вещей с последующим печатыванием сургучной печатью описи этих материальных ценностей. При этом обязательным пунктом при аресте граждан являлось изъятие у их владельцев всех монет золотого, серебряного и медного достоинства. В соответствии с указанным нормативным актом, граждане, которые были арестованы за пьянство и хулиганство, следовало препровождать в уголовно-розыскную милицию [3, с. 16–17]. По всей видимости, тема соблюдения прав человека и нарушения принципа законности была в целом актуальна для первых лет становления РКМ. Подтверждением тому является Циркуляр Белебеевского уездного исполкома, адресованный, в том числе, и сотрудникам РКМ, предупреждающий личный состав об ответственности в виде придания суду Революционного трибунала за противоправные действия и распоряжения отдельных начальствующих лиц в части производства самовольных арестов среди населения [7, л. 208].

Руководствуясь положениями проекта Декрета о рабоче-крестьянской охране, утвержденного коллегией НКВД 05 июня 1918 г., Президиум исполнительного комитета Саратовской губернии уведомил о назначении 13 сентября на должность заведующего отделением рабоче-крестьянской охраны (советской милиции) губернского отдела управления М.А. Дейча. При этом следует отметить, что в перечень основных компетенций назначения на начальствующие должности во

новь учреждаемые органы советской милиции входили:

- 1) принадлежность к партии коммунистов;
- 2) партийный стаж [6, л. 13].

Отмеченное обстоятельство свидетельствовало о стремлении советской власти решать «животрепещущие» задачи борьбы с контрреволюцией, преступлениями обще-уголовного характера и искоренения «анархического беспорядка» посредством привлечения в руководящие кадры правоохранительных органов граждан из числа преданных делу революции 1917 г.

Для молодой советской власти серьезной проблемой явились вопросы тотального дефицита жизненно важных элементов российской инфраструктуры. В целях обеспечения нормального функционирования экономики страны личный состав уездной РКМ активно привлекался к решению задач по мобилизации для нужд народного хозяйства, к примеру, конных повозок, упряжных лошадей и упряжи, а отдельные сотрудники милиции назначались к исполнению обязанностей кучеров-милиционеров. Следует отметить, что упряжные лошади и повозки использовались, в том числе, при перевозке дров для отопления учреждений РКМ. В случае сокрытия транспортных средств или бойкота оперативности доставки всего необходимого для обеспечения перевозок, органы РКМ наделялись функционалом выявления виновных и передачи их дел на рассмотрение соответствующей судебной инстанции Революционного Трибунала [4, л. 169].

Во исполнение Декрета СНК от 09 мая 1918 г. о хлебной монополии, в территориальных образованиях уездного уровня на милицию возлагалась задача по оказанию содействия «Продовольственным комитетам» в организации заготовки хлеба и других продуктов питания, а при необходимости – принятия мер принудительного воздействия на граждан с целью обеспечения устойчивой доставки зерна на пункты его сбора. Эффективность решения данной задачи обеспечивалась борьбой с мошенниками и мешочниками, а также, участием летучих отрядов милиции в подавлении кулацких восстаний. В число мер запретительного характера входил и запрет на производство частными лицами различного рода кондитерских изделий. По этой причине, Президиум Уфимской губернской продовольственной коллегии принял специальное Постановление № 173 от 30 октября 1919 г., на основании которого, на территории губернии вводился запрет на выпечку, выделку и продажу различных кондитерских изделий, включая пирожные, торты, мороженое, конфеты и т.п. При выявлении нарушителей законного запрета, указанная продукция подлежала конфискации, а к виновным лицам в судебном порядке применялись меры наказания по линии Революционного трибунала. Следует отметить, что выполнение данного Постановления предписывалось уездной милиции [1, л. 107].

Как следует из отчета Уфимского губернского управления милиции за март 1920 г. в Главное управление милиции РСФСР, ареал текущей

милицейской деятельности заключал в себе спектр следующих направлений:

- 1) вручение гражданам различного рода повесток и соответствующей корреспонденции, контент которой заключался в необходимости получения от граждан необходимых объяснений;
- 2) розыск преступных элементов;
- 3) сбор через «Домашние комитеты» сведений с персональными данными граждан;
- 4) сбор статистических сведений, в части учета лошадей, повозок и упряжи;
- 5) учет граждан, на которых возлагалась миссия по их участию в военной подготовке;
- 6) регистрация специалистов лоцманского профиля;
- 7) наблюдение за поддержанием в населенных пунктах должного санитарного порядка;
- 8) розыск извозчиков, не выехавших на работу.

Наряду с отмеченным, милиция принимала участие в подавлении кулацких восстаний (участники восстаний вооружались частично огнестрельным оружием, а, в основном, вилами, топорами, косями, дубинами и пр.), поддерживала устойчивость исполнения населением назначаемых

Литература:

1. Из постановления коллегии Уфимского городского продовольственного комитета о запрещении производства гражданами кондитерских изделий. Не ранее 30 октября 1919 г. // ЦГИА РБ. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 8. Л. 107
2. Отчет Уфимского губернского управления милиции в Главное управление милиции РСФСР. 02 апреля 1920 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 23. Д. 89.
3. Приказ № 40 Главного Штаба революционной охраны г. Саратова. 04 июля 1918 г. / Синицын П.Н. История советской рабоче-крестьянской милиции (по Саратовской губернии). Саратов : Адм. отд. Саратовск. губисполкома, 1924. 74 с.
4. Приказ Уфимского губернского управления милиции от 11 февраля 1920 г. № 20 «О положении дел в милиции губернии» // ЦГИА РБ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 5.
5. Приказ по Саратовской уездной милиции от 13 марта 1924 г. № 21. URL : <http://docs.history-russia.org/ru/nodes/133338#mode/inspect/page/4/zoom/4> (дата обращения 14.03.2022).
6. Сообщение Президиума Саратовского губернского исполкома в отдел местного управления НКВД РСФСР № 9 от 14 сентября 1918 г. // Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 521. Оп. 1. Д. 226.

нарядов в отношении гужевой и трудовой повинности, а также, очистки дорог от снежных заносов и снабжения дровами железнодорожных станций. В перечень актуальных входили задачи, сопряженные с преодолением дезертирства, преследованием участников самогоноварения и борьбой с преступностью, включая борьбу с контрреволюцией и спекуляцией [2, л. 3–6].

В целях установления действенных мер борьбы с развивающимся в сельских местностях хулиганством, в марте 1924 г. Саратовским уездным исполкомом было принято соответствующее Постановление, исходя из текста которого, под хулиганством понимались «драки, кулачные бои, произнесение ругательных, оскорбляющих общественную нравственность слов, и неприличных песен и другие действия, сопряженные с явным проявлением неуважения к отдельным гражданам и обществу». Общий надзор за выполнением указанного решения органа власти возлагалось на органы милиции [5].

Таким образом, указанные нами источники свидетельствуют о многогранности решаемых личным составом Рабоче-крестьянской милиции задач, нацеленных на поддержание в российском обществе периода его кардинальной трансформации от царского времени к эпохе советских преобразований, правопорядка и законности, в ее революционном обрамлении.

Literature:

1. From the resolution of the board of the Ufa City Food Committee on the prohibition of the production of confectionery by citizens. Not earlier than October 30, 1919 // TsGIA RB. F. R-1262. Op. 1. D. 8. L. 107
2. Report of the Ufa Provincial Police Department to the Main Police Department of the RSFSR. April 02, 1920 // GARF. F. 393. Op. 23. D. 89.
3. Order № 40 of the General Staff of the Revolutionary Guard of Saratov. July 4, 1918 // Sinitsyn P.N. History of the Soviet Workers' and peasants' militia (in the Saratov province). Saratov : Adm. ed. Saratov. Gubernia executive committee, 1924. 74 p.
4. Order of the Ufa provincial police Department dated February 11, 1920 № 20 «On the state of affairs in the province militia» // TSGIA RB. F. R-1. Op. 1. D. 5.
5. Order on the Saratov county militia dated March 13, 1924 № 21. URL : <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/133338#mode/inspect/page/4/zoom/4> (date of application 14.03.2022).
6. Message of the Presidium of the Saratov Provincial Executive Committee to the Department of local administration of the NKVD of the RSFSR № 9 dated September 14, 1918 // State Archive of the Saratov region (GASO). F. 521. Op. 1. D. 226.

7. Циркулярное письмо Белебеевского уездного исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов волостным исполкомам, начальникам уездного, волостных и участковых отделов милиции о запрещении незаконных арестов. 21 октября 1919 г. // ЦГИА РБ. Ф. Р- 777. Оп. 1. Д. 3.

7. Circular letter of the Belebeyevsky District Executive Committee of the Soviets of Workers', Peasants' and Red Army Deputies to the volost executive committees, heads of the district, volost and district police departments on the prohibition of illegal arrests. October 21, 1919 // TsGIA RB. F. R- 777. Op. 1. D. 3.

Шаназарова Елена Витальевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры публично-правовых
дисциплин факультета
права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Milena.555@mail.ru

Elena V. Shanazarova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
of the Department of Public Law
Faculty Disciplines
Law and Administration,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Execution of Punishments
Milena.555@mail.ru

Савельева Ольга Евгеньевна

доцент кафедры финансового права
и таможенной деятельности,
Владимирский государственный
университет имени
Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
Milena.555@mail.ru

Olga E. Savelyeva

Associate Professor
of the Department of Financial Law
and Customs Activities,
Vladimir State University
named after Alexander Grigorievich
and Nikolai Grigorievich Stoletovs
Milena.555@mail.ru

**ИПОТЕЧНОЕ КРЕДИТОВАНИЕ
В РОССИИ: РАЗВИТИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**MORTGAGE LENDING IN RUSSIA:
DEVELOPMENT AND PROSPECTS**

Аннотация. В статье поднимаются вопросы ипотечного кредитования, а так же раскрываются особенности договора ипотечного кредитования. До настоящего времени существующая сфера жилищного строительства и все отношения по обеспечению граждан жилыми помещениями представляют собой широкий пласт правоотношений, правовое регулирование которых осуществляется на фоне доминирующего государственного бюджетного финансирования главным образом средствами нормативно-правового характера. В этих условиях вопросы о значении и роли договора в действующем механизме современного правового регулирования отношений по осуществлению прав граждан на жилище играют вспомогательную роль, и поэтому не исследовались должным образом.

Annotation. The article raises the issues of mortgage lending, as well as reveals the features of the mortgage loan agreement. To date, the existing sphere of housing construction and all relations to provide citizens with residential premises represent a wide layer of legal relations, the legal regulation of which is carried out against the background of the dominant state budget financing mainly by means of a regulatory nature. In these conditions, questions about the meaning and role of the contract in the current mechanism of modern legal regulation of relations on the exercise of citizens' rights to housing play a supporting role, and therefore have not been properly investigated.

Ключевые слова: ипотечное кредитование, договор, условия договора, заемщик, банк.

Keywords: mortgage lending, contract, terms of the contract, borrower, bank.

Актуальность ипотечного кредитования на сегодняшний день объясняется тем, что оно позволяет решить, ставший достаточно острым, жилищный вопрос с помощью получения долгосрочного банковского кредита на приобретение жилья. Компании и банки предлагают всевозможные программы ипотечного кредитования.

государственной социальной политики, так, в городе Владимире действует муниципальная программа «Социальная ипотека для жителей города Владимира» [1].

В настоящее время в России развитие жилищного ипотечного кредитования является одним из самых приоритетных национальных проектов, осуществление которого направлено на выработку, как новых направлений правоприменительной деятельности, так и эффективных мер

Под ипотекой понимается выдача кредита на приобретение жилья под залог приобретенного жилья. Для урегулирования всех вопросов, связанных со сделкой, между заемщиками и банком заключаются ипотечные договоры. Банковский документ регламентирует порядок передачи денежных средств, залог, обязанности и права сторон. Всякие неточности в условиях или формулировках могут в последствии привести к признанию

договора недействительным. Вследствие этого, особое внимание уделяется составлению и регистрации.

Ипотечный договор определяет порядок взаимоотношений между заемщиком и банком. При его составлении они руководствуются Федеральным законом № 102-ФЗ от 16 июля 1998 года, № 122-ФЗ от 21 июля 1997 года, № 214-ФЗ от 30 декабря 2004 года, № 221-ФЗ от 24 июля 2007 года и законодательными нормами Жилищного кодекса Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации.

Так, перед регистрацией квартиры в новостройке или покупкой на вторичном рынке обе стороны могут заключить предварительное соглашение об оплате депозита или других условиях бронирования недвижимости до получения полной оплаты. Этот документ не имеет ничего общего с документом, составленным в банке. Для получения заемных средств и передачи права собственности составляется договор купли-продажи, на основании которого банк оформляет свой кредитный договор.

Ипотечный договор – важный документ, в котором отражены все детали сделки. Собственно, в нем и прописаны условия погашения и выдачи кредита, размер штрафов за просрочку, ограничения по залому и т.д.

Особенности оформления ипотечного кредита состоит из нескольких этапов, одним из завершающих этапов является заключение кредитного договора. Но это не последний этап, как многие считают. Сначала заемщик получает одобрение ипотеки, затем выбирает подходящую недвижимость, собирает документы на нее и отправляет в банк для анализа. И только в том случае, если банк удовлетворен недвижимостью, начинается окончательная процедура регистрации: между продавцом и покупателем составляется предварительный договор купли-продажи. Как правило, его готовит агентство недвижимости.

Необходимо отметить, что ипотека считается выданной в момент получения продавцом денег, а не в момент подписания кредитного договора.

Банки могут создавать свои собственные модели ипотечных соглашений, но все они обязаны соответствовать нормам закона. Сегодня, в России действует Закон об ипотеке ФЗ-102, статья 9 которого объясняет, что должно быть включено в договор. Всего в этом законе определено 6 обязательных пунктов:

1. В документе необходимо указать предмет ипотеки, ее оценка, сроки возврата.
2. Описание предмета ипотеки, а именно приобретенной и заложенной недвижимости, ее местонахождение.
3. Результат оценки недвижимости, который является обязательным для всех сделок.

4. Абсолютное описание обязательства с указанием полной суммы и основания его возникновения.

5. Периодичность и сроки внесения платежей для погашения кредита.

6. Если оформляется ипотека, информация об этом указывается в договоре.

В общем, договор купли-продажи квартиры по ипотеке представляет собой полное описание сделки. В нем прописаны права и обязанности сторон, ограничения на использование предмета залога, параметры кредита и т.д. Если у заемщика возникнут какие-либо вопросы в процессе оплаты, он найдет их в тексте соглашения.

Ипотечный договор – это объемный документ. Обычно банки дают заемщикам время ознакомиться с договором, выслать его образец в свой личный кабинет. Таким образом, на момент подписания клиент уже знаком со всем, что обычно указано в документе.

В общем, заемщик должен прочитать абсолютно все, что написано в документе. В этом случае он будет знаком со всеми аспектами возвращения. Например, обычно при регистрации в устной форме не оговариваются важные детали: порядок досрочного погашения, ограничения на действия с недвижимостью, размер штрафов в случае просрочки, не разъясняется ситуация, если вовремя не выплачена страховка и т.д.

Если вы возьмете основную часть кредитного договора по ипотеке Сбербанка, ВТБ и всех других банков, то в нем содержится следующая важная информация:

- первая страница всегда содержит характеристики самого кредита. На видном месте прописываются процентная ставка, сумма кредита, сумма ежемесячного платежа, срок погашения кредита, валюта выдачи;
- условия и процентная ставка, при которых банк может ее повысить, прописаны отдельно. Как правило, это касается неуплаты обязательного страхования недвижимости, не возобновления права собственности или личного страхования;
- количество ежемесячных платежей и дата платежа. Это день месяца, когда деньги уже должны быть на счете, банк спишет их, чтобы погасить долг;
- порядок досрочного погашения ипотеки. Все варианты изменения графика, если идет речь о досрочном частичном закрытии кредита.

В конце документа обязательно прописываются все реквизиты сторон. С одной стороны это банк и один заемщик или созаемщик, с другой. Договор составлен в нескольких экземплярах, один должен остаться у банка, один – у заемщика. В соглашении также могут быть прописаны в одностороннем порядке условия повышения ставки банком.

Причиной может быть только невыполнение заемщиком обязательства по продлению действия страховых полисов.

Содержание ипотечного договора также зависит от типа сделки. Ипотека бывает разной, поэтому информация в основном документе может отличаться от стандартной.

Законом не предусмотрено единого стандарта договоров ипотечного кредита, они составляются юристами банков по своему усмотрению. Но в законе говорится о фактах, которые должны быть отражены в договоре. Все банки соблюдают это.

Если покупатель еще не получил деньги, то расторжение возможно на любом этапе. Если даже договор уже подписан. Сам факт выдачи ипотеки начинается с момента получения продавцом денег.

Ипотечный договор определяет условия предоставления заемного капитала физическому лицу на покупку жилья. В нем указаны условия платежей по кредиту, права и обязанности сторон. Вы можете получить образец стандартного договора об ипотеке в банке через онлайн-сервисы сразу после утверждения ипотеки. Также, банк может

Литература:

1. Социальная ипотека для жителей города Владимира. URL : <https://docs.cntd.ru/document/440563260>

заказать услугу по подготовке договора купли-продажи недвижимости, для того чтобы снизить риски неправильного оформления документов и возможного отказа от ипотеки.

Ипотечный кредит играет существенную роль в смене государственных источников финансирования потребностей фирм, предприятий и жилищного строительства на надежной основе. Его дальнейшее развитие содействует наращиванию инвестиционной активности всех хозяйствующих субъектов в современных условиях высоких темпов инфляции, дефицитности кредитных ресурсов долгосрочного характера.

Очевидно, в настоящее время в России еще только создается нормативная правовая база, обеспечивающая условия для осуществления операций с землей и недвижимостью. Основная задача государства в становлении функционирующей системы ипотечного кредитования состоит в создании организационно-нормативных основ для полного регулирования процесса, вследствие которого, должно произойти увеличение предложений ипотечных кредитов с одновременным снижением всех финансовых рисков участников и дальнейшим ростом доступности жилья для нашего населения.

Literature:

1. Social mortgage for residents of the city of Vladimir. URL : <https://docs.cntd.ru/document/440563260>

Шуринов Владислав Валерьевич
адъюнкт кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
Milena.555@mail.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Аннотация. В статье рассмотрены признаки, характеризующие общественную опасность с позиции криминологии, сделан вывод о том, что нарушения в исследуемой сфере опосредованно наносят вред каждому налогоплательщику, бюджетной системе государства в целом, авторитету государственной власти. Общественная опасность преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд носит мультипликативный (кумулятивный) характер, она имеет коррупционную, экономическую и идеологическую компоненты.

Ключевые слова: криминология, общественная опасность, преступление, преступления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд.

Несомненно, общественная опасность деяния является одним из важнейших институтов криминологии и уголовного права. Исключительно этим критерием руководствуется законодатель при принятии решения о криминализации общественно опасного деяния и отнесения его к правовой категории «преступление». Аксиомой в теории уголовного права является то, что общественная опасность преступления – это его материальный признак, который связан с причинением вреда общественным отношениям, находящимся под охраной уголовного законодательства либо созданием реальной угрозы причинения им вреда. Общественная опасность является материальным признаком, внутренним свойством преступления, отмечает Л.М. Прокументов, будучи закреплённым в законе и имея правовое значение, это свойство существует объективно и не зависит от воли законодателя или воли органа, применяющего закон. Деяние опасно не потому, что его так оценил законодатель, а потому, что оно по своему объективному содержанию противоречит нормальным условиям жизни данного общества [1]. Отметим, что в литературе существует точка

Vladislav V. Shurinov
Adjunct of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Milena.555@mail.ru

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE PUBLIC DANGER OF CRIMES IN THE FIELD OF PROCUREMENT OF GOODS, WORKS, SERVICES TO MEET STATE OR MUNICIPAL NEEDS

Annotation. The article considers the signs that characterize the public danger from the position of criminology, it is concluded that violations in the area under study indirectly harm each taxpayer, the budgetary system of the state as a whole, and the authority of state power. The public danger of crimes in the field of procurement of goods, works, services to meet state or municipal needs is of a multiplicative (cumulative) nature, it has corruption, economic and ideological components.

Keywords: criminology, public danger, crime, crimes in the field of procurement of goods, works, services to meet state or municipal needs.

зрения относительно того, что общественная опасность присуща только преступлениям. Однако в рамках нашего исследования мы не будем вдаваться в полемику относительно данного вопроса, мы полагаем, что она присуща всем противоправным деяниям.

Важность проведения изучения общественной опасности деяний именно в рамках криминологического исследования можно объяснить соображениями, изложенными М.М. Бабаевым и Ю.В. Пудовочкиным, которые отмечают, что одной из причин кризиса в отечественной уголовно-правовой политике является дезорганизация и разобщённость криминологического и уголовно-правового знания о преступности. Общественная опасность деяния, отмечают они, является сквозной и связующей категорией как для криминологии, так и для уголовно-правовой доктрины. Однако исследуемая нами конструкция «растворилась» в недрах учения об объекте преступления, а в теории криминологии общественная опасность долгое время, как категория (конструкция), оставалась невостребованной. По своей сути,

общественная опасность деяния является, скорее, не правовой, а социологической категорией. Суть и содержание общественной опасности определяется множеством факторов, характеризующих не столько само деяние (правовая конструкция), сколько взаимосвязь и взаимодействие этого деяния с той средой, в которой оно совершается, и далее, как итог связь его с изменениями в данной среде. А взаимодействие, связь – понятия социологические и криминологические [2]. Комплексное исследование общественной опасности деяния способствует повышению качества законотворческой деятельности и соответственно качества новых уголовно-правовых законов.

Исходя из изложенного, мы можем сделать вывод о том, что именно криминология, обладающая широкими междисциплинарными связями, может продемонстрировать многогранность, многофакторность феномена общественной опасности. Как нам представляется, именно криминологическое исследование общественной опасности является основополагающим для уголовного политики государства. В литературе отмечается, что общественная опасность как материальный признак преступления во многом зависит от политических, социальных, экономических и иных факторов, что свидетельствует о её исторической изменчивости [3, с. 242], а это, в свою очередь, еще раз подтверждает наш вывод о криминологической сущности общественной опасности.

Исследователи отмечают важность и необходимость проведения системных, последовательных и научных изысканий признаков, которые характеризуют общественную опасность преступлений в сфере закупок товаров, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. Так, А.Д. Абрамкин указывает на то, что «общественная опасность как основной фактор криминализации злоупотреблений в сфере закупок нуждается в комплексном научном изучении, что позволит наиболее верно квалифицировать рассматриваемое преступление» [4, с. 31]. Отметим, что общественная опасность преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд нашла своё законодательное закрепление после внесения системных дополнений в УК РФ, а именно ст.ст. 2004, 2005 и 2006 УК РФ [5, 6]. Однако позиция некоторых исследователей относительно содержания общественной опасности нам представляется достаточно узкой, так например, О.Н. Егоров указывает на то, что общественная опасность преступлений в сфере государственных или муниципальных закупок заключается в том, что в результате их совершения нарушается нормальная, регламентированная соответствующими правовыми актами деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений ущемляются законные права и интересы обслуживаемых лиц и добросовестных предпринимателей – поставщиков, подрядчиков, исполнителей [7, с. 17].

Соглашаясь с ранее изложенным мнением А.Д. Абрамкина, следует указать на то, что

общественная опасность преступлений в сфере закупок товаров, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд не ограничивается злоупотреблениями, ответственность за которые, с 2018 года предусмотрена ст. 2004 УК РФ. Система преступлений, посягающих на общественные отношения в исследуемой сфере, значительно шире, поэтому вопросы, связанные с характеристикой общественной опасности в указанной сфере, следует рассматривать, исходя всего спектра общественных отношений, которым может быть причинен вред такого рода преступлениям. Раскрывая содержание общественной опасности коррупционных преступлений в сфере государственных закупок, Ш.М. Шурпаев отмечает, что она проявляется в причинении материального ущерба консолидированной бюджетной системе Российской Федерации, что сопровождается неэффективным расходованием бюджетных средств, неисполнением и/или ненадлежащим исполнением условий заказа либо контракта в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд [8, с. 6], вред причиняется каждому налогоплательщику (физическому и/или юридическому лицу, резиденту Российской Федерации), бюджетной системе государства [9, с. 54]. Указанные обстоятельства имеют, если выразиться финансовой терминологией, «пролонгированные эффект». Такого рода эффект снижает работоспособность государственного аппарата [10, с. 65–68], обороноспособность государства [11, с. 50], лишает права и возможности пользоваться социальными благами население. Продолжая раскрывать коррупционные характеристики общественной опасности исследуемой группы преступлений отметим, что она также проявляется в том, что в процессе совершения преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд происходит сращивание должностных лиц органов публичной власти, работников контрактных служб органов публичной власти с представителями бизнес сообщества, которые не всегда действуют в соответствии с буквой и духом закона. Государство, в лице своих органов, выступает участником экономических отношений, при этом оно обладает существенными ресурсами, которыми в свою очередь желают завладеть представители бизнес сообщества. Склонение к совершению преступлений такого рода, чаще всего, осуществляется путем подкупа должностных лиц и/или работников контрактных служб органа публичной власти. То есть, мы можем констатировать, что общественная опасность преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд также проявляется в коррупцивизации общественных отношений в исследуемой сфере.

Раскрывая общественную опасность преступлений в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд И.А. Любый указывает на то, что «общественная опасность злоупотреблений, совершаемых в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд, состоит:

– во-первых, в негативном влиянии на нормальное функционирование государственных органов, невыполнении социальных и экономических программ государства;

– во-вторых, в причинении материального ущерба государству и обществу посредством заключения заведомо невыгодных контрактов, их некачественного исполнения, необоснованного повышения цен в социально значимых областях;

– в-третьих, в нарушении принципа свободы конкуренции, гарантированного Конституцией Российской Федерации» [12, с. 13].

Характеризуя общественную опасность преступлений, совершаемых в сфере закупок товаров, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, следует исходить из того, что современное, правовое и демократическое государство, к которым относится и Россия, реализуя социальные, экономические и политические функции, обеспечивает потребности общества в целом, определённых социальных групп и конкретного гражданина, в частности. Отметим, что государство в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд выступает не в качестве «рядового» участника сделки купли-продажи. Закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд необходимы для эффективной реализации функций государства, с целью распределения и перераспределения накопленных благ среди населения государства. Иными словами, конечным выгодоприобретателем от реализации государственных услуг выступает конкретный гражданин, воспользовавшийся государственной либо муниципальной услугой, пользующийся государственной либо муниципальной собственностью или имеющий на это право.

Как нам представляется, криминологическая сущность общественной опасности преступлений, совершаемых в сфере государственных закупок товаров, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, характеризуется множеством факторов. К ним можно отнести авторитет органов публичной власти [13, с. 47], который выражается в подрыве доверия к власти со стороны граждан, росте протестных настроений среди населения, нивелированию социально значимых достижений, незаконному (противоправному) обогащению должностных лиц и/или

Литература:

1. *Прокументов Л.М.* Общественная опасность как основание криминализации (декриминализации) деяния / Л.М. Прокументов // Вестник ВИ МВД России. 2009. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-opasnost-kak-osnovanie-kriminalizatsii-dekriminalizatsii-deyaniya> (дата обращения 28.02.2022).

2. *Бабаев М.М.* Криминология и уголовное право: взаимодействие как способ выживания /

работников контрактных служб органов публичной власти.

Подрыв доверия к органам публичной власти и рост протестных настроений среди населения обладают кумулятивной (мультипликативной) общественной опасностью. Относительно сущности общественной опасности, обладающей кумулятивным или мультипликативным, А.Г. Антонов отмечает, что: «такого рода деяния, с одной стороны, опасны тем, что как элемент социальной практики могут быть повторены, с другой – тем, что имманентно содержат опасность совершения иного, более тяжкого преступления, заключая в себе возможность развития цепочки событий, которая может повлечь не только повторение преступления, но и совершение нового преступления как результата продолжения начатой преступной деятельности, причём второе может быть гораздо более тяжким, нежели первое» [14, с. 126–128; 15, с. 24–30]. Мультипликативный потенциал общественной опасности направлен на иные общественные отношения, которые ставятся под угрозу причинения вреда. Развивая идею о кумулятивной (мультипликативной) общественной опасности преступлений, совершаемых в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, отметим, что подрыв доверия к органам публичной власти и рост протестных настроений среди населения, который содержательно наполняет общественную опасность исследуемых преступлений может быть использован, а, в некоторых случаях, и используется для культивирования деструктивных, радикальных, экстремистский и иных идей идеологического и религиозного, но чаще политического характера.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что преступления, предусмотренные действующем УК РФ, посягающие на общественные отношения в сфере государственных закупок, обладают повышенной общественной опасностью. Она обусловлена тем, что нарушения в исследуемой сфере опосредованно наносят вред каждому налогоплательщику, бюджетной системе государства, в целом, авторитету государственной власти. Общественная опасность преступлений, совершаемых в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, мультипликативна (кумулятивна), она имеет коррупционную, экономическую и идеологическую компоненту.

Literature:

1. *Prozumentov L.M.* Public danger as a basis for criminalization (decriminalization) of an act / L.M. Prozumentov // Bulletin of the VI Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-opasnost-kak-osnovanie-kriminalizatsii-dekriminalizatsii-deyaniya> (date of appeal 02/28/2022).

2. *Babaev M.M.* Criminology and criminal law: interaction as a way of survival / M.M. Babaev,

М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2016. № 4. С. 40–58.

3. Гилинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 322 с.

4. *Абрамкин А.Д.* Общественная опасность как основной фактор криминализации злоупотреблений в сфере государственных закупок / А.Д. Абрамкин // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 2(44). С. 27–32.

5. Законопроект № 410960-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в целях усиления ответственности за нарушения в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд). URL : <https://sozd.duma.gov.ru>. Система обеспечения законодательной деятельности. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/410960-7> (дата обращения 15.02.2022).

6. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL : <https://sozd.duma.gov.ru>. Система обеспечения законодательной деятельности. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/download/1EBDDB2A-DD7D-4D11-BBEB-691F24935023> (дата обращения 15.02.2022).

7. *Егоров О.Н.* Криминологическая характеристика преступлений в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд / О.Н. Егоров // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 3(18). С. 16–19.

8. *Шурпаев Ш.М.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений коррупционной направленности в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2021. 297 с.

9. *Капитан М.Ю.* Сущность содержания объекта преступлений в сфере закупок товаров, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (государственного прокьюремента) / М.Ю. Капитан // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 11. С. 53–57.

10. *Кашкаров А.А.* Должностная преступность в органах публичной власти - многомерный феномен / А.А. Кашкаров // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 5(17). С. 65–68.

11. *Борков В.Н.* Повышена ответственность за злоупотребления при выполнении государственного оборонного заказа / В.Н. Борков // Законность. 2018. № 3. С. 49–53; С. 50.

12. *Любый И.А.* Уголовно-правовые меры противодействия злоупотреблениям в сфере закупок

Yu.E. Pudovochkin // Bulletin of Moscow University. Episode 11: Right. 2016. № 4. P. 40–58.

3. *Gilinsky Ya.I.* Deviance, crime, social control. SPb. : Legal Center Press, 2004. 322 p.

4. *Abramkin A.D.* Public danger as the main factor in the criminalization of abuses in the field of public procurement / A.D. Abramkin // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2(44). P. 27–32.

5. Draft Law № 410960-7 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (in order to strengthen liability for violations in the field of procurement of goods, works, services to meet state or municipal needs). URL : <https://sozd.duma.gov.ru/> Legislative support system. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/410960-7> (date of appeal 15.02.2022).

6. Explanatory note to the draft federal law «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation». URL : <https://sozd.duma.gov.ru>. Legislative support system. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/download/1EBDDB2A-DD7D-4D11-BBEB-691F24935023> (date of appeal 02/15/2022).

7. *Egorov O.N.* Criminological characteristics of crimes in the field of procurement for state and municipal needs / O.N. Egorov // Law order: history, theory, practice. 2018. № 3(18). P. 16–19.

8. *Shurpaev Sh.M.* Criminal-legal and criminological characteristics of corruption-related crimes in the field of procurement to meet state and municipal needs : dis. ... cand. legal sciences: 12.00.08. M., 2021. 297 p.

9. *Captain M.Yu.* The essence of the content of the object of crimes in the field of procurement of goods, services to ensure state or municipal needs (state procurement) / M.Yu. Captain // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2021. № 11. P. 53–57.

10. *Kashkarov A.A.* Official delinquency in public authorities – a multidimensional phenomenon / A.A. Kashkarov // Library of Criminal Law and Criminology. 2016. № 5(17). P. 65–68.

11. *Borkov V.N.* Increased liability for abuses in the execution of the state defense order / V.N. Borkov // Legitimacy. 2018. № 3. P. 49–53.

12. *Any I.A.* Criminal legal measures to counter abuses in the field of procurement of goods, works,

товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Омск., 2022. 225 с.

13. *Кашкаров А.А.* Авторитет органа публичной власти как системообразующий признак должностной преступности / А.А. Кашкаров // *Общество и право*. 2017. № 1(59). С. 46–49.

14. *Антонов А.Г.* О соотношении категорий «общественная опасность преступления» и «личность преступника» / А.Г. Антонов // *Государство и право*. 2019. № 11. С. 125–129.

15. *Антонов А.Г.* К вопросу об общественной опасности неправомерного доступа к компьютерной информации, повлекшего её уничтожение / А.Г. Антонов, Д.В. Крюков // *Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра*. Санкт-Петербургский университет МВД России. 2021. С. 24–30.

services to ensure state and municipal needs : dis. ... cand. legal Sciences: 12.00.08. Omsk, 2022. 225 p.

13. *Kashkarov A.A.* The authority of a public authority as a system-forming feature of malfeasance / A.A. Kashkarov // *Society and Law*. 2017. № 1(59). P. 46–49.

14. *Antonov A.G.* On the relationship between the categories «social danger of a crime» and «personality of a criminal» / A.G. Antonov // *State and Law*. 2019. № 11. P. 125–129.

15. *Antonov A.G.* To the question of the public danger of illegal access to computer information that led to its destruction / A.G. Antonov, D.V. Kryukov // *Criminal legislation: yesterday, today, tomorrow*. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. P. 24–30.

Шухов Федор Гелиевич

кандидат юридических наук,
старший преподаватель,
Петербургский государственный
университет путей сообщения
Императора Александра I
fedor.ru@bk.ru

Усикова Ева Александровна

студентка,
Петербургский государственный
университет путей сообщения
Императора Александра I
usikovaeva@yandex.ru

**ПРАВОВОЙ СТАТУС БОЛОТ:
ПРОБЕЛЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
И ПРОБЛЕМЫ ДЛЯ ЭКОЛОГИИ**

Аннотация. Россия является самой заболоченной страной мира – на ее долю приходится около 70 % болот, которые занимают 12 % территории нашей страны. Однако российское законодательство содержит серьезные пробелы в отношении правового статуса болот, размыты категории отнесения болот к юрисдикции специальных отраслей права. В статье обобщены основные правовые проблемы, которые ведут к проблемам экологическим. Авторами предложены меры по совершенствованию современного законодательства и возврата болот в правовое поле.

Ключевые слова: охрана окружающей среды, болота, земельное право, экосистема, водные объекты, лесной фонд, категории земель, заболоченная местность.

П ооткрытым данным Всемирного центра природоохранного мониторинга ЮНЕП (UNEP – программа ООН по окружающей среде), площадь водно-болотных угодий составляет около 570 млн га (5,7 миллионов кв. км) – примерно 6 % поверхности суши Земли [1].

В настоящее время в мире потеряна большая часть водно-болотных территорий. Это привело к исчезновению более 20 % из 10 000 известных видов пресноводных животных. Водные ресурсы более не возобновляются в прежнем объеме из-за тяжелой экологической ситуации по всему миру, вследствие чего, водные ресурсы фактически стали преобразовываться в невозобновляемые ресурсы. На международном уровне основным механизмом охраны водно-болотных угодий является Рамсарская конвенция, принятая в 1971 году [2].

Площадь земель под болотами в России – 154 млн. га, что составляет 10 % от всех

Fedor G. Shukhov

Candidate of Legal Sciences,
Senior Lecturer,
Petersburg State
University of Railways
Emperor Alexander I
fedor.ru@bk.ru

Eva A. Usikova

Student,
Petersburg State
University of Railways
Emperor Alexander I
usikovaeva@yandex.ru

**THE LEGAL STATUS OF SWAMPS:
GAPS IN LEGISLATION AND PROBLEMS
FOR THE ENVIRONMENT**

Annotation. Russia is the swampiest country in the world – it accounts for about 70 % of the swamps, which occupy 12 % of the territory of our country. However, Russian legislation contains serious gaps regarding the legal status of swamps, the categories of attribution of swamp to the jurisdiction of special branches of law are blurred. The article summarizes the main legal problems that lead to environmental problems. The authors propose measures to improve modern legislation and return of swamps to the legal field.

Keywords: environmental protection, swamps, land law, ecosystem, water bodies, forest fund, land categories, wetlands.

несельскохозяйственных угодий [3]. Площадь, например, Ленинградской области составляет 94667,7 кв. км, из которых 53300 кв. км (56 %) занимает водораздел Невы (включая все Ладожское озеро). На водоразделе озер Невы и Ладоги важнейшими реками являются реки Свирь, Вуокса, Паша, Тихвинка, Оять, Сясь, Тосна, Ижора и Волхов. Почти пятая часть территории (около 17 %) представлена болотами. Более половины общей площади торфяных болот составляют крупные массивы торфяных болотников площадью более 1000 га. Наибольшее количество торфяников находится в бассейнах рек Волхов, Свирь и Вуокса [4].

Таким образом, болотные экосистемы занимают внушительную площадь, как в России, так и в отдельных регионах. Торфяники, неотъемлемые спутники большинства болот и ценный ресурс, в процессе развития формируют свою рельефную и типовую растительность, что определяет характер окружающей среды.

Несмотря на их важную роль в регулировании глобального климата, необходимость сохранения водно-болотных угодий по-прежнему недооценивается. Около 35 % водно-болотных угодий мира было потеряно в период с 1970 по 2015 год, и с 2000 года темпы утраты растут каждый год.

Этому способствуют и пробелы в национальном законодательстве. Так, в России болота отнесены к поверхностным водным объектам (ст. 5 Водного кодекса РФ), нелесным землям лесного фонда (ст. 6.1 Лесного кодекса РФ). В Земельном кодексе болота отдельно не упоминаются, впрочем, в Лесном кодексе также более не содержится упоминаний о нелесных землях. Таким образом, на болота распространяются нормы как водного, так и земельного и лесного законодательства, но в ограниченных случаях – если эти земли предназначены для ведения лесного хозяйства. Болота, входящие в состав других категорий земель, не имеют определенного правового регулирования. Более того, в случаях произрастания на болотах очень густого леса, невозможно с точностью определить, считается ли этот участок пригодным для ведения лесного хозяйства, либо является лесным участком. Таким образом, говорить о разграничении юрисдикции земельного и лесного законодательства в отношении болот, невозможно [5].

Кроме того, торф обладает свойствами полезных ископаемых, которые относятся к ведению горного права, а также болота населены фауной, которая регулируется законодательством о животном мире.

Правовое определение болот также требует дополнительного пояснения. Наиболее полное их определение содержится в Приказе Министерства природных ресурсов Российской Федерации от 06 февраля 2008 г. № 31 «Об утверждении лесоустроительной инструкции» [6]. Согласно приказу, болото – лесной участок с поверхностным слоем торфа глубиной не менее 30 сантиметров в неосушенных местах и 20 сантиметров – в осушенных местах при отсутствии на них древесной растительности или при наличии ее с полнотой 0,3 и менее для молодняков и 0,2 и менее для других возрастных групп. Такое определение имеет ряд недостатков:

- во-первых, оно включает только лесные участки (что целесообразно относительно тематики приказа, но недостаточно для других целей);
- во-вторых, не охватывает болот без торфа;
- в-третьих, на болотах может не быть именно древесной растительности, при этом их населяет определенная фауна, на них произрастают кустарники и трава.

Согласно ст. 13 Земельного Кодекса Российской Федерации, в целях охраны земель собственники земельных участков, землепользователи, землевладельцы и арендаторы земельных участков обязаны проводить мероприятия:

- 1) по воспроизводству плодородия земель сельскохозяйственного назначения;
- 2) по защите земель от водной и ветровой эрозии, селей, подтопления, заболачивания, вторичного засоления, иссушения, уплотнения, загрязнения химическими веществами, в том числе радиоактивными, иными веществами и микроорганизмами, загрязнения отходами производства и потребления и другого негативного воздействия;
- 3) по защите сельскохозяйственных угодий от зарастания деревьями и кустарниками, сорными растениями, сохранению мелиоративных защитных лесных насаждений, сохранению достигнутого уровня мелиорации [7].

Водный кодекс определяет ряд мер по защите болот от загрязнения (ст. 57) и даже указывает на необходимость повторного орошения территории после окончания добычи торфа. Однако земельное право не определяет правовой статус территории, на которой находится болото, в том числе, ее коммерческую емкость. Эта неопределенность создает значительные проблемы в судебной практике, особенно связанной со строительством.

Так, согласно ст. 5 Водного кодекса, береговая линия считается границей любого водоема. Она определяется в зависимости от масштаба:

- для моря – по постоянному уровню воды или по линии максимального отлива, если уровень воды периодически меняется;
- для реки, ручья, канала, озера, обводненного карьера – по среднемуголетнему уровню вод в период, когда они не покрыты льдом;
- для пруда, водохранилища – по нормальному подпорному уровню воды;
- для болота – по границе залежи торфа на нулевой глубине.

Таким образом, подход к определению границ болот существенно отличается в земельном и водном законодательстве.

Согласно Земельному кодексу (п. 13–14 ст. 105), применительно к водным объектам эти типы территорий могут быть созданы с особыми условиями использования территорий, такими как водоохранная зона и прибрежная защитная полоса.

В водоохранной зоне, граничащей с берегом водоема, действует особый режим хозяйственной и иной деятельности по охране водного объекта. На такой территории деятельность человека не должна приводить к засорению, загрязнению, заиливанию водоема, истощению его воды, сохранению среды обитания растительных и животных объектов. Но, все же, бывают случаи, когда застройщики не обращают внимание на зоны, строительство в которых является не разрешенным.

В качестве примера строительства на заболоченной местности можно рассмотреть строительство

инновационного научно-образовательного центра ИТМО Хайпарк в Пушкинском районе Санкт-Петербурга [8].

Проект реализуется при поддержке федеральной и муниципальной власти. Для строительства было выделено 112,7 га земли [9]. Часть из них была передана застройщиком города-спутника Южный, владеющим там же землей, непригодной для строительства, на которой, тем не менее, строительство планировалось.

Общественность бьет тревогу и уже несколько лет борется против застройки северо-восточной части будущего города-спутника: здесь находится Кондакопшинское болото, из которого подпитываются реки Славянка и Кузьминка.

Инвесторы города-спутника «Южный» подкрепляют план застройки тем, что данного болота нет в реестре водных объектов Петербурга, и они правы. В этом реестре нет ни одного болота – эта серьезная ошибка, допущена администрацией города [10]. Но, изучив Водный кодекс, можно убедиться в том, что болото, неоспоримо, является водным объектом. Болото площадью 2,46 квадратных километра и запасами торфа 3,6 миллиона кубометров в ближайшее время может войти в реестр водных объектов, а значит, их освоение будет запрещено.

Изучив сложившуюся ситуацию, Невско-Ладожское бассейновое водное управление (является частью Федерального агентства водных ресурсов) подтвердило, что Кондакопшинское болото является болотом верхового типа (значит, оно питается атмосферными осадками), болото обеспечивает питание рек, других мелких водотоков, а также, считается водопроводящей системой Государственного музея-заповедника «Царское село» (что, однако, опровергается другими проведенными экспертизами [11]). Это болото является неотъемлемой частью экосистемы города Пушкин. Городское управление инициирует введение объекта в водный регистр, и в ближайшее время Государственный гидрологический институт проведет там обследование. При этом ведомство подчеркивает, что факт отсутствия болота в реестре водных объектов города не изменяет обязанностей хозяйствующих субъектов по отношению к нему.

Городской суд рассматривает обращение жителей Пушкинского района об отмене поправок в Генплан, разрешающих застройку Кондакопшинского болота. Поправки одобрены парламентом и

Литература:

1. Annual Review UNEP. URL : <https://annualreview.unep-wcmc.org>
2. Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом, в качестве местобитаний водоплавающих птиц. URL : https://www.un.org/ru/documents/dec_1_conv/conventions/waterfowl.shtml

подписаны губернатором в конце 2013 года. По словам губернатора, активисты представили в суд еще одно доказательство, подтверждающее существование болота – письмо прежнего председателя Комиссии по урбанизму и архитектуре. В письме говорится, что Кондакопшинский лес не может быть включен в заповедник, так как его границы практически полностью пересекаются с одноименным болотом [12].

Однако в 2014 году Верховный суд постановил, что объект, именуемый «Кондакопшинское болото», не признан в установленном порядке водным объектом и не внесен в государственный водный реестр, поэтому болотом не является, а, следовательно, может быть использован по решению владельца [13].

В январе 2020 года комиссия по генеральному плану отнесла болото к категории рекреационно-природных территорий. Несколько участков, составляющих болотную территорию, будут отнесены к категории Р-2, в которую войдут зеленые насаждения общего пользования и леса. Не сложно сделать вывод о том, что строительство на данной местности запрещено (исключение составят небольшие участки под спортивные объекты и дорогу). По словам представителя застройщика, на настоящий момент рассматривается вариант создания на этой территории экологического парка, наподобие «Сестрорецкого болота», который является самой большой особо охраняемой природной территорией Санкт-Петербурга либо охраняемой природной зоны [14].

Таким образом, только благодаря действиям общественности в рамки правового поля, удалось вернуть неучтенный водный объект, а также сохранить экосреду. Кроме того, вызывают определенные вопросы позиции судов, которые ни по одному из указанных во множественных законодательных актах признаках болот (пусть и несовершенных) не посчитали возможным отнести фактическое болото к юридической категории болот.

Очевидны пробелы в законодательстве, касающиеся болот и земель под ними. Выходом из данной ситуации может являться внесение всех болот на прилегающих территориях в категорию зон с особыми условиями использования территорий. При этом решение о возможности для разработки этих земель должны приниматься только при анализе информации о целях осушения, рельефе, гидрологических условиях осушаемой территории и, прежде всего, об условиях подпитки болота.

Literature:

1. Annual Review UNEP. URL : <https://annualreview.unep-wcmc.org/>
2. The Convention on Wetlands of International Importance, especially as Waterfowl Habitat. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/waterfowl.shtml

3. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2020 году». URL : https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii_v_2020
4. Правительство Ленинградской области. О Регионе. URL : <https://lenobl.ru/ru/o-regione>
5. Корнев А.А. Правовые проблемы отнесения болот к землям лесного фонда / А.А. Корнев // Актуальные проблемы лесного комплекса. 2011. № 30. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/pravo_vye-problemy-otneseniya-bolot-k-zemlyam-lesnogo-fonda (дата обращения 12.01.2022).
6. Приказ Министерства природных ресурсов Российской Федерации от 6 февраля 2008 г. № 31 «Об утверждении лесоустроительной инструкции» // СПС «Гарант».
7. Земельный кодекс Российской Федерации // СПС «Гарант».
8. Итмо Хайпарк. URL : <https://hp.itmo.ru>
9. Утверждена проектная документация для строительства научно-образовательного центра ИТМО Хайпарк. URL : <https://www.gov.spb.ru/press/governor/218415>
10. Водные объекты Санкт-Петербурга. URL : <http://78.140.192.246/wospb1>
11. Кондакопшино: пиар на болоте. URL : <https://urbanlook.ru/kondakopshino-piar-na-bolote>
12. Застройка болота городом-спутником «Южный» высушит парки Пушкина и Павловска. URL : <https://gazeta.spb.ru/1583101-0>
13. Определение Верховного Суда РФ от 24 ноября 2014 года № 78-АПГ14-32. URL : http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=698774
14. «ИТМО Хайпарк» и город-спутник Южный объединит тематический парк. URL : <https://spbdenik.ru/news/2020-08-27/itmo-haypark-i-gorod-sputnik-yuzhnyy-obedinit-tematicheskij-park>
3. State Report «On the State and environmental protection of the Russian Federation in 2020». URL : https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii_v_2020
4. The Government of the Leningrad region. About the Region. URL : <https://lenobl.ru/ru/o-regione>
5. Kornev A.A. Legal problems of attribution of swamps to the lands of the forest fund / A.A. Kornev // Actual problems of the forest complex. 2011. № 30. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-otneseniya-bolot-k-zemlyam-lesnogo-fonda> (date of appeal 12.01.2022).
6. Order of the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation № 31 dated February 06, 2008 «On approval of forest management instructions» // SPS «Garant».
7. Land Code of the Russian Federation // SPS «Garant».
8. ITMO Highpark. URL : <https://hp.itmo.ru>
9. The project documentation for the construction of the ITMO Highpark Scientific and Educational Center has been approved. URL : <https://www.gov.spb.ru/press/governor/218415>
10. Water objects of St. Petersburg. URL : <http://78.140.192.246/wospb1>
11. Kondakopshino: PR in the swamp. URL : <https://urbanlook.ru/kondakopshino-piar-na-bolote>
12. The construction of the swamp by the satellite city «Yuzhny» will dry up the parks of Pushkin and Pavlovsk. URL : <https://gazeta.spb.ru/1583101-0>
13. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation № 78-APG14-32 dated November 24, 2014. URL : http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=698774
14. ITMO Highpark and the satellite city of Yuzhny will unite a theme park. URL : <https://spbdenik.ru/news/2020-08-27/itmo-haypark-i-gorod-sputnik-yuzhnyy-obedinit-tematicheskij-park>

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Барашева Елена Викторовна

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия
barahevaev@bk.ru

Очирова Полина Игоревна

студентка 4 курса,
Российский государственный
университет правосудия
ochirovapi@bk.ru

Степаненко Алексей Сергеевич

доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия
mail@esbrsuj.ru

Elena V. Barasheva

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Assistant Professor
of State-legal Disciplines,
Russian State
University of Justice
barahevaev@bk.ru

Polina I. Ochirova

4rd year Student,
Russian State University of Justice
ochirovapi@bk.ru

Alexey S. Stepanenko

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Humanities
and Socio-economic Disciplines,
Russian State
University of Justice
mail@esbrsuj.ru

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ЦИФРОВОГО РУБЛЯ**

Аннотация. С глобальной точки зрения, пандемия COVID-2019 оказала и продолжает оказывать существенное влияние на политику, экономику, социальную сферу и как следствие на образ жизни человека и общества. Данная статья посвящена исследованию возможностей введения в оборот цифрового рубля – цифровой валюты Центрального банка (ЦВЦБ) Российской Федерации. Изучено существующее законодательство в данной области, а также, подготовленный Банком России доклад «Цифровой рубль». По результатам исследования были установлены преимущества и недостатки внедрения цифрового рубля в Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровая валюта, цифровой рубль, цифровизация валюты, смарт-контракт, блокчейн, технология распределенного реестра.

В ноябре 2020 года прошел виртуальный саммит большой двадцатки (G20) [1]. Формат и тема саммита были определены не утихающей и по сей день пандемией COVID-19. Так, лидеры крупных государств и международных организаций пришли к выводу о том, что человечество вступило в «постпандемический» этап, который требует продолжительного если не затяжного сосуществования с вирусами. В свою очередь, Международный Валютный Фонд (МВФ) называл этот общечеловеческий кризис «Великой самоизоляцией» (The Great Lockdown) [2].

**PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT
OF THE DIGITAL RUBLE**

Annotation. From a global point of view, the COVID-2019 pandemic has had and continues to have a significant impact on politics, the economy, the social sphere and, as a consequence, on the way of life of a person and society. This article is devoted to the study of the possibilities of introducing the digital ruble into circulation – the digital currency of the central bank (CVCB) of the Russian Federation. The existing legislation in this area has been studied, as well as the report «Digital Ruble» prepared by the Bank of Russia. According to the results of the study, the advantages and disadvantages of the introduction of the digital ruble in the Russian Federation were established.

Keywords: digital currency, digital ruble, currency digitalization, smart contract, blockchain, distributed registry technology.

С глобальной точки зрения, пандемия COVID-2019 оказала и продолжает оказывать существенное влияние на политику, экономику, социальную сферу и как следствие на образ жизни человека и общества. Отсюда возникает и стремительно растет интерес государств и общества к цифровизации и скорейшему переходу на новые цифровые технологии.

Люди по всему миру, в частности, граждане России, активно выражают свою заинтересованность в альтернативе привычным валютам (фиатным деньгам), которая бы работала без ограничений и

перебоев в бесконтактной среде во избежание кризиса ликвидности.

Долгие годы фондовый рынок был одним из эффективных инструментов инвестирования для получения пассивного дохода и сбережения денег от влияния инфляции. Однако, в настоящее время все больший интерес завоевывает рынок криптовалют, что вызвано его быстрым развитием, внушительной волатильностью и отсутствием как такого правового режима его регулирования. В данном случае, речь идет о набираемых популярности по всему миру цифровых валютах, прежде всего, представленных биткоином (BTC) и эфириумом (ETH), которые оказывают значительное влияние на мировую финансовую систему.

В докладе «Measuring Global Crypto Users. A Study to Measure Market Size Using On-Chain Metrics» [3] было отмечено, что число активных пользователей цифровых активов в начале 2021 года едва превышало 100 млн. человек, однако, уже в июне 2021 года эта цифра достигла 221 млн человек. То есть, индустрии цифровых активов понадобилось всего несколько месяцев, чтобы криптовалютами заинтересовался эквивалент примерно трети населения США, что говорит о растущем признании.

Многие аналитики, финансисты и крупные компании считают, что Веб 3.0. (появление криптовалют) – это неизбежность и цифровая революция, которая будет на порядок уровней выше, чем появление мобильных телефонов и сравнима, возможно, с самим появлением сети Интернет.

Большинство представителей финансового мира и политиков неоднозначно, а, чаще всего, негативно высказываются по поводу криптовалют. Многие из их числа, в целом, предсказывают скорую гибель биткоина. Стоит отметить, что с 2010 года СМИ предрекали скорейшее уничтожение биткоина 380 раз. Кripto-оппозиционеры считают, что криптовалюты приносят с собой как возможности, так и проблемы для повседневных операций платежной системы, и финансовой системы, а также - нарушение финансовой безопасности и финансового суверенитета государства, выраженного в возможности совершения транзакций в обход банков и налогового регулирования.

С другой стороны, появляющиеся новые технологии, такие как искусственный интеллект, большие данные и технология распределенного реестра (Distributed Ledger Technology, DLT) могут решить давно существующие проблемы в платежной системе и сделать платежи более эффективными. Так, центральные банки передовых государств сосредотачиваются на изменении поведения потребителей в цифровую эпоху и вносят изменения в текущую финансовую систему, чтобы внедрить инновации. Все большее число центральных банков активно изучают подходы и возможности в создании и выпуске CBDC. Все большее количество стран разрабатывают свои пилотные проекты CBDC; в их числе – Российская Федерация, Китай, Южная Корея, Украина, Швеция, Уругвай,

Багамские острова, Эквадор, Камбоджа и Восточно-Карибский валютный союз. Однако, многие финансисты и криптоэнтузиасты не видят как таковых перспектив у цифровых валют. Так, в докладе «Crypto Theses for 2022: Key trends, people, companies, and projects to watch across the crypto landscape, with predictions for 2022» [4] опубликованным Messari – крупнейшей библиотекой криптографических данных, отмечено, что банки, государства и торговые площадки попытаются занять свое место в блокчейне, однако, битву за пользователя они уже проиграли.

В настоящее время человечество нуждается в эффективной системе перевода ценностей с возможным уходом от использования наличных денег. Так, Центральный банк Российской Федерации (Банк России) отмечает появление у граждан и бизнеса новых финансовых возможностей, соответствующих потребностям цифрового мира, что повышает конкурентоспособность всей экономики в целом. Поэтому Банк России, в цели которого входит развитие национальной платежной системы, рассматривает различные возможности выпуска своей (государственной) цифровой валюты центрального банка (ЦВЦБ) – цифровой рубль.

Банк России в докладе для общественных консультаций «Цифровой рубль» [5] отмечает, что национальная валюта Российской Федерации (рубль) будет выражена в трех равнозначных формах: наличной, безналичной и цифровой.

Стоит отметить ряд преимуществ цифровой валюты для каждой категории участников финансового рынка. Так, государство сможет контролировать расходование бюджетных средств с помощью специализированной платформы, которая будет обеспечивать точную доставку целевых выплат без их «утечки», а применение смарт-контрактов позволит существенно упростить и автоматизировать процесс администрирования бюджета, минимизировать операционные риски. Для организаций преимуществом будет считаться все большая доступность финансовых услуг за счет проведения офлайн платежей, расширение линейки цифровых сервисов и продуктов. В последнем случае, гражданам будет закономерно гарантировано улучшение условий клиентского обслуживания вследствие усиления конкурентной борьбы на финансовом рынке.

Смарт-контракты представляются нам очень удобным инструментом совершения сделок. Так, под смарт-контрактом понимается сделка, которая исполняется автоматически при наступлении заранее оговоренных сторонами условий.

В качестве примера удобства применения смарт-контрактов рассмотрим самую распространенную сделку – куплю-продажу на его основе. Продавец заключает договор купли-продажи с покупателем на условиях оплаты в цифровой валюте после получения товара последним. После заключения договора финансовая организация, обслуживающая продавца, создает смарт-контракт по договору, который регистрируется в распределенном реестре в зашифрованном виде. На этом же

этапе запускается процедура контроля исполнения договора. После того, как в реестре был отмечен факт получения товара, цифровая валюта автоматически переводится на счет продавца. Позиция Российской Федерации относительно смарт-контрактов положительная и сводится к их принятию и использованию. Так, предполагается возможность самостоятельного использования смарт-контрактов, верифицированных Банком России.

Большинство специалистов и заинтересованных в этой теме лиц полагают, что существенным и ключевым свойством цифрового рубля должна быть возможность проведения офлайн-операций (без доступа к сети Интернет), что позволит сделать его доступным для всех лиц, находящихся на территории Российской Федерации, что особенно актуально для граждан и бизнеса, проживающих и осуществляющих свою деятельность в отдаленных и труднодоступных населенных пунктах. Однако данное свойство имеет и ряд негативных последствий, которые стоит учитывать. В их числе – технологическая сложность внедрения такого режима работы и возможный рост цифрового мошенничества, поэтому важно предусмотреть лимиты времени нахождения цифровых рублей в офлайн-режиме для противодействия мошенничеству и обеспечить простоту и удобство пользования офлайн-кошельком.

Банк России предложил ввести цифровой рубль в виде двухуровневой модели с ролью финансовых организаций как участников расчетов. Одноуровневая модель была отклонена, так как в случае ее розничного характера, Банк России полностью берет на себя функцию клиентского обслуживания (ведение клиентских счетов, расчетно-кассовое обслуживание), что исключает всякое участие иных финансовых организаций, а оптовый характер не будет создавать преимуществ для граждан и организаций по сравнению с существующими платежными инструментами.

Таким образом, двухуровневая модель будет представлять цифровые рубли в виде индивидуального цифрового кода (токена), находящегося на цифровых кошельках клиентов на соответствующей платформе цифрового рубля. Банк России будет представлять собой первый уровень в виде непосредственного эмитента цифрового рубля и оператора платформы; второй уровень будут составлять финансовая организация и федеральное казначейство, которые будут работать с клиентом (физические лица и организации) и бюджетными организациями соответственно.

В настоящее время невозможно точно определить последствия введения в оборот цифровой валюты из-за отсутствия практики применения её в мире в целом. Однако можно построить ряд возможных сценариев влияния на финансовую политику Российской Федерации введенного в оборот цифрового рубля. Так, цифровой рубль может оказать некоторое влияние на финансовую стабильность, ликвидность, трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики и т.д. Риск

нарушения финансовой стабильности может быть вызван значительным оттоком ликвидности из рублей, выраженных в безналичной форме, в цифровые рубли. В таком случае, в качестве одного из способов предотвращения риска ликвидности выступает введение лимитов (ограничений) на осуществление транзакций с цифровым рублем. Нельзя отменять возможность некоторой волатильности ставок рубля, вызванного ростом отсутствия определенности для финансовых организаций относительно потоков средств клиентов и изменением состава их баланса.

Финансовые организации могут столкнуться с дефицитом фондирования, вызванного переводом депозитов в цифровой рубль, как следствие – нехватит ресурсов для выдачи кредитов, что приведет к удорожанию последних. Однако данного сценария можно избежать полностью или частично путем таргетирования инфляции Банком России посредством управления процентными ставками денежного рынка.

Процесс ценообразования кредитов во многом определяется трансфертной кривой, основанной на доходности альтернативного безрискового размещения денег на соответствующий кредитный срок. Так, и в случае введения в оборот цифрового рубля можно ожидать, что процентная ставка по кредитам будет определяться на том же основании, исходя из доходности безрискового актива, а также – надбавки за кредитный риск заемщика.

Подводя итоги, следует отметить, что цифровой рубль, безусловно, имеет ряд преимуществ. С его введением финансовые и сопутствующие им услуги станут качественнее и доступнее, а также, сократятся издержки на поддержание обращения денежной массы, появится должный контроль за цифровыми финансовыми активами.

Однако цифровой рубль в настоящее время должен пройти ряд испытаний и доработок, прежде чем будет введен в оборот. В частности, стоит предусмотреть сценарий нежелания организаций принимать в качестве оплаты цифровой рубль (например, из-за недоверия в его надежности, ликвидности или перспективности). В таком случае, законодателю нужно защитить потребителя путем внесения соответствующих поправок Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей». Нам представляется важным предусмотреть защиту от утечки персональной информации покупателя и продавца, так как, идентификатором (формой электронного кошелька) могут завладеть недобросовестные лица, что приведет к нарушению прав владельца кошелька и утрате (хищению) его денежных средств.

Необходимо уже на данном этапе приступить к разработке и обсуждению правовых норм, которые будут регулировать цифровой рубль, не ограничиваясь лишь понятиями и областью его применения.

Литература:

1. G20 Summit. President of Russia official website. – Moscow? 2020. URL : <http://kremlin.ru/events/president/news/64460>
2. Great Self-Isolation: Deepest Recession Since the Great Depression Official site. URL : <https://www.imf.org>
3. Crypto.com – Report «Measuring Global Crypto Users. A Study to Measure Market Size Using On-Chain Metrics». July 2021. URL : https://crypto.com/images/202107_DataReport_OnChain_Market_Sizing.pdf
4. Messari.io – «Crypto Theses for 2022: Key trends, people, companies, and projects to watch across the crypto landscape, with predictions for 2022». URL : <https://messari.io/crypto-theses-for-2022>.
5. «Digital Ruble. Report for public consultations (October 2020)» [approved by the Central Bank of the Russian Federation] // SPS «ConsultantPlus».

Literature:

1. G20 Summit. President of Russia official website. – Moscow? 2020. URL : <http://kremlin.ru/events/president/news/64460>
2. Great Self-Isolation: Deepest Recession Since the Great Depression Official site. URL : <https://www.imf.org>
3. Crypto.com – Report «Measuring Global Crypto Users. A Study to Measure Market Size Using On-Chain Metrics». July 2021. URL : https://crypto.com/images/202107_DataReport_OnChain_Market_Sizing.pdf
4. Messari.io – «Crypto Theses for 2022: Key trends, people, companies, and projects to watch across the crypto landscape, with predictions for 2022». URL : <https://messari.io/crypto-theses-for-2022>.
5. «Digital Ruble. Report for public consultations (October 2020)» [approved by the Central Bank of the Russian Federation] // SPS «ConsultantPlus».

Брызгалова Ирина Валентиновна

кандидат экономических наук,
доцент,
Сибирский институт управления – филиал
Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
bryzga@mail.ru

**ОБ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ
В МИРЕ И РОССИИ
В ГОДЫ ПАНДЕМИИ COVID-19**

Аннотация. Данной публикации авторами рассматриваются некоторые общемировые тренды инвестирования и их особенности в России как одной из стран с формирующимися рынками под влиянием пандемии COVID-19. Акцентируется внимание на многозначности эффектов пандемии, отражающейся как в показателях инвестирования, так и в инвестиционных ожиданиях экономических агентов. Также, ими обосновывается вывод о том, что негативные процессы в сфере инвестирования в России начались задолго до пандемии и санкций 2014 г., и требуется стратегический подход к совершенствованию институциональной инфраструктуры инвестирования.

Ключевые слова: страны с формирующимися рынками; инвестиционная активность, индикаторы инвестиционной активности, глобальные цепочки добавленной стоимости, инвестиции в основной капитал, ожидания инвесторов.

Стало общим местом в научной литературе и средствах массовой информации связывать снижение инвестиционной активности с пандемией для всего мира и, дополнительно, с введением санкций/контрсанкций для ряда стран, в частности, для России. Реже рассматриваются многозначность и разнонаправленность влияний того и другого макроэкономических шоков для разных стран. С этими последними характеристиками пандемических эффектов применительно, прежде всего, к инвестициям, но не только к ним, разбираемся основе исследований и актуальных публикаций Всемирного банка, Организации экономического сотрудничества и развития, Федеральной службы государственной статистики и др.

Если рассматривать влияние пандемии на тренды экономики по отдельным группам стран, то наименее пострадавшими оказались развитые страны, а страны с формирующимися рынками и развивающиеся страны понесли серьезные потери в начале пандемии COVID-19. Сразу отметим, что на невиданные в течение длительного

Irina V. Bryzgalova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Siberian Institute of Management – branch
of the Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public administration
bryzga@mail.ru

**ON INVESTMENT PROCESSES
IN THE WORLD AND RUSSIA DURING
THE YEARS OF THE COVID-19 PANDEMIC**

Annotation. Some global investment trends and their peculiarities in Russia are considered as one of the countries with emerging markets under the influence of the COVID-19 pandemic. Attention is focused on the ambiguity of the effects of the pandemic, reflected both in investment indicators and in the investment expectations of economic agents. The conclusion is justified that negative investment processes in Russia began long before the pandemic and sanctions of 2014, and a strategic approach is required to improve the institutional infrastructure of investment.

Keywords: emerging economics; investment activity, investment activity indicators, global value chains, fixed investment, investor expectations.

времени шоки быстро отреагировали правительства всех групп стран: началась реализация масштабных социально-экономических проектов и программ. Они, действительно, оказали положительное влияние в кратком периоде, но в то же время частично усилили факторы несбалансированности, существовавшие до пандемии в странах с формирующимися рынками и развивающихся странах. Поэтому восстановление требует нейтрализации факторов неустойчивости, тем более что они могут передаваться сопряженным секторам, мультиплицируя отрицательные эффекты в макроэкономическом кругообороте (домашние хозяйства, фирмы нефинансового и финансового секторов, государство). Но, с другой стороны, если принимаются эффективные меры стратегической направленности по преодолению экономических рисков, то межсекторальные связи могут стать эффективными [2].

Безусловное шоковое влияние на макроэкономические параметры проявилось на первых порах в повсеместном понижении темпов и даже уровней производства. Происходил разрыв глобальных

цепочек добавленной стоимости (ГЦДС), и, разумеется, сокращались потоки инвестиций [8]. Под влиянием пандемии, в первую очередь, пострадали производства, прямо и/или косвенно связанные с соблюдением жестких санитарных требований. В данных видах производства быстро возник кризис, как спроса, так и предложения. Производства с непрерывным циклом работы продемонстрировали большую стабильность уже в первый период пандемии в начале 2020 г. Но едва ли

можно считать данный понижательный тренд единственно определяющим дальнейшее снижение инвестиций в основной капитал, поразившее значительную часть видов деятельности в России. Рассмотрим динамику некоторых специфических обобщающих индикаторов инвестиционной активности для обсуждения вектора движения инвестиций в 2019–2021 гг. в России как одной из стран с формирующимися рынками (табл. 1).

Таблица 1

Индикаторы инвестиционной активности, % к предыдущему периоду

Показатель	2019	2020	2021
Индекс инвестиционной активности	100,4	99,8	–
Индекс инвестиционных барьеров	103,2	104,9	–
Индекс инвестиционного потенциала	98,8	100,2	–
Инвестиции в основной капитал	101,7	98,6	107,7

Составлено автором по: [3; 4; 6].

Как видим, произошло снижение индекса инвестиционной активности на 0,6 процентных пункта, рост индекса инвестиционных барьеров на 1,7 процентных пункта, т.е., оба индекса изменились в отрицательном направлении. Отрицательную динамику в этих условиях продемонстрировали также инвестиции в основной капитал, основополагающий экономический показатель, который упал на целых 3,1 процентных пункта в 2020 г. по сравнению с предыдущим – допандемийным – годом. И это произошло в период неопределенности ситуации, возросших рисков, акцентирующих роль инвестиций в восстановлении, а затем и росте экономики. Но, в тоже время, индекс

инвестиционного потенциала вырос на 1,4 процентных пункта, что можно было считать свидетельством оптимистических ожиданий. При этом для 2021 г. ожидался рост инвестиционной активности более трети руководителей организаций, сохранение на прежнем уровне – 40 %. Ее снижение предполагалось только 10 %-ми руководителей. Эти ожидания оправдались, в определенной мере, в 2021 г, когда объем инвестиций в основной капитал составил 1,07 к уровню 2020 г. (в сопоставимых ценах) [4]. Улучшились и оценки использования инвестиций в основной капитал (табл. 2).

Таблица 2

Распределение организаций по оценке использования инвестиций в основной капитал в % к общему числу организаций по виду деятельности

	Доля общего числа организаций, осуществлявших инвестиции в основной капитал в 2021 г.	Оценка использования инвестиций основной капитал в 2021 г. по сравнению с 2020 г.		
		выше уровня предыдущего года	ниже уровня предыдущего года	баланс ¹
Всего по обследованным видам деятельности:	87	41	24	+17
– в том числе:				
– добыча полезных ископаемых	97	44	33	+11
– обрабатывающие производства	93	43	27	+16
– обеспечение электрической энергией, газом и паром;				
– кондиционирование воздуха	94	49	22	+27
– водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	83	40	21	+19

Баланс определяется как разность долей респондентов, отметивших использование инвестиций в основной капитал выше уровня предыдущего года и ниже уровня предыдущего года

Составлено автором по: [9].

По опросам, весьма благоприятны и инвестиционные ожидания 2022 г. Так, предполагается, что инвестиционная активность увеличится или сохранится на прежнем уровне 75 % руководителей организаций; понижение инвестиций в основной капитал ждут 11 % руководителей, а 14 % затруднились с ответом на данный вопрос [5].

Но есть и прогнозы отрицательной направленности, касающиеся экономического роста в странах с формирующимися рынками (табл. 3), для которого, как известно, важнейшим экзо- и эндогенным фактором служат инвестиции.

На первый взгляд, это вполне приемлемые показатели экономического роста, но для стран с

формирующимся рынком, как и для развивающихся стран, они служат предупреждением возможного нарастания трудностей не только из-за продолжающихся волн пандемии, но из-за инфляции, особенно продовольственной, роста финансовой задолженности стран и усиления дифференциации в доходах. Снижающиеся темпы роста США и Китая отрицательно скажутся на внешней торговле этих стран, а именно, снизят

спрос держав-лидеров на товары из стран с формирующимися рынками. К этому времени уже будут значительно исчерпаны возможности быстрого реагирования правительств этих стран на ухудшающиеся условия, такие как упоминавшиеся выше нарушения глобальных цепочек добавленной стоимости, а также ожидаемые новые волны пандемии и др. [7].

Таблица 3

Экономический рост, в процентах к предыдущему году

	2021	2022	2023
Весь мир	5,5	4,2	3,2
Страны с формирующимися рынками	6,3	4,6	4,4

Составлено автором по: [2; 7].

Анализ инвестиционных процессов в России не только в последние два года, когда тенденции инвестирования совпадают с ситуацией в других странах с развивающимися рынками, но и в предыдущие десятилетие, приводит к выводу о недостаточной сопряженности с реальным сектором мировой экономики. Об этом свидетельствуют, наряду с другими характеристиками, традиционно низкие показатели привлечения иностранных инвестиций. Этот тренд часто объясняют санкциями 2014 г. Приток капитала действительно сократился уже в период 2014–2017 гг., что, по оценкам, замедлило рост российской экономики на 0,3–0,6 процентных пункта в год. [1, с. 15]. Серьёзные и, главное, долговременные влияния из-за снижения прямого иностранного инвестирования проявляются в замедлении передачи

новых технологий в этот период. Под влиянием санкций обозначилась тенденция перехода от постепенной интеграции с экономиками других стран к широкому импортозамещению, что, хотя и решает некоторые неотложные задачи, но, в то же время, снижает конкуренцию, препятствует использованию факторов роста, иницируемых участием в международном разделении труда. Пандемия лишь проявила и кратковременно усилила эти тенденции.

Предстоит длительная стратегическая деятельность по количественному и качественному совершенствованию инвестиционных процессов, в том числе, по изменению их институциональной инфраструктуры для быстрого реагирования.

Литература:

1. Перспективы восстановления экономического роста в России / Н.В. Акиндинова, М. Домбровский, А.А. Широв, Д.Р. Белоусов, И.Б. Воскобойников, Е.Т. Гурвич // По материалам круглого стола в рамках XXI Апрельской международной научной конференции НИУ ВШЭ). Вопросы экономики. 2020. № 7. С. 5–50. URL : <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-7-5-50>
2. Доклад о мировом развитии 2022 «Финансирование в интересах справедливого восстановления». Всемирный банк. URL : <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/home>
3. Динамика инвестиций в основной капитал в Российской Федерации в сопоставимых ценах. URL: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial
4. Инвестиции в основной капитал в Российской Федерации в 2020 году. URL : https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SRseY8Jp/inv_osn2020.pdf
5. Инвестиционная активность организаций в 2021 году. Документ. URL : <https://rosstat.gov.ru>
6. Лола И.С. Инвестиционная активность промышленных предприятий России: коронакризисные тенденции и перспективы в 2021 г. М. : НИУ ВШЭ, 2021. 18 с. URL : <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/456966346.pdf>

Literature:

1. The prospects of Russian economic growth recovery / N.A. Akindinova, M.P. Dabrowski, A.A. Shirov, D.R. Belousov, I.B. Voskoboynikov, E.T. Gurvich // Proceedings of the roundtable discussion at the XXI April international academic conference on economic and social development). Voprosy Ekonomiki. 2020. № 7. P. 5–50. URL : <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-7-5-50>
2. World Development Report 2022. Finance for an equitable recovery. URL : <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/home>
3. Dynamics of Investments in Fixed Assets in the Russian Federation in comparable prices. URL : https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial
4. Investments in fixed assets in the Russian Federation in 2020. URL : https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SRseY8Jp/inv_osn2020.pdf
5. Investment Activity of Organization in 2021. Document. URL : <https://rosstat.gov.ru>
6. Lola I.S. Investment activity of industrial enterprises of Russia: coronacrisis trends and prospects in 2021 g.1 M. : HSE, 2021. – 18 pages.

7. На фоне замедления экономического роста в мире возникает риск «жесткой посадки» экономики развивающихся стран. Всемирный банк. Тематическая статья. 11 января 2022. URL : <https://www.vseмирnyjbank.org/ru/news/feature/2022/01/11/developing-economies-face-risk-of-hard-landing-as-global-growth-slows>

8. Структура инвестиций в основной капитал в Российской Федерации. URL : <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Inv-srt21.xls>

7. As Global Growth Slows, Developing Economies Face Risk of 'Hard Landing'. THE WORLD BANK/efeature story january 11, 2022. URL : <https://www.vseмирnyjbank.org/ru/news/feature/2022/01/11/developing-economies-face-risk-of-hard-landing-as-global-growth-slows>

8. Structure of investments in fixed assets in the Russian Federation. URL : <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Inv-str21.xls>

Джалили Абдул Кави
магистрант департамента
мировых финансов,
Финансовый университет
при правительстве РФ
qawi_karim@yahoo.com

МЕХАНИЗМЫ ФИНАНСОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА МИРОВОМ ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ

Аннотация. В данной статье изучена актуальность процессов цифровизации в современном мире, отражены факторы и условия, способствующие ее продвижению, а также исследована важность развития цифровых технологий. Также в статье проведено исследование механизмов их функционирования на мировом финансовом рынке, их ключевых особенностей и системы построения. Среди финансовых технологий были выделены наиболее популярные, а именно криптовалюта и блокчейн. Анализ действия их механизма показал взаимозависимость практически всех рассмотренных финансовых технологий. Также рассмотрено отношение общества к криптовалюте и финансовым технологиям в целом.

Ключевые слова: финансовые технологии, финансовый рынок, технологии, криптовалюта, блокчейн, мировой рынок, цифровизация.

В настоящий момент актуальным направлением выступает цифровизация бизнеса как составляющей национальной экономики не только в России, но и во всем мировом пространстве. Масштабное внедрение и использование новейших технологий на территории Российской Федерации обусловлено ориентированностью общества и экономики на скорость, быстрое реагирование на любые изменения, и цифровизация, непосредственно, позволяет ускорять большинство процессов жизнедеятельности граждан, функционирования хозяйствующих субъектов и осуществления ими их экономической деятельности.

Цифровизация вместе с различными разработками и новыми технологиями охватила практически все мировое пространство, затрагивая все направления мировой экономики и жизнедеятельности человека. Одной из таких сфер выступает финансовый рынок, который аналогично движению мировой экономики развивается и трансформируется под влиянием разработок и применения различных цифровых технологий, среди которых наибольшую популярность получили финансовые механизмы. Актуальность поставленной темы в том и заключается, что стремительное развитие мирового финансового

Abdul Q. Jalili
Master's Student of the Department
of World Finance,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
qawi_karim@yahoo.com

MECHANISMS OF FINANCIAL TECHNOLOGIES IN THE GLOBAL FINANCIAL MARKET

Annotation. This article examines the relevance of digitalization processes in the modern world, reflects the factors and conditions that contribute to its promotion, and also examines the importance of the development of digital technologies. The article also examines the mechanisms of their functioning in the global financial market, their key features and the system of construction. Among the financial technologies, the most popular ones were highlighted, namely cryptocurrency and blockchain. An analysis of the operation of their mechanism showed the interdependence of almost all the financial technologies considered. The attitude of society to cryptocurrency and financial technologies in general is also considered.

Keywords: financial technologies, financial market, technologies, cryptocurrency, blockchain, global market, digitalization.

рынка складывается под влиянием новых механизмов финансовых технологий.

Итак, финансовые технологии представляют собой стремительно развивающийся сегмент, особенностью которого заключается в том, что он объединяет и синтезирует рынок финансовых услуг и цифровых технологий. То есть финансовые технологии – это предоставление финансовых услуг и сервисов с использованием инновационных технологий, таких как «большие данные» (Big Data), искусственный интеллект и машинное обучение, роботизация, блокчейн, облачные технологии, биометрия и других [1].

Основными целями развития финансовых технологий выступают следующие:

- содействие развитию конкуренции на финансовом рынке;
- повышение доступности, качества и ассортимента финансовых услуг;
- снижение рисков и издержек в финансовой сфере;
- обеспечение безопасности и устойчивости при применении финансовых технологий;

- повышение уровня конкурентоспособности российских технологий [1].

Применение механизмов финансовых технологий хозяйствующими субъектами позволяет получить дополнительное конкурентное преимущество на финансовом рынке в условиях рыночной экономики, так как использование именно такого рода механизмов упрощает денежные операции и, соответственно, повышает доступность финансовых инструментов.

Помимо этого необходимо отметить, что Банк России способствует развитию финансовых технологий как элемента мирового финансового рынка в части реализации на территории России

национальной программы по развитию цифровой экономики и иных финансовых программ и проектов [2].

Возрастает значение сегмента финансовых технологий в связи с распространением во всем мире цифровизации, которая на данный момент все больше проникает в нашу жизнь, облегчая и ускоряя процессы деятельности человека. Нарастание значимости и количества применения механизмов финансовых технологий повышает его статус в международной практике использующих его компаний. Об этом говорит возрастающий объем инвестиционных потоков в сектор финансовых технологий (рис. 1).

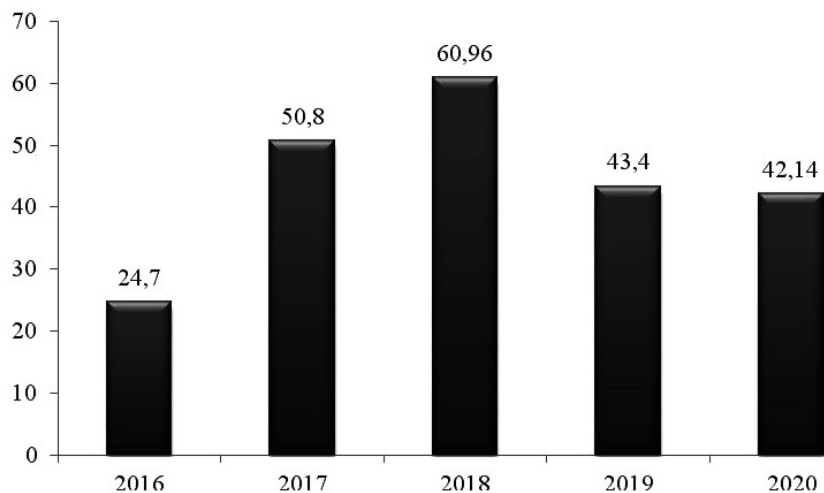


Рисунок 1 – Динамика мировых инвестиций в сфере финансовых технологий (финтех), млрд долл. США [3]

Отраженная динамика отражает положительную динамику мирового инвестирования в финтех-отрасль на протяжении 2016–2018 гг., в последующем аналогичном периоде 2019–2020 гг. наблюдается отрицательная динамика, то есть своего максимума объем инвестиций в финтех достиг в 2018 году. Однако стоит отметить, что за весь исследуемый период объем инвестирования вырос практически вдвое.

В связи с такой значимостью механизмов финансовых технологий для развития мирового финансового рынка необходимо рассмотреть ключевые направления их применения в финансовом сегменте:

1. Кредитование P2P представляет собой один из механизмов финансовых технологий, сущность которого заключается в осуществлении процесса кредитования между кредитором и заемщиком с помощью специальной цифровой платформы, позволяющей заключить сделку, минуя банковские учреждения [4].
2. Цифровой банкинг – новый формат банковской организации, которая осуществляет свою деятельность с помощью онлайн-приложений или цифровых платформ, при этом не имеет физических отделений.

3. Блокчейн – один из механизмов финансовых технологий, представляющий собой централизованную базу данных об операциях, использующий при этом только ресурсы самих участников системы [5]. Это позволяет совершать сделки без посредников, что в несколько раз сокращает расходы по их совершению.

4. Криптовалюта – это компьютерный код, который представляет собой электронное платежное средство, не имеющее физического выражения. Работа системы криптовалюты обеспечена механизмом блокчейна.

Остановимся более подробно на двух последних механизмах финансовых технологий, так как было выяснено, что представленные два механизма взаимосвязаны и оказывают огромное влияние на мировой финансовый рынок по причине их возрастающей популярности.

Криптовалютная система – это механизм, основу которого составляют блоки, хранящие информацию об осуществленных участниками операциях. Данная система строится на технологии блокчейна, которая также выступает механизмом финансовых технологий, о чем говорилось ранее. Именно блокчейн позволяет в криптовалютной системе записывать данные в блоки, хранить ее и выстраивать в определенном порядке. Вся информация сохраняется на компьютерах участников, а ее безопасность обеспечивается

специальными криптографическими технологиями.

Такая система позволяет осуществлять сделки с криптовалютой без участия различных посредников и регуляторов, что облегчает и ускоряет процессы на финансовом рынке. В связи с этим выделим ключевые особенности криптовалюты:

- Операции по криптовалюте производятся на базе P2P, которая позволяет реализовать сделку между двумя участниками, сохранив при этом свои персональные данные, а вот объем транзакций может быть виден остальным участникам платформы;
- Эмиссия криптовалюты (или майнинг) децентрализована. Объем предложения такого финансового инструмента обеспечивает тот, кто создает новый блок под запись информации, что представляет собой сложную математическую задачу. Эмиссия криптовалюты считается произведенной, если был создан новый блок;

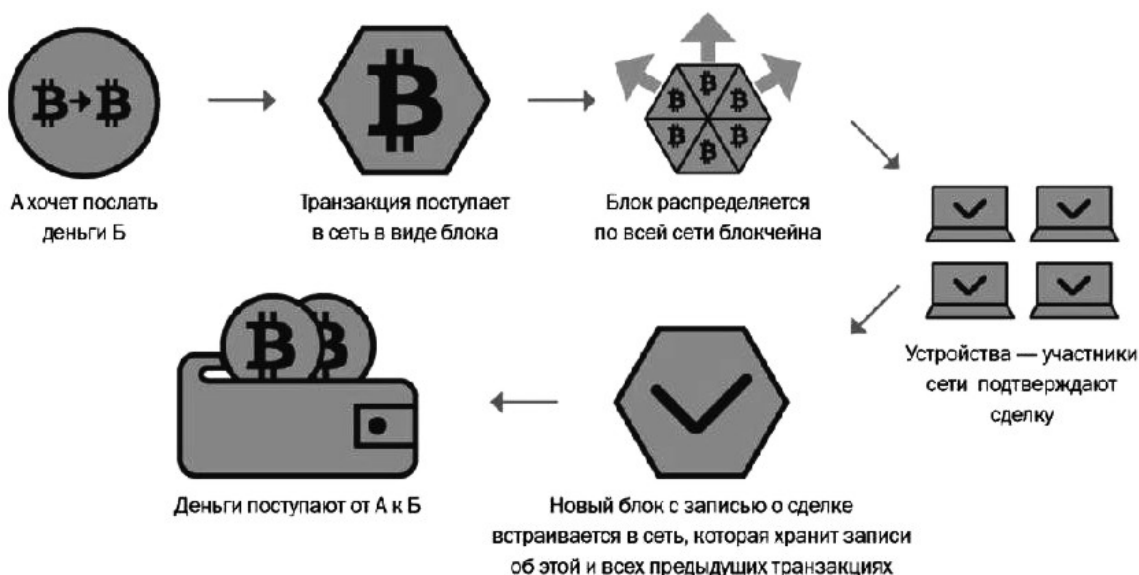


Рисунок 2 – Схема работы блокчейна [6]

Блокчейн подобен классическим электронным платежным системам, однако у него есть свои характеристики, отличающие блокчейн от них в области передачи информации и управления. Узлы блокчейна по своим параметрам похожи на счета в банках или на счета электронной платежной системы [6].

Развитие цифровых технологий в мире наращивает свои темпы, что проявляется в распространении технологий во многих сферах жизни человечества. На мировом финансовом рынке операции совершаются посредством применения различных механизмов финансовых технологий, особое место среди которых отводится криптовалюте и блокчейну, которые по своей сути заменяют денежные средства и банковские счета

Литература:

1. Официальный сайт Банка России: Развитие финансовых технологий. URL : <https://cbr.ru/fintech> (дата обращения 11.02.2022).

- Криптовалюта ничем не обеспечена, то есть она, по сути, является «пустышкой», и ее ценность основана лишь на ожиданиях игроков рынка по поводу дальнейшего использования криптовалюты. Криптовалютная система выступает финансовой технологией, которая имеет популярность на мировом финансовом рынке, особое внимание с 2021 года уделяется биткойну.

Итак, после того, как было выяснено, что криптовалютная система представляет собой мощный механизм финансовых технологий, более подробно проанализируем блокчейн, с помощью которого обращается криптовалюта на финансовом рынке.

Визуально и для более легкого понимания блокчейн представляется как бесконечная цепь блоков, которую невозможно разорвать, или помечать эти блоки местами. Механизм работы блокчейна как финансовой технологии отражен на рисунке 2.

соответственно. В отношении финансовых технологий ведется множество споров по поводу экономического обоснования ценности цифровых активов и возможность их встраивания в мировую финансовую систему. В этом споре, как сторонники, так и противники криптовалют приводят множество убедительных аргументов, однако вряд ли это приведет к единому мнению. За финансовыми технологиями стоит будущее, однако до сих пор нет единого понятия о системе регулирования криптовалюты в мире, поэтому подход к пониманию и отношению к криптовалютной системе и иным финансовым технологиям неоднозначно и требует соответствующих решений, так как в нескольких странах мира действует запрет на использование криптовалюты.

Literature:

1. Official website of the Bank of Russia: Development of financial technologies. URL : <https://cbr.ru/fintech> (date of appeal 11.02.2022).

2. Национальный проект Цифровая экономика Российской Федерации. URL : <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858> (дата обращения 12.02.2022).

3. Банк России: Основные направления развития финансовых технологий. URL : https://cbr.ru/Content/Document/File/84852/ON_FinTex_.pdf (дата обращения 12.02.2022).

4. *Филлипов Д.И.* О влиянии финансовых технологий на развитие финансового рынка / Д.И. Филлипов // Российское предпринимательство. 2018. № 5. С. 62–87.

5. *Перцева С.Ю.* Финтех: механизм функционирования / С.Ю. Перцева // Инновации в менеджменте. 2018. 12. С. 50–53.

6. *Табернакулов А.* Блокчейн на практике / А. Табернакулов, Ян Койфманн. М. : Альпина Паблшер, 2019. 260 с.

2. National Project Digital Economy of the Russian Federation. URL : <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858> (date of appeal 12.02.2022).

3. The Bank of Russia: The main directions of development of financial technologies. URL : https://cbr.ru/Content/Document/File/84852/ON_FinTex_.pdf (date of appeal 12.02.2022).

4. *Filippov D.I.* On the impact of financial technologies on the development of the financial market / D.I. Filippov // Russian Entrepreneurship. 2018. № 5. P. 62–87.

5. *Pertseva S.Yu.* Fintech: mechanism of functioning / S.Yu. Pertseva // Innovations in management. 2018. 12. P. 50–53.

6. *Tabernakulov A.* Blockchain in practice / A. Tabernakulov, Jan Koifman. M. : Alpina Publisher, 2019. 260 p.

Каримов Булат Наилевич
кандидат экономических наук,
доцент кафедры общественного
здоровья и здравоохранения,
Государственный научный центр
Российской Федерации –
Федеральный медицинский
биофизический центр
имени А.И. Бурназяна
Федерального медико-биологического
агентства России
Bulat_karimov@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКИХ ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. Современные экономические условия функционирования национальных экономических систем характеризуются значительным санкционным давлением зарубежных стран. Ограничительные меры, формируемые зарубежными странами, включают ограничение экспорта технологических систем, ограничение использования информационных систем, ограничение импорта конечной продукции отечественных хозяйствующих субъектов. Объектом исследования является национальный сектор инвестиций и инноваций. Предметом исследования выступают российские инновационные предприятия в современных условиях хозяйствования, которые характеризуются значительными ограничительными экспортными мерами на международном уровне. Целью исследования является оценка перспектив отечественных инновационных предприятий в современных условиях хозяйствования. Результатом исследования выступает количественная оценка перспектив функционирования российских инновационных предприятий в условиях технической и технологической ограниченности ресурсов, вызванной ограничительными мерами на экспорт конечной продукции и импорт технологических и технических ресурсов со стороны зарубежных стран.

Ключевые слова: санкции, высокие технологии, инновационная активность, инновационная деятельность, эффективность, аппроксимация.

Основная часть. Для достижения целей исследования будем использовать сценарный подход, предусматривающий три сценарии развития ситуации: позитивный, нейтральный, негативный. Позитивный сценарий предусматривает сохранение таких же темпов роста, которые существовали до момента санкционного давления со стороны зарубежных стран, очевидно, что он маловероятен. Малая вероятность реализации подобного сценария объясняется дополнительными негативными факторами давления на

Bulat N. Karimov
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department
of Public Health and Healthcare,
State Scientific Center
Russian Federation –
Federal Medical Biophysical Center
named after A.I. Burnazyan
Federal Biomedical Russian Agencies
Bulat_karimov@mail.ru

PROSPECTS OF RUSSIAN INNOVATIVE ENTERPRISES IN MODERN ECONOMIC CONDITIONS

Annotation. The modern economic conditions of the functioning of national economic systems are characterized by significant sanctions pressure from foreign countries. Restrictive measures formed by foreign countries include restrictions on the export of technological systems, restrictions on the use of information systems, restrictions on the import of final products of domestic economic entities. The object of the study is the national sector of investment and innovation. The subject of the study is Russian innovative enterprises in modern economic conditions, which are characterized by significant restrictive export measures at the international level. The purpose of the study is to assess the prospects of domestic innovative enterprises in modern economic conditions. The result of the study is a quantitative assessment of the prospects for the functioning of Russian innovative enterprises in the conditions of technical and technological resource constraints caused by restrictive measures on the export of final products and the import of technological and technical resources from foreign countries.

Keywords: sanctions, high technologies, innovative activity, innovative activity, efficiency, approximation.

национальных субъектов хозяйствования, вызванных мировой пандемией COVID-19.

Нейтральный сценарий предусматривает снижение темпов роста показателей, который предполагает стагнацию развития инновационных предприятий и конечных показателей деятельности с определённой величиной снижения (интервал снижения), который не предполагает «критического» изменения технических и технологических систем. Негативный сценарий предполагает

значительное падение конечных показателей деятельности отечественных инновационных предприятий, предполагающий снижение по годам более 10 процентов от средней величины роста

показателей. Исходные данные для разработки сценарного похода примем по «Исходные данные для оценки факторов, определяющих инновационную активность в России» [1, с. 18].

Таблица 1

Исходные данные для разработки сценариев развития деятельности российских инновационных предприятий

Показатель/год	Сокр.	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Уровень инновационной активности	Уиа	9,5	10,4	10,3	10,1	9,9	9,3	8,4	14,6	12,8	9,1	10,8	10,5
Удельный вес организаций, осуществляющих инновационную активность	Уво	7,9	8,9	9,1	8,9	8,8	8,3	7,3	20,8	19,8	21,6	23	23,1
Удельный вес инновационных товаров, в общем объеме валового национального продукта	Увт	4,8	6,3	8,0	9,2	8,7	8,4	8,5	7,2	6,5	5,3	5,7	7,2
Удельный вес затрат на осуществление инновационной деятельности	Увз	1,6	2,2	2,5	2,9	2,9	2,6	2,5	2,4	2,1	2,1	2,3	2,4

Рассмотрим по исходным данным из таблицы 1 по трём сценариям – таблица 2.

Таблица 2

Сводные данные значения показателей на текущий год и два последующих при различных сценариях

Показатель/год	Сокр.	нейтральный	позитивный	негативный
Уровень инновационной активности	Уиа	10,47	10,8	9,2
Удельный вес организаций, осуществляющих инновационную активность	Уво	21	23,13	13,13
Удельный вес инновационных товаров, в общем объеме валового национального продукта	Увт	7,15	7	6,1
Удельный вес затрат на осуществление инновационной деятельности	Увз	2,37	2,2	3

При формировании сценариев мы исходим из того, что оценку перспектив можно провести по ретроспективным данным с помощью кривых аппроксимации. Аппроксимация будет проводиться по полиномиальным кривым с высоким коэффициентом достоверности.

Таким образом, мы получим достаточно достоверную оценку перспектив в графической интерпретации, которая позволит нам провести эвристическую оценку и сделать вывод о перспективах развития российских инновационных предприятий.

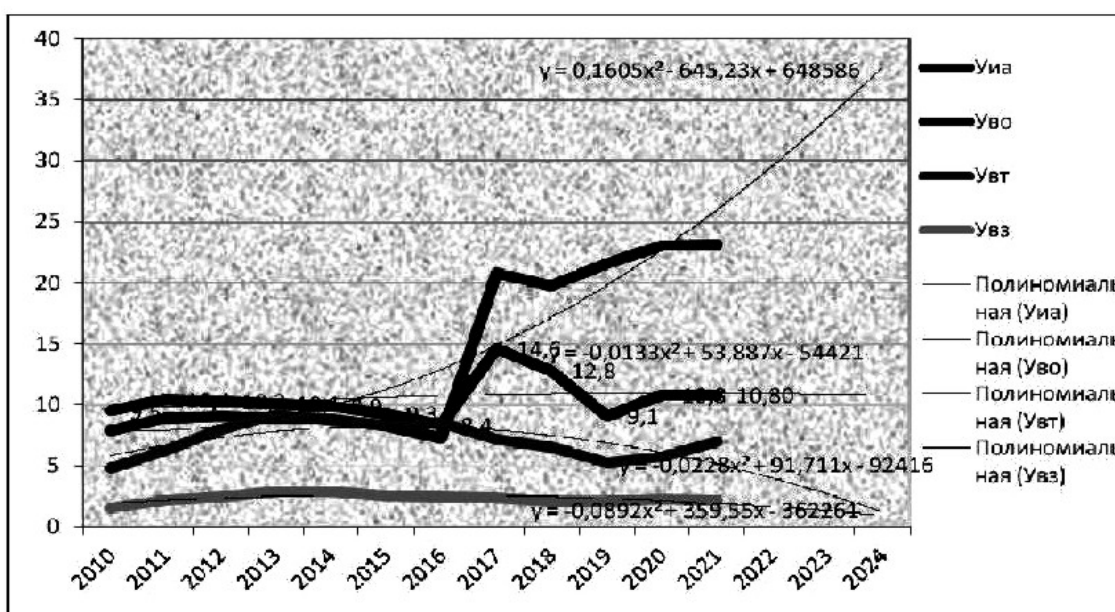


Рисунок 1 – Позитивный сценарий при оценке перспектив российских инновационных предприятий

Как видим, по всем сценариям наблюдается снижение уровня инвестиционной активности (Уиа), но при этом, за счёт эффекта «высокой базы» происходит увеличение удельного веса организаций (Уво), проявляющих инновационную активность. То есть, в совокупности, инвестиционная активность будет снижаться, но для

нивелирования негативных факторов количество организаций с инновационным признаком хозяйствования будет расти, что вполне логично и аргументирует сложившуюся экономическую парадигму. Так как экспорт высоких технологий ограничен, национальные компании будут увеличивать долю присутствия в этом секторе экономики.

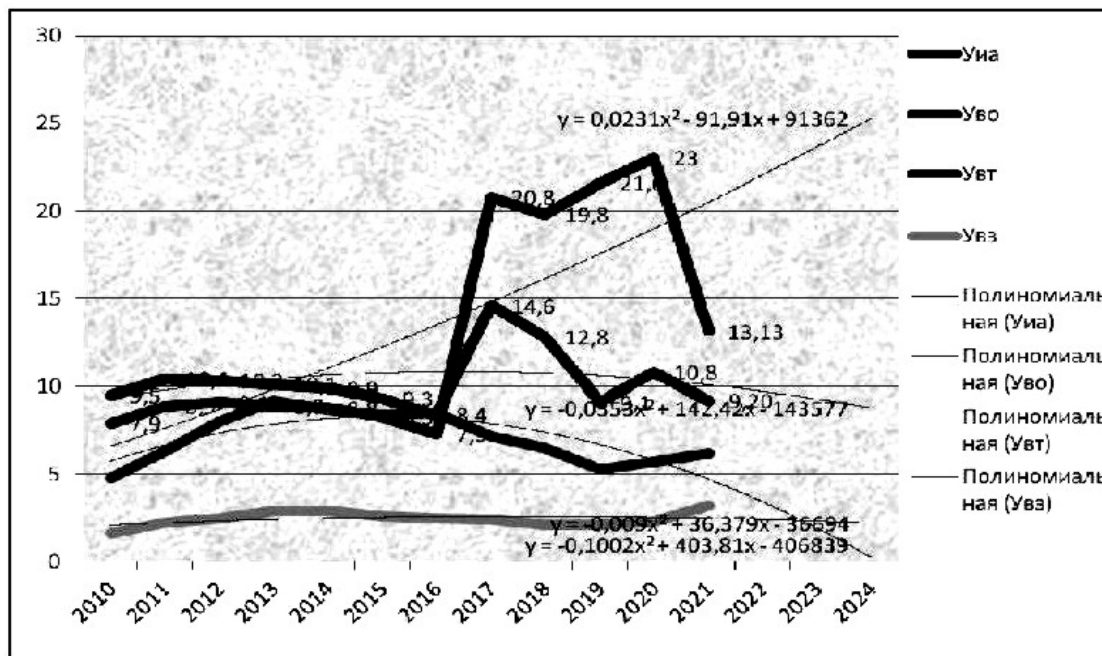


Рисунок 2 – Негативный сценарий при оценке перспектив российских инновационных предприятий

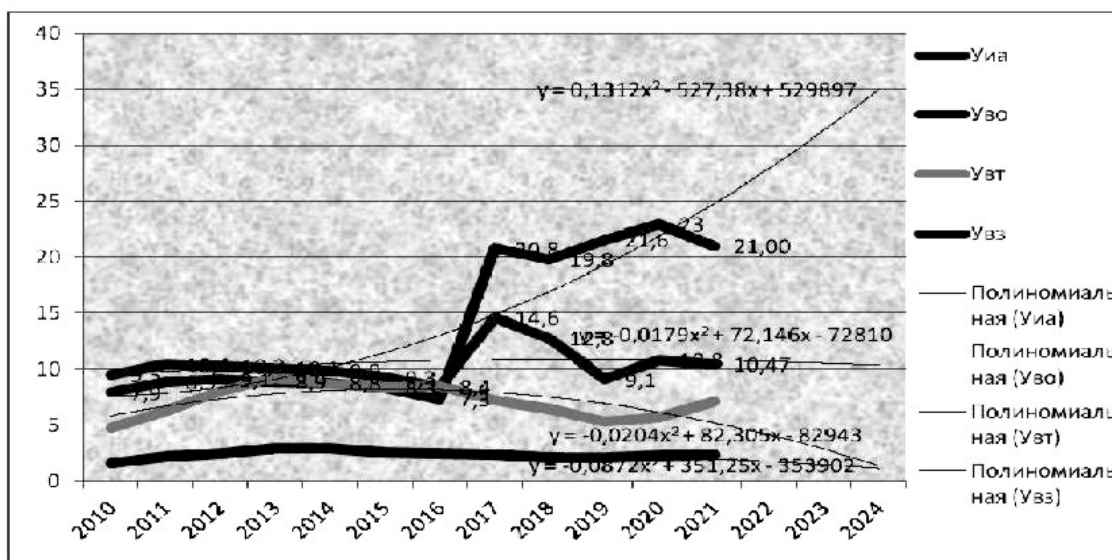


Рисунок 3 – Нейтральный сценарий при оценке перспектив российских инновационных предприятий

Рассмотрим, как изменится достоверность и парная корреляция между показателями инновационной активности в сложившейся экономической ситуации на рисунке 4.

Как видим, по всем группам показателей достоверность результата и корреляция связей крайне слабы и незначимы, что свидетельствует о высоком факторе неопределённости в макро- и микро-экономических средах.

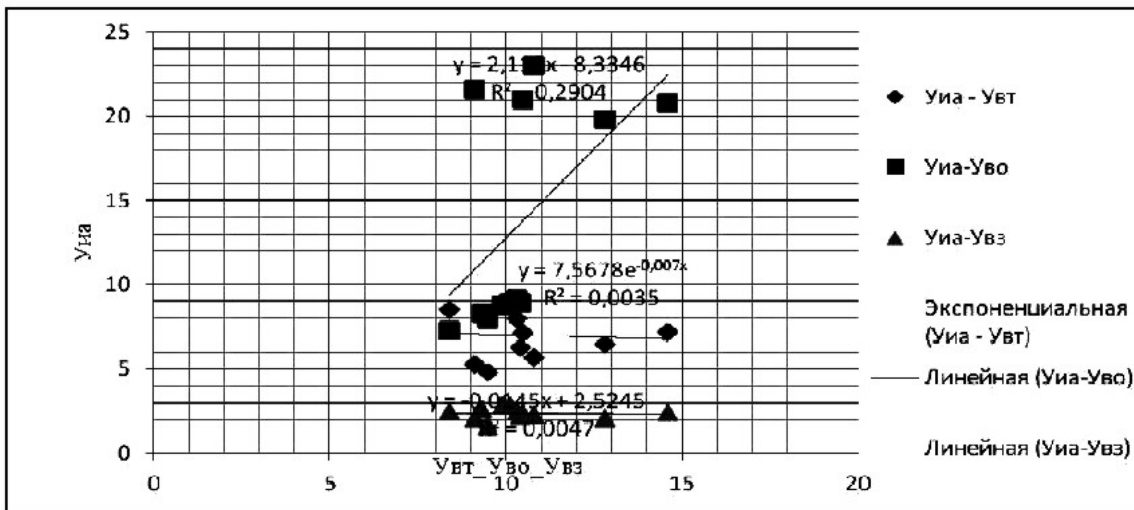


Рисунок 4 – Корреляционное поле и коэффициент достоверности между уровнем инновационной активности и остальными показателями (нейтральный сценарий)

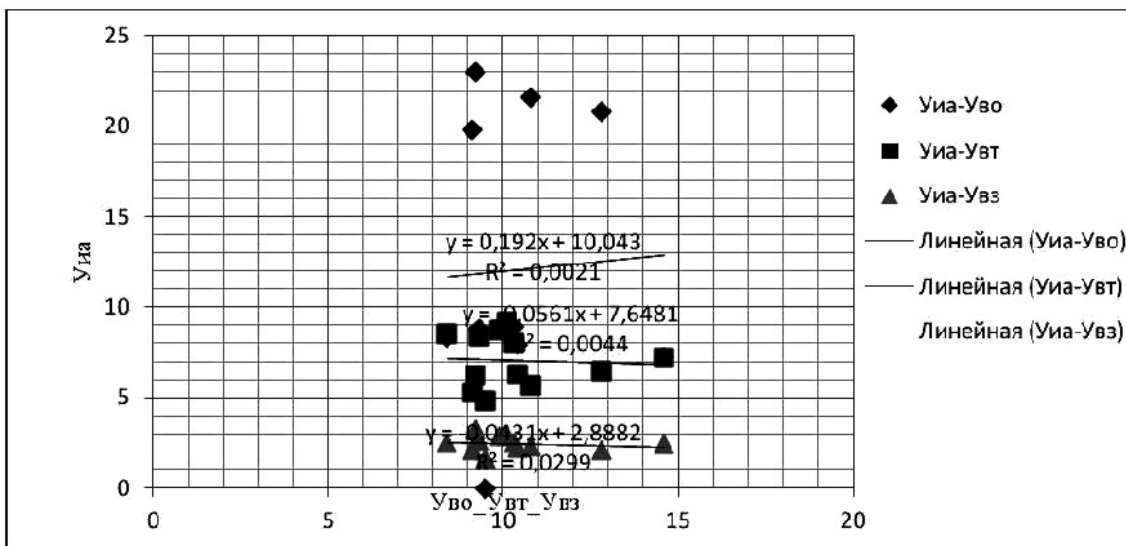


Рисунок 5 – Корреляционное поле и коэффициент достоверности между уровнем инновационной активности и остальными показателями (негативный сценарий)

Абсолютно идентичную ситуацию с достоверностью данных и крайне слабую парную корреляцию рядов данных мы можем наблюдать в случае негативного сценария. Что, в целом, свидетельствует о слабой прогнозируемости количественных значений перспективного периода.

Вывод. В целом, по результатам исследования более оправданным выглядит нейтральный сценарий, при котором показатели инновационной активности будут стагнировать. Помимо интенсификации, в последние годы политики импортозамещения российские инновационные предприятия показали значительный рост всех совокупных показателей инновационной деятельности. Также, в значительной мере, при отсутствии

триггеров падения показателей деятельности объясняется наличием экономической инерции: «...Заключаящийся в сохранении своего предыдущего состояния, некоторый промежуток времени, при воздействии на систему различных сил, в том числе, обусловленных противоречиями между социальными обязательствами и экономическими интересами, при этом экономический рост не является «естественным» состоянием экономической системы» [2, с. 100]. Учитывая относительную устойчивость, которую накопил высокотехнологичный сектор отечественной экономики за последние годы, более оправданным выглядит нейтральный сценарий (стагнация) инновационной активности российских предприятий.

Литература:

1. Каримов Б.Н. Проблема обеспечения реализации импортозамещения инновационными

Literature:

1. Karimov B.N. The problem of ensuring the implementation of import substitution by innovative

предприятиями в современных экономических условиях / Б.Н. Каримов // Дискуссия. 2021. № 4(107). С. 15–20.

2. Хайруллин В.А. Инерция в социально-экономических системах: теоретико-эвристический анализ феномена / В.А. Хайруллин, С.В. Макара, Э.Н. Ямалова // Дискуссия. 2021. № 5(108). С. 88–104.

enterprises in modern economic conditions / B.N. Karimov // Discussion. 2021. № 4(107). P. 15–20.

2. *Khairullin V.A.* Inertia in socio-economic systems: theoretical and heuristic analysis of the phenomenon / V.A. Khairullin, S.V. Makar, E.N. Yamalova // Discussion. 2021. № 5(108). P. 88–104.

Машин Дмитрий Васильевич
менеджер по производству,
ЗАО «Москва-Макдоналдс»
Mashin@mail.ru

СОВРЕМЕННАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИЗМЕРЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Аннотация. Оценка и измерение экономического роста является важнейшей научной прикладной проблемой экономического знания. Содержание методологии измерения экономического роста определяет объективность и результативность методов оценки динамики и изменения экономического роста для целей внутреннего и внешнего аудита и формирования показателей статистики. Объектом исследования является экономический субъект как элементы экономической системы. Предметом исследования выступает экономический рост, как показатель динамики развития элементов экономической системы. Цель исследования: представить содержание современной методологии измерения экономического роста. Методологий исследования выступают системные методы научного познания, базирующиеся на общепризнанных научных методах изучения объективной реальности: анализ, синтез, сравнение, группировка и прочее. Результатом исследования является экстраспективное изложение методологии измерения экономического роста на научной основе.

Ключевые слова: капитализация, экономическая добавленная стоимость, дивергенция, конвергенция, динамика, прирост.

Показатели экономического роста современного экономического пространства характеризуются множественностью и сложностью «диалектики выражения» [1, с 467]. Величина абсолютного экономического прироста выражается через абсолютную скорость изменений рядов динамики и может быть определена через «разность показателя фактического уровня показателя и показателя базового уровня» [2, с. 60]. Абсолютный экономический прирост (по постоянной базе) $\Delta_{a(\bar{b})}$ можно рассчитать по формуле 1:

$$\Delta_{a(\bar{b})} = y_i - y_0, \quad (1)$$

где y_i – фактический уровень показателя; y_0 – базисный уровень показателя.

Величина абсолютного экономического прироста при переменной базе (цепной метод), можно

Dmitrii V. Mashin
Operations Manager,
CJSC Moscow McDonald's
Mashin@mail.ru

MODERN METHODOLOGY FOR MEASURING ECONOMIC GROWTH

Annotation. The assessment and measurement of economic growth is the most important scientific applied problem of economic knowledge. The content of the methodology for measuring economic growth determines the objectivity and effectiveness of methods for assessing the dynamics and changes in economic growth for the purposes of internal and external audit and the formation of statistical indicators. The object of the study is an economic entity as elements of the economic system. The subject of the study is economic growth as an indicator of the dynamics of the development of elements of the economic system. The purpose of the study: to present the content of the modern methodology for measuring economic growth. The research methodologies are systematic methods of scientific cognition based on generally recognized scientific methods of studying objective reality: analysis, synthesis, comparison, grouping, etc. The result of the study is an extra-prospective presentation of the methodology for measuring economic growth on a scientific basis.

Keywords: capitalization, economic value added, divergence, convergence, dynamics, growth.

выразить через скорость экономического роста показателя $\Delta_{a(y)}$ рассчитать по формуле 2:

$$\Delta_{a(y)} = y_i - y_{i-1}, \quad (2)$$

где y_i – фактический уровень показателя; y_{i-1} – показатель предыдущего уровня.

Показатель экономического роста K_i можно исчислить отношением фактического уровня показателя предыдущего уровня или по базе и отражает скорости относительного изменения рядов показателей. В случае, когда показатели коэффициент роста выражаются в процентах, можно сформулировать показатель – коэффициент роста.

Показатель коэффициента экономического роста по базе $K_{a(\bar{o})}$ и может быть определен формулой 3:

$$K_{a(\bar{o})} = \frac{y_i}{y_0}. \quad (3)$$

Цепной показатель коэффициента экономического роста $K_{a(y)}$ можно определить формулой 4:

$$K_{a(y)} = \frac{y_i}{y_{i-1}}. \quad (4)$$

Показатель темпа роста T_p можно определить через формулу 5:

$$T_p = K \times 100 \%. \quad (5)$$

Показатели темпов экономического прироста T_n можно определить отношением абсолютных приростов отчётных уровней к предыдущим или базисным уровням показателей. Показатели темпов экономического прироста по базе $T_{n(\bar{o})}$ можно исчислить через формулу 6:

$$T_{n(\bar{o})} = \frac{y_i - y_0}{y_0} \cdot 100\%. \quad (6)$$

$$A_i = \frac{y_i - y_{i-1}}{T_{ni/(i-1)}} = \frac{y_i - y_{i-1}}{\frac{y_i - y_{i-1}}{y_{i-1}} \cdot 100\%} = \frac{y_{i-1}}{100} = 0,01 y_{i-1}. \quad (10)$$

С целью дать характеристику динамики экономического роста за некий интервал времени необходимо произвести расчет группы средних величин показателей в динамике. Необходимо при этом формализовать экономический рост двумя группами показателей через:

- а) показатели среднего уровня ряда;
- б) показатели среднего изменения уровня ряда. Показатели среднего уровня рядов данных можно рассчитать через зависимость, характеризующую вид ряда показателей по времени.

Для оценки интервала значений в динамике абсолютных показателей экономического роста средняя величина значений уровня рядов \bar{y} необходимо рассчитать через формулы простых средних арифметических, формула 11:

$$\bar{y} = \frac{\sum y}{n}, \quad (11)$$

где n – количество рядов уровней показателей экономического роста.

Показатели цепных темпов экономического прироста $T_{n(y)}$ может быть определён через формулу 7:

$$T_{n(y)} = \frac{y_i - y_{i-1}}{y_{i-1}} \cdot 100\%. \quad (7)$$

Показатели темпов экономического прироста относительно базового уровня или предыдущего уровня можно исчислить другим способом: через разницу темпа экономического роста и значением ста процентов или через разницу показателя коэффициента экономического роста и единицей значения, формула 8 и формула 9:

$$T_n = T_p - 100 \%. \quad (8)$$

$$T_n = K_i - 1. \quad (9)$$

Показатели абсолютного значения 1 % (одного процента) экономического прироста A_i косвенно характеризует измерение меры по базе. Исчисление данного показателя отражает изменение одной сотой части уровня базы, при этом характеризует кратную модель экономического роста через абсолютный прирост к показателю темпа роста.

Показатели абсолютного значения 1 процента экономического прироста A_i можно исчислить по формуле 10:

Моментный динамический ряд среднего уровня можно определить через показатели среднего уровня моментного ряда с одинаковыми интервалами можно рассчитать через формулу средней хронологической:

$$\bar{y} = \frac{\frac{y_1}{2} + y_2 + y_3 + \dots + y_{n-1} + \frac{y_n}{2}}{n-1}, \quad (12)$$

где n – количество календарных дат оценки экономического роста.

Средняя уровня моментного ряда, в котором интервалы не являются равнозначными должна быть рассчитана через формулу средневзвешенной арифметической. При этом в виде веса принимается значение промежутка t (время) между моментом времени изменения в уровне динамических рядов экономического роста:

$$\bar{y} = \frac{\sum y \cdot t}{\sum t}, \quad (13)$$

где t – значение периода (день, месяц, год), в котором уровень экономического роста не меняется.

Средняя абсолютного прироста (изменение средней скорости экономического роста) $\bar{\Delta}$ можно определить через среднюю арифметическую показателя скорости экономического роста за каждый отдельный временной период, формула 14:

$$\bar{\Delta} = \frac{y_n - y_1}{n - 1}, \quad (14)$$

где y_n – конечный уровень ряда; y_1 – начальный уровень ряда.

Показатель среднего коэффициента экономического роста \bar{K}_p выражается через формулу среднегеометрических значений через показатели коэффициента экономического роста за каждый отдельный период, формула 15:

$$\bar{K}_p = \sqrt[n]{K_{p1} K_{p2} \dots K_{pn-1}}, \quad (15)$$

где K_{p1}, K_{p2}, K_{pn-1} – показатели коэффициентов экономического роста в сравнении с предыдущими периодами; n – количество уровней рядов динамики.

Показатели средних коэффициентов экономического роста возможно исчислить по-другому, через формулу 16:

$$\bar{K}_p = \sqrt[n]{\frac{Y_n}{Y_1}}. \quad (16)$$

Показатель среднего темпа экономического роста \bar{T}_p можно представить, как среднюю величину коэффициента экономического роста, исчисленную в процентах по формуле 17:

$$\bar{T}_p = \bar{K}_p \cdot 100\%. \quad (17)$$

Показатель средней величины экономического темпа прироста \bar{T}_n возможно исчислить, если произвести уменьшение среднего коэффициента экономического роста на одну единицу:

$$\bar{T}_n = (\bar{K}_p - 1) \cdot 100\%. \quad (18)$$

Среднее абсолютное значение 1 % прироста \bar{A} можно рассчитать по формуле 19:

$$\bar{A} = \frac{\bar{\Delta}}{\bar{T}_n}. \quad (19)$$

При этом современное экономическое пространство характеризуется множеством частных показателей экономического роста (инновационная стоимость, экономическая добавленная стоимость, акционерная добавленная стоимость и пр.). В этом случае, необходимо дополнить

методологию измерения показателями «...дивергенции и конвергенции рядов данных, скорость и ускорение изменения показателя» [3, с. 92].

Если значение показателей экономического роста и показателя относительного изменения экономического роста представить линейным уравнением по формуле 20:

$$y = k_1 \cdot x + b, \quad (20)$$

Тогда: $\frac{dy}{dk} = k_1 > 0$. (21)

Тогда при дивергенции рядов данных (рядов сравнения) будут иметь место следующие системы неравенств, формула 22 и формула 23:

$$\begin{cases} \frac{d(D1)}{dt} > 0 \\ \frac{d(D2)}{dt} < 0 \end{cases}, \text{ – дивергенция} \quad (22)$$

$$\begin{cases} \frac{d(K1)}{dt} < 0 \\ \frac{d(K2)}{dt} > 0 \end{cases}, \text{ – конвергенция} \quad (23)$$

где t – период времени.

Тогда скорость и ускорение изменения показателей экономического роста, представленных рядами данных, исчислим по формулам 24, 25 и 26:

$$V_- = \sum_{i=1}^n \frac{\left(\frac{1}{D(K)_i} - \frac{1}{D(K)_{i-1}} \right)}{n}; \quad (24)$$

$$V_+ = \sum_{i=1}^n \frac{\left(\frac{1}{D(K)_i} - \frac{1}{D(K)_{i-1}} \right)}{n}; \quad (25)$$

$$a = \frac{\Delta V}{\Delta t}, \quad (26)$$

где V_- отрицательная динамика (падение), при условии:

$$\frac{1}{D(K)_i} < \frac{1}{D(K)_{i-1}},$$

V_+ – положительная динамика (рост), при условии:

$$\frac{1}{D(K)_i} > \frac{1}{D(K)_{i-1}},$$

a – показатель ускорения изменения рядов данных.

Представленные расчётные формулы полноценно отражают существующую методологию измерения экономического роста.

Литература:

1. *Popkova E.G.* «Dialectical methodology of analysis of economic growth» / E.G. Popkova, V.I. Tinyakova // *World Applied Sciences Journal*. 2013. № 24.4. P. 467–475.
2. *Хайруллин В.А.* Оценка рисков и диагностика состояния крупномасштабных экономических систем с высоким фактором неопределенности : монография / В.А. Хайруллин, Э.В. Шакирова, А.С. Огнева. Уфа : Уфимский государственный нефтяной технический университет, 2014. 147 с.
3. *Хайруллин В.А.* Инерция в социально-экономических системах: теоретико-эвристический анализ феномена / В.А. Хайруллин, С.В. Макар, Э.Н. Ямалова // *Дискуссия*. 2021. № 5(108). С. 88–104.

Literature:

1. *Popkova E.G.* «Dialectical methodology of analysis of economic growth» / E.G. Popkova, V.I. Tinyakova // *World Applied Sciences Journal*. 2013. № 24.4. P. 467–475.
2. *Khairullin V.A.* Assessment of risks and diagnostics of the state of large-scale economic systems with a high factor of uncertainty : monograph. V.A. Khairullin, E.V. Shakirova, A.S. Ogneva. Ufa : Ufa State Oil Technical University, 2014. 147 p.
3. *Khairullin V.A.* Inertia in socio-economic systems: theoretical and heuristic analysis of the phenomenon / V.A. Khairullin, S.V. Makar, E. N. Yamalova // *Discussion*. 2021. № 5(108). P. 88–104.

Мерзлякова Мария Евгеньевна
магистр маркетинга,
кафедра маркетинговой аналитики,
Бизнес-школа Маршалла,
Южно-Калифорнийский университет
merzlyakovamari@gmail.com

ОЦЕНКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ АМЕРИКАНСКОГО БРЕНДА ДЕКОРАТИВНОЙ КОСМЕТИКИ KYLIE COSMETICS НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ

Аннотация. В современных условиях глобализации рынков, для поддержания конкурентоспособности предприятиям приходится постоянно обновляться и адаптироваться к быстроменяющейся реальности. Кроме того, глобальная пандемия коронавируса COVID-19 внесла новые коррективы в ведение бизнеса, включая переход к электронной коммерции и коррекцию цен. В статье проведена оценка текущей конкурентоспособности американского бренда декоративной косметики Kylie Cosmetics на российском рынке, а также, анализ среды компании PEST-анализ и расширенный SWOT-анализ для получения количественной оценки проблемного поля компании. В качестве вывода сформулировано текущее конкурентное положение компании и предложены рекомендации для дальнейшего устойчивого развития.

Ключевые слова: глобализация, маркетинговая стратегия, бренд косметики, российский рынок, бизнес-модель, конкурентоспособность.

Введение.
Ускоренная глобализация и цифровизация экономики обуславливают становление новой конкурентной среды, для которой необходимы постоянная адаптация и усовершенствование бизнес-модели.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что в современном мире фундаментальный вопрос стратегического управления заключается в том, как и каким образом, реализовать конкурентоспособность организации, чтобы адаптироваться под внешние быстроизменяемые условия.

Цель работы – провести анализ и дать оценку конкурентоспособности бренда Kylie Cosmetics на рынке РФ.

Задачи исследования включают проведение оценки внешней и внутренней среды; выявление главных сильных и слабых сторон бренда; расчет

Mariia Y. Merzliakova
Master of Marketing,
Department of Marketing Analytics,
Marshall Business School,
University of Southern California
merzlyakovamari@gmail.com

ASSESSMENT OF THE COMPETITIVENESS OF THE AMERICAN BRAND OF DECORATIVE COSMETICS KYLIE COSMETICS ON THE RUSSIAN MARKET

Annotation. In terms of today's globalization, companies are forced to constantly upgrade and adapt to rapidly changing reality. Furthermore, global pandemic COVID-19 has made new adjustments to how business is done, including transition to e-commerce and adjustment of pricing strategies. The article provides assessment of competitiveness of the American make-up brand Kylie Cosmetics on the Russian market. Analysis of company's environment, PEST analysis, as well as an extended SWOT analysis were conducted to obtain a quantitative assessment of the company's problem field. As a conclusion, current competitive state of the company was identified and recommendations for future sustainable growth were provided.

Keywords: globalization, marketing strategy, cosmetics brand, Russian market, business model, competitiveness.

количественной оценки проблемного поля; подведение итогов исследования и прогноз функционирования бренда на рынке РФ.

Используемые методы исследования в работе: аналитический, расчетный и прогностический методы исследования.

Косметическая промышленность – высококонкурентная отрасль: и опытные, и молодые компании постоянно внедряют инновации и стремятся укрепить свои позиции на рынке. Компания Kylie Jenner Cosmetics («Кайли Дженнер Косметикс») вышла на рынок косметической продукции массового потребления в 2014 году, добившись мимолетного успеха через персональный эффект знаменитости Кайли Дженнер. Тем не менее, создание знаменитостями своих собственных брендов – это современный тренд, поэтому компаниям необходимо искать более узкую нишу для позиционирования продукта и укрепления уникальности

собственного бренда. Кроме того, было выявлено, что, занимаясь только электронной коммерцией, Kylie Jenner Cosmetics использует выверенную логистическую стратегию, основанную на снижении накладных расходов, что позволяет компании выдерживать низкий уровень издержек. С точки зрения маркетинга, компания изначально полностью полагалась на социальные сети как главный фактор продвижения собственных товаров на рынке, но далее стала развиваться и в офлайн каналах. В статье проведено исследование оценки конкурентоспособности американского бренда декоративной косметики Kylie Cosmetics в РФ.

Понятие «конкурентоспособность».

Повышение конкурентоспособности Kylie Cosmetics обусловлено следующим взаимодействием: маркетинговые технологии, менеджмент, инновационное развитие, информационно-коммуникативные технологии. Особенно важно обратить внимание на стратегическое развитие организации, что тесно переплетается с темой конкурентоспособности.

Анализ бренда Kylie Cosmetics.

В настоящее время весь ассортимент бренда – ухаживающую и декоративную косметику оригинального производства – можно приобрести в интернет-магазинах [1]. Компания Kylie Cosmetics имеет сильный эффект знаменитости. К тому же, компания стремится использовать визуальные и

социальные каналы для достижения широкого спектра продвижения продукта. Разнообразие и высокое качество ассортимента продукции является основой для того, чтобы компания продолжала поддерживать долгосрочное развитие.

Стратегия Kylie Cosmetics по работе с клиентами заключается в умении и желании получить обратную связь. Следовательно, маркетинговый отдел компании внимательно изучает отзывы, пожелания и жалобы от клиентов, умея подстраиваться под их нужды и потребности. Компания заявляет, что она также тестирует мобильные приложения, позволяя клиентам также участвовать в данном процессе.

Необходимо отметить основные преимущества компании: финансовая выгода для потребителей. Стоимость выпущенной продукции компании немного дешевле, чем у подобных аналогов косметической продукции, которые были выпущены другими американскими косметическими компаниями с эффектом знаменитости; инновационные разработки и высокое качество косметических средств; красивый дизайн упаковки; высокий контроль качества за производственным процессом; выверенные отношения с поставщиками.

Чтобы проанализировать конкурентоспособность компании Kylie Cosmetics на российском рынке, необходимо исследовать как внутреннюю, так и внешнюю среду, осуществить SWOT-анализ; выявить основные преимущества и недостатки [2].

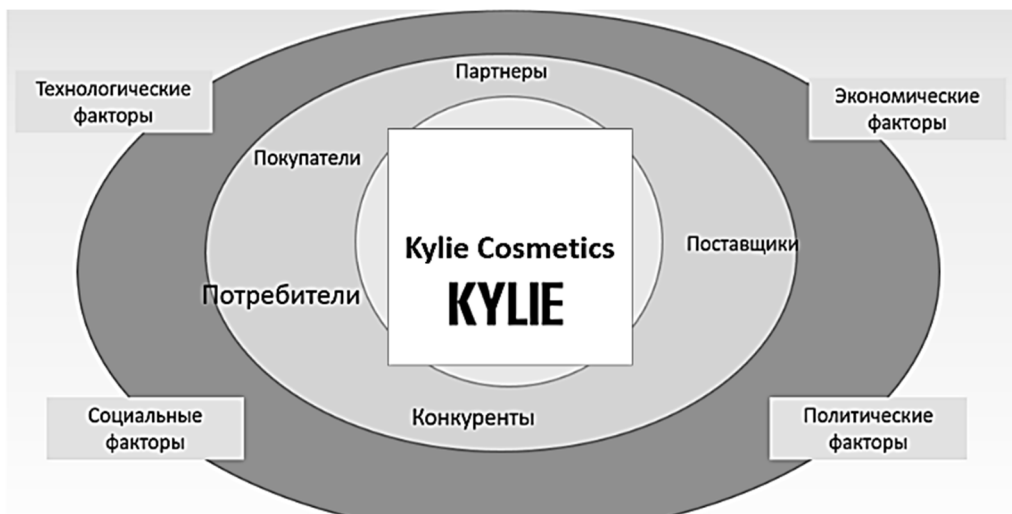


Рисунок 1 – Анализ среды компании

Внешняя среда подразделяется на два уровня – макро- и микросреда. Чтобы проанализировать Kylie Cosmetics, был проведен PEST-анализ, описывающий политические (policy), экономические (economy), технологические (technology) и социальные (society) факторы (табл. 1).

Необходимо определить существенность воздействия PEST-анализа на деятельность Kylie Cosmetics. Для этого рассмотрим экспертные оценки по пятибалльной шкале в качестве ожидаемого уровня влияния, определим вес каждого

фактора (значимость в аспекте суммарного влияния внешней среды).

Возможности и угрозы макросреды отражены в таблицах 2 и 3. Предоставленные данные позволяют проанализировать, что компания располагает сильными возможностями.

Влияние угроз представлено в значительно меньшей степени, что является положительной тенденцией (табл. 3).

Таблица 1

PEST-анализ Kylie Cosmetics

Политические факторы	Экономические факторы	Социальные факторы	Технологические факторы
Поддержка предпринимательской структуры	Увеличение ставки ЦБ РФ	Доступность в получении кредитов	Развитие Интернет-технологий
Содействие во внешнеэкономическом сотрудничестве в области электронной коммерции	Повышение ставок по кредитам	Рост трудоспособного населения	Появление инновационных технологий
Улучшение отношений между Россией и США	Усиление доллара, падение рубля	Высокий уровень жизни населения	Интеграция в сферу AI, IoT

Таблица 2

Оценка возможностей внешней среды Kylie Cosmetics

Возможности макросреды	Вес фактора	Оценка	Взвешенная оценка
Улучшение условий международной торговли	0,1	3	0,3
Цифровизация современной жизни	0,05	2	0,1
Высокий уровень жизни населения	0,2	4	0,8
Развитие интернет-технологий	0,12	4	0,48
Доступность в получении кредитов	0,26	5	1,3
Рост электронной коммерции	0,27	5	1,35
Итого:	1	–	4,33

Таблица 3

Оценка угроз макросреды

Угрозы макросреды	Вес фактора	Оценка	Взвешенная оценка
Пандемия COVID-19	0,30	5	1,5
Налоговое обложение	0,27	4	1,08
Усиление позиций конкурентов	0,23	3	0,69
Снижение платежеспособного населения	0,20	3	0,6
Итого:	1	–	3,87

Основные угрозы связаны с последствиями пандемии COVID-19, что сильно повлияло на благосостояние клиентов компании. В SWOT-анализе необходимо учитывать факторы, которые представлены взвешенной оценкой выше 0,5 баллов.

Следующим шагом в анализе необходимо провести исследование микросреды предприятия, изучая отрасль и конкуренцию. Влияние факторов микросреды связаны с анализом семи сил микросреды, которые взяты из моделей пяти конкурентных сил М. Портера, а также – модель движущих сил микросреды Ф. Котлера [3].

Анализ конкурентов представлен в таблице 4. Исследование конкурентов помогает грамотно выстроить стратегию конкурентоспособности. Помимо исследуемой компании, на российском рынке также функционируют нижеперечисленных компании-гиганты, которые включают как относительно новых игроков – Rare Beauty, так и «опытных» – KKW Beauty, Fenty Beauty и Victoria Beckham Beauty. В настоящее время данные компании являются лидерами в своей отрасли.

Таблица 4

Анализ конкурентов Kylie Cosmetics

Параметр сравнения	Fenty Beauty	KKW Beauty	Victoria Beckham Beauty
Использование инноваций	Широкое	Среднее	Широкое
Ассортиментная политика	Средняя	Высокая	Средняя
Маркетинговые технологии	Средняя	Высокие	Средние
Сила бренда	Высокая	Высокая	Средняя
Престиж	Высокий	Высокий	Средний

Основные конкуренты Kylie Cosmetics, исходя из таблицы, это Fenty Beauty (Рианна), KKW Beauty (Ким Кардашьян) и Victoria Beckham Beauty (Виктория Бэкхем). Ассортимент Kylie Cosmetics успешно конкурирует с более

сильными соперниками, что является преимуществом.

Необходимо рассмотреть факторы микроэкономического окружения внешней среды исследуемой компании (табл. 5).

Таблица 5

Факторы микросреды Kylie Cosmetics

Направления	Значимые факторы микросреды предприятия
Основные поставщики	Укрепление партнерских отношений с поставщиками на российском рынке
	Использование новых логистических схем
	Привлечение российских инвесторов
	Оптимизация электронной коммерции на российском рынке
Потребители	Изменение потребительских отношений
	Улучшение клиентского сервиса
	Тестирование приложений с помощью развитой клиентской базы
Вероятность появления товаров-заменителей	Высокий уровень угрозы, однако маловероятно в ближайшее время
Угрозы со стороны новых конкурентов	Высокий уровень возникновения новой волны конкуренции
Нынешнее состояние конкуренции	Средний уровень конкуренции на глобальном уровне
Электронная коммерция	Улучшение логистических цепочек и обслуживания
Целевая аудитория	Взаимодействие с аудиторией с помощью социальных сетей
	Взаимовыгодное сотрудничество со СМИ

Чтобы определить влияние возможностей и угроз, необходимо провести количественную оценку в баллах (табл. 6).

Таблица 6

Оценка угроз микросреды Kylie Cosmetics

Угрозы микросреды	Вес фактора	Оценка	Взвешенная оценка
Реализация высокого качества товаров конкурентов и улучшение клиентского сервиса	0,62	5	3,1
Изменение предпочтений потребителей	0,22	2	0,44
Итого	1	–	4,02

Исходя из таблице 7, основная угроза микросреды заключается в появлении товаров-заменителей, которые относятся к товарам средней

ценовой категории и при этом обладают отличным качеством. В том числе, угроза исходит из изменений предпочтений потребителей (табл. 7).

Таблица 7

Оценка возможностей микросреды Kylie Cosmetics

Возможности микросреды	Вес фактора	Оценка	Взвешенная оценка
Надежность российских поставщиков	0,23	5	1,15
Использование новых логистических схем	0,12	4	0,48
Усиление партнерских отношений с поставщиками	0,12	4	0,48
Экологичный подход к производству	0,11	5	0,55
Требования к товарам: высокое качество, производительность, цена и обслуживание	0,11	4	0,44
Присутствие прямых конкурентов	0,16	3	0,48
Сотрудничество с социальными сетями	0,15	3	0,45
Итого	1	–	4,03

Предоставленные таблицы позволяют выявить следующую тенденцию: угрозы и возможности микросреды в настоящее время находятся в сбалансированном состоянии. Выявленные возможности микросреды находятся в значении 4,03 балла из 5 баллов. Влияние угроз находится в соотношении 4,68 балла из 5 баллов. Анализируя результаты проведенной оценки, можно сделать вывод о том, что влияние возможностей и угроз находятся на важном уровне. Необходимо напомнить, что SWOT-анализ может учитывать факторы микросреды, оценка которых превалирует 0,5 балла.

Основные угрозы заключается в изменении предпочтений потребителей, связанные с выходом новых игроков на рынок. Основные возможности заключается в укреплении отношений с российскими поставщиками [4].

Следующий шаг заключается в анализе внутренней среды, которая выявляет как слабые, так и сильные стороны компании (табл. 8) [5].

Оценка сильных и слабых сторон американской компании проводилась с анализом внешней среды. Результаты сильные стороны представлены в табл. 9, а слабых сторон – в таблице 10.

Таблица 8

Факторы внутренней среды Kylie Cosmetics

Маркетинг	Продукция	Управление	Присутствие на рынке
Коммуникативная стратегия на зарубежном рынке	Качество и безопасность товаров	Логистические поставки	Более 50 магазинов по России (27 – в Москве)
Развитие рекламной стратегии на новую аудиторию	Не достаточно широкий ассортимент по сравнению с конкурентами	Высокие темпы продаж	–
Обратная связь	Постоянное поддержание связи	Средние цены	–

Таблица 9

Оценка сильных сторон Kylie Cosmetics

Сильные стороны	Вес фактора	Оценка	Взвешенная оценка
Средняя ценовая категория	0,29	5	1,45
Сильный контроль поставщиков	0,17	4	0,68
Высокий контроль качества	0,11	4	0,44
Гибкая логистическая система	0,1	4	0,4
Высокое качество обслуживания	0,17	5	0,85
Итого:	1	–	4,52

Исходя из представленных значений в таблице, можно выявить, что сильные стороны компании заключаются в приемлемых ценах на продукцию, которую могут себе позволить покупатели разного достатка. В том числе, на зарубежном рынке

компания активно контролирует действия своих российских поставщиков, следя за качеством.

Далее необходимо рассмотреть слабые стороны компании (табл. 10).

Таблица 10

Оценка слабых сторон

Слабые стороны	Вес фактора	Оценка	Взвешенная оценка
Недостаточно эффективные рекламные средства	0,16	3	0,48
Средние объемы продаж	0,21	2	0,42
Большие логистические расходы	0,26	5	1,3
Высокие налоговые сборы	0,18	5	0,9
Ухудшение инвестиционного климата	0,2	5	1
ИТОГО	1	–	4,1

Основываясь на расчете значения влияния факторов внутренней среды, необходимо отметить, что значение сильных сторон американской компании является определяющим (4,52 баллов из 5 баллов). Это больше, чем влияние слабых сторон (4,1 балл). Следовательно, необходимо отметить, что влияние слабых сторон также регламентируется как существенное. Их нельзя не учитывать при качественном прогнозе.

На основе собранной информации необходимо представить SWOT-анализ во взвешенных оценках более 0,5 балла. Сильные стороны заключаются в средних ценах, что приемлемо для более широкого круга покупателей. Контроль качества и безопасность косметических товаров важно для потребителей. Слабые стороны заключаются в сложностях при формировании логистических цепей и не такой большой ассортимент продукции, как у прямых конкурентов.

Матрица SWOT-анализа позволяет предприятию оценить возможности, угрозы, а также выделить свои сильные стороны и слабые. Всесторонний анализ позволит качественно выделить сложности, а также, понять, почему компания не может добиться определенных успехов в товарной продукции и почему. При формировании стратегии следует большее внимание уделять сильным сторонам, потому что они смогут стать настоящей основой конкурентного преимущества [5].

Стратегия также должна быть направлена на минимизацию слабых сторон, которые могут помешать использовать удачные возможности. Слабая сторона может стать причиной регрессии успеха агентства event-менеджмента, поэтому компаниям следует тщательно реализовывать стратегию с учетом как сильных, так и слабых сторон [6]. Матрица SWOT-анализа приведена в таблице 11.

Матрица SWOT-анализ

Сильные стороны	Слабые стороны
Средние цены на продукцию	Сложная логистическая цепь
Высокий контроль качества	Неширокий ассортимент
Высокий уровень клиентского сервиса	Неэффективные каналы коммуникации
Возможности	Угрозы
Появление современных технологий электронной коммерции	Налоговые нагрузки
Развитие АIoT и 5G	Сложности логистической цепочки
Надежность поставщиков	Изменение предпочтений потребителей
Развитие современных инноваций	Рост цен на сырьевую продукцию
Акции и скидки	Конфликт с поставщиками

Далее, необходимо рассмотреть сочетание как сильных сторон с угрозами и возможностями, так и слабых сторон, а также, представить по пятибалльной шкале корреляцию сильных и слабых сторон, выявленных угроз и возможностей. У компании, исходя из проведенного анализа, являются выраженными сильные стороны и возможности. Важная сильная сторона заключается в

оптимальных ценах на продукцию. А слабые – в сложной логистической цепочке.

Появление современных технологий электронной коммерции характеризуется как возможность компании. Количественная оценка представлена в таблице 12 и 13.

Таблица 12

Количественная оценка сильных и слабых сторон, угроз и возможностей

Факторы SWOT		Сильные стороны			Слабые стороны		
		Средние цены	Производственный контроль	Высокое качество продукции	Сложная логистическая цепь	Неширокий ассортимент	Неэффективные каналы коммуникации
Угрозы	Налоговые нагрузки	2	4	2	2	1	1
	Сложности логистической цепочки	3	2	2	2	2	1
	Изменение предпочтений потребителей	2	1	1	2	1	1
	Рост цен на энергоносители	2	2	2	1	1	1
	Налоговые нагрузки	5	5	5	4	3	5
Возможности	Появление современных технологий электронной коммерции	4	3	1	3	1	4
	Развитие АIoT и 5G	5	3	5	5	4	4
	Надежность поставщиков	5	1	3	3	2	2
	Развитие современных инноваций	5	3	5	2	2	2

Таблица 13

Совокупная количественная оценка сильных и слабых сторон, угроз и возможностей внешней среды

Сильные стороны	Оценка	Слабые стороны	Оценка
Средние цены на продукцию	37	Сложная логистическая цепь	26
Высокий контроль качества	28	Неширокий ассортимент	20
Высокий уровень клиентского сервиса	28	Неэффективные каналы коммуникации	24
Возможности	Оценка	Угрозы	Оценка
Появление современных технологий электронной коммерции	16	Налоговые нагрузки	12
Развитие АIoT и 5G	26	Сложности логистической цепочки	12
Надежность поставщиков	18	Изменение предпочтений потребителей	8
Развитие современных инноваций	16	Рост цен на энергоносители	9
Акции и скидки	19	Конфликт с поставщиками	27

Исследуемое проблемное поле представлено в таблице 14.

Формулирование проблемного поля по SWOT-матрице

Факторы SWOT		Сильные стороны			Слабые стороны		
		Средние цены на продукцию	Высокий контроль качества	Высокий уровень клиентского сервиса	Сложная логистическая цепь	Неширокий ассортимент	Неэффективные каналы коммуникации
Угрозы	Налоговые нагрузки	Повышение цен на продукцию (40)			Оптимизация логистической цепи (26)	Расширение каналов коммуникации с клиентами (44)	
	Сложности логистической цепочки						
	Изменение предпочтений потребителей						
	Рост цен на энергоносители						
	Налоговые нагрузки						
Возможности	Появление современных технологий электронной коммерции	Развитие сети филиалов по стране (21)					
	Развитие IoT и 5G	Внедрение новейших технологий в продукцию (10)					
	Надежность поставщиков	Заключение контрактов на долгосрочную перспективу с поставщиками (22)					
	Развитие современных инноваций						
	Акции и скидки						

Таким образом, далее необходимо представить количественную оценку проблемного поля (табл. 15).

Таблица 15

Количественная оценка проблемного поля Kylie Cosmetics

Ранг	Проблема	Оценка
1	Расширение каналов коммуникации с клиентами	44
2	Повышение цен на продукцию	40
3	Оптимизация логистической цепи	26
4	Заключение контрактов на долгосрочную перспективу с поставщиками	22
5	Развитие сети филиалов по стране	21
6	Внедрение новейших технологий в продукцию	10

Анализ количественной оценки.

Следовательно, исходя из представленной информации, количественная оценка проблемного поля показала, что основная проблема заключается в расширении каналов коммуникации с зарубежными клиентами.

Компания старается наращивать производство в случае высокого спроса на свою продукцию в начальный период продаж. Исходя из проблемного поля, необходимо также отметить, что компания имела некоторые проблемы с поставками своей продукции. Исследование новых данных позволяет выяснить, что компания Kylie Cosmetics сильно зависит от аутсорсинга [7].

Конкурентоспособность предприятия заключается в умении эффективно обеспечивать максимальную прибыль и финансовую устойчивость предприятия.

Удержание позиций на рынке должно постоянно обеспечиваться и поддерживаться маркетинговой и финансовой деятельностью. Kylie Cosmetics в настоящее время находится в полностью устойчивом финансовом положении. Компания на российском рынке является привлекательной для потенциальных клиентов, благодаря маркетинговой политике и стратегическим коммуникациям с поставщиками [8; 9].

В настоящее время, на конкурентоспособность предприятия влияет большое количество сильных конкурентов. Кроме того, компания Kylie Cosmetics демонстрирует эффективную стратегию для привлечения новых клиентов: укрепление партнерских отношений с российскими поставщиками, тщательный контроль качества; проведение акционных предложений; высокий уровень сервисного обслуживания клиентов [10].

Осуществляется высокий контроль качества на предприятии, чтобы продукция была выпущена с

учетом новейших стандартов безопасности. Компания осуществляет тщательный анализ и использование действующих стандартов. Слаженный механизм контроля качества положительно влияет на сбыт продукции, повышая конкурентоспособность компании. Стимулирование сбыта можно совершенствовать с использованием различных средств воздействия на покупательскую активность, чтобы усилить положительный эффект.

Исходя из этого положения, можно утверждать, что активное и заинтересованное местное руководство обеспечивает эффективный контроль за деятельностью компании. На текущий момент времени, компания проводит экономически выгодную политику по организации процесса товарооборота с другими странами, расширяя рынок своего присутствия.

Можно утверждать, что предприятие активно изучает российский рынок, потребности российских клиентов и анализирует местных конкурентов. Однако в настоящее время компания не имеет собственный отдел, который занимается построением каналов коммуникаций с российским потребителем в социальных сетях. Компания имеет значительные преимущества, которые в ближайшее время должны обеспечивать выгодные позиции в современном мире.

Однако в настоящее время пандемия коронавируса (COVID-19) внесла коррективы в общественную жизнь, затронув все отрасли производства и услуг. Международный бизнес переживает серьезные испытания. Нестабильность мировой валюты, непредсказуемые ситуации на рынке нефти и газа, геополитические конфликты стали настоящим испытанием для многих отраслей.

Влияние COVID-19 расширило возможности электронной коммерции и товарооборота, несмотря на ряд ограничений. Необходимо осуществить пересмотр маркетингового подхода Kylie Cosmetics, чтобы люди знали больше о предоставляемых скидках. Второй подход заключается в поиске источника дохода, если инвестиции не позволяют формировать бюджет.

Результаты исследования.

Разработанная стратегия Kylie Cosmetics в связи с преодолением снижения спроса на услуги, в том числе, заключается в следующих практических предложениях, которые являются основными:

- разработка системы поощрения клиентов с учетом скидок, акций и программ лояльности как для постоянных клиентов, так и потенциальных; при этом не рекомендуется существенно снижать ценник, так как это понизит конкурентоспособность предприятия и станет причиной убытков;
- модернизация бизнес-процессов, основанная на введении автоматического управления ввиду

Литература:

1. *Иванова Л.А.* Маркетинговые исследования: практика проведения анализа конкурентоспособ-

сложной эпидемиологической обстановки для дистанционной работы некоторых сотрудников;

- сокращение расходов в целях экономии, оптимизация системы набора кадровых ресурсов [11; 12].

В том числе, необходимо обращать большее внимание на макросреду предприятия, формируя положительный образ, как в глазах клиентов, так и поставщиков.

Средства Интернет-технологий Kylie Cosmetics позволяют наглядно определить тип потенциального покупателя с помощью различных современных инструментов сбора персональной информации, заинтересованности и вовлеченности клиента в рекламируемую услугу. Таким образом, это помогает отдельным event-менеджерам, которые не работают в агентствах, реализовывать свои услуги, добиваясь коммерческих успехов.

В настоящее время Kylie Cosmetics осуществляет стратегическое обновление в продукцию технологий 5G и IoT, включая собственную платформу и услуги. Новые возможности позволили осуществить инновационное внедрение виртуального голосового помощника, который сможет подобрать косметический продукт по типу кожи. Компания намеревается продолжить инвестирование в разработки, посвященные данным технологиям. Kylie Cosmetics продолжает расширять ассортиментный ряд косметических продуктов, продвигая собственную открытую платформу IoT, чтобы сотрудничать с большим количеством партнеров и привлекать все новых и новых зарубежных клиентов.

Компания активно расширяет свои инвестиции в компании цепочек поставок, чтобы укреплять партнерство с ключевыми поставщиками. Оценка конкурентоспособности компании является важной частью для построения и реализации эффективной стратегии. Проведение оценки конкурентоспособности преследует цель определения конфигурации компании на отраслевом рынке [13].

Вывод.

Таким образом, было выяснено, что исследуемая компания находится в стабильном положении. Предполагается, что её ожидает устойчивое развитие ввиду того, что американская компания целенаправленно справляется с угрозами и нивелирует свои слабые стороны, активно развивая свои положительные стороны и возможности [14; 15].

Пребывание на российском рынке Kylie Cosmetics приносит преимущества обеим сторонам. Российские потребители нуждаются в недорогих, но качественных косметических продуктах, которые не будут уступать более дорогим аналогам. Укрепление отношений с поставщиками должно быть в приоритете у Kylie Cosmetics [16], [17].

Literature:

1. *Ivanova L.A.* Marketing research: the practice of analyzing the competitiveness of an organization /

- ности организации / Л.А. Иванова // Современное общество и власть. 2018. № 7. С. 67–69.
2. *Габимова М.Ш.* Пути повышения конкурентоспособности предприятия / М.Ш. Габимова // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2015 г.). М. : Буки-Веди, 2017. С. 85–87.
3. *Жгунова П.А.* Повышение конкурентоспособности компаний на основе логистического подхода / П.А. Жгунова // Рязанский государственный радиотехнический университет. 2019. С. 152–154.
4. *Казакова Н.А.* Современный стратегический анализ : учебник и практикум для магистратуры / Н.А. Казакова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2019. 386 с.
5. *Подгорнов В.В.* SWOT-анализ как инструмент управления интегрированной экономической системой / В.В. Подгорнов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2012. № 4 (111). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/swot-analiz-kak-instrument-upravleniya-integrirovannoy-ekonomicheskoy-sistemoy> (дата обращения 13.05.2021).
6. *Квасникова В.В.* Конкурентоспособность товаров и организаций. Практикум / В.В. Квасникова, О.Н. Жучкевич. М. : Инфра-М, Новое знание, 2018. 192 с.
7. *Коллинз Дж.* Построенные навечно. Формирование видения компании / Дж. Коллинз, Дж. Поррас Пер. с англ. СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 350 с.
8. *Сидоров И.А.* Анализ конкурентоспособности организации и её конкурентов / И.А. Сидоров // Журнал «У». Экономика. Управление. Финансы. 2017. С. 65–67.
9. *Кузьмина Е.Е.* Маркетинг : учебник и практикум для академического бакалавриата / Е.Е. Кузьмина. М. : Издательство Юрайт, 2019. 385 с.
10. *Мардас А.Н.* Экономический анализ : учебник и практикум для академического бакалавриата / А.Н. Мардас, О.А. Гуляева, И.Г. Кадиев. 2-е изд., испр. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2019. 176 с.
11. *Намыслова У.Д.* Способы оценки и анализа конкурентоспособности предприятий / У.Д. Намыслова // Экономические науки. 2019. № 4. С. 39.
12. *Павленко Н.С.* Показатели конкурентоспособности / Н.С. Павленко, О.А. Рущицкая // Аграрное образование и наука. 2017. № 1. С. 58.
13. *Зуб А.Т.* Стратегический менеджмент : учебник и практикум для академического бакалавриата / А.Т. Зуб. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2017. 375 с.
14. *Пятникова М.В.* Маркетинг в социальных сетях / М.В. Пятникова // Скиф. 2018. № 11(27). С. 94–98.
- L.A. Ivanova // Modern society and power. 2018. № 7. P. 67–69.
2. *Gabibova M.Sh.* Ways to improve the competitiveness of an enterprise / M.Sh. Gabibova // Actual problems of economics and management: materials of the III international. scientific. conf. (Moscow, June 2015). M. : Buki-Vedi, 2017. P. 85–87.
3. *Zhgunova P.A.* Increasing the competitiveness of companies on the basis of a logistic approach / P.A. Zhgunova // Ryazan State Radio Engineering University. 2019. P. 152–154.
4. *Kazakova N.A.* Modern strategic analysis : textbook and workshop for magistracy / N.A. Kazakova. 2nd ed., Rev. and add. M. : Yurayt Publishing House, 2019. 386 p.
5. *Podgornov V.V.* SWOT-analysis as a tool for managing an integrated economic system / V.V. Podgornov // Bulletin of the Adyghe State University. Series 5: Economics. 2012. № 4(111). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/swot-analiz-kak-instrument-upravleniya-integrirovannoy-ekonomicheskoy-sistemoy> (date of appeal 05/13/2021).
6. *Kvasnikova V.V.* Competitiveness of goods and organizations. Workshop / V.V. Kvasnikova, O.N. Zhuchkevich. M. : Infra-M, New knowledge, 2018. 192 p.
7. *Collins J.* Built to Last. Formation of the company's vision / J. Collins, J. Porras; Per. from English - SPb. : Stockholm School of Economics in Saint Petersburg, 2004. 350 p.
8. *Sidorov I.A.* Analysis of the competitiveness of the organization and its competitors / IA Sidorov // Journal «U». Economy. Control. Finance. 2017. P. 65–67.
9. *Kuzmina E.E.* Marketing: textbook and workshop for academic undergraduate / E.E. Kuzmina. M. : Yurayt Publishing House, 2019. 385 p.
10. *Mardas A.N.* Economic analysis: textbook and workshop for academic baccalaureate / A.N. Mardas, O.A. Gulyaeva, I.G. Kadiev. 2nd ed., Rev. and add. M. : Yurayt Publishing House, 2019. 176 p.
11. *Namyslova U.D.* Methods for assessing and analyzing the competitiveness of enterprises / U.D. Namyslova // Economic Sciences. 2019. № 4. P. 39.
12. *Pavlenko N.S.* Competitiveness indicators / N.S. Pavlenko, O.A. Ruschitskaya // Agricultural education and science. 2017. № 1. P. 58.
13. *Zub A.T.* Strategic management: textbook and practical work for the academic baccalaureate / A.T. Zub. 4th ed., Rev. and add. M. : Yurayt Publishing House, 2017. 375 p.
14. *Pyatnikova M.V.* Marketing in social networks / M.V. Pyatnikova // Skif. 2018. № 11(27). P. 94–98.

15. Нерсисян Л.К. Имидж организации как объект управления и инструмент конкурентной стратегии / Л.К. Нерсисян // В сборнике: Экономика региона: новые вызовы сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции. 2016. С. 126–130.

16. Фатхутдинов Р.А. Управление конкурентоспособностью организации : учеб. пособие. М. : Эксмо, 2018. 320 с.

17. Annual Report 2019 Kylie Cosmetics Corporation. URL : https://s23.q4cdn.com/980953510/files/doc_presentations/2019/Kylie-Investor-Presentation-FINAL.pdf (дата обращения 19.04.2021).

15. *Nersisyan L.K.* The image of the organization as an object of management and an instrument of competitive strategy / L.K. Nersisyan // In the collection: Regional economy: new challenges collection of scientific articles based on the materials of the international scientific and practical conference. 2016. P. 126–130.

16. *Fatkhutdinov R.A.* Organizational competitiveness management : textbook. M. : Eksmo, 2018. 320 p.

17. Annual Report 2019 Kylie Cosmetics Corporation URL : https://s23.q4cdn.com/980953510/files/doc_presentations/2019/Kylie-Investor-Presentation-FINAL.pdf (date of appeal 19.04.2021).

Мушников Дмитрий Львович

кандидат медицинских наук,
доцент,
доцент кафедры общественного здоровья
и здравоохранения, информатики
и истории медицины,
Ивановская государственная
медицинская академия Министерства
здравоохранения Российской Федерации
89158113918@yandex.ru

Перминова Татьяна Владимировна

аспирантка кафедры бухгалтерского учета,
аудита и налогообложения,
Государственный университет управления
Министерства образования и науки
tperm1971@yandex.ru

Стоюнина Елена Николаевна

аспирантка кафедры бухгалтерского учета,
аудита и налогообложения,
Государственный университет управления
Министерства образования и науки
elena-st@yandex.ru

Волосатова Любовь Николаевна

аспирантка кафедры
бухгалтерского учета, аудита
и налогообложения,
Государственный университет управления
Министерства образования и науки
vosatova-ln@yandex.ru

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
РАЗВИТИЯ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ
НАЛОГОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ
В ОРГАНИЗАЦИЯХ**



Аннотация. В статье рассмотрены основные теоретические и практические аспекты развития внутреннего контроля налоговых обязательств в организациях текстильной отрасли на примере Ивановской области. Установлены основные ошибки внутреннего контроля налоговых обязательств, проведен анализ структуры ошибок в зависимости от системы налогообложения, размеров организации, и других характеристик. Анализ налоговых ошибок при ОСН и УСН показал, что при ОСН в структуре ошибок 80 % занимают ошибки при формировании декларации по НДС, 15 % – прибыли, 5 % прочие; в структуре ошибок при УСН 90 % занимает занижение налоговой базы, арифметическая ошибка составляют 10 %. Анализ показал, что частота ошибок (рисков) в выполнении налоговых обязательств предприятиями текстильной промышленности Ивановской достоверно выше в случаях, когда проведение

Dmitry L. Mushnikov

Candidate of Medical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Public Health and Public Health,
Informatics and History of Medicine,
Ivanovo State Medical Academy
of the Ministry of Health
of the Russian Federation
89158113918@yandex.ru

Tatyana V. Perminova

Graduate Student of the Department
of Accounting, Audit and Taxation,
State University of Management
Ministries of Education and Science
tperm1971@yandex.ru

Elena N. Stoyunina

Graduate Student in the Department
of Accounting, Audit and Taxation,
State University of Management
of the Ministry of Education and Science
elena-st@yandex.ru

Lyubov N. Volosatova

Graduate Student of the Department
Accounting, Audit and Taxation,
State University of Management
Ministries of Education and Science
vosatova-ln@yandex.ru

**MODERN PROBLEMS
OF DEVELOPMENT OF INTERNAL
CONTROL OF TAX LIABILITIES
IN ORGANIZATIONS**



Annotation. The article examines the main theoretical and practical aspects of the development of internal control of tax obligations in textile industry organizations on the example of the Ivanov region. The main errors of internal control of tax liabilities have been established, the structure of errors has been analyzed depending on the tax system, the size of the organization, and other characteristics. Analysis of tax errors in the OSN and USN showed that in the structure of errors 80 % are errors in the formation of the VAT declaration, 15 % – profits, 5 % other; in the structure of errors at the OSN 90 % is the underestimation of the tax base, arithmetic error is 10 %. The analysis showed that the frequency of errors (risks) in the fulfillment of tax obligations by the textile industry of Ivanovskaya is significantly higher in cases where internal control (audit) is carried out by the sole top manager of the enterprise, when the company does not implement a quality

внутреннего контроля (аудита) осуществляется единолично топ-менеджером предприятия, когда на предприятии не внедрена система менеджмента качества, когда используется общая система налогообложения, а также, предприятия относятся к малому бизнесу или имеет ряд филиалов. Установлено, что сформированная система налогового аудита на предприятиях текстильной промышленности позволяет снизить потери прибыли в 5 раз, по сравнению с предприятиями с отсутствием данной системы.

Ключевые слова: внутренний контроль, налоговые обязательства, бухгалтерский учет, текстильная промышленность.

Введение (Introduction). Перед современными предприятиями стоит двуединая актуальная задача: с одной стороны, – повышение эффективности своей работы, доходности бизнеса [1]; с другой, – выполнение социально-значимых обязательств, одним из наиболее важных из которых является выполнение налоговых обязательств [2].

Известно, что налоги являются основой формирования бюджетов всех уровней, обеспечивающей стабильность и развитие страны в целом и отдельных регионов, возможности выполнения социальных обязательств перед населением, выполнением гуманитарной функции бизнеса и государства [3]. Вместе с тем, не выплата налогов, в целом, или их части, в ряде случаев, связана не с тем, что бизнес-субъекты не желают их платить, а с тем, что не грамотно, не умело обеспечивают управленческий и бухгалтерский учет в организациях, делают ошибки [4]. В настоящее время совершенствование налогового администрирования основывается на формировании на предприятиях система внутреннего налогового контроля хозяйствующих субъектов. Система внутреннего контроля выполнения налоговых обязательств (СВКНО) – это совокупность процедур, направленных на выявление, исправление, предотвращение ошибок в налоговых расчетах, оценку налоговых последствий хозяйственных операций компании и минимизацию налоговых рисков [5, с. 1]. СВКНО направлена на достижение целей организации и тесно с ними связана. Это способствует созданию финансово устойчивой, стабильной основы для деятельности компании без серьезных финансовых и моральных издержек [6]. Функционал СВКНО включает:

- определение и документирование рисков;
- проведение регулярного и системного анализа рисков;
- постоянная актуализация, тестирование и сертификация контрольных процедур на основе систем менеджмента качества;
- регулярный мониторинг замечаний и статуса мероприятий по их устранению;
- контроль выполнения работниками предприятия своих должностных обязанностей [7].

management system, when the general tax system is used, as well as enterprises to treat small business or has a number of branches. It has been established that the formed system of VKNO in the textile industry allows to reduce the loss of profit by 5 times, compared to enterprises with the absence of this system.

Keywords: internal controls, tax liabilities, accounting, textiles.

Следует отметить, что при построении СВКНО, необходимо руководствоваться сложившейся нормативно-правовой базой. Правовой базой аудиторской деятельности является Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности», а также, другие федеральные законы и нормативно правовые акты. В условиях эпидемиологической ситуации по новой коронавирусной инфекции организация и оказание аудиторских услуг регламентируется Письмом Минфина России от 07.04.2020 № 07-02-09/27403.

Цель исследования (The goal): оценить частоту и структуру ошибок (рисков) в выполнении налоговых обязательств предприятиями текстильной промышленности Ивановской области.

Результаты (Results). Основной отраслью промышленности Ивановской области была и остаётся текстильная. В Ивановской области сосредоточено 2/3 российских производственных мощностей по выпуску хлопчатобумажных тканей. В текстильной промышленности области занято более 35 тысяч человек, на её долю приходится около 28,6 % отгруженной продукции предприятий. В настоящее время в Ивановской области работают 20 предприятий текстильной промышленности, большинство из которых (90,0%) оформлены в юридической форме – «Общество с ограниченной ответственностью», 5,0 % в форме «Открытых акционерных обществ», 5,0 % – в форме «Индивидуального предпринимательства». Проведен анализ частоты и структуры ошибок (рисков) в выполнении налоговых обязательств предприятиями текстильной промышленности Ивановской области в зависимости от формы проведения внутреннего контроля (аудита) за период 2020 года. Анализ показал, что частота ошибок (рисков) в выполнении налоговых обязательств предприятиями текстильной промышленности Ивановской области достоверно выше в случаях, когда проведение внутреннего контроля (аудита) осуществляется единолично топ-менеджером предприятия (261 ошибок), против, при групповой форме контроля – 105 ошибок, при привлечении профессиональной аудиторской независимой фирмы – 15 ошибок ($p < 0,05$). Следовательно, 95,0 % ошибок, связанных с выполнением предприятиями налоговых обязательств, являются предотвратимыми. Вопрос в том, как правильно построить систему учета и контроля. Система налогового учета

организуется налогоплательщиком самостоятельно на основе принципа последовательности применения норм и правил бухгалтерского учета. Частота ошибок в выполнении налоговых обязательств предприятиями текстильной промышленности при использовании общей системы налогообложения (ОСН), выше, чем при использовании упрощенной системы (УСН) (168, против 132) ($p < 0,05$). Анализ налоговых ошибок при ОСН и УСН показал, что при ОСН в структуре ошибок 80 % занимают ошибки при формировании декларации по НДС, 15 % – прибыли, 5 % прочие. В структуре ошибок при УСН 90 % занимает «занижение налоговой базы», «арифметическая ошибка» составляют 10 %.

На малых предприятиях частота ошибок выполнения налоговых обязательств достоверно выше, чем на крупных предприятиях (на малых предприятиях – 220, на средних – 195, на крупных – 176) ($p < 0,05$), что связано с тем, что на малых предприятиях не налажена четкая система внутреннего контроля, собственники стараются сэкономить средства на внедрении сертифицированных систем менеджмента качества и проведение независимого бухгалтерского аудита. Частота ошибок (рисков) в выполнении налоговых обязательств на предприятиях, имеющих более 1 филиала почти в 2 раза выше, чем на предприятиях, не имеющих филиалов (более 1 филиала – 294, 1 филиал – 210, нет филиалов – 165 ошибок) ($p < 0,05$). Таким образом, филиальная система организации, при отсутствии налаженной системы внутреннего контроля создает повышенные риски невыполнения налоговых обязательств. На предприятиях, где не была внедрена сертифицированная система менеджмента качества частота ошибок (рисков) в выполнении налоговых обязательств была в три раза выше, чем на предприятиях, имеющих данную систему (при наличии системы менеджмента качества – 110 ошибок учета, при отсутствии – 302) ($p < 0,05$). Анализ объема недополученной прибыли предприятиями текстильной промышленности из-за пени (штрафов) вследствие нарушения выполнения налоговых обязательств на предприятиях с налаженной системой независимого внутреннего контроля и без таковой показал, что сформированная система позволяет снизить потери прибыли в 5 раз, по сравнению с предприятиями с отсутствием данной системы (при полностью сформированной системе – 3,5 %, при частично сформированной – 15,0 % прибыли) ($p < 0,05$).

Таким образом, использование системы внутреннего налогового контроля в организациях будут способствовать выявлению, оптимизации и минимизации налоговых рисков. Поэтому внутренний налоговый контроль является неотъемлемой частью крупных предприятий, направленных на

Литература:

1. *Евдокимова А.В.* Внутренний аудит и контроль финансово-хозяйственной деятельности организации: практическое пособие / А.В. Евдокимова, И.Н. Пашкина. М. : Дашков и К°. 2020.

эффективную деятельность, а также имеет актуальное значение для всех участников налоговых правоотношений. На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что внутренний налоговый контроль является важнейшей бизнес-функцией наряду с управлением производством и финансовым менеджментом.

Выводы (Conclusions). Внутренний контроль налоговых обязательств и налоговых расчетов компании является одной из важнейших бизнес-функций наряду с управлением производством и финансовым менеджментом.

Правильно организованный внутренний контроль позволяет существенным образом снизить количество налоговых ошибок, свести к минимуму размеры штрафных санкций, что, в свою очередь, способствует улучшению финансовых показателей компании. Помимо контрольной, указанные процедуры могут выполнять одновременно информационную и организационную функции и могут быть использованы для оценки адекватности системы управления, служить основой определенных управленческих решений.

Служба внутреннего аудита должна быть максимально независимой, подчиняться только собственникам и руководителю компании (возможно, заместителю руководителя). Это позволит избежать возможного давления на аудиторов со стороны разного ранга руководителей данной организации.

Анализ показал, что частота ошибок (рисков) в выполнении налоговых обязательств предприятиями текстильной промышленности Ивановской области достоверно выше в случаях, когда проведение внутреннего контроля (аудита) осуществляется единолично топ-менеджером предприятия, когда на предприятии не внедрена система менеджмента качества, когда используется общая система налогообложения, а также предприятия относятся к малому бизнесу или имеют ряд филиалов. Анализ налоговых ошибок при ОСН и УСН показал, что при ОСН в структуре ошибок 80 % занимают ошибки при формировании декларации по НДС, 15 % – прибыли, 5 % прочие; в структуре ошибок при УСН 90 % занимает занижение налоговой базы, арифметическая ошибка составляют 10 %.

Установлено, что сформированная система ВКНО на предприятиях текстильной промышленности позволяет снизить потери прибыли в 5 раз, по сравнению с предприятиями с отсутствием данной системы.

Literature:

1. *Evdokimova A.B.* Internal audit and control of the financial and economic activities of the organization: practical manual / A.B. Evdokimov, I.N. Pashkin. M. : Dashkov and Co. 2020.

2. *Костикова А.М.* Внутренний налоговый контроль как инструмент управления деятельностью предприятия / А.М. Костикова // Молодой ученый. 2018. № 2(188). С. 61–62.
3. *Павлова В.И.* Элементы системы внутреннего налогового контроля / В.И. Павлова, М.С. Кобылянская // Вопросы экономики и управления, 2016. № 4. С. 29–30.
4. *Парамонова Л.А.* Аудит оценочных обязательств / Л.А. Парамонова, Е.Е. Спиридонова // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. 202. № 1(60). С. 56–63.
5. *Помаскина А.* Процедуры внутреннего контроля налоговых обязательств и расчетов компании / А. Помаскина // Консультант. 2013. № 1. С. 40–43.
6. *Шемякина М.С.* Контроллинг налоговых обязательств в системе внутреннего контроля финансово-хозяйственной деятельности организации / М.С. Шемякина, Д.С. Шлычков // Экономические науки. 2020. № 186. С. 181–193.
7. *Якимова В.А.* Особенности применения комплаенс-процедур в системе внутреннего контроля экспортной деятельности предприятий / В.А. Якимова // Международный бухгалтерский учет. 2021. Т. 24. № 4(478). С. 459–486.
2. *Kostikova A.M.* Internal Tax Control as a tool to manage the activities of the enterprise / A.M. Kostikova // Young scientist. 2018. № 2(188). P. 61–62.
3. *Pavlova V.I.* Elements of the internal tax control system / V.I. Pavlova, M.S. Kobylyanskaya // Economics and Governance, 2016. № 4. P. 29–30.
4. *Paramonova L.A.* Audit of appraisal obligations / L.A. Paramonova, E.E. Spiridonov // Herald of the Volga State Service University. Series: Economy, 2020. № 1(60). P. 56–63.
5. *Pomaskina A.* Procedures of internal control of tax liabilities and company calculations / A. Pomaskina // Consultant. 2013. № 1. P. 40–43.
6. *Shemyakina M.S.* Control of tax liabilities in the system of internal control of the financial and economic activities of the organization / M.S. Shemyakina, D.S. Shlychkov // Economic Sciences. 2020. № 186. P. 181–193.
7. *Yakimova V.A.* Features of the application of compliance procedures in the system of internal control of export activities of enterprises / V.A. Yakimova // International Accounting, 2021. Vol. 24. № 4(478). P. 459–486.

Мэн Сюе
магистр,
Российский университет дружбы народов
1057611930@qq.com

Мадиярова Диана
доктор экономических наук,
Российский университет дружбы народов
1057611930@qq.com

РАЗВИТИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ СТРАН-УЧАСТНИЦ БРИКС

Аннотация. В настоящее время мир претерпевает значительные изменения, и человеческое общество вступает в новую эпоху великого развития и перемен. Многополяризация мира, глобализация экономики, информатизация общества и диверсификация культур продолжают развиваться, изменения в системе глобального управления и международном порядке продолжают прогрессировать, взаимосвязь и зависимость стран значительно углубились, распределение международной власти имеет тенденцию к перестройке, а призыв международного сообщества к миру и устойчивому развитию стал сильнее. В то же время эпидемия продолжает распространяться по всему миру, ситуация с международной и региональной безопасностью становится все более сложной, а глобальные угрозы и вызовы нарастают. Военная операция России на Украине сильно меняет мировой порядок, ввиду множества санкций, что тоже в свою очередь не может не сказаться на торговых отношениях стран БРИКС.

Ключевые слова: Россия, БРИКС, Китай, торговля, кризис, инновации.

Поддерживая великие исторические традиции, китайские власти и русские народы имеют глубокую демократичность, которая уходит своими корнями в тысячелетний опыт развития, являются отражением потребностей и интересов своих народов. Россия, Китай и другие страны гарантируют своим гражданам право на участие во всех сферах государственного управления, включая коммунальное хозяйство и управление государственным имуществом. Обе страны абсолютно доверяют своим собственным путям и уважают демократические институты и традиции других стран. Демократические принципы должны быть отражены не только на уровне внутреннего управления, но и на уровне глобального управления. Попытки отдельных стран использовать идеологические линии, чтобы заставить другие страны принять их «демократические

Meng Xue
Master,
People's Friendship University of Russia
1057611930@qq.com

D. Madiyarova
Doctor of Economics,
Peoples' Friendship University of Russia
1057611930@qq.com

DEVELOPMENT OF BRICS ECONOMIC AND TRADE RELATIONS

Annotation. The world is currently undergoing significant changes, and human society is entering a new era of great development and change. The multipolarization of the world, the globalization of the economy, the informatization of society and the diversification of cultures continue to evolve, changes in global governance and the international order continue to progress, the interconnection and dependence of countries have deepened greatly, the distribution of international power tends to be restructured, and the international community's call for peace and sustainable development has become stronger. At the same time, the epidemic continues to spread around the world, the international and regional security situation is becoming increasingly complex, and global threats and challenges are on the rise. Russia's military operation in Ukraine is greatly changing the world order because of the multitude of sanctions, which also in turn cannot but affect BRICS trade relations.

Keywords: Russia, BRICS, China, trade, crisis, innovation.

стандарты», и монополизировать определение демократии через лоскутное одеяло клики и «сценарных» альянсов на самом деле являются нарушением демократии и предательством ее духа и истинных демократических ценностей. Это фактически является нарушением демократии и предательством ее духа и истинных демократических ценностей. Такое стремление к гегемонии представляет серьезную угрозу региональному и глобальному миру и стабильности и подрывает устойчивость международного порядка [1].

Использование защиты демократии в качестве инструмента для воздействия недопустимо. Однако Россия и Китай резко против злоупотребления демократией с целью вмешательства во внутренние дела государств или провокаций. Представители обеих сторон призывают междуна-

родное сообщество уважать разнообразие культурных традиций и мировосприятия, а также, права народов на самостоятельное развитие в различных странах. По словам представителей США, они готовы к объединению усилий со всеми государствами мира, которые заинтересованы в продвижении подлинной демократии.

В то же время, поскольку страны имеют различные национальные условия, историю, культуру, социальные системы и уровни экономического и социального развития, необходимо сочетать универсальность прав человека с реалиями каждой страны и защищать права человека в соответствии с их национальными условиями и потребностями их народа [2]. Продвижение и защита прав человека является общим делом международного сообщества, и все страны должны уделять равное внимание и систематически продвигать все виды прав человека.

Международное сотрудничество в области прав человека:

- должно обсуждаться всеми странами на основе равноправного диалога;
- все страны должны пользоваться правом на развитие на равных условиях;
- все страны должны осуществлять сотрудничество и взаимодействие в области прав человека на основе равенства и взаимного уважения;
- международная система прав человека должна быть укреплена.

Российско-украинский кризис быстро перерастает в фазу военной конфронтации, в которой мир движется в разных направлениях и вынужден заключать союзы и контрсоюзы, как будто повторяется история начала Первой и Второй мировых войн [3].

На глобальной арене Россия и Китай стремятся построить многополярный и полицентричный мир в противовес всемирной конкурентной стратегии США и их союзников по НАТО (Организация Североатлантического договора), которые считают, что они напишут конец миру, в котором доминирует капитализм, ставший результатом холодной войны. Как сообщается на сайте Министерства торговли, первое заседание Контактной группы по экономическим и торговым вопросам БРИКС состоялось по видеосвязи в Пекине 24–25 февраля 2022 года. На встрече присутствовали пять членов БРИКС, включая Бразилию, Россию, Индию, Китай и ЮАР, международные организации, такие как ВТО, ЮНКТАД, ЮНИДО, МТЦ, Новый банк развития БРИКС, а также, представители Делового совета БРИКС и Женского делового альянса БРИКС. В центре внимания конференции были вопросы цифровой экономики, торговли и инвестиций и устойчивого развития, цепочки поставок в промышленности и многосторонняя координация позиций.

Уже некоторое время Россия предпринимает шаги по дедолларизации своей экономики и переходу к расчетам со странами Азии, Ближнего

Востока и Латинской Америки (включая Китай, Индию, Иран, Турцию и Венесуэлу) в их собственных валютах. Движение стран БРИКС по созданию автономной платежной системы для конкуренции со SWIFT началось уже давно, если российские банки будут вынуждены отказаться от участия в системе SWIFT, это может фактически ускорить создание этого механизма.

Ван Шоувэнь [4], заместитель министра торговли и заместитель представителя по международным торговым переговорам сказал, что с момента создания встречи министров экономики и торговли БРИКС в 2011 году лидеры пяти стран неоднократно давали указания по укреплению экономического и торгового сотрудничества, одобрили Программу действий по экономическому и торговому сотрудничеству БРИКС, Рамочную программу сотрудничества по содействию инвестициям БРИКС, Стратегию экономического партнерства БРИКС до 2025 года и другие важные итоговые документы, которые обеспечивают четкое направление экономического и торгового сотрудничества пяти стран.

Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 года определяет четкое направление экономического и торгового сотрудничества между пятью странами. В настоящее время торгово-экономическое сотрудничество стало важной опорой «трехколесной» структуры стран БРИКС.

Ван Шоувэнь отметил, что в настоящее время столетняя эпидемия и столетние изменения накладываются друг на друга, глобальная повестка дня развития серьезно пострадала, а разрыв между Севером и Югом еще больше увеличился. На страны БРИКС приходится 23 процента мировой экономики, 18 процентов торговли товарами и 25 процентов иностранных инвестиций, что делает их важной силой, с которой необходимо считаться в мировой экономике. В нынешних условиях для стран БРИКС тем более важно работать вместе над решением этих проблем и продолжать вносить свой вклад в мировой экономический рост.

В области экономики и торговли Китай предлагает странам БРИКС укреплять сотрудничество в трех областях:

Во-первых, укреплять координацию многосторонних позиций, таких как ВТО и G20, и защищать подлинную многосторонность.

Во-вторых, продолжать углублять прагматичное сотрудничество в экономической и торговой областях и играть важную роль в торговле и инвестициях.

В-третьих, укреплять сотрудничество в цифровой экономике, «зеленом» развитии и других областях, а также использовать возможности для развития в новых областях.

Ван [5] подчеркнул, что Китай готов работать с членами БРИКС в духе «открытости, инклюзивности, сотрудничества и взаимовыручки» для

дальнейшего углубления сотрудничества в экономической и торговой областях, повышения уровня практического взаимодействия, тесных экономических и торговых связей между пятью странами и внесения плодотворных экономических и торговых результатов на встрече лидеров.

Участники БРИКС – Бразилия, Индия и Китай – осторожничают, чтобы не оказаться под санкциями Запада, но зачатки новой финансовой инфраструктуры, центром которой является Пекин, есть. Штаты Америки, а также Европа исключили некоторые крупные российские банки от SWIFT и объявили о новых мерах по ограничению доступа Москвы к их резервам в размере 640 миллиардов американских долларов. При этом готовность развивающихся рынков поддерживать коммерческие отношения с Россией подчеркивает глубокий разрыв между крупнейшим кризисом в Европе со времен Второй мировой войны и угрожает подорвать доминирующее положение долларов в мировой торговле. Сейчас китайские фирмы и банковские структуры пытаются ограничить влияние санкций на свои отношения с РФ, в то время как доллар будет страдать. Вероятно, западные санкции, направленные на исключение России из международной финансовой системы, также, возможно, приведут к углублению коммерческих связей Москвы и Пекина.

На данный момент в Индии, обеспокоенной возможностью поддержания поставок российских удобрений, правительственные и банки-корреспонденты сообщили, что существует план для российских организаций и банков открыть счета в индийских рупиях в ряде государственных банков для торговых расчетов по схеме бартерной торговли. Глава государства Бразилии Жаир Болсонару заявил о том, что страна будет сохранять нейтралитет в этом конфликте.

Бизнесмен из провинции Чжэцзян, который занимается торговлей между Китаем и Россией, заявил, что торговля без SWIFT не является большой проблемой, поскольку обе стороны начали дедолларизацию пять с половиной лет назад. «Прямые расчеты в юанях и рубле уже давно стали нормой в крупных банках», – сказал предприниматель. «Юань – это мировая валюта, которая используется во всем мире, поэтому мы не испытываем проблем с конвертацией рубля в юань», – сказал он, добавив, что юань становится все более популярным среди российских граждан. Санкции побуждают российские и китайские компании открывать счета в китайских банках, имеющих филиалы в России. Экспортеры сейчас склонны рассчитывать с Россией в юанях. До прошлой недели некоторые из этих сделок осуществлялись в евро или долларах. В первой половине 2021 года на расчеты в юанях уже приходилось 28 процентов китайского экспорта в

Россию, по сравнению со всего лишь 2 процентами в 2013 году, поскольку и Китай, и Россия активизировали усилия по снижению зависимости от доллара при развитии своих соответствующих систем трансграничных платежей. Нынешний кризис может ускорить эту тенденцию. Санкции SWIFT против России – знаковое событие, которое ускорит процесс дедолларизации, пишет Данг Чонг Ю, аналитик Founder Securities.

SWIFT трудно заменить в краткосрочной перспективе, но в долгосрочной перспективе это очень полезно для интернационализации юаня. Усилия по дедолларизации не ограничиваются торговлей. Инвестиционная компания Caderus Capital заявляет, что она работает над продвижением трансграничных инвестиций между Россией и Китаем.

Андрей Акопян [6], управляющий директор, приветствовал шаг российского Центрального банка по увеличению инвестиций в юаневые активы как «лучший способ повысить популярность юаня среди российских инвесторов».

В июне 2021 года доля юаня в валютных резервах российского Центрального банка составила 13,1 % по сравнению с 0,1 % в июне 2017 года. Доля доллара США, с другой стороны, снизилась с 46,3 процента до 16,4 процента. Если мы говорим о торговле и инвестициях, то для обеих стран имеет смысл отказаться от торговли в долларах, потому что для торговли в долларах нужно делать двойную конвертацию, в дополнение к другим недавним трудностям. Но для многих китайских компаний боль ощущается сразу, поскольку торговые контракты не могут быть выполнены из-за резких колебаний курса рубля.

Сейчас все сосредоточены на сохранении или сокращении существующего бизнеса. Никто не говорит о новом бизнесе. Это то, что я слышу от всех сторон, включая китайских клиентов [6].

Хан-Шен Лин, старший консультант консалтинговой компании The Asia Group, также предупредил, что китайские банки могут столкнуться с повышенным к себе вниманием в условиях западных санкций против России.

Все китайские банки знают, что глобальный расчетный банк доллара США будет запрашивать китайские банки об операциях, связанных с объектами санкций, – сказал Линь. Таким образом, можно сказать, что на текущий момент сложно прогнозировать, как будут развиваться торговые отношения стран БРИКС, но тот факт, что мир стоит на пороге глобальных изменений невозможно отрицать. Как и то, что страны участники БРИКС уже находятся в поиске новых путей выстраивания отношений.

Литература:

1. Жоглина Е.В. Торгово-экономические отношения России с Китаем в условиях трансформации мирового порядка и системы международных отношений / Е.В. Жоглина, Л.С. Гуденко // Экономика,

Literature:

1. Zhoglina E.V. Trade and economic relations between Russia and China in the context of the transformation of the world order and the system of international relations / E.V. Zhoglina, L.S. Gudenko //

управление, право: актуальные вопросы и векторы развития. 2022. С. 16–21.

2. *Лексин В.Н.* Проект «Большая Евразия» и проблемы устойчивости сложившегося миропорядка / В.Н. Лексин // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. № 5-1. С. 196–200.

3. *Кондукторов А.С.* Замещение доллара США рублем РФ при оплате российского экспорта: финансово-правовой механизм реализации и последствия для денежно-кредитной политики / А.С. Кондукторов // Lex Russica. 2022. № 2(183). С. 24–33.

4. *Никонов В.* Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? Litres, 2022.

5. *Блэквилл Р.* Война иными средствами / Р. Блэквилл, Д. Харрис. Litres, 2022.

6. Бизнес и власть в России. Взаимодействие в условиях кризиса / А. Шохин [и др.]. Litres, 2022.

Economy, management, law: topical issues and vectors of development. 2022. P. 16–21.

2. *Leksin V.N.* The Greater Eurasia Project and the Problems of Sustainability of the Current World Order / V.N. Leksin // Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. 2022. № 5-1. P. 196–200.

3. *Conductors A.S.* Replacing the US dollar with the Russian ruble when paying for Russian exports: a financial and legal mechanism for implementation and consequences for monetary policy / A.S. Conductors // Lex Russica. 2022. № 2(183). P. 24–33.

4. *Nikonov V.* Code of civilization. What awaits Russia in the world of the future? Literes, 2022.

5. *Blackwill R.* War by other means / R. Blackwill, D. Harris. Literes, 2022.

6. Business and power in Russia. Interaction in times of crisis / A. Shokhin [et al.]. Literes, 2022.

Мяо Юнтао

аспирант,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
1406515969@qq.com

ИССЛЕДОВАНИЕ СОСТОЯНИЯ РАЗВИТИЯ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ В КИТАЕ И РОССИИ

Аннотация. В последние годы масштабы торговли между Китаем и Россией продолжают расширяться. В настоящее время Россия является крупнейшей страной вдоль «Пояса и пути» по объему трансграничных сделок электронной коммерции с Китаем. Необходима дальнейшая оптимизация режима работы платформы трансграничной электронной коммерции в Китае и России. Требуется усиление строительства платформ для оказания услуг третьих лиц, постоянное обогащение товарной структуры трансграничной электронной коммерции в Китае и России. А также, содействие совместному развитию двусторонней торговли. Внедрение больших данных, других передовых достижений для улучшения платежной системы трансграничной электронной коммерции. Для расширения транспортных каналов. Трансграничной логистики между двумя сторонами. Оптимизация системы таможенного оформления трансграничной логистики. В целях создания комплексной платформы трансграничных логистических услуг.

Ключевые слова: Китай, Россия, трансграничная электронная коммерция, трансграничная логистика, «Один пояс, один путь».

Трансграничная электронная торговля между Китаем и Россией преодолела временные и географические ограничения, компенсируя недостатки традиционной торговли и еще больше укрепляя экономическое и торговое сотрудничество между двумя государствами [1]. С целью развития трансграничной электронной коммерции между КНР и Россией мы должны максимально использовать традиционный режим работы платформы, а также активно развивать платформы услуг третьих сторон. При этом для удовлетворения потребностей индивидуальных потребителей можно продвигать интеграции моделей B2C, C2C и O2O. В модели B2C могут предлагать товары или услуги непосредственно российским покупателям, тем самым осуществляя быстрые продажи товаров в небольших количествах и с высокой частотой, что больше

Miao Yongtao

Graduate Student,
Ural Federal University
named after the first President
of Russia B.N. Yeltsin
1406515969@qq.com

RESEARCH ON THE STATE OF DEVELOPMENT OF CROSS-BORDER E-COMMERCE IN CHINA AND RUSSIA

Annotation. In recent years, the scale of trade between China and Russia has continued to expand. Currently, Russia is the largest country along the «Belt and Road» in terms of the volume of cross-border e-commerce transactions with China. Further optimization of the operating mode of cross-border e-commerce platforms in China and Russia is needed. It is necessary to strengthen the construction of third-party service platforms, continuously enrich the commodity structure of cross-border e-commerce in China and Russia. As well as promoting joint development of bilateral trade. The introduction of big data, other advanced achievements to improve the payment system of cross-border e-commerce. To expand transportation channels. Cross-border logistics between the two sides. To optimize the customs clearance system of cross-border logistics. In order to create a comprehensive platform of cross-border logistics services.

Keywords: China, Russia, cross-border e-commerce, cross-border logistics, «One Belt, One Road».

подходит для малых и крупных производителей, которые могут выбирать в канальных трансграничных электронных торговых каналах. В модели O2O используется традиционная торговля с неосязаемостью электронной коммерческой деятельности, используя онлайн-витрины и офлайн опыт для удовлетворения потребностей потребителей в комфорте покупок и для того, чтобы они смогли почувствовать подлинность товаров, тем самым повысив их покупательский опыт [2].

Китаю и России необходимо:

- ввести единые отраслевые стандарты трансграничной электронной коммерции в КНР и России на основе общения и консультаций;
- установить комплексную систему кредитного мониторинга, которая бы заложила основу для

построения кредитной системы для трансграничной электронной коммерции с институциональной стороны.

В контексте интернационализации юаня Китай должен активно поощрять использование юаня для расчета по трансграничным сделкам электронной торговли и вести переговоры с российской стороной о разработке расчетной системы для трансграничных торгово-расчетных операций в юанях, чтобы предотвратить риски колебаний курса рубля. Также, необходимо создать китайский-российский механизм разрешения споров по трансграничной электронной коммерции, который позволит ориентированную на потребителя платформу обслуживания жалоб клиентов и предоставит потребителям канал для их защиты, чтобы споры по трансграничным электронным сделкам электронной коммерции между КНР и Россией могли регулироваться и регламентировать законом. В этом процессе государственные ведомства должны активно направлять таможенные службы на создание «зеленой линии» для продуктов трансграничной электронной торговли на "По-ясе и пути», чтобы обеспечить быстрый и удобный канал таможенного контроля для трансграничных продуктов. С нашей стороны необходимо достичь консенсуса с Россией по вопросу создания благоприятной торгово-экономической среды для развития трансграничной электронной торговли и дальнейшего продвижения двусторонних экономических и коммерческих связей для обеспечения беспрепятственного доступа на российский потребительский рынок для предприятий трансграничной электронной торговли. Из-за быстрого развития индустрии трансграничной электронной коммерции на территории Китая и

Литература:

1. *Гаврилко Н.Н.* Электронная коммерция в развитии внешней торговли России / Н.Н. Гаврилко, А.И. Сягайло // *Статистика в современном мире: методы, модели, инструменты.* 2020. С. 284–288.
2. *Ишмуратова А.Э.* Трансграничная торговля в Китае: возможности для российских экспортеров / А.Э. Ишмуратова // *Азия и Африка сегодня.* 2019. № 6. С. 32–37.
3. *Лю Я.* Анализ современного состояния трансграничной торговли Китая и России. 2021.

России дефицит квалифицированных кадров стал всё больше ощущаться. Наличие у сотрудников хорошего опыта международной торговли и хороших навыков общения по-русски, а также, знание правил трансграничной торговой деятельности в Китае или России, умение работать платформ трансграничной электронной коммерцией и общаться на русском языке является необходимым условием для развития трансграничной электронной коммерции.

Чтобы решить существующую проблему нехватки профессиональных кадров для трансграничной электронной коммерции в Китае и России необходимо, чтобы, с одной стороны, китайские университеты открыли специальности по трансграничной электронной коммерцией для России и усилили систематическую практику подготовки квалифицированных специалистов, необходимых для развития трансграничной электронно-коммерческой деятельности между Китаем и Россией. Но если вы хотите повысить качество своих знаний, то вам необходимо усилить сотрудничество между соответствующими высшими учебными заведениями и лучшими в отрасли предприятиями трансграничной электронной коммерции путем разработки программы подготовки квалифицированных кадров в сотрудничестве между университетами и предприятиями трансграничной электронной коммерции в КНР и России. При этом активное развитие трансграничной электронной коммерции на протяжении последних лет не только способствовало развитию двусторонней торговли с Китаем и Россией, но и постепенно становилось новой движущей силой для восстановления и скорейшего развития российской экономики [3].

Literature:

1. *Gavrilko N.N.* E-Commerce in the development of foreign trade in Russia / N.N. Gavrilko, A.I. Syagaylo // *Statistics in the modern world: methods, models, tools.* 2020. P. 284–288.
2. *Ishmuratova A.E.* Cross-border trade in China: opportunities for Russian exporters / A.E. Ishmuratova // *Asia and Africa Today.* 2019. № 6. P. 32–37.
3. *Liu Y.* Analysis of the current state of cross-border trade between China and Russia. 2021.

Нехайчук Дмитрий Валериевич

доктор экономических наук,
доцент,
профессор кафедры менеджмента,
туризма и гостиничного бизнеса,
Севастопольский филиал
Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова
dimchikn@mail.ru

Климчук Светлана Владимировна

доктор экономических наук,
профессор,
профессор кафедры государственного
и муниципального управления,
Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского
sv1964kl@mail.ru

Боровский Владимир Наумович

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры
экономики и менеджмента,
Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского,
Институт педагогического образования
и менеджмента (филиал) в г. Армянск
vlnaumov@gmail.com

Майданевич Юлия Петровна

доктор экономических наук,
доцент,
ведущий научный сотрудник НИЦ
«Приоритетные городские проекты»,
Севастопольский
государственный университет
maidanevich@rambler.ru

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
ДИНАМИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ
УПРАВЛЕНИЯ ВРЕМЕННЫМИ ЛАГАМИ
В СИСТЕМЕ ФИНАНСОВЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ**



Аннотация. Неоднозначность и непредсказуемость системы финансовых трансформаций характеризуется постоянными запаздываниями экономических процессов и расчетов. Это определяет сложную инерционность форм и инструментов данной системы, которые имеют различное значение ликвидности и скорости обращения. Такая синхронность влечет за собой формирование временных лагов. Специфичность такого инструмента как временной лаг, позволяет оценить степень взаимозависимой динамики данного явления. Вышеперечисленные

Dmitry V. Nekhaychuk

Doctor of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Management, Tourism and Hotel Business,
Sevastopol branch
Russian University of Economics
named after G.V. Plekhanov
dimchikn@mail.ru

Svetlana V. Klimchuk

Doctor of Economic Sciences,
Professor,
Professor of the Department of State
and Municipal Administration,
Crimean Federal University
named after V.I. Vernadsky
sv1964kl@mail.ru

Vladimir N. Borovsky

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Economics and Management,
Crimean Federal University
named after V.I. Vernadsky,
Institute of Pedagogical Education
and management (branch) in Armyansk
vlnaumov@gmail.com

Yulia P. Maydanevich

Doctor of Economic Sciences,
Assistant Professor,
Leading Researcher, SIC
«Priority City Projects»,
Sevastopol
State University
maidanevich@rambler.ru

**USE OF DYNAMIC MODELS
OF TIME LAGS MANAGEMENT
IN THE SYSTEM OF FINANCIAL
TRANSFORMATIONS**



Annotation. The ambiguity and unpredictability of the financial transformation system is characterized by permanent lags of economic processes and calculations. This determines the complex inertia of the forms and tools of this system, which have a different value of liquidity and the rate of circulation. Such synchronicity entails the formation of temporary lags. The specificity of such a tool as a temporary lag allows to estimate the degree of interdependent dynamics of this phenomenon. The above situations are actualized by the problem of the formation of an integrated model of temporary



ситуации актуализируют проблему формирования комплексной модели управления временными лагами в системе финансовых трансформаций. Такими моделями являются динамическая модель с распределёнными лагами и динамическая авторегрессионная модель. Данные модели позволяют исследовать краткосрочные и долгосрочные ситуации процесса финансовых трансформаций.

Ключевые слова: система финансовых трансформаций, временные лаги, динамическая модель с распределёнными лагами, динамическая авторегрессионная модель, ликвидность, скорость обращения, фиксированный интервал трансформации.

В системе финансовых трансформаций зачастую встречаются зависимости, характеризующиеся временными запаздываниями. Такая синхронность влечет за собой формирования временных лагов, характеризующих инерционность многих финансовых явлений.

Принципиальная сущность возникновения и фиксирования временных лагов кроется в определении момента формирования данного явления [1, с. 15]. Ведь степень его оценивания в системе финансовых трансформация связана со степенью импульсивности движения финансовых потоков, имеющих различную компоненту ликвидности (скорости и динамики трансформаций).

Так, временной лаг, по сути, определяет период времени, охватывающий значение динамического процесса взаимозависимости ключевых показателей, имеющих различную компоненту ликвидности, т.е. скорости обращения. Такая зависимость может быть описана как линейным уравнением:

$$y = a + b \cdot x + \varepsilon \quad (1)$$

так и уравнением множественной корреляции:

$$\hat{y} = a + b_1 \cdot x_1 + b_2 \cdot x_2 + b_3 \cdot x_3 + \varepsilon. \quad (2)$$

Корреляционный анализ динамических финансовых трансформаций зависимого показателя и независимого индикатора производится с учетом временного лага, т.е. фиксированного интервала трансформации [2, с. 54].

Специфичность такого инструмента, как временной лаг, позволяет оценить степень взаимозависимой динамики данного явления. При использовании системы полиномиальных зависимостей ключевых показателей от факторов финансовых трансформационных процессов, можно зафиксировать данные интервалы, позволяющие управлять процессами финансовых трансформаций [3, с. 76].

В настоящий период в России финансовые трансформационные процессы неоднозначны и непредсказуемы. Это характеризуется системой взаимных преобразований форм и методов осуществления данного явления. Явная высокая степень дисхронизации характеризует практически

lags in the financial transformation system. Such models are a dynamic model with distributed lags and a dynamic autoregression model. These models allow you to investigate the short-term and long-term situations of the financial transformation process.

Keywords: financial transformation system, temporary lags, dynamic model with distributed lags, dynamic autoregression model, liquidity, circulation rate, fixed transformation interval.

все элементы действующей финансовой системы.

Так, очевиден существующий механизм взаимотрансформации открытой и подавленной инфляции, вызванный постоянным ростом цен на потребительские ресурсы при консервации отпускных цен [4, с. 87].

Достаточно протяженный временной период фискального процесса предопределяет активное функционирование временного разрыва между начальным периодом формирования финансовых потоков их трансформации и распределением. Это определяет сложности прогнозирования и управления фискальной политикой на всех её уровнях функционирования.

Также, неоднозначен и временной лаг в инвестиционном процессе, охватывающий период начального формирования инвестиций в незавершенном строительстве до ввода в действие планируемого объекта. В инвестиционном процессе имеет значение технологическая неоднородность инвестиционных средств, которая определяет трансформацию величины лага инвестиционных потоков.

В данной ситуации актуальным является инвестиционный цикл, учитывающий неоднозначное поведение инвестируемых потоков при фиксировании временных лагов [5, с. 34].

Временные лаги опосредуют взаимодействие открытой и импортируемой инфляции, что выражается в сокращении доли реализованной продукции при расчетных операциях, росте взаимозачетов между агентами сделок. Такая же ситуация наблюдается и во внешней торговле, ухудшаются условия, производится отток капитала за рубеж, состояние платёжного баланса становится хуже.

Постоянный рост цен в ситуации несбалансированной инфляции опосредует сокращение уровня доходности отраслей аутсайдеров, сокращение инвестиционной привлекательности и объёмов импортозамещаемого производства [6, с. 123].

Напротив же, в отраслях – лидерах такая ситуация влечет за собой рост доходности и вызывает проблему перепроизводства сырьевых ресурсов, что опосредует рост экспорта по сбросовым

ценам. Так, наличие временных промежутков при сбалансировании торговых сделок субъектов внешней торговли ухудшает ситуацию внешне-экономической политики [7, с. 21]. Вышеперечисленные ситуации актуализируют проблему формирования комплексной модели управления временными лагами в системе финансовых трансформаций [8–10].

В данном аспекте необходимо систематизировать, т.е., упорядочить, прежде всего, данные по времени их поступления и сформировать временные ряды.

Так, рассматривается показатель Y_t в настоящий период времени Y_t и в последствии $Y_{t+1}, Y_{t+2}, \dots, Y_{t+k}$, в предыдущие моменты

$$y_{t-1}, y_{t-2}, \dots, y_{t-k}, \dots \quad (3)$$

Следует обратить внимание, при использовании данных зависимостей, в процессе финансовых трансформаций формируются не только текущие на данный момент времени значения представленных переменных, а и непосредственно временные интервалы, т.е., временные лаги. Такие переменные следует называть лаговыми переменными.

В практике финансовых трансформаций целесообразно использовать два типа моделей:

– динамическую модель с распределёнными лагами (формирующие лаговые независимые переменные):

$$Y_t = a + b_0 \cdot x_{t-1} + b_1 \cdot x_{t-2} + \dots + b_k \cdot x_{t-k} + e_k \quad (4)$$

– динамическую авторегрессионную модель (формирующих лаговые зависимые переменные):

$$y_t = a + b \times x_t + g \times y_{t-1} + e_k \quad (5)$$

Результат оценки эффективности применения той или иной модели зависит от количества содержащих временных лагов по значению исследуемого процесса финансовых трансформаций:

$$y_t = a + b_0 \times x_t + b_1 \times x_{t-1} \dots + b_k \times x_{t-k} + e_t \quad (6)$$

$$y_t = a + b_0 \times x_t + b_1 \times x_{t-1} \dots + b_k \times x_{t-k} + \dots + e_t \quad (7)$$

Литература:

1. *Афанасьев В.Н.* Эконометрика / В.Н. Афанасьев, М.М. Юзбашев, Т.И. Гуляева. М. : Финансы и статистика. 2017. 256 с.
2. *Верби́к Марно.* Путеводитель по современной эконометрике. М. : Научная книга. 2015. 616 с.
3. *Кендалл М.* Многомерный статистический анализ и временные ряды / М. Кендалл, А. Стюарт. М. : Высшее образование. 2017. 113 с.
4. *Нехайчук Д.В.* Об инвестиционной деятельности банков на рынке ценных бумаг / Д.В.

Так, в приведённых моделях коэффициент b_0 представляют как краткосрочный мультипликатор, потому что данный коэффициент определяет изменение среднего значения Y при воздействии переменной X .

Комплексное воздействие исследуемых коэффициентов $\sum_{j=0}^k b_j$ ($m < k$) определяется промежуточным мультипликатором.

Динамическую модель с распределёнными лагами (3) целесообразно оценить с помощью уравнения множественной регрессии:

$$y_t = a + b_0 \times X_0 + b_1 \times X_1 \dots + b_k \times X_k + e_t \quad (8)$$

Динамическую авторегрессионную модель необходимо оценить при использовании «распределения Кока», используя исследуемые коэффициенты как веса b_k лаговых переменных

$$b_k = b_0 \times l^k, k = 0, 1, 2, \dots \quad (9)$$

где $0 < l < 1$ – скорость лаговой переменной.

$$y_t = a + b_0 \cdot x_t + b_0 \cdot l x_{t-1} + b_0 \cdot l^2 x_{t-2} \dots + b_0 \cdot l^k x_{t-k} + \dots + e_t \quad (10)$$

Так с помощью математических преобразований «распределения Кока» получим:

$$y_t = (1-l) \times a + b_0 \cdot x_t + l \times y_{t-1} + v_t \quad (11)$$

где $v_t = e_t - l \times e_{t-1}$ – скользящая средняя между e_t и e_{t-1} .

Данные модели позволяют исследовать краткосрочные и долгосрочные явления процесса финансовых трансформаций.

При принятии решений в данной ситуации необходимо учитывать динамические тренды заданных переменных зависимостей финансовой системы, значение которых определено в системе динамических изменений с учетом временных лагов, опосредующих различную ценностью финансовых индикаторов во времени. В этом и заключается существующая логика финансовых трансформаций, которая опосредует временные ценности исследуемых показателей.

Literature:

1. *Afanasiev V.N.* Econometrics / V.N. Afanasiev, M.M. Yuzbashev, T.I. Gulyaev. M. : Finance and statistics. 2017. 256 p.
2. *Verbik Marno.* Guide to modern econometrics / Marno Verbik. M. : Scientific book. 2015. 616 p.
3. *Kendall M.* Multivariate statistical analysis and time series / M. Kendall, A. Stuart. M. : Higher education. 2017. 113 p.
4. *Nekhaychuk D.V.* On the investment activity of banks in the securities market / D.V. Nekhaychuk,

Нехайчук, Ю.С. Нехайчук // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2014. № 4(29). С. 83–88.

5. Математика для экономистов. От Арифметики до Эконометрики. М. : Высшее образование. 2014. 648 с.

6. *Николайчук В.Е.* Логистика в сфере распределения. М. : СПб. : Питер. 2016. 160 с.

7. *Овчинников В.В.* Архитектура распределённых информационно-вычислительных микропроцессорных систем. М. : Энеогоатомиздат, 2014. 128 с.

8. *Робинсон А.* Введение в теорию моделей и метаматематику алгебры. М. : Научная книга. 2014. 515 с.

9. *Хеннан Е.* Многомерные временные ряды. М. : Научная книга. 2013. 744 с.

10. Time lag in the system of financial transformations / S.V. Klimchuk [et al.] // International Journal of Recent Technology and Engineering. 2019. Vol. 8. № 3. P. 40–45.

Yu.S. Nekhaychuk // Scientific Bulletin: finance, banks, investments. 2014. № 4(29). P. 83–88.

5. Mathematics for economists. From Arithmetic to Econometrics. M. : Higher education. 2014. 648 p.

6. *Nikolaichuk V.E.* Logistics in the sphere of distribution / V.E. Nikolaichuk. M. : SPb: Peter. 2016. 160 p.

7. *Ovchinnikov V.V.* Architecture of distributed information-computing microprocessor systems / V.V. Ovchinnikov. M. : Eneogoatomizdat, 2014. 128 p.

8. *Robinson A.* Introduction to the theory of models and metamathematics of algebra / A. Robinson. M. : Scientific book. 2014. 515 p.

9. *Hennan E.* Multivariate time series. M. : Scientific book. 2013. 744 p.

10. Time lag in the system of financial transformations / S.V. Klimchuk [et al.] // International Journal of Recent Technology and Engineering. 2019. Vol. 8. № 3. P. 40–45.

Пастухов Максим Андреевич

старший преподаватель
кафедры транспортных сооружений
имени профессора К.А. Дарагана,
Кубанский государственный
технологический университет
m.pastuxoff@yandex.ru

Кривнев Антон Игоревич

студент кафедры
транспортных сооружений
имени профессора К.А. Дарагана,
Кубанский государственный
технологический университет
krivnev2014@mail.ru

**ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЭФФЕКТИВНОСТИ ВТОРИЧНОЙ
ПЕРЕРАБОТКИ ПЛАСТИКА
В ОБУСТРОЙСТВЕ
АВТОМОБИЛЬНЫХ ДОРОГ**

Аннотация. Данная статья посвящена оценке эффективности применения вторично переработанного пластика в обеспечении автомобильных дорог элементами обустройства, таких как: барьерные ограждения, корпуса светофоров и иных технических средств организации дорожного движения. Также, была рассмотрена возможность применения пластика, как альтернативы металлическим изделиям, например, в производстве дорожных знаков. На основе данных сайта Росстат был проанализирован вывоз и переработка твердых коммунальных отходов на территории муниципальных образований Краснодарского края, а также, высчитан примерный объем пластиковых отходов и количество различных элементов дорожного обустройства, которые можно получить из этого пластика. После проведения анализа была рассчитана экономическая эффективность применения переработанного пластика в обустройстве автомобильных дорог.

Ключевые слова: переработанный пластик, отходы пластика, обустройство автомобильных дорог, элементы дорожной инфраструктуры, дорожные знаки.

Одной из быстроразвивающихся сфер по применению пластика является его применение в обустройстве дорожной инфраструктуры.

Пластиковые ограждения являются важной составной частью инфраструктуры транспорта. При проведении ремонтных работ и для индикации участков аварии необходимо устанавливать специально предусмотренные ограждения, чтобы движение было максимально безопасным для

Maksim A. Pastukhov

Senior Lecturer
Departments of Transport Facilities
named after Professor K.A. Daragan,
Kuban State
University of Technology
m.pastuxoff@yandex.ru

Anton I. Krivnev

Student Department
of Transport Structures
named after Professor K.A. Daragan,
Kuban State Technological University
krivnev2014@mail.ru

**ASSESSMENT
OF THE ECONOMIC EFFICIENCY
OF PLASTIC RECYCLING
IN THE CONSTRUCTION
OF HIGHWAYS**

Annotation. This article is devoted to evaluating the effectiveness of the use of recycled plastic in providing highways with elements of arrangement, such as: barrier fences, traffic lights and other technical means of traffic management. The possibility of using plastic as an alternative to metal products, for example, in the production of road signs, was also considered. Based on data from the Rosstat website, the removal and processing of solid municipal waste in the territory of municipalities of the Krasnodar Territory was analyzed, and the approximate volume of plastic waste and the number of various elements of road construction that can be obtained from this plastic were calculated. After the analysis, the economic efficiency of the use of recycled plastic in the construction of highways was calculated.

Keywords: recycled plastic, plastic waste, road construction, road infrastructure elements, road signs.

пешеходов и водителей [1]. Таким образом, изделия из переработанных пластиков могут выступать в качестве основных средств организации дорожного движения и служить для целей повышения безопасности дорожного движения [2] в Краснодарском крае и иных субъектах РФ.

Существует широкое разнообразие дорожных ограждений. Они классифицируются на основе существующих стандартов на различные виды и

подвиды: барьерные; фронтальные; тросовые; парпетные; бордюрные. Также переработанный пластик можно применять и для изготовления шумовых барьеров, служащих для решения проблемы снижения уровня шума и загрязнения окружающей среды, о которой в своей статье говорят авторы Т.В. Коновалова и В.В. Корневский [3].

Применение переработанного пластика может послужить энергосберегающей технологией в

обустройстве автомобильных дорог в Краснодарском крае.

Для применения таких энергосберегающих конструкций в г. Краснодаре и крае надо тщательно проанализировать ситуацию по транспортировке твердых коммунальных отходов (ТКО), в число которых входят пластиковые отходы, а также переработке их на заводах.



Рисунок 1 – Общее количество вывезенного ТКО в муниципальных районах Краснодарского края в период 2013–2019 гг.

В таблице 1 приведены сведения по объемам вывоза ТКО муниципальными районами Краснодарского края, за 2019 год [4].

Таблица 1

Статистика по вывозу и переработке ТКО в муниципальных образованиях Краснодарского края за 2019 год.

	Муниципальные образования	Вывезено ТКО (тыс. куб. м)		Муниципальные образования	Вывезено ТКО (тыс. куб. м)
1	Белоглинский	13,4	22	Тихорецкий	177,4
2	Отраденский	24,8	23	Тимошевский	189,8
3	Выселковский	29,37	24	Кавказский	190,8
4	Крыловский	31,3	25	Каневской	214,8
5	Успенский	35	26	Ейский	238,72
6	Калининский	37	27	Красноармейский	240
7	Щербиновский	37,42	28	Геленджикский	264,32
8	Тбилисский	50,36	29	Новокубанский	276,02
9	Павловский	52,5	30	Северский	284,52
10	Новопокровский	58,8	31	Кореновский	287,99
11	Куцевский	59,6	32	Курганинский	289,87
12	Брюховецкий	62,96	33	Крымский	310,2
13	Апшеронский	68,2	34	Анапский	341
14	Лабинский	77,62	35	Темрюкский	347,05
15	Мостовской	77,9	36	Динской	394,6
16	Горяче ключевской	81,2	37	Туапсинский	433,14
17	Ленинградский	87,19	38	Армавирский	570,6
18	Усть-Лабинский	89,32	39	Новороссийский	1231
19	Белореченский	108,1	40	Сочинский	2481,3
20	Гулькевичский	121,3	41	г. Краснодар	3967,5
21	Абинский	141,9			

По статистике, содержание пластика в отходах составляет 15 %, что показано на рисунке 2.

На основе данных, приведённых в таблице 1 и на рисунке 2, был посчитан примерный объем пластика от общего объема переработанного и вывезенного мусора.

Общий объем вывезенного ТКО в муниципальных образованиях равен 14075870 м³.

Таким образом, объем пластика в муниципальных образованиях Краснодарского края составляет 422276 м³.

Для создания дорожной инфраструктуры из пластика используют такие элементы, как: водоналивные барьеры, сигнальные столбики, корпуса

светофоров, а также из пластика возможно производить все виды знаков.

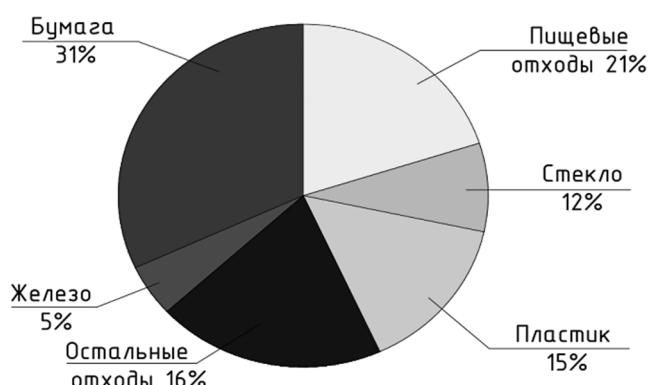


Рисунок 2 – Процентное соотношение отдельных категорий в составе ТКО [3]

Были рассчитаны объем пластика, который необходим для изготовления 1 единицы элементов инфраструктуры:

- Водоналивной барьер (при толщине пластика 6мм) $V = 0,3$;
- Дорожный знак $V = 0,05 \text{ м}^2$;
- Сигнальный столбик $V = 0,01 \text{ м}^2$;
- Корпус светофора $V = 0,15 \text{ м}^2$.

Если бы для изготовления данных элементов инфраструктуры использовался переработанный в муниципальных образованиях Краснодарского края пластик, то из него в 2019 году можно было бы получить: 844552 шт. – водоналивных барьеров; или 4222760 шт. – дорожных знаков; или 42227600 шт. – сигнальный столбик; или 2815173 шт. – корпусов светофора.

Для оценки потребности в этих элементах был проведен анализ 100 единиц проектной документации по строительству и реконструкции дорог. На основе полученных данных имеем следующее:

- При реконструкции автомагистралей среднее количество элементов инфраструктуры составляет 36 шт. на 1 км дороги.
- При реконструкции дороги, находящейся в пределах населенного пункта среднее количество элементов инфраструктуры, составляет 58 шт. на 1 км дороги.
- При строительстве новой автомагистрали среднее количество элементов инфраструктуры составляет 30 шт. на 1 км дороги.

Литература:

1. Программа по оценке работы по обеспечению безопасности движения на транспорте / А.А. Изюмский [и др.] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021.

При строительстве новой дороги в пределах населенного пункта среднее количество элементов инфраструктуры составляет 52 шт. на 1 км дороги.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что среднее число элементов инфраструктуры дорог возрастает при реконструкции. Тем не менее, было посчитано, сколько километров дорог можно было бы обеспечить такими элементами инфраструктуры, как водоналивной барьер, дорожный знак, сигнальный столбик и корпус светофора с использованием переработанного пластика и получим следующие значения:

- 1) При реконструкции:
 - автомагистралей – 23460 км;
 - дорог в пределах населенного пункта – 14560 км.
- 2) При строительстве:
 - автомагистралей – 28150 км;
 - дорог в пределах населенного пункта – 16240 км.

Обобщая все приведённые данные, мы приходим к выводу о том, что применение переработанного пластика для целей обустройства автомобильных дорог может существенно повлиять на стоимость работ по строительству и реконструкции автомобильных дорог, а также, на сложную экологическую ситуацию в стране, вызванную проблемами возрастающего количества полигонов для хранения ТКО, за увеличения доли перерабатываемых пластиковых отходов.

Literature:

1. The program for assessing the work on ensuring traffic safety in transport / A.A. Izyumsky [et al.] // Humanities, socio-economic and social sciences. 2021.

2. *Коновалова Т.В.* Повышение безопасности дорожного движения в Краснодаре / Т.В.К оновалова, С.Л. Надирян, А.Д. Орешкина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. С. 186–191.

3. *Коновалова Т.В.* Проблемы экономической оценки влияния улучшения дорожных условий на уровни шума и загрязнение окружающей среды автотранспортом / Т.В. Коновалова, В.В. Корневский // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. С. 145–147.

4. Росстат. URL : <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения 13.03.2022).

2. *Konovalova T.V.* Improving road safety in Krasnodar / T.V. Konovalova, S.L. Nadiryan, A.D Oreshkina // Humanities, socio-economic and social sciences. 2021. P. 186–191.

3. *Konovalova T.V.* Problems of economic assessment of the impact of improving road conditions on noise levels and environmental pollution by motor transport / T.V. Konovalova, V.V. Korenevsky // Humanities, socio-economic and social sciences. 2017. P. 145–147.

4. Rosstat. URL : <https://rosstat.gov.ru> / (date of appeal 03.13.2022).

Пермяков Максим Владимирович

кандидат юридических наук,
доцент,
Уральский государственный
юридический университет
имени В.Ф. Яковлева
pmv0929@yandex.ru

Котов Василий Васильевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики,
Уральский государственный
юридический университет
kotov-1958@inbox.ru

Балеевских Федор Валентинович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики,
Уральский государственный
юридический университет
bf61@mail.ru

Maxim V. Permyakov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Ural State
University of Law
named after V.F. Yakovlev
pmv0929@yandex.ru

Vasily V. Kotov

Candidate of Legal Sciences,
Assistant Professor
of Forensic Science,
Ural State University of Law
kotov-1958@inbox.ru

Fedor V. Baleevskikh

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Criminalistics,
Ural State University of Law
bf61@mail.ru

**Влияние COVID-19
НА ЭКОНОМИКУ РОССИИ**

Аннотация. В данной статье авторами затронута актуальная и злободневная проблема последствий влияния COVID-19 на экономику государства. Наряду с общеизвестными факторами риска, проанализированы и иные, теневые аспекты. Помимо негативных моментов, ими также приведены в качестве примера и некоторые положительные тенденции на общем фоне спада экономической активности: «То, что нас не убивает - делает сильнее!». Наряду с этим, рассмотрен ряд мер активной помощи государства населению, с целью выравнивания сложившейся ситуации, а так же сектору малого и среднего бизнеса.

Ключевые слова: коронавирус, общество, государство, трудовая инспекция, заработная плата, биржа труда, предприниматель, предприятие, трудовой мигрант, кредитное соглашение, безработица, дистанционная занятость, сырьевой продукт, дефицит, товар, локдаун, платежеспособность, вакцина.

В 2019 году весь мир захлестнула пандемия коронавируса, которая и по сей день оказывает негативное влияние на большинство сфер жизни общества и государства. По общим данным, самый серьёзный удар пришёлся на экономические показатели государств, ведь, до сих пор, так и не найдено универсальное средство для решения данной проблемы.

Для начала стоит поговорить о потере огромного количества рабочих мест. Согласно данным

**THE IMPACT OF COVID-19
ON THE RUSSIAN ECONOMY**

Annotation. In the scientific article, the authors touched upon the actual and topical problem of the consequences of the influence of COVID-19 on the economy of the state. Along with well-known risk factors, other shadow aspects are also analyzed. In addition to the negative aspects, some positive trends are also given as an example against the general background of the decline in economic activity: «What does not kill us makes us stronger!». Along with this, a number of measures of active state assistance to the population, in order to equalize the current situation, as well as to the small and medium-sized business sector, were considered.

Keywords: coronavirus, society, state, labor inspection, wages, labor exchange, entrepreneur, enterprise, migrant worker, loan agreement, unemployment, remote employment, raw material product, deficit, commodity, lockdown, solvency, vaccine.

Минтруда, который ссылается на информацию, представленную работодателями в Пенсионный фонд России, с 01 апреля по 20 июня в России уволено более 3,5 млн человек. Из них больше всего уволенных в Москве (585800 человек), Санкт-Петербурге (256300) и Московской области [1] (186400), однако, в действительности, эти цифры на порядок выше.

На пике заболеваемости около 15 млн рабочих мест были под жёсткими ограничениями, либо

вовсе не функционировали. Также, многие компании, оставившие работников на местах, были вынуждены сокращать им зарплаты. Таким образом, все это привело к тому, что за 3 месяца было подано более 10 тыс. жалоб в трудовую инспекцию. Более трети из них – за незаконные увольнения, так же треть работников жаловалась на невыплату или задержку заработной платы. Чуть меньше – невыплата расчёта и невыдача трудовой книжки, споры по больничным листам, отпускам, изменениям условий труда и рабочего времени, временные отстранения от работы, проблемы с регистрацией на бирже труда.

Сильнее всех от кризиса также пострадали предприниматели и работники сферы рыночных услуг: досуга, развлечения, туризма, гостиниц и общепита. Было сокращено около 220 тыс. предприятий малого бизнеса, однако официальная занятость в нём выросла на 1,3 %. На апрель 2021 года осталось 5 млн 780 тыс. предприятий малого бизнеса. Основных причин выявлено две: закрытие предприятий из-за ограничений и обязательности дополнительных трат на средства безопасности (защитные экраны, средства личной безопасности работников и т.д.), из-за которых в разы повышалось содержание предприятия.

Это сказалось также и на занятости среди молодежи. Seriously пострадали трудовые мигранты и работники с низкой квалификацией, снижение занятости у которых по данным МОТ оказалось в пять раз больше, чем среди высококвалифицированных.

Государство ответило на кризис несколькими способами. Программы сохранения рабочих мест позволяли работодателям отправить сотрудников в оплачиваемые отпуска, получив компенсации от правительства, также выдавались кредиты на поддержку занятости по ставке 2 % по программе ФОТ 2.0. По данным Минэкономразвития, было заключено примерно 226 тыс. кредитных соглашений на сумму около 443 млрд руб., что помогло сохранить 5,4 млн рабочих мест. Другой формой помощи стала защита от безработицы [1], вследствие которой был упрощён доступ к пособию по безработице и увеличен его размер до минимального размера оплаты труда (12130 руб.), что привело к резкому росту зарегистрированной безработицы.

Последствия неоднозначны. Большое количество рабочих мест так и не были восстановлены после ослабления ограничений, так как работодатели сумели организовать работу своего проекта с меньшим количеством работников, а также, значительно выросли риски безработицы и работы не по специальности среди молодёжи. Но есть и плюсы, ведь пандемия положительно повлияла на изменение форм занятости населения: большую популярность получила дистанционная работа, появилась возможность не содержать рабочее место непосредственно в офисе. Также, с января 2021 года действует новый закон, который позволяет включить дистанционную занятость в трудовой договор, в том числе, заключаемый с новым работником.

Ещё одной глобальной проблемой, с которой пришлось столкнуться, стало подорожание сырьевых продуктов, продуктов питания и технических комплектующих, а также, проблема закрытия некоторых крупных зарубежных предприятий на неопределённый срок, которые поставляли продукты. Из-за этого у людей возник страх дефицита основных продуктов питания и быта (соли, сахара, хлеба, туалетной бумаги, яиц и т.д.), и начались массовые скупки этих товаров в магазинах. По нашим личным наблюдениям можно сделать вывод о том, что стоимость основных продуктов питания за последние полгода значительно выросла, а по отдельным категориям товаров в разы.

Многие последствия остались и по сей день. Например, из-за проблем с поставкой полупроводников прекращено производство на автомобильном заводе LADA, сокращено производство Range Rover и Jaguar, так как основным поставщиком является Китай, в котором большинство заводов либо закрыты, либо работают на низких мощностях. Также, наблюдается дефицит техники (компьютерных комплектующих, бытовой техники).

Серьёзно пострадали и узконаправленные специалисты в различных сферах, дистанционная работа в которых не представляется возможной. Это – парикмахерские и салоны красоты, фитнес-залы, киноиндустрии, детские учебные центры и т.д. Введение ограничений и отсутствие возможности работы онлайн оставили без работы около 90 % работников в данной области.

После частичного снятия ограничений и появления возможности работать, в этих отраслях вынужденно повысилась в стоимость работы, что также оставило отпечаток на экономике. Локдаун вселил страх в головы людей за стабильность российского рубля, который на фоне пандемии и политической обстановки был вполне обоснован. Несмотря на падение платёжеспособности населения, началась скупка недвижимости и автомобилей. Так как самым логичным решением, по мнению общества, было вкладывать отложенную наличность во что-то более весомое и устойчивое. За третий и четвертый квартал 2020 года, по данным аналитиков Авто.ру и Федеральной службы государственной статистики, было куплено на 23 % больше автомобилей и на 14 % больше недвижимости, по сравнению с таким же периодом 2019 года. Нестабильные вторичные и первичные рынки недвижимости и автомобилей теперь диктуются по новым правилам. Стоимость за один и тот же продукт выросла в среднем на 8 % за год, а по состоянию на 2022 год некоторые позиции достигли роста цен более 100 %.

Подводя итоги, невозможно однозначно сказать, чего теперь больше боятся люди: вируса, или же стоимости на проверку и его лечение, ведь вокруг пандемии образовался сверхприбыльный бизнес, который, увы, будет актуальным ещё не один год. Почти каждое крупное государство создало собственную вакцину, которая идёт на экспорт по цене от 900 до 3 тыс. рублей за штуку и действует около полугода, а у 10 % людей есть шанс вообще

не получить антитела, то есть потерять номинальные 3 тыс. рублей. Если смоделировать ситуацию, при которой страна продаёт 10 млн вакцин стоимостью 1 тыс. рублей, то валовая прибыль (без учёта себестоимости) выходит 10 млрд рублей.

Сейчас началась гонка между продвинутыми странами за место «на коне» на основании того, у кого лучше вакцина и меньше побочных действий. Видится необходимым отметить так же тот факт, что не спроста даже сейчас, когда начинается четвертая волна коронавируса, до последнего функционируют все кинотеатры, кафе, фитнес-залы и т.д. Однозначно, что в сложившейся ситуации необходимо выбирать: либо выживает бизнес, либо ещё несколько лет действуют ограничения, сдаются ПЦР-тесты, а больницы

остаются переполненными. Доход фармакологических компаний за последние два года вырос в разы, что также свидетельствует о высокой прибыли за счёт общей проблемы, ведь это колоссально выгодно для таких компаний и для государства, чтобы пандемия продолжалась ещё несколько лет. «Если чистая выручка превышает 100 %, то исчезает всякая совесть и мораль у бизнесмена», «Когда люди напуганы, обычно они делают то, что вы от них хотите» – Руперт Мердок. Пока вакцины, тесты, маски и таблетки приносят высокую прибыль и населению прививают обязательную вакцинацию, весь мир будь жить в пандемии ещё долгие годы, а проблемы, появившиеся во время пандемии, ещё немало времени будут отпечатываться на повседневной жизни людей, ведь это стало частью истории медицины, бизнеса и каждой страны, в частности.

Литература:

1. Газеты пишут о рынке труда. URL : <http://demoscope.ru>
2. *Пермяков М.В.* Правовые основы государственного регулирования предпринимательской деятельности / М.В. Пермяков, С.Г. Банных, А.Г. Килин // Научный журнал «Евразийский юридический журнал». 2021. № 2. С. 178–180.
3. *Пермяков М.В.* Проблемы реализации личных прав и свобод человека и гражданина / М.В. Пермяков, И.Ф. Гаскаров, О.Н. Ходасевич // Научный журнал «Евразийский юридический журнал». 2021. № 10. С. 129–130.

Literature:

1. Newspapers write about the labor market. URL : <http://demoscope.ru>
2. *Permyakov M.V.* Legal bases of state regulation of entrepreneurial activity / M.V. Permyakov, S.G. Bannykh, A.G. Kilin // Scientific journal «Eurasian Legal Journal». 2021. № 2. P. 178–180.
3. *Permyakov M.V.* Problems of realization of personal rights and freedoms of man and citizen / M.V. Permyakov, I.F. Gaskarov, O.N. Khodasevich // Scientific journal «Eurasian Legal Journal». 2021. № 10. P. 129–130.

Суржиков Михаил Андреевич

доктор экономических наук,
декан факультета менеджмента,
профессор кафедры финансового
и HR менеджмента,
Ростовский государственный
экономический университет
2980135@mail.ru

Усенко Анастасия Михайловна

кандидат экономических наук,
доцент,
заведующая кафедрой финансового
и HR менеджмента,
Ростовский государственный
экономический университет
vodoleika-y@rambler.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор кафедры
финансового и HR менеджмента,
Ростовский государственный
экономический университет
samygina@gmail.ru

**КАЧЕСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ
РЕСУРСОВ КАК ОСНОВА
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ
ОРГАНИЗАЦИИ В УПРАВЛЕНИИ
ПЕРСОНАЛОМ**

Аннотация. В данной статье анализируется категория качества человеческих ресурсов как ключевое составляющее основание конкурентоспособности любой организации в области управления персоналом. Теоретическая и методологическая база исследования состоит из концептуальных положений социологии управления, раскрывающих четыре базовых понятия: «качество человеческих ресурсов», «управление человеческими ресурсами», «управление персоналом», «управление человеческим капиталом». В статье также идет речь о факторах, формирующих качество человеческих ресурсов.

Ключевые слова: персонал, качество человеческих ресурсов, конкурентоспособность, управление персоналом, организация, управление человеческим капиталом.

Как известно, всякая организация и персонал, работающий в ней, пребывает в состоянии постоянной конкуренции на рынке труда [1]. В

Mikhail A. Surzhikov

Doctor of Economic Sciences,
Dean of the Faculty of Management,
Professor of the Department
of Financial and HR management,
Rostov State
the University of Economics
2980135@mail.ru

Anastasia M. Usenko

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Finance
and HR Management,
Rostov State
University of Economics
vodoleika-y@rambler.ru

Sergei I. Samygin

Doctor of Sociological Sciences,
Professor, Department
of Finance and HR Management,
Rostov State
University of Economics
samygina@gmail.ru

**QUALITY OF HUMAN RESOURCES
AS THE BASIS OF COMPETITIVENESS
OF THE ORGANIZATION
IN HR MANAGEMENT**

Annotation. This article analyzes the category of human resource quality as a key component of the competitiveness of any organization in the field of personnel management. The theoretical and methodological base of the study consists of the conceptual provisions of the sociology of management, revealing four basic concepts: «quality of human resources», «human resource management», «personnel management», «human capital management». The article also deals with the factors that shape the quality of human resources.

Keywords: personnel, quality of human resources, competitiveness, personnel management, organization, human capital management.

высококонкурентных условиях возникает потребность в разработке отлаженных стратегических социальных технологий управления [2]

персоналом с целью повышения эффективности работы организации и ее конкурентных преимуществ.

Ситуация, складывающаяся в современных социально-экономических условиях, инициирует различные организации не только к поиску материальных объектов (недвижимости, инфраструктуры, оборудования, материалов), но к пониманию важности качества человеческих ресурсов (КЧР), т.е. поиску персонала с наличием высокого уровня образования, раскрывающегося в оптимальном количестве и качестве знаний; практических умений; накопленного опыта; творческого потенциала и высокой работоспособности; а также с наличием конкурентных профессиональных преимуществ [3]. Немаловажную роль, по справедливому замечанию С.А. Самусенко и Т.О. Харченко, «играет и производительность труда сотрудников, участвующих в той или иной фазе производственного процесса, поскольку именно она определяет конкурентоспособность компании по издержкам и качеству» [4, с. 24].

Качество ЧР как основа конкурентоспособности в управлении персоналом находится в фокусе исследовательского внимания:

– Ю.А. Масаловой, полагающей, что «обеспечение конкурентоспособности предполагает наличие таких характеристик ЧР, которые были бы адекватны современным требованиям», которые формируются в рамках той или иной организации [5, с. 4].

– Е.В. Слепцовой и А.Ю. Кузьменко, рассматривающих качественное развитие ЧР как приоритетное направление конкурентоспособной организации, а саму конкурентоспособность ЧР как динамичную характеристику, на которую влияют множество разносторонних факторов, в числе которых одним из главных является фактор управления [6].

– В.В. Кафидов предлагает анализировать процессы управления персоналом, соотнося такие понятия, как: рабочая сила, кадры, ЧР, оценка эффективности процессов управления; также с его точки зрения появляется возможность «установить какая часть прибыли получается за счет эффективного применения рабочей силы, а какая формируется за счет развития ЧР и превращения их в человеческий капитал» [7, с. 1].

В связи со сказанным выше, теоретическая и методологическая база исследования состоит из концептуальных положений социологии управления, раскрывающих четыре базовых понятия: «качество ЧР», «управление человеческими ресурсами», «управление персоналом», «управление человеческим капиталом».

Прежде чем вести речь об управлении персоналом, необходимо определиться с понятиями: «человеческие ресурсы», «персонал», «человеческий капитал» (ЧК).

ЧР «представляют собой совокупность качественных характеристик сотрудников, определяющих их

способность выполнять трудовые функции» [5]. В.В. Кафидов подчеркивает, что ЧР – это «не сами люди, а их потенциальные способности к труду», а также это ресурс, который вполне реально обнаружить, развить, приложив управленческие усилия организации [7, с. 2].

КЧР – это уровень соответствия качеств и свойств человеческих ресурсов тем требованиям, которые формируются в организации как целостной системе в процессе реализации конкурентных возможностей и преимуществ ЧР.

В рамках данной статьи необходимо сказать и о факторах, формирующих КЧР. Прежде всего, это две группы факторов – внутренние и внешние. К внутренним факторам относятся лично-индивидуальные факторы, связанные с ресурсами личности (ее специфическими чертами, способностями, привычками, склонностями, образом жизни), а также уровень профессионального образования (компетентности персонала) и внутренней культуры, необходимых для выполнения эффективной трудовой деятельности и следования требованиям корпоративной культуры организации [8].

К внешним факторам можно отнести факторы развития, которые, по мнению Ю.А. Масаловой, зависят как от индивидуального, так и коллективного контекста. К организационным факторам развития автор относит «общение, социализацию, адаптацию, консолидацию и согласие в коллективе, лидерство, конкуренцию, а также технологию совместной деятельности, реализуемую в организации в той или иной форме» [5, с. 4].

Кроме того, интересно отметить, что указанный выше автор Ю.А. Масалова приходит к выводу о том, что формирование КЧР включает в себя три компонента: содержательный (определенный набор требуемых качеств для выполнения профессиональной деятельности); процессуальный (методы, средства для реализации деятельности в организации); результативный (соответствие качества ЧР организационным требованиям) [5, с. 5].

Персонал организации представляет собой социально-экономическую категорию, кадровый состав организации, «работающий по найму» и наделенный следующими признаками: «квалификация, компетенция, способности, установки» [9, с. 4]. Однако здесь, по нашему мнению, важно заметить, что узловым признаком персонала организации являются его компетенции, представляющие собой важные профессиональные характеристики персонала (совокупность его знаний, умений, квалификационных навыков, личностных способностей, прилагаемых усилий, уровня мотивации и паттернов поведения).

Человеческий капитал – это сложноорганизованный интенсивный «производительный фактор развития экономики знаний, способный накапливаться и воспроизводиться и включающий совокупность навыков, знаний и умений человека, интеллект, здоровье, качественный и производительный труд, качество жизни» [9, с. 8].

С.А. Самусенко и Т.О. Харченко акцентируют внимание на таком важном качественном эффекте ЧК как синергия, который является «не просто суммой способностей и навыков отдельных лиц и групп, но и результатом их совместного продуктивного использования, а также взаимодействия с социальным капиталом» [4, с. 25], что, на наш взгляд, является одним из оснований конкурентоспособности организации. Вышеуказанные исследователи указывают на необходимость проведения конкурентных стратегических тренингов, направленных на поддержание текущей конкурентоспособности организации [4, с. 29]. «Признание ЧК как актива в управленческом учете и отчетности создает основу для принятия качественных экономических» и управленческих решений [4, с. 35].

С целью превращения ЧР в ЧК, безусловно, необходимы инвестиции и грамотно продуманные управленческие стратегии.

Управление человеческим капиталом включает в себя систематический анализ, измерение и оценку того, как стратегия и практика человеческих ресурсов создает стоимостные характеристики. Управление ЧК сосредотачивается на измерениях ЧР и качестве работы персонала в организации, который выступает средством руководства стратегией и практикой управления этим персоналом [9].

Многие специалисты указывают, что УЧР, УЧК и управление персоналом имеют между собой тесную взаимосвязь, но при этом отмечают, что практика управления персоналом – это основа для УЧР и УЧК, которые являются составными элементами управления [9; 10; 11].

Нам импонирует парадигма А.Я. Кибанова, согласно которой управление персоналом и УЧР – это единый, неразрывный процесс и основа конкурентоспособности организации. Причем управление персоналом включает физический и финансово-экономический капитал, а УЧР – социальный и физический капитал ресурсов организации. При разработке и реализации стратегии управления персоналом организации, как подчеркивает А.Я. Кибанов, необходимо использовать технологии управления компетенциями. Управление компетенциями персонала – это «процесс сравнения потребности организации в кадрах с наличными трудовыми ресурсами и выбор форм воздействия для приведения их в соответствие с требованиями производства» [12, с. 117].

На протяжении всего процесса управления персоналом организации и выстраиванием КЧР возникает потребность в оценивании текущего состояния и актуальных изменений персонала.

К ключевым задачам управления персоналом с целью создания конкурентного преимущества организации Л.В. Ивановская относит: «анализ влияния внешней среды на систему управления персоналом»; формирование явной конкурентоспособности для сотрудников и наличия у них необходимых навыков и способностей для выполнения своей работы; реализацию управления

различными процессами, связанными с управлением результатами деятельности, с информацией, с организацией профессиональной деятельности персонала для создания конкурентного преимущества; «развитие способностей сотрудников службы управления персоналом демонстрировать свои профессиональные компетенции» и пр. [11, с. 204]. Стратегия управления персоналом, по мнению Л.В. Ивановской, – это «приоритетное направление формирования конкурентоспособного высокопрофессионального персонала для достижения долгосрочных целей и реализации общей стратегии организации» [11, с. 206].

Управление персоналом может проходить на трех уровнях: индивидуальном, групповом (организационном) и государственном. Так, на индивидуальном уровне каждый человек, работающий в организации должен адаптироваться к корпоративным требованиям с одновременным учетом и опорой на свои личностные особенности, т.е. для формирования конкурентных преимуществ важен баланс между индивидуальными интересами ЧР и организации.

На организационном (групповом) уровне формирование КЧР находится в зависимости «от выбранной руководством организации ориентации на потребности человека (они могут быть учтены в полной мере, частично или проигнорированы полностью)», при этом «характер ориентации позволяет выделить типы организаций, которые реализуют различные подходы к формированию КЧР» [5, с. 7].

Государственный уровень формирования качества человеческих ресурсов в процессе управления требует согласования интересов конкретного сообщества в целом и интересов конкретных людей, проживающих в рамках данного сообщества.

Управление КЧР в организации предполагает реализацию комплекса мероприятий по таким направлениям, как:

- во-первых, определение личностно-индивидуальных качеств персонала и распределение его в соответствии с его способностями, склонностями, компетенциями и пр.;
- во-вторых, определение средств и эффективных методов управления качеством ЧР;
- в-третьих, определение критериев эффективности управления качеством, т.е. соответствие полученного результата установленным организацией требованиям.

Чтобы быть конкурентоспособной, всякая организация в процессе управления персоналом, с необходимостью должна учитывать такого рода организационно-культурные факторы, как: обеспечение устойчивости организации и своего персонала к внешним воздействиям; воспроизводство системы внутренней жизнедеятельности организации; наконец, обеспечение комфортности организационной среды для персонала.

Таким образом, правильно сформированная практика управления персоналом организации оказывает влияние на качество человеческих

ресурсов развитие человеческого капитала, выступая в качестве основы конкурентоспособности любой организации.

Литература:

1. Таранов П.В. Конкурентоспособность национальной экономики как важнейший критерий субъектности страны в условиях глобализации / П.В. Таранов // VII Южно-Российский логистический форум: Материалы межрегиональной научно-практической конф. Ростов-н/Д., 2010.

2. Гафиатулина Н.Х. Управление процессом формирования социального здоровья российской студенческой молодежи: социальные технологии управления. Государственное и муниципальное управление / Н.Х. Гафиатулина, С.С. Косинов, Н.П. Любецкий // Ученые записки. 2018. № 3.

3. Gafiatulina N.K. The role of health-saving technologies in the process of students educational and professional socialization / N.K. Gafiatulina, L.I. Makadey [et al.] // EurAsian Journal of BioSciences. 2019. Т. 13. № 2. С. 1557–1563.

4. Самусенко С.А. Сравнительный анализ методов оценки человеческих ресурсов организации / С.А. Самусенко, Т.О. Харченко // Учет. Анализ. Аудит. 2015. № 4. С. 23–36.

5. Масалова Ю.А. Подходы к формированию качества человеческих ресурсов / Ю.А. Масалова // Идеи и идеалы. 2017. № 4(34). Т. 2.

6. Слепцова Е.В. Качество человеческих ресурсов как основа конкурентоспособности организаций сферы услуг / Е.В. Слепцова, А.Ю. Кузьменко // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019.

7. Кафидов В.В. Методология оценки эффективности управления персоналом и человеческими ресурсами / В.В. Кафидов // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2015. № 1. С. 1–14.

8. Самыгин С.И. Роль организационной культуры в управлении человеческими ресурсами / С.И. Самыгин, Д.И. Кудрявцев // В сборнике: Модернизация экономики России: отраслевой и региональный аспект. Материалы международной научно-практической конф. Ростов-н/Д., 2021. С. 369–373.

9. Иванова О.Э. Управление человеческими ресурсами: концепция и методология оценки. Челябинск, 2018. 145 с.

10. Руденко А.М. Управление персоналом / А.М. Руденко, В.В. Котлярова [и др.]. Ростов-н/Д., 2021.

11. Ивановская Л.В. Стратегическое управление персоналом как фактор усиления конкурентных преимуществ организации / Л.В. Ивановская // Вестник университета. 2017. № 2. С. 202–209.

12. Кибанов А.Я. Основы управления персоналом. М., 2008. 447 с.

Literature:

1. Taranov P.V. Competitiveness of the national economy as the most important criterion of the country's subjectivity in the context of globalization / P.V. Taranov // VII South-Russian Logistics Forum: Materials of the Interregional Scientific and Practical Conf. Rostov-n/D., 2010.

2. Gafiatulina N.Kh. Management of the process of forming the social health of Russian students: social management technologies. State and municipal administration / N.Kh. Gafiatulina, S.S. Kosinov, N.P. Lyubetsky // Scientific notes. 2018. № 3.

3. Gafiatulina N.K. The role of health-saving technologies in the process of students educational and professional socialization / N.K. Gafiatulina, L.I. Makadey [et al.] // EurAsian Journal of BioSciences. 2019. Т. 13. № 2. С. 1557–1563.

4. Samusenko S.A. Comparative analysis of methods for assessing human resources of an organization / S.A. Samusenko, T.O. Kharchenko // Accounting. Analysis. Audit. 2015. № 4. P. 23–36.

5. Masalova Yu.A. Approaches to the formation of the quality of human resources / Yu.A. Masalova // Ideas and ideals. 2017. № 4(34). Т. 2.

6. Sleptsova E.V. The quality of human resources as a basis for the competitiveness of service organizations / E.V. Sleptsova, A.Yu. Kuzmenko // Economics and business: theory and practice. 2019.

7. Kafidov V.V. Methodology for assessing the effectiveness of personnel and human resources management / V.V. Kafidov // Management of economic systems: electronic scientific journal. 2015. № 1. P. 1–14.

8. Samygin S.I. The role of organizational culture in human resource management / S.I. Samygin, D.I. Kudryavtsev // In the collection: Modernization of the Russian economy: sectoral and regional aspects. Proceedings of the international scientific and practical conference. Rostov-n/D., 2021. P. 369–373.

9. Ivanova O.E. Human resource management: the concept and methodology of evaluation. Chelyabinsk, 2018. 145 p.

10. Rudenko A.M. Personnel management / A.M. Rudenko, V.V. Kotlyarova [et al.]. Rostov-on-Don, 2021.

11. Ivanovskaya L.V. Strategic personnel management as a factor in strengthening the competitive advantages of an organization / L.V. Ivanovskaya // Bulletin of the University. 2017. № 2. P. 202–209.

12. Kibanov A.Ya. Fundamentals of personnel management. M., 2008. 447 p.

Ушаков Руслан Михайлович
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Ushakov@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКОЕМКИХ ПРОИЗВОДСТВ В УСЛОВИЯХ ДОТАЦИОННОГО РЕГИОНА

Аннотация. Современная российская промышленная политика формировалась при администрации Путина. Усиление государственного контроля было главной чертой экономической политики. Упадок обрабатывающего сектора является основной структурной слабостью российской промышленности. С 2000 года промышленная реструктуризация российской экономики отчасти стала ярким результатом промышленной политики. Ожидаемые реструктуризация, модернизация и обновление среднего сектора не осуществились. Зависимость модели экономического развития от пути развития и чрезмерно управляемая государством. Промышленная политика являются основными причинами неэффективности промышленной политики. Кризис новой эпидемии усилил необходимость разработки более комплексной промышленной системы.

Ключевые слова: Россия, производство, развитие, наука.

С точки зрения инструментов промышленной политики, существует три основных типа промышленной политики: прямое вмешательство, косвенная индукция и правовые нормы. Эволюция промышленной политики рассматривается как процесс корректировки границ и взаимных отношений между рынком и государством в процессе промышленного развития. По мере совершенствования рыночной экономики развитых стран и повышения конкурентоспособности предприятий многие элементы и формы промышленной политики стали рассредоточиваться и скрываться в таких направлениях государственной политики, как торговля, наука и технологии, налогообложение и государственные закупки. Первая категория – селективная промышленная политика, которая представляет собой традиционный смысл промышленной политики и соответствующую концепцию промышленной политики.

В основе новой стратегии лежит принцип максимального использования внутренних рынков при безусловном обеспечении национальной безопасности. Цель стратегии – создание отрасли с высоким экспортным потенциалом, способной конкурировать на мировом уровне и гарантировать достижение целей национального развития путем создания экспортно-ориентированного сектора в обрабатывающей промышленности с высокой производительностью, основанного на

Ruslan M. Ushakov
National Research University
«Higher School of Economics»
Ushakov@mail.ru

ORGANIZATION OF SCIENTIFIC INDUSTRIES IN THE CONDITIONS OF A SUBSIDATED REGION

Annotation. Modern Russian industrial policy was formed during the Putin administration. Increasing state control has been a major feature of economic policy. The decline of the manufacturing sector is a major structural weakness in Russian industry. Since 2000, the industrial restructuring of the Russian economy has been partly a salient result of industrial policy. The expected restructuring, modernization and renewal of the middle sector did not materialize. Dependence of the economic development model on the path of development and overly controlled by the state. Industrial policy are the main reasons for the ineffectiveness of industrial policy. The crisis of the new epidemic has increased the need to develop a more comprehensive industrial system.

Keywords: Russia, production, development, science.

современных технологиях и высококвалифицированном персонале. Пять основных направлений поддержки – технологии, инвестиции, человеческие ресурсы, стимулирование спроса и внешняя торговля – в конечном итоге приведут к тому, что в период с 2023 по 2025 год ежегодные темпы роста отраслей, связанных с обрабатывающей промышленностью, составят не менее 45 %, а в период с 2031 по 2035 год – 3 %, при этом доля обрабатывающей промышленности в ВВП увеличится с нынешних 14 % до 17 % за 15 лет. Ожидается, что к 2024 году число компаний, занимающихся технологическими инновациями, увеличится до 50 процентов от общего числа и сохранит этот показатель к 2035 году, а затраты на ускорение распространения цифровых технологий в промышленности возрастут до 51 процента от новой добавленной стоимости, обеспечивая рост производительности труда на средних и крупных предприятиях в несырьевых базовых отраслях не менее чем на 5 процентов в год. Обеспечение доступности капитала и снижение кредитного бремени путем предоставления налоговых льгот (включая продление инвестиционных налоговых льгот и кредитов), заключения долгосрочных контрактов, снижения необоснованного административного надзора за инвесторами, расширения использования федеральных фондов развития промышленности, поддержки развития индустриальных парков, промышленных технопарков и промышленных кластеров.



Рисунок 1 – Система взаимосвязей наукоёмкого сектора России

К 2024 и 2035 годам доля инвестиций в основные фонды в добавленной стоимости обрабатывающей промышленности увеличится с нынешних 19 % до 25 % и 27 % соответственно, чтобы завершить обновление и расширение промышленных основных фондов, увеличить производственные мощности и стабилизировать промышленный рост. Кадровая политика: направлена на обеспечение спроса на квалифицированных кадры через программы обучения для приоритетных секторов и подсекторов, диверсификацию промышленного потенциала в отдельных городах и поддержку мер по мобильности рабочей силы с целью повышения занятости и производительности труда в промышленности на 5 % и 3 % к 2024 и 2035 годам соответственно. Доля компаний, которые не испытывают проблем с поиском квалифицированных работников, достигает 50 % и 70 % соответственно. Доля российской продукции в реализации инфраструктурных проектов к 2035 году увеличится до 70 процентов, а в потреблении - до 75 процентов. Внешнеторговая политика: направлена на расширение зарубежного экспорта продукции отечественного производства, в последние годы в России создан ряд гибких финансовых инструментов, единая система механизмов продвижения экспорта, развитие выставочной деятельности для поддержки продвижения российской продукции на внешние рынки. Согласно целевым показателям, установленным национальным проектом «Международная кооперация и экспорт», российский промышленный экспорт к 2024 и 2035 годам достигнет \$205 млрд и \$290 млрд соответственно, из которых \$60 млрд и \$95 млрд составит экспорт продукции машиностроения. Федеральные ассигнования на реализацию Комплексной стратегии составляют 3 триллиона рублей, из которых 22 триллиона рублей направлены на программы развития промышленности и повышения конкурентоспособности производства. С 2019 года Министерство промышленности и торговли обновляет предыдущую

стратегию развития этих секторов и планирует в течение следующих 15 лет заменить всю импортную продукцию продукцией отечественного производства в секторах транспортного машиностроения и строительных материалов. В отраслях нефтегазового машиностроения, химического и сельскохозяйственного машиностроения уровень импортозамещения возрастет до 80 %, а общая доля отечественной продукции на внутреннем рынке увеличится с нынешних 55 % до 70 %. Средневзвешенная процентная ставка по кредитам предприятиям в рублях со сроком погашения более одного года превышает 5 % в реальном выражении. Энергетический сектор был основным источником валютных поступлений и доходов бюджета, однако модель его роста, чрезмерно зависящая от энергоносителей, неустойчива, что стало важной задачей за 20 лет правления Путина. В настоящее время на энергетический сектор приходится около 40 % инвестиций, 1/2 экспорта и 4 % занятости, при этом доля энергетического сектора в ВВП составляет в среднем 25 % и достигает 32 % в период с 2014 по 2019 год [1].

С 2020 года продолжающееся распространение эпидемии некоев и резкое падение мировых цен на нефть вновь поставили на повестку дня в России вопрос об управлении государством через промышленную политику и снижении зависимости от энергетической экономики. По мнению Бориса Титова и его Института экономического роста имени Столыпина, золотой век нефтяного рынка закончился, и необходимо найти новые драйверы экономического роста. Более агрессивное развитие обрабатывающих производств станет двигателем роста после окончания эры углеводородов [2]. Именно в этом контексте российское правительство запустило комплексную стратегию развития обрабатывающего сектора до 2035 года. Это поможет промышленному сектору минимизировать ущерб, нанесенный новой пандемией коронавируса, и быстро восстановить

рост[3]. Содействие развитию обрабатывающей промышленности станет важной частью государственной политики восстановления экономики, а ускоренное развитие обрабатывающей промышленности поможет экономике восстановиться и

заложит основу для ускоренной экономической трансформации и средне- и долгосрочного экономического развития в постпандемическую эпоху [4].

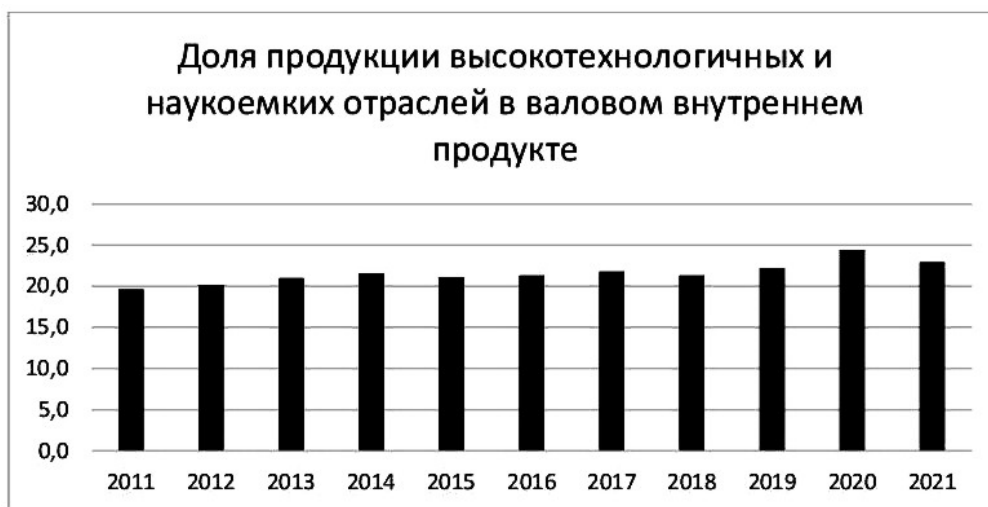


Рисунок 2 – Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте (данные по ОКВЭД 2)

Новый эпидемический кризис усилил потребность России в развитии более полной промышленной системы для поддержания статуса крупной державы, а также необходимость и срочность ускорения перехода экономики к цифровизации, причем оба эти процесса неизбежны. Обзор эволюции промышленной политики России при Путине показывает, что в российском обществе уже давно существует консенсус в отношении изменения способа экономического роста и диверсификации экономики. Средне- и долгосрочная стратегия социально-экономического развития на период до 2020 года в очередной раз определила ориентиры и основные принципы перехода от энергоэкспортной к инновационной экономике. Экономическая структура и модель роста России определяются обеспеченностью ресурсами, а зависимость от экспорта энергоносителей является частью экономической структуры страны еще с брежневских времен, когда Россия (Советский Союз) получала дивиденды во время обоих нефтяных кризисов [5].

С 2000 года сверхдоходы от огромного номинального роста экспорта, вызванного многократным повышением цен на сырую нефть, поддерживали российские инвестиции и конечное потребление, направляя все внутренние факторы в

ресурсодобывающие отрасли. Это привело к росту внутреннего спроса на продукцию обрабатывающей промышленности, однако недостаточная конкурентоспособность российской обрабатывающей промышленности привела к импорту промышленных товаров, что усиливает порочный круг экспорта ресурсов в обмен на иностранную валюту и импорта промышленных товаров из-за рубежа, что еще больше сужает пространство для внутреннего производства. С одной стороны, российская экономика разработала модель развития, основанную на ее огромном преимуществе в виде энергетических ресурсов. С другой стороны, богатые запасы природных ресурсов являются сравнительным и конкурентным преимуществом России при участии в международном разделении труда, и поиск новых источников экономического роста не означает, что Россия должна отказаться от своего энергетического преимущества, и российская экономика еще долгое время будет оставаться в значительной степени энергезависимой. Российское правительство больше привыкло использовать традиционную селективную политику для дифференциации различных отраслей и избирательного предпочтения конкретных отраслей, в то время как инструменты функциональной политики используются недостаточно.

Литература:

1. Полянин А.В. Формирование стратегии наукоемкого производства / А.В. Полянин, Р.А. Марков // Вестник Академии знаний. 2020. № 4(39). С. 292–298.
2. Ключарев Г.А. Наукоемкие производства для инновационной экономики: мнения экспертов / Г.А. Ключарев, А.В. Чурсина // Вестник Российского

Literature:

1. Polyenin A.V. Formation of the strategy of high technology production / A.V. Polyenin, R.A. Markov // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2020. № 4(39). P. 292–298.
2. Klyucharev G.A. Science-intensive production for an innovative economy: expert opinions / G.A. Klyucharev, A.V. Chursina // Bulletin of the

университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 1.

3. Федорова Л.А. Научно-интенсивное производство и кластеры. 2018.

4. Корчагова Л.А. Влияние научно-интенсивности и инноваций на развитие экономики в России / Л.А. Корчагова, С.А. Корчагов // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2018. № 3(13). С. 64–76.

5. Сагиева Р.К. Особенности научно-интенсивных производств и специфика их финансирования / Р.К. Сагиева, А.С. Жупарова, Д.Т. Калмакова // Статистика, учет и аудит. 2019. № 3(74). С. 207.

Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2021. Vol. 21. № 1.

3. Fedorova L.A. Science-intensive production and clusters. 2018.

4. Korchagova L.A. Influence of science intensity and innovations on the development of the economy in Russia / L.A. Korchagova, S.A. Korchagov // Vestnik RGGU. Series «Economics. Control. Right». 2018. № 3(13). P. 64–76.

5. Sagieva R.K. Features of high-tech industries and the specifics of their financing / R.K. Sagieva, A.S. Zhuparova, D.T. Kalmakova // Statistics, accounting and audit. 2019. № 3(74). P. 207.

Чжао Пэйци
Магистр,
Московский государственный университет
914984657@qq.com

ТЕЛЕМАРКЕТИНГ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Аннотация. Как отрасль современной маркетинговой системы, телемаркетинг является эффективной, профессиональной и малозатратной маркетинговой моделью, которая развивалась вместе с развитием колл-центров. Телемаркетинг – это интерактивный, индивидуальный маркетинговый подход к целевому клиенту или целевому рынку с помощью коммуникационных технологий. Целью является улучшение имиджа компании, расширение ее известности, клиентской базы, повышение удовлетворенности клиентов и поддержание отношений с клиентами как маркетинговый прием. Это средство повышения ценности услуг компании, а также низкозатратная и высокоэффективная маркетинговая модель. На современном этапе в Китае особенно популярен телемаркетинг в области страхования. Телемаркетинг – это запланированное, организованное и целенаправленное продвижение к потенциальному целевому потребителю для достижения экономических или социальных выгод предприятия.

Ключевые слова: Китай, телемаркетинг, страхование, развитие, инновации.

Телемаркетинг страхования жизни – это бизнес страховой компании по представлению и продаже страховых продуктов по телефону с согласия клиента путем звонка клиенту от имени страховой компании или от имени кооперативной организации через свой собственный или с использованием телефонного колл-центра кооперативной организации. Бизнес-модель телемаркетинга в основном включает в себя завершение всего процесса продажи по телефону и подтверждение намерения клиента оформить страховой полис во время телефонного разговора. 31 июля 2007 года CIRC одобрил листинг и продажу эксклюзивных телемаркетинговых продуктов Ping An of China [1], что стало первой лицензией на телемаркетинг, отражающей поддержку регулятором инноваций в каналах продаж страховых услуг в то время. Это была первая лицензия на телемаркетинг, выданная CIRC, что отражает поддержку регулятором инноваций в каналах продаж страховых услуг в то время. С 2014 по 2017 год китайская индустрия телемаркетинга страхования жизни быстро развивалась, размер рынка вырос с 12,2 млрд юаней до 19,93 млрд юаней. В 2017 году началось ужесточение регулирования индустрии страхования жизни, при этом регулирование подчеркивало возврат страхования к защите,

Zhao Peiqi
Master,
Moscow State University
914984657@qq.com

TELEMARKETING IN MODERN CHINA

Annotation. As a branch of the modern marketing system, telemarketing is an effective, professional and low-cost marketing model that has evolved with the development of call centers. Telemarketing is an interactive, personalized marketing approach to a target customer or target market using communication technology. The goal is to improve a company's image, increase its visibility, customer base, increase customer satisfaction, and maintain customer relationships as a marketing technique. It is a means of increasing the value of the company's services, as well as a low-cost and highly effective marketing model. At the present stage in China, telemarketing in the field of insurance is particularly popular. Telemarketing is a planned, organized and targeted promotion to a potential target customer to achieve the economic or social benefits of an enterprise.

Keywords: China, telemarketing, insurance, development, innovation.

были введены страховые документы № 76 и № 134, регулирующие быстрое возвратное универсальное страхование жизни, индустрия процветала с эпохой быстрого расширения за счет страхования короткой и средней продолжительности под влиянием нормативной среды. Темпы роста начали снижаться в 2018 году, а в 2019–2020 годах в течение двух лет подряд будет наблюдаться отрицательный рост. Из-за ужесточения нормативно-правовой базы, наложившегося на влияние эпидемии коронавируса, темпы развития индустрии телемаркетинга страхования жизни продолжали замедляться в 2020 году, совокупный объем премий по шкале составил 13,6 млрд долларов США, что на 22,51 % меньше, чем в 2019 году. Количество компаний по страхованию жизни, осуществляющих телемаркетинг, также продолжало снижаться: с 33 в 2014 году до 21 в 2020 году [2]. В 2020 году структура продуктов телемаркетинга страхования жизни была скорректирована, при этом среди всех видов страхования увеличился доход в виде премии только по аннуитетному страхованию, в то время как по всем остальным он снизился.

В 2020 году аннуитетное страхование достигло совокупного объема премии в размере 6,37 млрд

юаней, что на 6,5 % больше, чем в прошлом году, составив 46,8 % от общего объема, и осталось основным видом страхования. Премия по страхованию жизни составила 2,86 млрд юаней, что на 26,7 % меньше, чем в прошлом году, и составила 21 % от общего объема, заменив медицинское страхование в качестве второго по величине вида страхования. Премии по медицинскому

страхованию составили 2,66 млрд юаней, снизившись на 41 % по сравнению с прошлым годом и составив 19,6 % от общего объема. Премии по страхованию от несчастных случаев составили 1,71 млрд юаней, снизившись на 45,9 % по сравнению с прошлым годом и составив 12,6 % от общего объема [3].

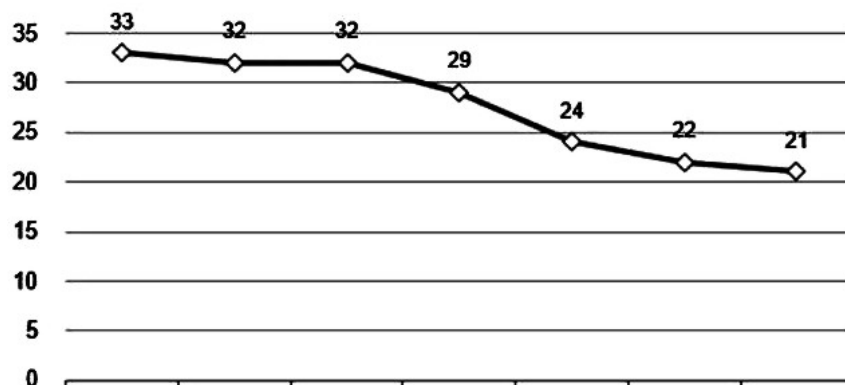


Рисунок 1 – Число компаний по страхованию жизни, осуществляющих телемаркетинг

Концентрация отрасли телемаркетинга страхования жизни высока. В 2020 году доля трех, пяти и десяти крупнейших компаний на рынке телемаркетинга страхования жизни составляла 67,0 %, 76,7 % и 91,3 % от общего объема премий соответственно. Компания Ping An Life, занимающая первое место в рейтинге, достигла совокупного размера премии в размере 6,74 млрд юаней, ее доля рынка составила 49,5 %, а вместе с компанией China Merchants Trust Life [4], занимающей второе место, доля рынка составила 60,9 %. Доля рынка компаний, занимающих третье-пятое места, варьировалась от 4 % до 7 %, а доля рынка компаний, занимающих шестое-десятое места, варьировалась от 1 % до 4 %. С 2014 по 2020 год доля масштабных премий через самостоятельно созданные учреждения продолжала расти. К 2020 году 19 компаний получили в общей сложности 8,5 млрд юаней масштабных премий через самостоятельно созданные учреждения, что составляет 62,5 % от общего объема масштабных премий телемаркетинга по страхованию жизни, что в основном соответствует уровню прошлого года, а 18 компаний получили в общей сложности 5,1 млрд юаней масштабных премий через кооперативные учреждения, что составляет 37,5 % от общего объема масштабных премий телемаркетинга по страхованию жизни [5]. Рынок телемаркетинга страхования жизни тесно связан с рынком страхования жизни, и на тенденцию роста влияют колебания темпов роста страхования жизни. В 2018 году наблюдался отрицательный рост доходов от премий по страхованию жизни, когда рост в годовом исчислении снизился всего до – 3,42 %, так как темпы роста доходов от телемаркетинга страхования жизни также снизились до 7,18 % в том же году, что на 13,32 процентных пункта ниже, чем в прошлом году, из-за ужесточения регулирования и инициативы большинства компаний по корректировке структуры продаж своих продуктов.

В марте 2020 года CBIRC выписал крупнейший штраф страховой организации за все время своего существования. Было установлено, что компании PICC Life Insurance [6], занимавшиеся телемаркетингом и интернет-маркетингом, обманывали страхователей, не использовали установленные страховые тарифы, предоставляли и готовили ложные отчеты, документы и информацию, как того требуют правила, а головной офис PICC Life Insurance, шесть центров телемаркетинга и 15 ответственных лиц были оштрафованы на общую сумму 3,38 млн юаней. 31 августа 2020 года Министерство промышленности и информационных технологий выпустило «Административный регламент по услугам коротких сообщений и голосовых вызовов (проект для публичных комментариев)» («Проект для публичных комментариев»). МИИТ намерен нанести мощный удар для исправления телемаркетингового хаоса. Многие из этих положений окажут влияние на страховой телемаркетинг. С трансформацией страхования жизни через Интернет телемаркетинг перестал быть основным каналом продаж или лучшим выбором для большинства страховщиков. Если взять в качестве примера компанию Ping An Life, занимающую почти половину доли рынка, то в 2020 году премия по шкале Ping An Life составит 599,432 млрд юаней, что на 2 % меньше, чем в 2019 году, из которых телемаркетинговый канал принес 6,74 млрд юаней, составив 1,12 % от общего дохода от премии, что на 0,08 процентных пункта меньше, чем в прошлом году. Интернет и другие каналы, с другой стороны, постепенно развиваются и достигнут значительных премий в размере 16,668 млрд юаней в 2020 году, что составит 2,73 % от общего дохода от премий, увеличившись на 0,17 процентных пункта по сравнению с прошлым годом. Благодаря сбору, обобщению и обработке большого количества данных о китайской отрасли телемаркетинга страхования жизни, Китайский институт экономических исследований проводит всесторонний анализ общего объема

рынка отрасли, структуры конкуренции, текущей ситуации спроса и предложения на рынке, а также анализ производства и сбыта основных предприятий отрасли, прогнозирует тенденции развития отрасли на основе траектории развития отрасли

Литература:

1. Инструменты развития рынка товаров, поставляемых через каналы электронной торговли / Ю.А. Савинов [и др.] // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 2.
2. *Астратова Г.В.* Современные тенденции развития экономики, менеджмента и маркетинга в Китае / Г.В. Астратова // Отходы и ресурсы. 2019. Т. 6. № 4. С. 11–11.
3. *Пингин Д.В.* Анализ инструментов интернет-маркетинга для продвижения на рынке Китая / Д.В. Пингин, А.Д. Кузьмина // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 7. С. 126–129.
4. *Шаренкова Т.А.* Особенности китайского маркетинга и китайских потребителей в современных условиях / Т.А. Шаренкова, М.В. Никитина // Российско-китайские исследования. 2019. Т. 3. № 1.
5. *Трущенко И.В.* Анализ зарубежного опыта применения аутсорсинга в сфере услуг / И.В. Трущенко, А.Н. Малолетко // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2019. № 3. С. 118–125.
6. *Трущенко И.В.* Анализ зарубежного опыта применения аутсорсинга в сфере услуг / И.В. Трущенко, А.Н. Малолетко // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2019. № 3. С. 118–125.

и факторов влияния. Он помогает предприятиям понять текущую тенденцию развития отрасли, уловить рыночные возможности и принять правильные инвестиционные решения.

Literature:

1. Instruments for the development of the market for goods supplied through electronic commerce channels / Yu.A. Savinov [et al.] // Russian Foreign Economic Bulletin. 2021. № 2.
2. *Astratova G.V.* Modern trends in the development of economics, management and marketing in China / G.V. Astratova // Waste and resources. 2019. Vol. 6. № 4. P. 11–11.
3. *Pingjin D.V.* Analysis of Internet marketing tools for promotion in the Chinese market / D.V. Pingjin, A.D. Kuzmina // Economics and business: theory and practice. 2019. № 7. P. 126–129.
4. *Sharenkova T.A.* Features of Chinese marketing and Chinese consumers in modern conditions / T.A. Sharenkova, M.V. Nikitina // Russian-Chinese studies. 2019. Vol. 3. № 1.
5. *Trushchenko I.V.* Analysis of foreign experience in application of outsourcing in the service sphere / I.V. Trushchenko, A.N. Maloletko // Fundamental and applied research of the cooperative sector of the economy. 2019. № 3. P. 118–125.
6. *Trushchenko I.V.* Analysis of foreign experience in application of outsourcing in the service sphere / I.V. Trushchenko, A.N. Maloletko // Fundamental and applied research of the cooperative sector of the economy. 2019. № 3. P. 118–125.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 21.03.2022
Подписано в печать 25.03.2022
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 13,7
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 86

e-mail: id.yug2016@gmail.com